

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И С С С Р

Редакционная коллегия:

**Н. И. ПАВЛЕНКО (главный редактор),
В. И. БОВЫКИН, В. И. БУГАНОВ, А. А. ЗИМИН, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
Б. Г. ЛИТВАК, А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ (ответственный секретарь),
Л. В. ЧЕРЕПНИН, С. И. ЯКУБОВСКАЯ**

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

В сборнике представлены статьи, посвященные теоретическим проблемам источниковедения — источниковедческим аспектам изучения книги, трактовке понятия «исторический источник» в работах философов, вопросу о комплектовании государственных архивов современными документами. Специальный раздел посвящен историографии источниковедения, в частности, шахматовским методам текстологического анализа. В статьях сборника отражен методический опыт изучения летописных и фольклорных памятников, источников по истории крестьянства и сельского хозяйства, делопроизводственных документов, народнической публицистики, законодательных актов советского периода. Особое внимание уделено количественным методам в источниковедении — матричным носителям информации и статистико-математическим приемам анализа социальной структуры советского общества.

От редколлегии

Настоящий сборник, подготовленный сектором источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР АН СССР, является продолжением вышедшего в 1973 г. сборника статей «Источниковедение отечественной истории», вып. 1. Редколлегия выражает глубокую благодарность за ценные критические замечания Ю. А. Мошкову и А. А. Преображенскому, ознакомившимся с рукописью сборника; Е. Н. Городецкому, Б. С. Итенбергу, Е. И. Кольчевой, Д. С. Лихачеву, И. М. Некрасовой, Н. Н. Улашику, В. Л. Янину, рецензировавшим отдельные его статьи. Вспомогательно-техническая работа по подготовке сборника к печати проведена А. И. Аксеновым и О. Н. Бурдиной.

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ СОВРЕМЕННЫМИ ДОКУМЕНТАМИ (Источниковедческий аспект)

В. Н. Автократов, А. В. Елпатъевский

Научно организованное комплектование государственных архивов новейшими документами имеет огромное значение для развития исторической науки и является одной из главных задач архивного дела. Эта задача неотделима в своих посылках и решениях от вопросов отбора документов на государственное хранение. Отбор же документов предполагает их оценку. По способам решения и целям проблема комплектования, помимо архивоведческого содержания, имеет источниковедческие аспекты. Говоря о них, мы имеем в виду не только то, что результаты комплектования определяют состав документальной базы будущих исторических исследований, но и то, что процесс отбора, сопряженный с альтернативными заключениями (принимать на государственное хранение или не принимать), является начальным этапом их источниковедческого анализа, выражающимся в оценочных суждениях.

Авторы настоящей статьи делают попытку источниковедческого истолкования проблемы комплектования. Речь пойдет об одном из разделов архивного источниковедения, который занимается вопросами формирования источниковой базы для будущего анализа историка¹. Такая постановка, по-видимому, будет способствовать не только углублению теории ряда важных вопросов, изучаемых

¹ Под архивным источниковедением в широком смысле этого термина авторы понимают те разделы современного архивоведения, которые развиваются в непосредственной связи с теорией и методологией источниковедения. В первую очередь — это теоретические вопросы комплектования государственных архивов, связанные с установлением научной ценности документов. Наиболее сложная часть этих вопросов составляет предмет архивоведческой экспертизы ценности документов. Дальнейшие исследования должны уточнить содержание понятия «архивное источниковедение». О «многосложной» источниковедческо-архивоведческой отрасли исторической науки, имеющей целью добывание исторических фактов и связанной с экспертизой ценности документов, писала О. М. Медушевская в статье «Сборник, подготовленный историками ГДР, и вопросы источниковедения» («Советские архивы», 1968, № 4).

в настоящее время архивоведением, по и лучшей ориентации в них источниковедов и вообще историков, работающих с архивными материалами, лучшей их вооруженности в вопросах состава документов, отбираемых на государственное хранение ².

В начале и середине 1960-х годов архивисты, определяя объем документации, ежегодно создаваемой учреждениями, организациями и предприятиями нашей страны, говорили о 150 млн. дел. Сейчас называют другую цифру — примерно 200 млн. дел, что почти соответствует количеству дел, хранящемуся в настоящее время во всех вместе взятых государственных архивах. Отсюда — образное выражение «бумажная лавина». Она подступает к стеллажам архивов и делает неизбежным самый решительный отбор документов. Такая ситуация сложилась не только в нашей, но и в других странах, где усложняется структура общественной жизни и происходит научно-техническая революция, естественно сопровождающиеся «информационным взрывом», резким нарастанием количества документов. Отбор документов практически осуществляется архивистами всех стран. Исходная посылка отбора одна — неравноценность документов, рассматриваемая с точки зрения интересов исторической науки и более широко — в свете интересов всего общества. Однако подходы к определению ценности («важного» и «неважного»), критерии ценности у архивистов разных стран иногда существенно различаются.

Советское архивоведение, принимая интересы исторической науки в целом, не всегда учитывает реальные или возможные потребности отдельных ученых. Иначе пришлось бы «принимать все или почти все», ибо никто не может априорно утверждать, что данный конкретный документ или фонд не сможет привлечь внимание какого-либо исследователя. В таких условиях проблема комплектования приобрела бы нерешаемый вид и само ее научное рассмотрение стало бы беспредметным. Архивоведение обязано избегать влияния субъективных посылок и требований ³, стоять на позициях «всей науки», а эти позиции не могут быть представлены как простая сумма всех возможных конкретных интересов. Поэтому архивоведение отдает приоритет документам безусловно важным перед менее важными и вовсе незначительными. Конечно, постулирование этого требования еще не означает его теоретического решения, но оно служит побудительным стимулом

² Конечно, проблема формирования источниковой базы исторической науки не ограничивается одним архивными документами делопроизводственного происхождения. В полном виде она включает и материалы прессы, ведомственные справочники и другой печатный материал. Авторы эту сторону вопроса оставляют в стороне. Их внимание сосредоточено на письменных документах, создавшихся в деятельности учреждений, организаций и предприятий. Комплектование государственных архивов документами личного происхождения и кино-фото-фономатериалами также оставлено за рамками настоящей статьи.

³ Хотя сами эти субъективные требования почти всегда обладают собственной объективной основой.

к развитию архивоведческой мысли именно в данном направлении. То, чего архивоведение достигло начиная со второй половины 1950-х годов, пытаясь найти объективный подход к вычленению формализованных оценочных суждений, является его успехом, но в целом не может быть признано достаточным. Практическая реализация этого требования не должна пониматься как игнорирование тех или иных разделов исторической проблематики. Авторы полагают, что речь должна идти об отказе от той части информации, которая для исследования всякой проблемы в принципе является избыточной, и о сохранении другой, с наибольшей полнотой отражающей прошлое.

Уже сейчас ясно, что важнейшим условием теоретического решения указанных задач является рассмотрение функциональных качеств документа в отдельности и целых документных систем. Исходный гносеологический момент отбора сводится к факту неравноценности документов перед лицом исторического познания. При сравнении документов перепады их ценности могут быть колоссальными. Всякий правительственный акт, определяющий развитие какой-либо отрасли народного хозяйства, культуры, просвещения и т. д. содержит во много раз больше информации, в том числе и для историка, нежели документ, созданный низовой организацией той же отрасли по конкретному поводу — скажем, типа «квитанции», «кассового чека», «накладной» или «путевого листа»⁴.

Конечно, на одних лишь примерах, какими бы контрастными они ни были и сколько бы их ни приводилось, научную систему отбора не построишь. Между правительственным актом и квитанцией стоит масса других документов — планов, приказов, служебных писем, протоколов, отчетов, статистических сводок и т. п. Проблема отбора не заключается в том, чтобы отбросить документы определенных номиналов (названий видов), не сводится лишь к «номинальному подходу», хотя и не избегает его. Данное сравнение само по себе не претендует на большее, чем показать объективную, заложенную в природе разных документов неравноценность с точки зрения извлечения полезной информации. Но в

⁴ В обобщенном виде информация таких документов приобретает значительно большую информативность, и архивоведение это учитывает. Но это уже другие документы: сводки, отчеты и т. п. Такое обобщение, связанное с уменьшением первоначального объема и повышением информативности, принято называть уплотнением или свертыванием информации. Но для того, чтобы отбор малоинформативных элементов документной системы соответствовал объективной закономерности распределения информации в ней, необходимо знать эту закономерность. «В правильно организованной системе утрачиваемая при свертывании информация является ненужной или, точнее, вероятность того, что она сможет оказаться полезной, всегда меньше некоторой наперед заданной величины» (К. И. Рудельсон. Классификация документной информации Государственного архивного фонда СССР. Докт. дисс. М., 1963, стр. 48. — ГБЛ, рукопись).

то же время в нем можно увидеть исходный момент архивоведческой теории экспертизы: правомерность размежевывать всю массу новой документации на две группы. С одной стороны, — документы, запечатлевающие в каждом случае некоторую реально значимую часть исторического процесса. (Архивоведение относится к ним, как к потенциальным источникам исторического познания, и сохраняет их.) Другая группа — документы, фиксирующие в маловыразительной форме лишь ничтожные фрагменты действительности. В условиях «бумажной лавины» они не могут претендовать на прием в государственные архивы.

Архивисты, пользуясь терминологией теории информации, иногда называют их «информационным шумом», полагая, что они объективно лишены какой бы то ни было ценности, склонны придавать абсолютное значение утверждениям «это — ценное, а это — не ценное». Авторы настоящей статьи не разделяют этого взгляда. Но они учитывают, что такая абсолютизация восходит к альтернативному характеру заключений, высказываемых в процессе отбора: «принимать на государственное хранение» — «не принимать». Малоинформативный материал мешает работе с ценным, заслоняет ценное, грозит его потопить и растворить в своей колоссальной массе. В такой обстановке, это — практически «информационный шум». Но с позиций источниковедения всякие утверждения «ценное — не ценное» уязвимы и относительны, и архивоведение также должно это учитывать. По-видимому, точнее говорить о том, что, наряду с безусловно ценными, в общественном управленческом процессе возникают документы, ценность которых условна: она может проявиться в свете интересов отдельных исследователей⁵, но проявляется настолько редко, что это позволяет не учитывать ее в большинстве случаев. Конечно, можно собрать какое-то число примеров того, как эти «неценные документы», случайно сохранившиеся в архивах, не без успеха используются историками. Возможна даже ситуация, при которой «квитанция» нужнее исследователю, чем «акт» вышестоящей инстанции. Однако как нельзя строить теорию отбора на примерах, так же нельзя отрицать ее с помощью примеров обратного порядка.

Архивоведческий отбор направлен на сохранение наиболее ценного и важного для общества и его исторической науки. Тем самым он предполагает и программирует жертвы, опираясь на факт объективной неравноценности документов. Задача архивоведения — снизить до минимума потери информации в тех пределах, в которых это возможно. Вместе с тем не нужно преувеличивать значение этих потерь с точки зрения интересов науки. Эмпирическим путем советские архивисты пришли к выводу о том, что с учетом необходимости создать резерв информационной избыточности (что в данном случае равно резерву надежности по-

⁵ Или в случаях, связанных с утратой более ценных документов.

иска информации) допустимым и оправданным является прием на государственное хранение 3—4% объема всей ежегодно обрабатываемой в стране документации. Теоретически этот объем еще не обоснован. Но известно достаточно много свидетельств того, как важные научные утверждения, добытые опытным путем, «работали» в науке по многу лет, прежде чем было найдено их строгое обоснование. 3—4% являются сравнительно высокой величиной (в США принимается по разным данным от 1,5 до 2,5%, в Англии — от 1 до 1,5%). В абсолютных цифрах 3—4% документов, поступающих в советские государственные архивы⁶, выражаются, например, так: в 1966—1967 г. было намечено принять в государственные архивы около 10,1 млн. дел⁷, а принято (не считая документов личного происхождения) более 11,2 млн., т. е. в среднем в год принималось около 5,6 млн. дел. Это значит, что ежегодно поступало столько же документов, сколько теперь хранится в крупнейших центральных государственных архивах союзного значения. В практически некомплектуемом ЦГАДА хранится существенно меньше того, что в настоящее время принимается на государственное хранение на протяжении всего лишь одного года⁸. Реально нет других средств, как «отбрасывать» (термин информатики) все, кроме того, что заведомо необходимо. В процессе раскрытия поставленной темы мы постараемся показать, какими путями архивоведение стремится установить это «заведомо необходимое».

* * *

Экспертиза ценности — не только начальный этап источниковедческого анализа, но и его особая форма, заключающая в себе специфическое противоречие между теоретико-источниковедческим началом, опирающимся на представление о документе как о некоторой имманентной исторической ценности, и практической необходимостью отбора части документов. Если бы архивоведче-

⁶ Но в отдельные годы практически в государственные архивы поступало значительно больше документов, чем 4% от их общего количества. Например, в 1957 г. поступило 9 млн. дел, что, по мнению некоторых архивистов, составляло около 10% всех документов.

⁷ Структура этого объема в разрезе отраслей народного хозяйства, культуры и управления такова: государственная власть — 2,2 млн. дел, юстиция — 0,4, планирование и статистика — 0,5, промышленность — 1,4, сельское хозяйство — 2,1, строительство — 0,2, торговля — 0,1, снабжение и сбыт — 0,1, финансы — 0,4, коммунальное хозяйство — 0,1, народное образование — 0,6, литература и искусство — 0,2, здравоохранение — 1,5, профсоюзы — 0,6 и т. д. В целом принимаемые документы отражают все стороны социальной жизни.

⁸ Конечно, фонды ЦГАДА дошли до нас с зияющими лакунами. Данный пример приведен не с целью «оправдать» названные проценты приема современных документов в государственные архивы, а чтобы наглядно показать, какими масштабами выражаются эти величины.

ская экспертиза смогла абстрагироваться от второй стороны вопроса, то ее развитие пошло бы, вероятно, в русле «чистого знания» о свойствах документов, и она приобрела бы черты во многом схожие с дипломатикой. Однако реальность такова, что архивоведение не может отвлечься от необходимости рассматривать вопросы ценности в плане сравнения информационных потенциалов документов и их грубого деления на «ценные» и «не ценные». На грани источниковедческого подхода и практической необходимости уничтожить значительную массу документов вступает в действие собственно архивно-источниковедческий подход, являющийся способом решения этого противоречия и выражающийся методологической установкой «максимума — минимума», сформулированной во второй половине 1960-х годов: достижение максимальной полноты сохраняемой информации при минимальном физическом объеме документов, поступающих в государственные архивы.

Нетрудно видеть, что проблема «максимума — минимума» — есть формализация задач архивистов в ситуации «бумажной лавины», выражающая стремление получить оптимальное соотношение качественного состава документов с их количественными характеристиками. Естественно, что до тех пор, пока ситуация «бумажной лавины» не приобрела столь грозных очертаний, как теперь, не могло возникнуть и представлений о заданном объеме. Тем более не рассматривался вопрос о его оптимизации. Понятие оптимума — характерная черта современного научного мышления, связанное с его математизацией. Это — «стремление выиграть, как можно меньше проигрывая», причем решения принимаются с учетом сложного переплетения разных факторов и требований, подчас противоречащих друг другу. Теория экспертизы, говоря об оптимуме, имеет в виду тот качественно высокий объем документов, который архивисты могут и обязаны сохранить для будущей истории нашего времени. Каковы именно параметры этого оптимума документов — архивоведение ответить еще не может. Ответ на этот вопрос может быть дан лишь объединенными усилиями архивистов, источниковедов, философов, информатологов, науковедов, специалистов по системному анализу и «теории игр». Тем не менее уже в самой постановке понятие о документном оптимуме служит идеей, побуждающей искать приблизительно верные решения: как, пожертвовав менее ценным, добиться «стратегического выпрыска». Однако если обратиться к работам 1920-х годов, то мы убедимся в том, что уже тогда опасность заполнения архивов малозначительными документами и понимание сложности положения архивиста были отчетливыми. Поэтому не следует считать, что меры 1950—1960-х годов, направленные на ограничение притока документов в государственные архивы, являются изобретением современного поколения архивистов. Они во многом — реализация идей, появившихся значительно раньше, но существенно переосмысленных и, может быть,

«открытых заново», тогда, когда стали действительно велением времени.

В 1920-е годы еще не существовало теории экспертизы, не употреблялся и сам термин «экспертиза ценности документов» (говорили о «разборке архивов»), но проблема деления документов на «ценные» и «не ценные» решалась. В этом отношении привлекает внимание одна из наиболее содержательных работ того времени, написанная С. К. Богоявленским — автором, которого невозможно упрекнуть в профессиональной ограниченности и непонимании интересов исторической науки. Вот что он писал: «Из недр бесчисленных канцелярий... непрерывным потоком течет масса исписанной бумаги, готовая затопить архивохранилища», поэтому архивист, призванный охранять документы, вынужден решать и прямо противоположную задачу — уничтожать их. Это необходимо не только потому, что даже самое богатое государство не в состоянии содержать в архивах всю эту нарастающую массу. Здесь ясно просматривается и опасность для тех, кто пользуется архивными материалами в научных целях: «...если все хранить, то исследователь рискует утонуть в море бумаг, однообразных и ничтожных по содержанию, которые будут отвлекать его внимание»⁹.

Хорошо показал С. К. Богоявленский и существо противоречия, заложенного в «разборке архивов». «С одной стороны,— писал он,— архивист должен препарировать архивный материал, сократив его количественно, и тем улучшив качественно, а с другой стороны, рискует, уничтожая тот или другой документ, навлечь на себя справедливые нарекания в уничтожении полезного для справок или научных исследований материала»¹⁰. Здесь тонко подмечено, что сокращение первоначального объема документов за счет изъятия малоценных документов ведет к качественному улучшению оставшейся части. Но все дело заключается в том, с помощью каких средств осуществлять такое сокращение.

Архивоведение 1920-х годов почти не располагало аппаратом оценок научного значения документов. Этот пробел оно стремилось восполнить требованиями высокой (практически не выполняемой в тот период) исторической эрудиции архивистов, привлекаемых к «разборке архивов», «чрезвычайной осторожности» подхода к этой работе. Пропагандировалась мысль о том, что «к делу уничтожения архивных материалов» следует привлекать наиболее квалифицированных сотрудников, с широким образованием, «солидной начитанностью», знающих «различные направления исторической литературы»¹¹. Предполагалось, что соединение «осторожности» с солидной подготовкой архивиста позволит ему путем

⁹ С. Богоявленский. Работа поверочной и разборочных комиссий.— «Архивное дело», 1926, вып. V—VI, стр. 68.

¹⁰ Там же, стр. 69.

¹¹ Там же, стр. 69—70, 75.

беглого чтения документов (визуальный метод «полистного просмотра» дел в натуре) отобрать из всей массы архивных материалов неценную часть, оставив, таким образом, ценную для постоянного хранения.

Единственным вспомогательным средством были перечни документов, заведомо признававшихся «ничтожными по содержанию», бесполезными в справочном и научном отношении. Привлекавшая внимание некоторых архивистов идея создания перечней документов, построенных в «противоположном ракурсе», т. е. предназначенных для отбора документов на постоянное хранение (а не для уничтожения), не могла быть реализована ни в 1920-х годах, ни много лет позже, поскольку архивоведческое знание было неразвитым, а оценочный процесс ассоциировался непосредственно с источниковедческим, не обладал необходимой архивоведческой самостоятельностью. Во всем этом была и более глубокая причина: отсутствие представлений о системах документирования, т. е. достаточно полного знания, чем именно вызывается документирование фактов, явлений и процессов, как связаны между собой виды и разновидности служебных документов, возникающие в процессе документирования соответствующих управленческих функций, направлений деятельности аппаратов управления.

В тот период научное мышление наиболее квалифицированных архивистов было скорее конкретно-источниковедческим, нежели архивоведческим. Естественно, что эти архивисты останавливались в тупике перед необходимостью формализовать оценочные решения. Как установить грань, делящую материал на «ценный» и «малоценный»? Даже бесцветные и шаблонные дела «иногда блещут яркими и интересными подробностями». Вместе с тем надо, видимо, смириться с тем, что явно бесполезные и содержащие в себе в виде исключения «ценные сведения» обречены на уничтожение¹². И это уже ростки архивоведческого решения задачи. Только накопление собственно архивоведческого знания о документах (это знание впитывало в себя сведения о закономерностях процессов документирования, о роли документов в управленческих процессах) позволило постепенно развивать систему перечней: ведомственных, которые устанавливали сроки хранения дел разных категорий в архивах учреждений¹³, и перечней для самих государственных архивов, где многие годы проводилась широкая «чистка», выделение «макулатуры». Общая задача перечней обоих типов заключалась в том, чтобы заранее предусмотреть отбор документов для уничтожения¹⁴. Подразумевалось, что дела,

¹² С. Богоявленский. Работа поверочной и разборочных комиссий.— «Архивное дело», 1926, вып. V—VI, стр. 76—77, 81.

¹³ Одни дела, указанные в ведомственных перечнях, по истечению установленных сроков хранения уничтожались, другие — передавались для постоянного хранения в государственные архивы.

¹⁴ Идея разработки всеохватывающей системы перечней интенсивно пропагандировалась Б. И. Анфиловым, который видел в «методе перечней» эф-

не попавшие в отборочные списки, и есть то самое, что обладает ценностью. В отвлеченном рассмотрении такой подход «от обратного» действительно, казалось бы, должен был привести к указанной цели. Но в самой логике подхода имелось слабое звено: активность архивиста обращалась именно на уничтожение. Только некоторые инструктивные указания говорили о том, документы какой тематики требуют более осторожного обращения¹⁵. Устанавливались также «ограничительные даты» — периоды, за которые вообще никакие дела не должны уничтожаться.

В целом же архивоведение не предлагало архивной практике достаточных рекомендаций, гарантирующих сохранение ценного. С некоторой долей упрощения можно сказать, что архивисты лучше представляли себе, что не относится к ценному, нежели то, что является ценным и почему оно является таковым. А поскольку это было так, то реальными последствиями многих конкретных решений явились изрядно выхолощенные фонды, поступившие в государственные архивы в 1940—1950-е годы. Только тогда, когда архивоведению удалось разработать оценочный аппарат, возникла возможность приступить к реализации содержательной идеи, высказанной еще в 1920-е годы — направить мысль архивистов «не на то, что можно уничтожить, а на то, что нужно сохранить»¹⁶. Разработка такого аппарата в достаточно полном виде имела место во второй половине 1950-х годов, что свидетельствовало о начале формирования архивоведческой теории экспертизы. Ее средства призваны преодолеть утилитарное («макулатурное») отношение к выделению документов для уничтожения, поставить оценочные суждения на базу архивоведческого историзма, снять грубость размежевания документов на «ценные» и «не ценные». Для обеспечения данной задачи теория экспертизы располагает аппаратом суждений — критериями и методами оценок, опирающимися на научные принципы.

фактивную возможность справиться с «необозримой массой материалов», единственное средство, соответствующее масштабу централизации архивного дела в стране (см. его статьи: «Назревшая реформа», «К вопросу о составлении учреждениями «перечней» архивных материалов», «Пересмотр состава государственных архивов». — «Архивное дело», 1928, № 1; 1930, № 1—2; 1935, № 2; и др.)

¹⁵ В конце 1930-х годов имела место попытка очертить круг документов, отбираемых на хранение, исходившая не только из их содержания (тематик), но и некоторых архивоведческих требований, приближавшихся к будущим критериям оценки. Назывались: степень сохранности фонда, копияность, дублетность, отраженность и поглощенность содержания документов, повторность отбора дел из фонда («при последующих отборах выделение материалов к уничтожению должно производиться с нарастающей осторожностью»), а также «индивидуальные свойства» документов, существо которых не расширявалось. Это еще не высокий уровень формализации, но он интересен для истории архивоведческой мысли. (З. Нагорова, Л. Карноузова. О выделении архивных материалов, не подлежащих хранению. — «Архивное дело», 1938, № 2).

¹⁶ С. Боговяленский. Указ. соч., стр. 76.

Одним из первых, кто назвал эти принципы, был К. Г. Митяев. Выдвинутые им положения вошли в правила экспертизы (1957 г.), а затем были коротко прокомментированы¹⁷ и стали своего рода эталоном в научной литературе¹⁸, причем важнейшим неизменно называется принцип партийности. Это справедливо, но, думается, до сих пор нет еще развернутого объяснения научного существа принципа партийности в теории экспертизы. Не претендуя на исчерпывающую трактовку, изложим некоторые соображения по этому вопросу. Архивоведение, будучи специфической прикладной дисциплиной исторической науки, носит так же, как и эта наука, партийный характер, и его классовая природа выражается прежде всего в том, что объективный научный подход в нем полностью совпадает с партийностью. Это относится и к теории экспертизы. Ее фундаментальный принцип партийности предполагает объективность отбора документов, непредвзятость выводов, отстаивание оценок, которые вытекают из самого исследования предмета. Поэтому принцип партийности выступает против равнодушия к теоретическим вопросам отбора, за развитие концептуального аппарата теории экспертизы. Его методологическое значение заключается, в частности, в том, что он, не заменяя других принципов, критериев и методов этой теории, охватывает их в единое целое, способствует укреплению ценностного отношения к Государственному архивному фонду как к национальному достоянию советского народа. Но это может быть достигнуто только при условии добротности всех принимаемых решений — теоретических, методических и конкретно-практических.

Принцип партийности нетерпим к проявлениям стихийности и кустарничества в работе по отбору, ложной «боевитости», ошибочно принимаемой иногда за оперативность. Ему противопоказаны вульгарный социологизм и конъюнктурность оценок (мнимая актуальность), проводящаяся иной раз под лозунгом «все внимание злободневным задачам сохранения таких-то документов». Угроза заключается в том, что «не злободневное» может остаться в пренебрежении. Архивисту порой бывают свойственны своеобразные «симпатии и антипатии» к тем или иным группам документов, одним или другим фондам. Принцип партийности в высшей степени способствует преодолению такого субъективизма и формирует профессиональные качества архивиста-эксперта. Всякому историку, в том числе и архивисту, в оценочных суждениях присуще нечто общее, поскольку вообще «ценностное отношение к истории есть не что иное, как проявление партийности

¹⁷ К. Г. Митяев. О принципах и критериях экспертизы научной ценности документальных материалов и их применении.— «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 187.

¹⁸ См., например, «Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР», ч. I. М., 1974, стр. 156—159.

идеологии»¹⁹. Но формы этого проявления различны. Источниковед пользуется аксиологической меркой, стремясь отобрать документы, зафиксировавшие факты, необходимые для осуществляемого им конкретного исследования. Архивист, как мы уже говорили, обязан соотносить свое отношение к документам с интересами всей науки, а не с интересами тех или иных исследователей. К решению данной теоретической задачи архивоведение приближается, руководствуясь прежде всего принципом партийности.

Таким образом, этот принцип, являющийся в то же время принципом научной объективности, приводит к тому, что его проявления в теории экспертизы приобретают черты «исторического подхода» (как часто говорят архивисты), или исторического принципа. Как известно, марксистский принцип историзма независимо от того, в какой области он применяется, предполагает в первую очередь рассмотрение генезиса объекта. В теории экспертизы это общее положение преломляется в требование рассматривать ценность документов с учетом их возникновения, исходя из обстановки, в которой действовал фондообразователь, с учетом обусловленности их создания предшествовавшей исторической обстановкой и дальнейшей судьбы документов, когда они являлись уже архивным материалом, т. е. конкретно-исторически.

Архивоведение придает исключительно важное значение изучению связей между документами — внутрифондовых и межфондовых. Именно эти черты связывают принцип историзма с еще одним принципом экспертизы — всесторонностью и комплексностью оценок. Обычно «всесторонность» и «комплексность» рассматриваются как самостоятельные принципы. Однако более правильно понимать их как две стороны единого методологического требования, которые приобретают самостоятельное выражение только при приближении к конкретно-методическим вопросам экспертизы. На этом уровне комплексность предполагает ценностные заключения в связи с другими документами: документ рассматривается как часть его реального окружения (не только в данном фонде и архиве, но и более широко), а всесторонность — рассмотрение его ценности в «разном освещении», в сопоставлении разных возможных требований к нему, причем обычно подчеркивается, что всесторонность распространяется и «на будущее». Под этим имеется в виду, что в будущем, в связи с новыми задачами науки, документы могут получить иное значение — большее, нежели они имеют в свете ее современных интересов. Здесь обнаруживается определенное противоречие. Современная наука не вполне овладела средствами прогнозирования конкретных задач исторического познания, и получается, что документы должны быть сохранены для использования еще недоста-

¹⁹ А. В. Гулыга. Понятие и образ в исторической науке.— «Вопросы истории», 1965, № 9, стр. 10.

точно известных нам целей. Поэтому теория экспертизы ориентируется на возможно более широкий диапазон интересов будущих потребителей архивной информации. Было бы важно осуществить исследование такого рода: рассмотреть, что из дошедшего до нас в составе архивных фондов долгое время оставалось вне поля зрения историков, а затем, вследствие каких-то изменений в характере их интересов (важно установить, каких именно изменений), стало широко использоваться. Полученные результаты, конечно, не могут быть поставлены в прямое соответствие с вопросами отбора современных документов на постоянное хранение. Но подобные ассоциации несомненно содержательны.

Рассмотрим в общих чертах архивоведческие критерии ценности²⁰. Первым из них обычно называют критерий содержания документов. Считается, что это — решающий критерий, относящийся как к отдельным документам, так и целым фондам и комплексам фондов. Справедливо отмечено, что сам этот критерий «нуждается в критериях оценки»²¹, но практически получается так, что стремление охарактеризовать его приводит к попыткам тематического перечисления вопросов, важных для науки. Это — своего рода тупик, поскольку «вряд ли можно создать исчерпывающие перечни материалов, подлежащих хранению, исходя из их содержания»²². Поэтому «содержание» — не столько собственно критерий, сколько общая посылка, непосредственно восходящая к требованиям научной объективности и историческому принципу экспертизы. Иначе говоря, этот критерий обращен к неформализуемой части оценочного процесса. Развитие теории и практики экспертизы неуклонно ведет к постепенному сужению сферы действия этого критерия — с помощью введения новых формализованных критериев, удобных для конкретного оперирования.

Попытка формализации критерия содержания предпринята В. В. Цаплиным, который предположил, в частности, что современные документы, отражающие вопросы основной деятельности учреждения, имеют большую ценность, нежели документы, показывающие его вспомогательные функции. Но тем самым критерий содержания заменяется функциональным рассмотрением документа. Другая мысль В. В. Цапина заключается в том, что чем разностороннее освещает документ какое-либо событие или явление, тем он ценнее по сравнению с документами, относящими-

²⁰ Более полно этот вопрос освещен в работе: *В. Н. Автократов. Источниковедческий и информационный подходы к теории экспертизы документов. (Вопросы анализа архивоведческих критериев ценности).* — «Материалы к научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР», ч. 1. М., 1974.

²¹ *А. Д. Степанский. О теоретических основах отбора документальных материалов на государственное хранение.* — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР». Материалы научно-методической конференции архивистов РСФСР. М., 1965, стр. 38.

²² *К. Г. Мигяев. Указ. соч., стр. 188.*

ся к тому же вопросу, но характеризующими его более узко²³. С этим трудно, казалось бы, спорить, но еще труднее использовать данное положение в практике экспертных оценок, когда решается вопрос: что сохранить, чем пожертвовать? Поэтому нельзя отрицать возможности других научных решений, связанных с критерием содержания.

По-видимому, более простыми и интуитивно более доступными для понимания выступают критерии времени и места создания документа. Нет сомнения, что время — фактор, повышающий ценность документов, и это обычно связывается с представлением о древних документах. Но фактор времени должен рассматриваться не только применительно к ним. И в новой и новейшей истории человечества имеют место периоды, когда создающаяся документация приобретает в целом повышенную ценность по сравнению с документами близлежащих временных интервалов. Но если бы мы подходили к этому вопросу только с позиций «важности периода», то мы не поняли бы архивоведческого смысла критерия времени. Думается, что «время» должно рассматриваться и с других позиций. Обратимся, например, к периоду создания Советского государства и гражданской войны. Сам процесс документирования в период возникновения нового общественного строя и его аппарата управления находился в становлении. «Деловой бумаге» тогда не придавалось необходимого значения, против чего так резко возражал В. И. Ленин²⁴. Документирование страдало нечеткостью, характеризовалось плохо налаженными междокументными связями. Поэтому существенные изъяты документов из фондов этого времени только усилили бы разрыв между единицами деловой информации.

Нам представляется ошибочным другое представление о научной сущности критерия времени, заключающееся в том, что этот критерий отдает предпочтение документам, «созданным одновременно с событием или вскоре после него»²⁵. Оно ошибочно, потому что само осмысление и переосмысление события в документах, спустя какой-то хронологический интервал, является предметом исторического исследования. Подобным же образом следует относиться к пространственному фактору — «критерию места события», который должен трактоваться с позиций того, насколько четким было делопроизводство, насколько интенсивно документировались исторические реалии в том или ином «месте», и если делопроизводство страдало аритмичностью и документов возникало меньше, чем в аналогичных исторических условиях в другом «месте», то эти немногочисленные документы приобретают большее значение для науки. Неправильно утверждать, как это иног-

²³ В. В. Цаплин. Теоретические и практические вопросы экспертизы документов. — «Советские архивы», 1966, № 3, стр. 18—19.

²⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 308; т. 45, стр. 152; т. 50, стр. 247, 253; т. 53, стр. 16, 193—194, 199; т. 54, стр. 104—102, 258—260 и др.

²⁵ В. В. Цаплин. Указ. соч., стр. 18.

да делается, что критерий места призыва отдавать предпочтение «документам, созданным там, где происходило событие, или в непосредственной близости от него»²⁶. В обоих случаях ошибка заключается в том, что экспертизе предлагается, в сущности, выяснение степени истинности и достоверности фактического материала, заключенного в документах, а это — чисто источниковедческая проблема, несвойственная задачам архивоведческой экспертизы. Теория экспертизы отнюдь не задается целью «сохранения одной лишь истины». Известно, что даже заведомо подложные документы требуют столь же серьезного изучения, как и подлинные, поскольку это позволяет установить побудительные причины создания подделок, мотивы, руководившие фальсификаторами²⁷. Проблема достоверности показаний документа лежит вне задач теории экспертизы.

Ряд следующих критериев экспертизы, по-видимому, не требует специального объяснения. «Подлинность» (в противоположность «копийности»), палеографические, художественные и другие признаки документов несомненно повышают их ценность в тех случаях, когда при прочих равных условиях возникает необходимость сравнить ее с ценностью аналогичных документов, не обладающих подобными качествами. В этом же ряду стоит «автографичность документа» — критерий, имеющий реликвийный характер. По-разному трактуется критерий степени полноты сохранности фонда. Одни архивисты считают, что если фонд сохранился плохо, то это придает оставшимся документам повышенную ценность: уничтожение таких остатков фондов равносильно смыванию последних следов существования фондообразователя²⁸. Другие — видят в таких остатках бессвязные обрывки, захламляющие архивохранилища²⁹. В общей теоретической постановке вопроса правы, скорее, первые. Но все дело в том, о какой информации идет речь, в какой связи с реальным документным окружением она находится. Остатки малоценных фондов, такого же типа, которые в настоящее время и в более полном виде не принимаются на хранение, игнорировать естественно. Что же касается «следов» их деятельности, они всегда сохраняются в фондах вышестоящих учреждений (планы, отчеты, переписка и др.).

Значительно большую роль в экспертизе ценности современных документов играют «критерий значения учреждения», в деятельности которых образовались документы, и критерий повторяемости информации. Первый из них опирается на фактор «ранга» фондообразователя в иерархической системе управления. Он исходит из установленного и принятого архивоведением на-

²⁶ В. В. Цаплин. Указ. соч., стр. 18.

²⁷ Д. С. Лихачев. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников.— «Исторический архив», 1961, № 6.

²⁸ К. Г. Митяев. Указ. соч., стр. 189.

²⁹ Л. И. Солодовникова, В. В. Цаплин. Недробность архивного фонда и некоторые вопросы фондирования.— «Вопросы архивоведения», 1964, № 4.

личия прямой зависимости между «рангом» учреждения (т. е. важностью его функций в общественном управлении) и научной значимостью документов, создаваемых и накапливаемых им. Использование фактора «ранга» позволяет отсекают громадные пласты документации, относящейся к учреждениям «низового звена». Изменение порядка комплектования государственных архивов, имевшее место на грани 1950—1960-х годов и вызвавшее оживленную дискуссию не только в архивоведческой, но и в общесоветской научной печати и в широкой устной полемике, в основном базировалось на этом критерии (который можно называть критерием «ранга»).

Критерий повторяемости информации имеет в виду как «прямую дублетность», или копияность документов, достигшую в настоящее время в связи с усложнением задач управления и развитием средств множительной техники колоссальных масштабов (подсчитано, например, что в США на одного человека в год приходится до 2000 листов копий), но и более сложные формы повторяемости: поглощение, суммирование, вариантность документов³⁰. Исследование повторяемости документной информации — одна из основных задач теории экспертизы.

Соответственно принципам и критериям экспертизы ценности архивоведение применяет методы экспертных оценок. Они открываются методом функционального анализа, который в первую очередь обслуживает и реализует только что называвшийся «критерий значения учреждения». Метод функционального анализа обращен к громадным массивам документов и придает решающее значение системным связям между информацией документов. Он

³⁰ «Поглощением» архивоведение обычно называет текстуальное, или как иногда говорят, «формальное» воспроизведение содержания исходного документа содержанием другого, вторичного документа. Поглощение — чрезвычайно распространенное явление делопроизводственной практики. Наиболее типичный случай: дословное повторение текста распоряжений, приказов и других нормативных актов вышестоящих учреждений актами нижестоящих учреждений (с необходимыми дополнениями, обычно не затрагивающими основной текст). В свою очередь эти нижестоящие учреждения нередко снова повторяют то же самое в таком же образце в своих актах, распространяя их по подведомственной сети. Иной характер приобретает поглощение при «суммировании», когда вышестоящее учреждение аналитически обрабатывает поступившую «снизу» информацию в производном документе. Пример: отчеты предприятий и составленный на их основе сводный отчет. При этом формы первичных и сводного отчетов «предполагают одну и ту же группировку отраженных в них сведений» (Т. Ф. Авраменко, Н. Н. Коннова, Н. М. Шенукова. К методике исследования проблемы отбора на государственное хранение документов с повторяющейся информацией. — «Советские архивы», 1972, № 4, стр. 67). Эта оговорка важна, так как ни один вид повторяемости, в том числе и суммирование, не связан с созданием синтезированной, т. е. качественно новой информации. Что касается «вариантов», то ими называются разные тексты одного и того же в сущности документа, отражающие историю разработки окончательной редакции, а также однотипные документы, подготавливающиеся для рассылки разным адресатам (могут быть и другие случаи «вариантности»).

исходит из установленного факта, что документы на разных уровнях управления выполняют качественно разные функции по отношению к деятельности создавших их учреждений. На нижних уровнях управления создание документа в ряде случаев «лишь сопровождает» эту деятельность, но для получения конечных ее результатов создание документа в принципе не является обязательным. Результат может быть достигнут и без документа. Наоборот, в верхних уровнях управления достижение конечного результата вообще невозможно без сбора, обобщения и создания новой документной информации. Здесь документ, в известном смысле, и есть «сама работа» учреждения (конечно, это не нужно понимать буквально).

Эта мысль, выраженная впервые в 1961 г.³¹, была принята архивоведением и включена в его теорию экспертизы. Остановимся на этом подробнее. С обрисованной точки зрения можно выделить по крайней мере две функции служебного документа по отношению к задачам учреждения. В одном случае в документах отражается и путем их создания осуществляется целевая деятельность учреждений — их руководящие, планирующие, исследовательские и другие функции, для осуществления которых созданы эти учреждения. Здесь документы не просто отражают деятельность учреждения, они необходимы самому ее существованию, т. е. они создаются в ее *результате* и в некотором роде представляют собой этот результат. Такая деятельность не может быть осуществлена без соответствующих ей документов: органы власти издают постановления, планирующие органы вырабатывают планы, проектные институты — проекты, суды выносят приговоры и определения и т. д.

В другом случае документы не требуются для выполнения целевых функций учреждения по самой сущности этих функций. Результат может быть достигнут без документов, которые лишь сопровождают, сопутствуют деятельности учреждения, т. е. документы здесь создаются не в результате этой деятельности, а в ее *процессе*. Эти документы нужны только для учета работы, контроля за ее ходом и т. п. Так, перевозка грузов — целевое назначение автотранспортной конторы — оформляется «путевыми листами», необходимыми для учета, но не необходимыми для самой перевозки как таковой. Подобные документы несут определенную функциональную нагрузку, участвуют в оформлении работы учреждения, но не обуславливают получения ее результатов. Груз может быть доставлен без «путевого листа», который, в определенной степени конечно, также необходим, но лишь по причине, с существом целевой деятельности конторы не связанной. Такого рода примеров с «путевыми листами», «накладны-

³¹ А. В. Елпатьевский. О разработке перечня документальных материалов, подлежащих приему в государственные архивы.— «Вопросы архивоведения». 1961, № 2.

ми», «чеками» и т. п. всякий архивист может привести множество, и в этом проявляется одна из сторон объективного характера понимания функциональной природы документа. Однако в данном случае приведенное рассуждение призвано скорее служить не примером, непосредственно обосновывающим мысль авторов, а некоторой моделью, раскрывающей в элементарной форме одну из сторон архивоведческого «функционального анализа».

Конечно, функциональный анализ обращен не только к этой стороне вопроса. В полном виде он учитывает соотношения между документами различных систем учреждений, с вниманием относится к фактору поглощения информации при ее движении в документопотоках от одних учреждений к другим, опирается на «номинальный признак», т. е. признак вида и разновидности. Собственно говоря, «номинальный признак» — один из первых показателей, на которые обращает внимание архивист при экспертизе. И это правильно, поскольку данный показатель несет в себе существенные сведения о документе: его функциональном (целевом) назначении, форме и характере информации, ее юридическом значении. Уже на основании признака вида в ряде случаев (но, конечно, не всегда) принимается решение: хранить или уничтожить. Например, годовые планы, отчеты, приказы и переписка по основной деятельности и документы многих других видов и разновидностей — уже только в силу одного своего номинала — определяются к постоянному хранению (если фонды, в составе которых они отложились, отнесены к числу принимаемых в государственные архивы). В этих случаях номинальный признак достаточен сам по себе (за исключением ситуаций, когда его негативное действие подавляется другими критериями, например «автографичностью»).

«Номинальный подход» экспертизы как часть функционального анализа восходит к источниковедческой интерпретации значения вида: «При всей сложности процесса формирования видовых свойств,— отмечает О. М. Медушевская,— можно выделить главный и определяющий фактор: видовые свойства источника должны рассматриваться как функция практического назначения этого источника в процессе его создания». А сам вид — это совокупность источников, имеющих «устойчивые общие признаки, возникшие и закрепившиеся в силу общности функций этих источников в жизни общества», обусловленных закономерностями общественной жизни. Из этого следует, что генезис видов источников имеет большой методологический интерес, «наталкивая на сравнительный анализ исторических условий, приводящих к однородным результатам», причем «видовые свойства источников, несомненно, включают и элементы содержания источника»³². Поэтому заманчиво предположить, что видовые признаки допустимо рассматривать в плоскости критерия содержания,

³² О. М. Медушевская. Указ. соч., стр. 121.

о котором говорилось выше. Если это так, то критерий содержания приобретает отдельные черты формализации, в чем заинтересована теория экспертизы. Вместе с тем из работы В. Д. Банасюкевича следует, что номинал влияет не на само содержание, а на «способ выражения информации»³³. А это — разные вещи, и вопрос остается пока открытым.

Важнейшая отличительная черта метода функционального анализа заключается в том, что он связан с применением специальных методических пособий, без которых всякие рассуждения о том, что брать на хранение и от чего следует отказаться, остались бы лишь посылками. Данный метод реализуется с помощью «списков учреждений», заранее предпрещающих, фонды каких учреждений вообще не поступают на государственное хранение и каких поступают, и перечней документов, которые должны быть приняты в составе этих последних фондов. Эти списки и перечни — нормативное воплощение «функционального метода», и оперирование с ними приводит к достижению намеченного результата.

Однако полученный результат — только первая стадия экспертизы. Фонды, поступающие на государственное хранение, не могут быть приняты в полном составе. Подавляющая их часть и здесь должна быть отсечена — путем оценки конкретного материала. На данной стадии роль перечней снижается. Они выступают в качестве рекомендаций, которые экспертные комиссии могут не принимать. Ведущее значение приобретает непосредственный контакт архивиста с документами. Поэтому иногда говорят о «непосредственной экспертизе»; это выражение подчеркнуто противопоставляет данную стадию отбора предшествующей стадии, осуществляющейся, как мы видели, опосредствованно, без ознакомления с конкретными документами. «Непосредственная экспертиза» не отказывается от функционального подхода, но применяет традиционный полистный просмотр документов и коллективное решение экспертов. Это и есть операционный «метод экспертных оценок». Операционным мы называем его потому, что он служит не целям познания как такового, а обеспечивает определенную операцию — отбор из рассматриваемого состава документов наиболее информативных. Он основан на приемах экстраполяции, логической интерполяции и на достаточно сложных интуитивных заключениях³⁴, а сами приемы имеют своеобразную источниковедческую природу. Своеобразие состоит в том, что источниковедческий анализ всякий раз прекращается в тот момент, когда устанавливается наличие хотя бы одного основания (с точки зрения архивоведения) для сохранения документа, а задача

³³ В. Д. Банасюкевич. Вопросы терминологии управленческой документации. — «Советские архивы», 1974, № 4, стр. 21.

³⁴ Некоторые черты этого метода охарактеризованы также в статье В. Н. Автократова «К вопросу о методологии архивоведения» («Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971).

проверки достоверности и истинности информации вовсе не ставится.

Формальная процедура экспертных решений детально регламентирована архивными правилами. Но никто еще не исследовал логику складывания внутреннего убеждения эксперта, выливающегося в его заключение «ценное» или «не ценное». Поэтому выяснение соотношения «чистых форм» источниковедческих методов с их архивоведческими вариациями в процессе получения экспертной оценки представляется весьма трудной задачей специального исследования. Однако ясно, что как нет единой структуры источниковедческой критики памятников письменности, так не может быть и единой модели оценочного процесса при «непосредственной экспертизе». Здесь мы встречаемся со сложным переплетением приемов конкретного источниковедения, призванных обеспечить действие критериев экспертизы. Но в конечном счете эти источниковедческие приемы могут быть, по-видимому, сведены к двум основным методам: историко-сравнительному и историко-конъюнктурному («конъюнктурному» по отношению к условиям возникновения документов, а не относительно ситуации экспертной оценки). Сравняются зафиксированные в документах ситуации, частота и формы их повторяемости, функции фондообразователей, полнота информации, условия и причины возникновения документов и все другие факторы, которые могут быть сопоставлены и приняты во внимание в процессе экспертизы.

Но на все это накладывается существенное ограничение, вызываемое требованием комплексности оценок и критерием поглощенности информации: принимаемые в государственные архивы документы, как правило, не должны дублироваться, а сама информация не должна, как мы уже отмечали, поглощаться в других документах, где те же сведения представлены в более целостном виде. Это требование реализуется с помощью сравнительно-текстологического анализа и учитывает условия возникновения документов. С другой стороны, принимается во внимание требование всесторонности оценок, которое может привести к решению сохранить некоторые дублетные документы, если к этому апеллирует такой, например, критерий, как «художественные особенности» или наличие у данной копии важных связей с оригинальной информацией этого же фонда.

Сказанное о «непосредственной экспертизе» говорит о ее сложности, сопряженной с опасностью ошибок субъективного происхождения. Этот недостаток призвана сгладить процедурная сторона метода — коллективность решения экспертов. Процедура, рекомендованная ведомственным архивам³⁵ (но использующаяся и в государственных архивах), предусматривает принятие реше-

³⁵ В настоящее время основная работа по отбору документов осуществляется именно ведомственными архивами — до передачи материалов в государственные архивы.

ний большинством голосов, протоколирование заседаний и возможность подачи особых мнений экспертов³⁶. Сами решения вступают в силу после утверждения вышестоящими инстанциями, заседания которых также протоколируются. В самой идее коллективного решения экспертов заложена цель исключить сомнения, снять неопределенность ситуации. Однако старое «калачевское правило» — всякое сомнение обращается в довод за сохранение документа — продолжает действовать и сейчас.

* * *

Таковы общие теоретические посылки отбора документов на постоянное хранение. Однако они не показывают, какие же конкретно современные документы принимаются в государственные архивы.

В 1971 г. была завершена разработка сводного перечня документов, подлежащих приему в государственные архивы³⁷. То, что названо в нем, должно быть обязательно принято. Это не исключает приема некоторых других, не названных перечнем документов, хотя его авторы стремились достичь максимального охвата документации, представляющей высокую ценность в качестве источников будущих исторических исследований. Перечень выполняет не только роль нормативного пособия. Его методологическое назначение заключается в том, что он является своеобразной моделью «современной части» Государственного архивного фонда. Однако он показывает не «пофондовую структуру», а документный состав под углом зрения необходимого круга документации, образующейся в процессе документирования общественных функций, направлений или участков деятельности. Составители перечня опирались на специфическую отраслевую классификацию документов, вытекающую из учения о системах документирования. Основные положения этого учения были намечены и во многом сформулированы К. Г. Митяевым, который рассматривал само документирование как процесс фиксации функционирования разных сторон общественной деятельности. Исследование этого процесса предполагает соответствующую классификацию, причем изучению и классификации «подвергаются прежде всего не только и не столько документы, а их первооснова — объективная действительность, ее явления, факты, события»³⁸.

Системы документирования охватывают документационные процессы, происходящие в целых комплексах учреждений, орга-

³⁶ «Рекомендации по улучшению контроля вышестоящих учреждений за состоянием архивов и делопроизводства в подведомственных учреждениях, организациях и на предприятиях». (Методическое пособие). М., 1965, стр. 19.

³⁷ «Перечень документов, подлежащих приему в государственные архивы СССР». М., 1973.

³⁸ К. Г. Митяев. О месте, границах и основаниях классификации в советском архивоведении.— «Труды МГИАИ», т. 15. М., 1962, стр. 181.

визаций и предприятий, иногда — в целых отраслях народного хозяйства, науки и культуры, а некоторые из них имеют межотраслевой характер. Тем не менее каждая из них достаточно четко отграничена от других, т. е. самостоятельна. Но «во всех этих случаях создаются законченные линии информации, линии, связанные по вертикали и горизонтали и опирающиеся на соответствующие документные системы»³⁹. Так возникает внутреннее единство и взаимообусловленность документных систем. В качестве самостоятельных можно рассматривать системы: плановых документов, бухгалтерского учета, судопроизводства, учета личного состава и т. п. Выявлены системные признаки организационно-распорядительной документации, обеспечивающей функции организации систем управления и управленческих процессов⁴⁰. Каждая документная система обслуживает определенную общественную функцию и в то же время имеет многочисленные связи с другими системами. Степень их разработанности различна. В одних случаях мы имеем дело с документами, форма которых установлена законом, в других — действуют традиции, хотя и здесь налицо стремление к унификации. В целом же по отношению к любой стабильной общественно необходимой функции, «участку деятельности» всегда нетрудно установить наличие соответствующей системы документирования. Это обеспечивает комплексное рассмотрение источников, позволяет лучше видеть закономерности их возникновения. Для архивоведения такой подход важен тем, что он позволяет более четко решать вопросы ценности на первых стадиях отбора. Здесь прямая связь с определением круга учреждений, документы которых подлежат или вовсе не подлежат приему в государственные архивы, а если подлежат, то в каком составе (насколько много или мало).

К. Г. Митяев отождествлял понятия «система документирования» и «документная система», но их разделение на данном этапе развития проблемы, по-видимому, необходимо, поскольку вторая из этих систем — есть результат функционирования первой. Например, осуществление функций социалистического планирования требует документирования процессов, связанных с составлением планов нескольких уровней, контролем за их выполнением, корректировкой. Тем самым создается система документирования, определяющая порядок составления многих документов, их формы. Конкретная реализация этой системы документирования выливается в документную систему, состоящую из взаимосвязанных документов ряда учреждений, так или иначе осуществляющих функции планирования⁴¹.

³⁹ К. Г. Митяев. К методологии классификации и экспертизы документов. — «Труды МГИАИ», т. 25. М., 1967, стр. 133.

⁴⁰ А. Н. Сокова. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. — «Советские архивы», 1973, № 5.

⁴¹ В этих же учреждениях создаются документы, относящиеся и к другим документным системам — организационно-распорядительной и пр.

Так выясняется сущность классификации, основанной на понятии о системах документирования. Это — не традиционная архивоведческая классификация, основу которой составляет принадлежность документов к учреждению-фондообразователю, а нахождение их места согласно системам документирования, сообразно общественно необходимым функциям учреждений. Изучение систем документирования К. Г. Митяев непосредственно связывал с вопросами экспертизы ценности документов и комплектования ими государственных архивов. Для него само классифицирование документов было актом оценки, и в свете таких задач это было правильным. Но исследование связи классификации с экспертизой и комплектованием в его работах не получило завершения. Он верно писал, что центральная проблема экспертизы документов заключается в оценке содержащейся в них информации и что информация воплощается не только в тексте, но и во всех других элементах документа (обозначении разновидности, автора, даты, корреспондента и т. д.)⁴². Однако между документом и информацией К. Г. Митяев как бы ставил знак равенства. А это, строго говоря, не совсем так⁴³. Получалось, что уничтожив документ, мы уничтожаем и соответствующую информацию, что верно в каждом отдельном случае, рассматриваемом изолированно, но не всегда. При широком информационном подходе необходимо учитывать фактор движения информации (это неоднократно отмечал и сам К. Г. Митяев) в процессах документирования. Информация как бы разлита в документных системах, переливается из одних документов в другие.

Составители названного перечня документов широко пользовались охарактеризованными научными представлениями. Они учитывали объективно существующую неравномерность информационного наполнения документных систем. Кроме того, стремясь уплотнить структуру Государственного архивного фонда, они в ряде случаев шли на «обеднение» некоторых фондов, предусматривая, что документы определенных категорий должны приниматься на постоянное хранение только в составе фондов вышестоящих учреждений, а не с материалами учреждений-авторов⁴⁴.

⁴² К. Г. Митяев. К методологии классификации и экспертизы документов, стр. 126.

⁴³ Заметим, что и некоторые источниковеды приближаются к мысли, что историк изучает не сами источники, а информацию, содержащуюся в них (см., например, М. А. Варшавчик. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник.— «Вопросы истории», 1968, № 10; С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969. Эту же мысль развивает философ В. П. Красавин: «Изучается не прошлое как таковое, а информация о прошлом, содержащаяся в тех или иных источниках» (см. его статью «От факта к историческому описанию. (О некоторых проблемах методологии исторического исследования)». — «Философские науки», 1971, № 2, стр. 99).

⁴⁴ Заметим для пояснения, что многие документы поступают в вышестоящие учреждения для утверждения, согласования, отчетным порядком и

После таких вводных замечаний, необходимых для читателя-неархивиста, рассмотрим основное содержание «Перечня документов, подлежащих приему в государственные архивы СССР», охватывающего свыше 1300 позиций, распределенных по более чем 100 разделам и подразделам, соответствующим различным направлениям и отраслям общественной, народнохозяйственной и социально-культурной жизни⁴⁵. Предлагаемое, неизбежно краткое, обозрение перечня не заменит, конечно, более близкого знакомства с ним. Но воспроизводить его содержание подробно здесь не представляется возможным, тем более что он, будучи нормативно-методическим пособием, не предназначен для непосредственного чтения. Все же основной состав перечня охарактеризовать необходимо и вот почему. В ходе известной дискуссии по вопросам комплектования имели место высказывания о том, что меры, принятые архивными учреждениями, ведут к уничтожению значительных комплексов ценных источников. Эти высказывания проникли в среду историков и способствовали некоторому психологическому настрою, вызвали опасения за судьбу источниковой базы будущих исследований. Авторы настоящей статьи считают важным показать, каково же положение на самом деле, раскрыв для этого структуру перечня.

Что же касается самого его содержания, то оно будет показано только выборочно, преимущественно в отношении документов, относящихся к «обществу и человеку», и лишь скудными штрихами. Конечно, это лишает возможности раскрыть документацию в яркой и образной форме. Но «яркость» неминуемо вылилась бы в иллюстративность или перечисление «возможной» проблематики, а как раз этого следовало бы избегать. Мы предлагаем предложить логическую документоведческую модель современной части Государственного архивного фонда, используя отдельные выражения, свойственные характерному стилю перечня, которые показывают, каким образом архивисты формулируют требования «для самих себя». Нам не удастся показать, в каком соответствии излагаемый материал находится с конкретными архивно-источниковедческими посылками. Дело в том, что состави-

т. п. В этих фондах они откладываются. Причем, это почти всегда «первые экземпляры», физическое качество которых лучше, чем «вторых экземпляров», откладываемых в фонде учреждения-автора. В обычных ситуациях в государственные архивы принимаются оба экземпляра (в обоих фондах). В данный момент мы говорим о том, что составители перечня намеренно во многих случаях отказались от приема некоторых документов из числа «вторых экземпляров», хотя другие документы соответствующих фондов поступают на постоянное хранение. Такие фонды оказываются в каждом отдельном случае обедненными, но в системе всего Государственного архивного фонда информация сохраняется.

⁴⁵ В перечень не вошли документы некоторых центральных учреждений союзного и республиканского значения, а также научно-техническая документация, входящая в состав проектов, и некоторые категории специальной документации, хранение которой регламентируется соответствующими государственными службами.

тели перечня, обобщая и фиксируя большой объем эмпирических наблюдений и пользуясь при этом охарактеризованными выше принципами и критериями экспертизы, не ставили перед собой цели закрепления аналитической интерпретации каждого полученного результата. Для них важно было выполнить работу соответственно этим посылкам и согласно общему функциональному подходу. На этом пути они достигли, с нашей точки зрения, высокого уровня архивоведческого обобщения конкретных знаний о свойствах и взаимосвязях огромного массива современной документации. Тем не менее налицо настоятельная необходимость более глубокого методологического исследования этих результатов с позиций архивного источниковедения. Однако в рамках данной статьи выполнить это не представляется возможным.

Каждая позиция перечня предусматривает, как правило, не один вид или разновидность документа, а несколько (иногда объединяемых термином «материалы»), посредством которых документируются соответствующая функция, направление деятельности. Во всех случаях указывается, от какого рода учреждений и какого ведомства поступают эти документы⁴⁶. Архивоведение называет эти учреждения и ведомства «источниками комплектования». Иметь правильное представление о них, по-видимому, необходимо всякому историку, обращающемуся в государственный архив.

Перечень открывается разделом «Государственная власть», документы которого отражают две важнейшие стороны Советского государства — выборы в органы государственной власти и деятельность этих органов. В материалах о создании избирательных комиссий, протоколах регистраций кандидатов в депутаты и других документах, названных перечнем, отражается демократическая сущность советской избирательной системы, ее огромное общественное значение. Вопросы законодательной и распорядительной деятельности органов государственной власти получают раскрытие в законах, указах и постановлениях Верховных Советов и их Президиумов, протоколах и стенограммах сессий и комиссий органов государственной власти, активов и депутатских Советов, а также в запросах, предложениях и замечаниях депутатов, переписке председателей и заместителей председателей

⁴⁶ Например: «Каталоги названий государственных объектов союзного значения» — «подлежат приему в составе фондов соответствующих министерств и ведомств»; «Земельные шнуровые книги» — «подлежат приему в составе фондов колхозов и совхозов»; «Материалы по составлению земельного кадастра» — «подлежат приему в составе фондов министерств сельского хозяйства, областных, краевых и районных управлений сельского хозяйства»; «Дела кинофильмов (все варианты литературных и режиссерских сценариев, заключения и рецензии на них, договоры с авторами и участниками фильмов, постановочные планы и др.)», в том числе не вышедших на экран — «подлежат приему в составе фондов киностудий» и т. д.

Президиумов Верховных Советов и исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся, материалах по вопросам административно-территориальных преобразований, о награждении учреждений, организаций и предприятий⁴⁷ и т. д. Источники комплектования государственных архивов этими документами — все органы государственной власти (от Верховного Совета СССР до каждого поселкового и сельского Совета), что должно обеспечить полное отражение всесторонней деятельности советских органов, учесть в исторических исследованиях все общее, местное и конкретное.

Второй раздел перечня «Управление» посвящен широко известным документам, присущим подавляющему большинству государственных кооперативных и общественных организаций, учреждений и предприятий. Эти документы представлены в широком диапазоне: общее руководство; организационные вопросы; контроль; планирование и учет; бюджет и финансирование; кадры и труд; делопроизводство и архив. Попытаемся несколькими словами охарактеризовать, что же конкретно здесь имеется в виду? Понятием «общее руководство» объединена нормативно-распорядительная документация начиная от постановлений и распоряжений высших и центральных органов государственного управления до приказов и распоряжений руководителей рядовых учреждений, организаций и предприятий, решений правлений колхозов и других кооперативных организаций. К ним примыкают документы, сопровождающие разработку проектов постановлений и других нормативно-распорядительных документов, обязательно принимающиеся от всех учреждений союзного и республиканского уровня.

Документация, объединенная понятием «организационные вопросы», характеризуется уставами, положениями, кодексами, материалами об организации, реорганизации, ликвидации учреждений, штатными расписаниями. Здесь же перечень называет документы о проведении выставок, конкурсов, юбилеев, участия учреждений в международных и внутрисоюзных мероприятиях. Их прием осуществляется от всех учреждений-авторов, а если проекты документов разрабатываются в одном месте, а утверждаются в другом — от тех и других учреждений. Рубрика «контроль» охватывает документы о проверке выполнения законов, постановлений и решений министерств, материалы обследования учреждений, организаций и предприятий органами Советской власти, народного и финансового контроля. Эти документы подлежат приему, как правило, в составе двух фондов — в фондах

⁴⁷ Документы о награждении отдельных лиц также подлежат приему в государственные архивы; предусмотрены они «Перечнем документальных материалов по личному составу государственных, общественных и кооперативных учреждений, организаций и предприятий СССР с указанием сроков хранения материалов» (М., 1963).

проверяющего и проверяемого учреждения. Основным определителем важности документов — глубина, объем проверки. Принимаются комплексы документов, связанные с проверкой всей или основных участков деятельности учреждения⁴⁸.

Функции планирования, финансирования и учета свойственны всем учреждениям социалистического общества. Вместе с тем это также и функции специализированных ведомств — планирования и финансирования, бухгалтерского и статистического учета. Перечень определяет, какая именно документация ведомств должна приниматься в государственные архивы. Здесь необходимо уловить следующую логику. Вопросы планирования, финансирования и учета решаются прежде всего соответствующими государственными органами (Госпланом СССР, плановыми комитетами и комиссиями, Министерством финансов СССР и его органами, ЦСУ СССР и учреждениями его системы). Составление государственных планов, финансирование народного хозяйства, науки и культуры, статистический учет — регламентируются прежде всего учреждениями этих систем, а их документация необходима для организации соответствующей деятельности всех остальных учреждений. Поэтому перечень отдает предпочтение документам специализированных органов. От них в государственные архивы принимаются документы *по организации и методологии* планирования, финансирования, бухгалтерского и статистического учета, проекты перспективных и пятилетних планов развития народного хозяйства. Что же касается материалов *текущего* планирования, учета и отчетности, то здесь акцент сделан на прием документов от соответствующих министерств, учреждений и предприятий их системы, которые непосредственно выполняют планы.

Нужно подчеркнуть, что прием документов в государственные архивы осуществляется от всех плановых, финансовых и статистических учреждений и организаций, начиная с относящихся к системе союзных ведомств и кончая низовыми городскими и районными плановыми, финансовыми и статистическими комиссиями, отделами и инспектурами. В сочетании с соответствующими плановыми и отчетными документами министерств, ведомств, учреждений, организаций и предприятий это должно обеспечить возможность полного изучения историками не только постановки плановой и статистической работы, но и развития общественной и народнохозяйственной жизни в целом.

Документы о «кадрах и труде» охватывают соответственно две группы материалов: о наличном составе работников и об организации их труда. К первой отнесены документы, характеризующие общее состояние кадров в целом. Предусматривается поступление номенклатур должностей министерств, учреждений и

⁴⁸ Не принимаются документы текущего финансового контроля.

организаций, отчетов, докладов, обзоров о наличии, учете, текущей и распределении кадров, использовании специалистов, а также квалификационных характеристик, «книг почета» и «книг трудовой славы» и др. Не трудно видеть, что здесь нет места основным материалам по личному составу: о приеме, перемещении, увольнении рабочих и служащих, аттестации, награждениях, пенсионном обеспечении⁴⁹. Дело в том, что вопрос о приеме такого рода документов предрешен другим перечнем, изданным в 1963 г. (о нем кратко уже упоминалось), которым архивисты руководствуются в настоящее время. Справедливость требует заметить, что перечень 1963 г. нуждается в существенной доработке, прежде всего по линии развития специфических критериев отбора личных дел для постоянного хранения (хранить все личные дела, конечно, невозможно).

Что касается второго вопроса — организации труда, то здесь документация, подлежащая приему в государственные архивы, представлена весьма широко. Она отражает такие важные стороны общественной деятельности, как набор рабочей силы, определение организационных форм труда, организация социалистического соревнования, заработная плата, охрана труда, состояние трудовых резервов и т. д.

Наконец, последняя рубрика раздела «Управление» — предусматривает минимум документов, которые характеризуют само документальное хозяйство: номенклатуры дел, а также учетная документация ведомственных архивов, которая принимается в государственные архивы вместе с самими архивными фондами — в качестве основы справочного аппарата этих фондов⁵⁰.

В разделе «Юстиция» предусмотрены, в первую очередь, материалы суда и прокуратуры, создающиеся в результате документирования таких функций государства, как надзор за исполнением законов, осуществление правосудия, наблюдение за следствием. Основное значение здесь имеют сами судебные дела, а также «надзорные производства». Главными признаками их отбора являются юридическая норма и характер нарушения закона — в сочетании с определенной судом мерой наказания. В зависимости от характера преступления и меры наказания дела или

⁴⁹ Существует порядок, согласно которому «документы по личному составу» — списки рабочих и служащих, материалы о награждениях, об изобретателях и др. (речь идет о материалах, ценность которых бесспорна) — передаются в государственные архивы через 40 лет после их завершения, а не через 15 лет, как делается с другими документами. Такой хронологический разрыв затрудняет сравнительный анализ, и его следовало бы, по нашему мнению, сократить или даже установить общий 15-летний срок.

⁵⁰ В 1960-е годы было установлено, что описи дел постоянного хранения составляются в учреждениях за несколько лет до передачи этих дел в государственный архив, которому сразу же передается утвержденный экземпляр каждой описи — для контроля за фактической сохранностью документов.

полностью подлежат приему, или же от их общего количества принимается небольшой процент. В настоящее время из так называемых однородных «мелких дел» принимается не более 2% от их общего количества⁵¹. В целом это должно обеспечить достаточную представительность отражения юридической практики и других вопросов. Например, «истории быта», для которой судебные дела служат одним из важных источников. Принцип выборочности распространяется лишь на определенные категории самих дел. Прием же их производится от всех учреждений юстиции начиная от Верховного суда СССР и кончая всеми народными судами. То же относится и к органам прокуратуры. Небольшая часть документов принимается также от органов нотариата и арбитража.

Ряд разделов перечня посвящен отраслям народного хозяйства: промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, связи, строительству, коммунальному хозяйству, снабжению и торговле. Главной задачей составителей этих разделов было выделить категории документов специального назначения, которые давали бы в целом достаточно полное представление об уровне развития производства отрасли, о том новом, что является характерным для нее на каждом этапе развития с точки зрения форм и методов организации труда и технологического режима производства, а также раскрывающих экономические и научно-технические стороны производства, качество продукции и т. д.

Даже самое общее ознакомление с разделом «Промышленность» показывает, что и здесь исследователь получит документы по широкому кругу вопросов организации производства, внедрению новой техники, изобретательства и рационализации, научно-технической информации и технической пропаганды, технологии производства, техническому контролю, оборудованию, рудничной геологии, маркшейдерской службы. Установлено, что документы по организации производства⁵² в значительной степени являются общими, свойственными не только подавляющему большинству отраслей промышленности, но и другим отраслям народного хозяйства. Их прием осуществляется от различных звеньев управления (начиная от министерств и кончая отраслевыми трестами

⁵¹ Здесь используется метод выборочных оценок, критерием которого является наибольшая насыщенность информацией дел, а не способ «случайной выборки», согласно которому требовалось бы взять каждое 50-е дело, вне зависимости от того содержательное ли оно или «пустое».

⁵² Генеральные схемы развития отраслей промышленности, документы по определению эффективности производства и повышению рентабельности предприятий, балансы производственных мощностей, технико-экономические показатели работы предприятий, анализы их производственно-хозяйственной деятельности, сведения об ассортименте продукции, материалы по производственному кооперированию, проведению общественных смотров по повышению производительности труда и качества продукции, о научной организации труда и т. д.

и объединениями) и от предприятий. Однако при приеме документов *в один архив*, последний вправе сам решить, в составе каких фондов будут приняты те или иные документы⁵³.

В перечне нет частей, наименования которых соответствуют названиям отраслей промышленности. Изучение документов, образующихся на предприятиях и в органах управления ими, показало архивистам, что категории документов, предусмотренных в охарактеризованных выше разделах, в достаточной степени свойственны любой отрасли промышленности и отражают состояние каждой из них. Поэтому здесь нет детализации по отраслям. Лишь по отношению к «рудничной геологии» и «маркшейдерской службе» предусмотрена документация, характерная для горнорудной, нефтедобывающей и угольной промышленности.

Энергетика — самостоятельная отрасль народного хозяйства. Ее состояние отражается не только в управленческой документации, но и в ряде специальных документов, свойственных только ей самой: технических отчетах о работе электростанций и других энергообъектов, топливных энергетических балансах, расчетах режимов работы энергосистем и др. Эти документы подлежат приему, как правило, в составе фондов территориальных энергетических управлений, но могут быть приняты и непосредственно от электростанций, если фонды тех и других поступают в разные архивы.

Достаточно сложной является структура раздела, объединяющего документацию, образующуюся в отраслях сельского, лесного и водного хозяйства. Здесь вычленены группы материалов, позволяющих исследовать как общие направления деятельности отраслей в целом, так и более узкие их участки: землеустройство и землепользование⁵⁴; агротехника⁵⁵, семеноводство⁵⁶, животноводство; охота, звероводство, рыбоводство; ветеринария, производство сельскохозяйственной продукции; заготовка и закупка сельскохозяйственной продукции и сырья; водное хозяйство; лесное хозяйство.

Специальная документация, относящаяся к вопросам транспорта и дорожного хозяйства и связи достаточно четко дифференцирована по их видам. Но документы, в большей или меньшей степени имеющие общее применение, объединены в общую рубри-

⁵³ Это же относится к документам о внедрении автоматизированных систем управления производством, об организации и освоении новых производств, технологическому перевооружению, к документам по определению «патентной чистоты» промышленных изделий и др.

⁵⁴ Здесь привлекают внимание материалы по составлению земельного кадастра, государственные книги регистрации землепользования, землеустроительные планы, земельные шнуровые книги, государственные акты на вечное пользование землей и др.

⁵⁵ Почвенные карты и почвенные агротехнические анализы, схемы севооборотов, книги по истории полей, агроотчеты.

⁵⁶ Государственные сортосеменные книги совхозов и колхозов, балансы семян кормовых культур и трав, описания новых сортов и др.

ку. В рубриках, посвященных отдельным видам транспорта и связи, предусмотрена документация, отражающая их специфику⁵⁷. В отношении документов транспорта и связи, перечень ориентирует архивистов на прием материалов прежде всего от тех учреждений, где они сконцентрированы в наибольшей степени: отраслевых министерств и ведомств, управлений дорог и гражданской авиации, пароходств и др. Непосредственный прием этих документов от низовых (линейных) учреждений и предприятий транспорта и связи перечнем не предусматривается, так как они находятся там в виде служебных копий (или вовсе отсутствуют).

Раздел «Архитектура, строительство и реконструкция» включает документацию, главным образом, технического характера, но такую, которая не входит в состав проектов⁵⁸.

Государственный архивный фонд пополняется и документами коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения. Соответствующий раздел перечня называет документы о благоустройстве и санитарно-техническом обслуживании городов и рабочих поселков, о технической инвентаризации основных фондов жилищно-коммунального хозяйства и эксплуатации предприятий коммунального хозяйства и бытового обслуживания. Их прием осуществляется от управлений коммунального хозяйства и соответствующих им отделов городских исполкомов, а также от их вышестоящих органов.

Снабжение, распределение и сбыт, являющиеся важными отраслями народнохозяйственной жизни и осуществляющиеся в нашей стране рядом специализированных и отраслевых учреждений Госснаба СССР и снабженческо-сбытовых органов министерств и ведомств, отражаются в таких документах, как «основные условия поставки продукции, сырья и материалов», балансы и планы распределения продукции, нормативы запасов материально-технических ресурсов, планы распределения фондов на материальные ресурсы, лимиты их потребления и др. Раздел «Торговля и общественное питание» включает отраслевую документацию обширной сети учреждений по управлению торговлей — от Министерства торговли СССР до районных и городских отделов торговли, областных и районных союзов потребительских обществ. Это — планы и контингенты снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, нормативы товарных запасов, сводные данные по реализации товарных фондов, прейскуранты оптовых и розничных цен, различные конъюнктурные обзоры по торговле и другие. Их прием производится государственными архи-

⁵⁷ Планы формирования грузовых поездов, перечни дистанций пути, масштабные планы железнодорожных станций, схемы грузовых потоков, лоции трасс морских путей, лоцманские книги, реестры аэродромов и аэропортов и др.

⁵⁸ Техническая документация, входящая в состав проектов, характеризуется отдельным перечнем научно-технической документации, подлежащей приему в государственные архивы.

вами от органов по управлению торговлей (от городских и районных и выше) ⁵⁹.

Заключительные разделы перечня посвящены социально-культурному строительству. Первый из них — «Просвещение, среднее специальное и высшее образование», документы которого сгруппированы так: общие вопросы ⁶⁰; учебно-методическая и воспитательная работа ⁶¹; подготовка научных кадров (документы по аспирантуре, ординатуре, адъюнктуре); детские дома и специальные учреждения, где представлены документы по усыновлению, опеке, патронированию, о борьбе с детской безнадзорностью, «книжки движения воспитанников детских домов» и др. Источниками комплектования этими документами являются помимо соответствующих министерств и ведомств высшие и средние специальные учебные заведения, местные отделы народного образования, институты усовершенствования, станции юных техников, натуралистов и некоторые другие учреждения и организации.

Раздел «Литература и искусство» делится на 19 рубрик и подразбук в соответствии с направлениями творческой деятельности и работы творческих организаций и видами искусств. Помимо материалов об организации творческой работы в области литературы и искусства (тематических планов, документов творческих дискуссий, обсуждений, прослушиваний), здесь предусмотрено поступление в государственные архивы документации о проведении фестивалей, конкурсов, выставок, художественных декад, об охране авторских прав, зарубежных связях в области литературы и искусства, приобретении и хранении произведений искусства, репертуаре театров, эстрады, цирка, гастролях и т. д. Всего — более 300 видов и разновидностей документов, которые подлежат приему от министерств, творческих союзов, отделов культуры исполкомов, театров, издательств и др.

В следующем разделе предусмотрены документы по печати, издательскому делу, книжной торговле. Они подлежат приему в составе фондов издательств и редакций, библиотек, «Союзкниги». Специальная документация, создающаяся в процессе деятельности комитетов по радиовещанию и телевидению, телестудий (сценарии и тексты передач, иллюстративный материал), представлена

⁵⁹ Непосредственно от торговых предприятий документы в настоящее время, как правило, в государственные архивы не поступают. Исключение могут составлять крупные универсальные или специализированные магазины, вопрос о приеме документов которых решается местными архивными учреждениями.

⁶⁰ Планы контингентов учащихся, планы приема и выпуска, правила и условия приема в учебные заведения, протоколы педагогических советов, материалы по утверждению именных стипендий, книги выдачи медалей учащимся и некоторые другие.

⁶¹ Учебные программы, инструктивные письма о методике преподавания, стенограммы и конспекты лекционных курсов, учебные планы, документы студенческих научных обществ, о проведении олимпиад школьников и т. д.

в разделе «Радиовещание, телевидение, служба общественно-политической информации». Далее называются документы, отражающие политико-воспитательную и культурно-просветительную работу министерств культуры и местных учреждений, профсоюзных и других общественных организаций (об организации и проведении общественных смотров и конкурсов работы клубов, дворцов культуры, библиотек, домов отдыха и др.).

Перечень завершается документацией по здравоохранению, социальному обеспечению, физкультуре и спорту. Документы этого характера принимаются от учреждений по управлению здравоохранением и социальным обеспечением, профсоюзных комитетов, центральных советов добровольных спортивных обществ, их республиканских и местных органов.

Мы предложили характеристику документной структуры «современной части» Государственного архивного фонда. По всем названным вопросам историк вправе рассчитывать на то, что он получит соответствующие источники. Но на самом деле таких вопросов может быть поставлено гораздо больше, не только потому, что сама характеристика дана нами «в сжато-плотном виде», но и вследствие того, что сами эти вопросы могут быть поставлены в самых разных аспектах и любых взаимозависимостях. Таким образом, создаются колоссальные возможности для исследования истории нашего времени.

Но историков, безусловно, интересует и другая сторона вопроса, каким образом документная структура Государственного архивного фонда соотносится с его фондовым наполнением, какого рода фонды принимаются на постоянное хранение и от каких фондов государственные архивы отказываются? В качестве «рабочего инструмента», принятого в практике комплектования государственных архивов с 1960 г., действуют «Примерные списки учреждений, организаций и предприятий, материалы которых подлежат и не подлежат приему в государственные архивы СССР» (переработанные в 1965 г.). Составители этих «списков» сделали попытку сгруппировать существующие учреждения, организации и предприятия в четыре класса. Один из них представляет учреждения, фонды которых подлежат обязательному и *первоочередному* приему в государственные архивы. Это — так называемый «Первый список», охватывающий 25 наименований категорий учреждений, организаций и предприятий, начиная от Сессий Верховных Советов, Советов Министров, окружных и участковых избирательных комиссий, Верховных Судов, Прокуратур, государственных объединений, трестов и комбинатов, подчиненных союзным и республиканским ведомствам, и кончая республиканскими, краевыми и областными выставками достижений народного хозяйства, органами научных и научно-технических обществ, городскими и районными отделами милиции, заповедниками.

«Второй список» включает 34 категории учреждений, от которых документы также принимаются обязательно, но в сроки, оп-

ределяемые архивными учреждениями. Это — местные предприятия, электростанции, издательства, редакции, театры и др. «Третий список» предусматривает лишь выборочный прием документов — не от всех, а лишь от некоторых учреждений, находящихся на территории республики (области): техникумов, школ, концертных залов, типографий и др. В «Четвертый список» (о его составе будет сказано ниже) включены учреждения, от которых непосредственно документы вообще не поступают.

Историку необходимо знать, кроме того, на какого рода документы и фонды он не должен рассчитывать, т. е. что вообще не поступает в государственные архивы? В самом общем виде можно сказать, что это — документы первичного бухгалтерского и оперативного учета, к какой бы отрасли и к какому бы важному учреждению они не принадлежали, «мелкоснабженческая» и второстепенная административно-хозяйственная документация, а также документы, функции которых кратковременны и повторное обращение к ним со стороны практических работников не наблюдается. Например: ведомости движения сырья по цехам, диспетчерские журналы, дефектные ведомости, контрольные листы осмотра линий связи, журналы учета работы радиосвязи и т. д. Помимо этого, архивисты ориентируются на резкое сокращение приема копий⁶² и документов, основное содержание которых повторяется в материалах, подлежащих приему. Наконец, как отмечалось, вообще не принимаются фонды учреждений и организаций «низового звена»: ремонтных и механических мастерских, подсобных хозяйств, строительных участков, автобаз, отделений связи, домоуправлений, приходных касс Госбанка, складов, кинотеатров, зооветстанций, трестов очистки, ремстройтрестов, комбинатов бытового обслуживания и ряда других. Это и есть «Четвертый список».

Подведем некоторые итоги данного раздела нашей статьи. Комплектование государственных архивов строится в настоящее время как обеспечение задачи полноценного документального отражения общественно-политических, народно-хозяйственных, социально-культурных и других сторон жизни развитого социалистического общества. Достигается это установлением обязательного приема от очерченного круга учреждений, прежде всего, необходимого комплекса так называемой организационно-распорядительной документации, в которой наиболее полно отражены ор-

⁶² Громадное количество документов создается одновременно во многих экземплярах. Так, решения, постановления, приказы сотнями рассылаются по подведомственной сети — «для сведения». Годовые планы и отчеты всякий раз составляются не менее, чем в двух экземплярах (для вышестоящей организации и «для себя»). Если учесть, что в государственные архивы принимается более 250 тыс. фондов учреждений, то одних только планов и отчетов ежегодно должно было бы поступать на постоянное хранение более миллиона. Это превышает количество всех дел ЦГАЛИ СССР. Отсюда ясна необходимость межфондового отбора дублетов,

ганпзация работы трудовых коллективов, планирование, учет результатов их деятельности и другие важные вопросы. В совокупности прием всех этих материалов обеспечивает достаточно полное отражение в Государственном архивном фонде основного содержания современного исторического процесса. Самостоятельными источниками комплектования признаются все органы государственной власти и отраслевого управления, учреждения суда и прокуратуры, все совхозы, колхозы, горные комбинаты, шахты, электростанции, подавляющее большинство заводов и фабрик. Учитывая происходящие изменения организационных форм управления народным хозяйством (создание крупных производственных объединений, фирм), архивисты делают акцент на прием документов от этих «образований», не рассматривая в ряде случаев предприятия, входящие в объединения и фирмы, в качестве самостоятельных источников комплектования. Их документы принимаются в составе фондов объединений или фирм.

Определяя источники комплектования государственных архивов документами учреждений «третьего списка» (о котором говорилось выше и по отношению к материалам которых осуществляется выборочный подход), архивоведение ставит задачу обеспечить наибольшую «представительность» фондов предприятий промышленности и сельского хозяйства. Эти фонды принимаются в количестве, приближающемся к их фактическому наличию. «Отбор фондов» здесь минимален. Он значительнее в отношении фондов учреждений социально-культурного профиля (однако материалы всех творческих организаций обязательно принимаются). Что же касается фондов учреждений транспорта, связи, торговли, коммунального хозяйства, то здесь выборочность действует широко. Только некоторые из них поступают на постоянное хранение.

Охарактеризованные ограничения учитывают, в частности, многообразие форм современных средств документной информации: наличие наряду с архивными фондами громадных комплексов периодической печати (в том числе отраслевой и заводской), множества ведомственных справочных и других изданий. Некоторые архивисты даже считают, что документы государственных архивов вообще должны не повторять сведений, содержащихся в этих материалах, представляя не повторяемую в принципе, уникальную информацию. Конечно, с этим согласится далеко не всякий исследователь, ибо газетно-журнальный и справочный материал — источники другого характера, а сравнительный анализ показаний письменных источников и свидетельств прессы и справочных изданий также имеет большое научное значение.

Данный вопрос, интересный сам по себе, заслуживает внимания еще и потому, что при более широком его рассмотрении следует учитывать, что в настоящее время, помимо архивов и библиотек, развивается сеть межотраслевых и отраслевых «справочно-информационных фондов» — хранилищ так называемых

«научных документов», в числе которых большое место занимают препринты (малотиражные издания, предназначенные для узкого круга специалистов), размноженные экземпляры докладов, обзоров, технических разработок и др. Такие документы не всегда становятся достоянием библиотек. Между тем «справочно-информационные фонды» имеют тенденцию избавляться от «устаревшей информации» (с точки зрения того контингента потребителей, для которых она непосредственно предназначена). Наступит момент, когда эти документы будут изъяты из справочно-информационных фондов и встанет задача организовать их прием в государственные архивы. Но ее обсуждение выходит за рамки данной статьи.

* * *

Комплектование государственных архивов современными документами, как мы могли убедиться, это прежде всего отбор, связанный с делением документов на «ценные» и «не ценные», — задача сложная и во многом противоречивая, вызывающая, как известно, опасения историков и острые споры в среде архивистов. Необходимость такого деления — фактор, пронизывающий всю проблему отбора и действующий даже тогда, когда архивисты вынуждены принимать решения, не располагая еще результатами теоретического анализа. В таких случаях они опираются на те многократно проверенные практические результаты, которые оказываются резонирующими с общим развитием научной мысли. В данной работе не воспроизводились аргументы сторонников и противников реформы комплектования, проводившейся с конца 1950-х годов. Целью статьи было предложить один из возможных вариантов историковедческой интерпретации теоретических основ отбора новейших документов на постоянное хранение (отбора, являющегося начальным этапом и особой формой их источниковедческого анализа) и попытаться показать структуру документов, поступающих в настоящее время в государственные архивы, которым предстоит со временем стать источниками исторического познания⁶³. В качестве основной модели такой струк-

⁶³ В этой связи обращает на себя внимание мысль, прозвучавшая на одном из обсуждений вопросов комплектования: «Нужно смело и откровенно заявить: не экспертиза должна приравниваться к неподдающимся предвидению потребностям исторической науки (это касается и любой другой науки), а историческая наука должна быть точно ориентирована в объективной роли экспертизы — сохранить ту часть зафиксированной в делопроизводстве повседневности, которая наиболее полно и глубоко отражает деятельность системы управления» (*Б. Г. Литвак. О некоторых историковедческих аспектах современной теории экспертизы.* — «Материалы к научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР», ч. 1, стр. 61). Может быть, по форме это звучит излишне категорически, но если выражение «приравниваться» принимать не в прямом смысле, а в значении отказа от избыточной информации, то данное утверждение в целом близко к нашему пониманию вопроса.

туры был избран рассмотренный выше перечень, разработанный на основе функционального анализа систем документирования.

В другом разрезе информационная структура современной части Государственного архивного фонда показана с помощью списков учреждений, документы которых принимаются на постоянное хранение. В целом характеристика «перечня» и «списков», как нам представляется, позволит исследователям более уверенно ориентироваться в исходных вопросах фондового состава и содержания государственных архивов — главной источниковой базы для изучения истории нашего времени. Дальнейшая теоретическая работа в области архивного источниковедения является актуальной и необходимой задачей.

МАТРИЧНЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (К постановке вопроса)

К. Б. Гельман-Виноградов

В различных областях науки, техники, производства отмечаются качественные изменения, связанные с успехами современной научно-технической революции. В определенной мере это относится и к практике записи, размножения, хранения, поиска, обработки и передачи информации. Произошли заметные сдвиги в технологии фиксации результатов умственного труда людей, создания и использования различного вида документов, включающих данные о массовых объектах изучения, регистрации, контроля и распределения.

Известно, что информация фиксируется при помощи специальных технических средств с тех пор, как устная речь перестала справляться с коммуникативной функцией. Необходимость надежной передачи сведений в пространстве и во времени привела к возникновению письменности, которая на протяжении тысячелетий основывалась на простейшей технологии¹. Возможности распространения письменных сообщений, их размножения расширились сравнительно недавно: лишь несколько столетий отделяет нас от появления печатного станка, а десятилетия — от внедрения различных средств оперативной полиграфии. Изобретение «светописи» (фотографии) и звукозаписи знаменовало появление качественно новой документальной информации, содержащей отдельные, недоступные письменности, характеристики предметов и явлений.

Развитие науки и общественной практики, располагающих названными средствами фиксации, копирования, размножения информации, привело к ее заметному количественному росту² и до крайности усложнило поиск и обработку необходимых сведений. В целях преодоления столь серьезных препятствий человек во все больших масштабах обращается к компьютерам (ЭВМ), вычислительным перфорационным машинам (ВПМ) и другим специальным устройствам, значительно ускоряющим проведение от-

¹ А. И. Михайлов, А. И. Черный, Р. С. Гиляревский. Основы информатики, изд. 2. М., 1966, стр. 68—70.

² Г. М. Добров. Наука о науке. Введение в общее науковедение, изд. 2. Киев, 1970.

дельных логических, счетных, группировочных, поисковых операций.

Их применение сопровождается появлением большого количества особого вида документов, создаваемых на основе новых, отличных от традиционной письменности, методов. К таким документам относятся перфкарты и перфоленты, включающие различные комбинации пробиваемых отверстий, что составляет условную запись, соответствующую определенной языковой (письменной, звуковой) или изобразительной (графической, рисуночной) информации. Новыми документами являются также рулонные микропленки и микрокарты (с условной оптической записью), ленты, диски и барабаны (с условной магнитной записью) и т. п. Все они получили название *матричных носителей информации*, так как включают «понятную» машинам запись в виде физических состояний (пробивок, намагниченных участков и т. п.), расположенных на заранее отведенных для этого участках — матрицах. Последние представляют собой таблицы, содержащие возможную систему преобразований³, то есть таблицы, программирующие определенные физические состояния, эквивалентные обычным письменным, изобразительным, звуковым сообщениям.

В наши дни общее количество матричных носителей постоянно увеличивается⁴, а содержащаяся в них информация может в дальнейшем превысить по объему все то, что составляет так называемую «память человечества», сосредоточенную в традиционных библиотеках и архивах. Считая, однако, что традиционные и матричные способы фиксации и переработки информации будут в обозримый период сосуществовать, дополняя друг друга, мы не можем не обратить внимания на тот факт, что матричные носители достаточно громко заявили о себе, чтобы не быть замеченными специалистами различных областей, в том числе и историками. В связи с этим нельзя пройти мимо существующей недооценки матричных носителей как специфических документов, которые, по мере исключения их из обращения в учреждениях-фондообразователях, могут затем использоваться в качестве массовых исторических источников.

Вопрос о достоверности, ценности, доступности, специфических особенностях матричных носителей информации еще не рассматривался в историко-источниковедческой литературе. Попытка его постановки и составляет задачу настоящей статьи.

Известно, что наиболее распространенной разновидностью матричных документов являются перфорированные карты. Уси-

³ «Терминологический словарь по научной информации». М., 1966, стр. 193.

⁴ С 1970 г. Комиссия по документалистике Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР начала производить регистрацию документальных систем, включающих матричные носители («Перечень документальных систем на матричных носителях информации», № 1 (с 01 по 99). Таллин, 1970, стр. 5).

лиями отдельных коллективов советских историков положено начало использования перфокартного метода в практике исторического исследования. В Институте истории АН ЭССР⁵ и секторе истории естествознания и техники Института истории АН УССР⁶ были созданы системы на перфокартах для анализа массовых документальных источников. Сотрудникам сектора современной научно-технической революции Института истории естествознания и техники АН СССР и Отделения комплексных проблем науковедения АН УССР разработана универсальная перфокартотека регистрации событий и фактов мировой истории научно-технического прогресса⁷. В Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР⁸, Центральном государственном историческом архиве ЭССР⁹, Архиве Министерства обороны СССР¹⁰ применяются перфокартные системы поиска и обработки архивных документов. Практическое применение находят также библиографические перфокарты, обеспечивающие быстрый поиск литературы по некоторым проблемам исторической науки¹¹.

Перечисленные и им подобные перфокартные системы, созданные историками, архивистами, библиографами, включают такие матричные носители, которые можно назвать историческими источниками лишь в самом широком смысле. Раскрывая методику работы научных коллективов или отдельных лиц — паших современников, такие перфокарты содержат формализованную информацию об источниках (вещественных, письменных и т. п.), зачастую значительно отстоящих от них по времени. Мы не будем рассматривать в данной статье эту категорию матричных носителей, так как они служат лишь техническим средством механизированного поиска и обработки исторической информации.

От них следует отличать перфорированные карты, которые появились в процессе деятельности определенных учреждений, были включены в систему документирования, делопроизводства и использовались в качестве специфической документации. По от-

⁵ *Х. Палли*. Опыт использования перфокарт в Институте истории Академии наук Эстонской ССР.— «Известия Академии наук Эстонской ССР». Серия общественных наук, 1965, № 1, стр. 98—107.

⁶ *Г. М. Добров*. О машинных методах переработки историко-технической информации.— «Научно-техническая информация», 1966, № 1, стр. 37—38.

⁷ *С. В. Шухардин, В. Н. Клименюк*. Тезаурус научных событий.— «Применение электронно-вычислительных устройств в исследованиях по истории науки и техники». М., 1966, стр. 83—88.

⁸ «Теория и практика архивного дела в СССР». Учебник. М., 1966, стр. 321—341.

⁹ *Х. Палли*. Применение перфокарт в исторических исследованиях.— «Вопросы истории», 1965, № 11, стр. 91.

¹⁰ *М. Л. Дударенко*. К вопросу о механизации информационной работы архивов.— «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. 1. М., 1965, стр. 517—533.

¹¹ «Перфокартотеки для исследований по истории науки и техники». Киев, 1966, стр. 13—17; *Г. Л. Малинова*. В методическом кабинете ГАУ.— «Вопросы архивоведения», 1964, № 3, стр. 67—72.

ношению к таким матричным носителям мы будем подходить в статье с позиций источниковедения и рассматривать их как особый вид исторических источников.

Практика применения матричных носителей информации в нашей стране берет свое начало с 1897 г., когда для обработки материалов первой всеобщей переписи населения в Центральном статистическом комитете (ЦСК) Министерства внутренних дел было заполнено и многократно пропущено через электрические счетные машины около 126 млн. перфокарт¹². Данные на них переносились из 30 млн. бюллетеней, вес которых превышал 1 тыс. т.¹³

Задолго до проведения переписи было установлено, что переписные листы не могут успешно использоваться для статистической обработки столь многочисленных данных¹⁴. Поэтому процесс документирования не ограничили заполнением бюллетеней. Он был продолжен созданием матричных носителей, т. е. таких документов, при помощи которых возможно было рационально решить поставленную задачу.

О каждом жителе России в бюллетенях ЦСК имелись сведения по 18 группам признаков: фамилия, имя и отчество, семейное состояние, отношение к главе хозяйства, пол, возраст, состояние или сословие, вероисповедание, место рождения, место переписи, место постоянного жительства, родной язык, грамотность и степень образования, основное занятие и положение в нем, побочное занятие, физические недостатки, отсутствие в день переписи, подданство, отношение к воинской повинности. Бюллетени по мере обработки первичных материалов почти полностью уничтожались¹⁵. Как указывали современники¹⁶, это было вызвано тем, что устроители переписи стремились поскорей отделаться от документации, свидетельствующей о недостатках, имевших место при ее проведении.

Лицевая сторона каждой перфокарты (см. рис. 1) включала матрицу — 264 условных знака (М — мужчина, Ж — женщина, Дв. — дворянин, 33 — тридцать три года и т. п.), содержащую в основном цифры и буквы. Они располагались в 22 вертикальных рядах (колонках), каждая из которых имела по 12 обозначений (позиций). Карта содержала сведения по всем признакам, отраженным в переписном листе. Исключение составляли лишь

¹² Д. К. Жак. Механизированная разработка материалов переписей населения СССР. М., 1958.

¹³ И. Н. Миклашевский. Переписи. — «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз и А. А. Ефрон, т. XXIII. СПб., 1898, стр. 245.

¹⁴ В. О. Струве. О применении электричества к подсчету статистических данных. — «Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел», 1894, № 37, стр. 16.

¹⁵ Сохранились лишь некоторые бюллетени о должителях России и иностранных подданных.

¹⁶ А. Н. Котельников. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909.

№ 204544

Виленискій

М	Ж	Х	ж	Ме	на	Гр	ин	За	Са	Осл	Ги	Нш	А	В	С	О	а	ь	е	О	О
0	0	Д	в	0	0	0	(Нр)	ир	(Р)	ир	0	Ум	Д	Е	Ф	①	д	е	ф	1	1
1	1	р		1	1	1	Са	ва	БР	П	1	СХ	С	(Н)	1	2	г	н	1	2	2
2	(2)	Дв	(Кр)	3	(2)	2	Аг	нг	Н	Фр	2	сх	К	Л	М	3	а	1	т	3	3
(3)	3	Дв	На	3	3	(3)	Ан	ба	Ан	Нт	3	НС	Н	О	Р	4	а	о	р	4	0
4	4	Дн	(А)	4	4	Рн	нх	Гр	Ар	4	сн	Q	Я	S	5	q	г	s	5	1	
5	5	Яг	Ф	5	5	5	Л	е	З	Лш	5	РП	Т	U	V	6	t	u	v	6	2
6	6	Н	Нш	6	6	6	Ро	Т	Крг	0	6	срп	W	X	Y	7	w	x	y	7	3
7	7	М	Ар	7	7	7	Бн	(Гр)	ГД	1	7	а	Z	А'	(0)	8	z	а'	0	8	4
8	8	10	А	8	8	8	Мн	нр	(А)	2	8	(6)	В'	×	1	9	в'	+	1	9	5
9	9	11	—	9	9	9	Дн	—	Чн	3	9	в	бр	(10)	2р	4р	6р	Нр	0	6	7
10	?	?	—	В	Са	Ср	Вн	вр	Уч	Ву	ва	г	а	е	5	6	11	21	∞	8	9

Рис. 1. Перфокарта переписи населения России 1897 г.

данные об отсутствии в день переписи и об отношении к воинской повинности. Они были признаны неверно собранными, дефектными. Не включалось также обозначение фамилии, имени и отчества. У левого обреза карты был отпечатан ее порядковый номер. Здесь же находилось обозначение определенной территориальной единицы — губернии, уезда, крупного города. Перфокарты, относящиеся к одной и той же территориальной единице, имели одинаковый цвет, отличающий их от всех других карт.

Сведения представлялись в виде пробивок в соответствии со специальными таблицами шифровки¹⁷ и макетом-образцом, на котором за каждым признаком закреплялась определенная позиция или несколько позиций карты¹⁸.

В приведенной на рис. 1 карте пробивками обозначена следующая информация: мужчина 32 лет, женатый, крестьянин, родившийся в Порховском уезде (условное обозначение по таблицам шифровки — 423), грамотный по-русски, православный, показавший родным языком русский, здоровый (без физических недостатков), земледелец (условное обозначение по таблицам — Н01), без подсобных занятий, глава хозяйства, с семьей, состоящей из трех членов (6), с одним работником, по подданству — российский подданный.

После уничтожения переписных листов данные переписи сохранились лишь на матричных носителях. К величайшему сожалению, в первом десятилетии XX в. сами перфокарты были также уничтожены. До нас дошла лишь небольшая их коллек-

¹⁷ «Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения», № 1—16. СПб., 1897.

¹⁸ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 1290, оп. 10, д. 58, лл. 16—7.

ция¹⁹. Другие виды подобных документов в дореволюционной России не создавались²⁰.

Если бы перфокарты первой всероссийской переписи населения сохранились, мы бы располагали исключительно важными историческими источниками, представляющими возможность механизированной обработки информации. Известно, что в ЦСК они были использованы лишь для составления 25 сводных таблиц²¹, в которых не отражены многие важные вопросы.

Достаточно отметить, что не было получено итоговых данных о социальном составе населения страны. В. И. Ленину пришлось проделывать большую исследовательскую работу специально для того, чтобы хоть в самых общих чертах представить столь важную социологическую характеристику²².

Обработка перфокарт позволила бы определить социальный состав населения по каждой губернии, воспроизвести картину классового расслоения в различных районах России на рубеже XX в.

Несмотря на «обезличенность» перфокарт, можно было бы получить ответы на многие другие вопросы. По признаку «грамотность и степень образования», например, можно было бы достаточно быстро, без значительных издержек, получить сведения не только о количестве грамотного и неграмотного населения, но и о характере образования, конкретных направлениях специализации, состоянии образования в отдельных национальных окраинах и т. п.

Источниковедческая неграмотность документоведов того времени лишила нас серьезного исторического источника²³.

Рассмотренный пример дает основание для уяснения некоторых особенностей матричных носителей как источников. Со-

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 10, д. 58, л. 25 и далее.

²⁰ Метод механизированной обработки информации в ЦСК являлся прогрессивным. Однако из-за бюрократически-чиновничьих порядков, царивших в тот период, и неумелого использования техники заметных результатов по намеченной программе удалось добиться лишь через 8 лет после начала всей работы. Это значительно скомпрометировало идею использования перфокарт, и они никогда больше не применялись у нас вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

²¹ «Общий свод по империи результатов разработки всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.», тт. I—II. СПб., 1905.

²² Умело переработав опубликованные материалы переписи населения 1897 г. и некоторые другие источники, В. И. Ленин установил, что из 125,6 млн. человек всего населения России крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие представители эксплуататорских классов составляли около 3 млн., зажиточные мелкие хозяева — 23,1 млн., беднейшие мелкие хозяева — 35,8 млн. Пролетарии и полупролетарии составляли около 63,7 млн. человек. При этом В. И. Ленин установил, что пролетариев в России тогда было не менее 22 млн. Результаты этого исследования он поместил в добавлении ко второму изданию «Развития капитализма в России» (См. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 3, стр. 505).

²³ К этому следует добавить, что перфокарты, так же как и другие источники, могли быть уничтожены по произвольному решению любого высокопоставленного чиновника.

вершенно очевидно, что перфокарты, так же как и предшествующие им переписные листы, содержали сведения о массовых объектах учета. Они являлись массовыми источниками, так как отражали единичные факты и явления, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности позволяющие выявить определенные закономерности²⁴. Чем же отличались друг от друга эти документы, включающие почти одну и ту же информацию?

Не секрет, что переписные листы являются статичными источниками в том смысле, что они требуют многочисленных дополнительных операций для получения даже незначительных обобщающих результатов. Трудоемкость работы с ними, необходимость последовательного, в определенном аспекте, восприятия заключенной в них информации, зачастую сковывает действия исследователя, сужает рамки научных поисков, делает практически невозможным достижение сложных обобщающих результатов. В то же время в массиве перфокарт (составляющем так называемую «память» машины), заложена возможность *динамичной* обработки информации — быстрого получения разносторонней картины исторических явлений²⁵. Именно этим перфокарты положительно отличаются от массовых письменных источников.

Существует мнение, что возможности группировки первичных данных, заключенных в массовых традиционных источниках, фактически безграничны²⁶. Это в общем справедливое утверждение требует уточнения в том плане, что для многомиллионных массивов документов, какими и являются переписные листы, безграничность следует понимать лишь теоретически. Практическую возможность ничем не ограничиваемой группировки многочисленных первичных данных создает лишь матричная форма фиксации информации.

²⁴ М. П. Губенко, Б. Г. Литвак. Конкретное источниковедение истории советского общества.— «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 8.

²⁵ Понятия «динамичность», «динамичные источники» следует отличать от понятия «динамика явлений». Информация, зафиксированная в традиционных массовых источниках, не может быть динамичной, так как в ее последовательном восприятии должен участвовать человек, имеющий определенные физиологические ограничения — пороги раздражения и ощущения. Эти ограничения преодолеваются в случае наличия таких источников, как, например, перфокарты. Динамичность матричных носителей обеспечивается возможностью их опосредствованного исследования, то есть обработки при помощи машин, которые могут воспринимать кодированные сведения с несравненно большей скоростью, чем человек, причем воспринимать не только последовательно, но и параллельно. Динамичные источники, в свою очередь, могут содержать или не содержать информацию, раскрывающую динамику явлений. Они содержат ее в том случае, если имеются сопоставимые кодированные данные о явлениях, различаемых во времени.

²⁶ Б. Г. Литвак. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина.— «Источниковедение истории советского общества», вып. 1. М., 1964, стр. 34.

Нельзя не отметить, что по сравнению с соответствующими письменными источниками перфокарты могут быть оценены не только положительно, но в значительной мере и отрицательно. В частности, даже из рассмотренного примера переписи населения видно, что они не включают сведения, плохо поддающиеся формализации и кодированию (например, название объекта — фамилия, имя, отчество). Это приводит к потере определенных фактических данных. Вполне понятно, что при наличии значительных пробелов такого рода относительная ценность перфокарт уменьшается.

Говоря о достоверности кодированной информации, следует обратить внимание на возможные ошибки, допускаемые при заполнении перфокарт. Хотя в ЦСК и проводился контроль правильности этой работы²⁷, наличие неверно проставленных пробивок не исключалось. В этом — явный сравнительный недостаток матричных носителей информации.

В советских учреждениях перфокарты получили распространение с начала 20-х годов. Их популяризация и внедрение стали обязательной функцией Отдела административной техники НК РКИ (АТО), Центрального института труда ВЦСПС (ЦИТ), Общества научной организации труда, отдельных советов народного хозяйства. Благодаря этому перфорированные карты нашли применение в отделениях личного состава некоторых наркоматов, трестов, а также в партийном и статистическом учете²⁸. Здесь получили развитие методы, которые основывались на использовании так называемых ручных перфокарт, не требующих дорогостоящего оборудования, доступных для сотрудников средней квалификации и удобных в эксплуатации.

Одна из систем применения таких карт была разработана в 1921 г. в Петроградском СНХ²⁹. Две другие, получившие более заметное распространение, были созданы в 1922—1924 гг. в ЦИТ³⁰. Начиная с 1925 г. для механизированной обработки материалов партийной статистики в Киевском окружном комитете партии применялась система «Динамоучет»³¹, каждая карточка которой (см. рис. 2) представляла собой *первичный учетный документ*. Данные о члене или кандидате партии проставлялись на ней в двойной форме. Внутреннее поле карты служило для

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 10, д. 58, лл. 16—7.

²⁸ К. В. Гельман-Виноградов. О первых системах малой механизации информационных поисков в СССР.— «Применение электронно-вычислительных устройств в исследованиях по истории науки и техники». М., 1966, стр. 35—48.

²⁹ К. В. Гельман-Виноградов. К истории разработки перфокарт ручной сортировки.— «Научно-техническая информация», 1964, № 9, стр. 24—25.

³⁰ Подробней о них см.: Э. Дрезен. Основы оперативного делопроизводства. М., 1925, стр. 81—82, 224—226; Б. И. Кикин. Об аппарате «Орга-Индекс».— «Техника управления», 1926, № 1, стр. 43—51.

³¹ Е. Эммануил. Механизация счетной обработки партстатистики.— «Техника управления», 1926, № 4, стр. 56—58.

		А Б В Г									
		ОБЛІКОВА КАРТКА ЧЛЕНА або КАНДИДАТА К.П.(Б.)У.								16	
1		Прізвище <i>Гордієнко</i>		Ч. перс. справ <i>347</i>		Ч. партійної <i>158202</i>		Ч. карт. картки <i>180921</i>		Поло пер. в карт. у відом. член.	
2		Ім'я <i>Стелан</i>								17	
3		По батьку <i>Резоанніс</i>								18	
4		Рід		Жінка						19	
5		1) <u>Чоловік</u>				19) До 1917		1917		20	
6		2) <u>Робітник</u>		Службовець		20) 1918		1919		21	
		3) <u>Селянин</u>		Вив.		21) 1920		1921		22	
		4) <u>Українець</u>		Рослянин		22) 1922		1923		23	
						23) 9 1924 <i>ж</i>		1925		24	

Рис. 2. Перфокарта члена или кандидата КП(б)У (Киевский окружной комитет).

обозначения обычной (не кодированной) информации. У левого и правого краев располагались матричные поля с заранее пробитыми отверстиями, между которыми в виде краевых пробивок и щелей обозначалась кодированная информация.

Перфокарта имела четкий, хорошо продуманный формуляр, что вообще характерно для большинства перфокартных систем. Благодаря этому ведение картотеки не представляло каких-либо трудностей. В то же время наличие кодированной информации по 52 вопросам создавало возможность многократной обработки информации по сочетаниям необходимых признаков. Достигалось это сравнительно простым способом: через перфорации всего совмещенного массива перфокарт пропускали специальные шомпола в номерах необходимого набора признаков и отделяли затем карты, имеющие в данных номерах пробивку или щель, от перфокарт, не включающих необходимую информацию. Это избавляло от многократного визуального просмотра и выявления необходимых групп материалов³².

Не следует думать, что все перфокарты ручного обращения включали, наряду с кодами, полную некодированную информацию, как это имело место в системе «Динамоучет». Если обратиться к системе «Орга-Индекс», разработанной сотрудниками ЦИТ³³, можно увидеть, что карточка полностью занята матрицей. Оставлен лишь небольшой участок для записи названия объекта учета.

Эти перфокарты успешно применялись с середины 20-х годов в Сахаротресте для обозначения и обработки сведений о руководящих работниках и среднем техническом персонале³⁴. На верхней части карточки обозначали фамилию, имя и отчество оп-

³² Подробней см.: Х. Палли. Примененне перфокарт при обработке массовых источников по социальной истории Эстонии.— «Источниковедение отечественной истории». Сб. статей, вып. 1. М., 1973.

³³ «НОТ в СССР». М., 1924, стр. 98.

³⁴ Б. И. Кикин. Указ. соч., стр. 50.

ределенного сотрудника. Других письменных сообщений не было. Перфокарта имела 140 отверстий, пробитых по всей ее площади. Между ними согласно 30 таблицам, включающим 266 признаков, пробивали необходимые комбинации щелей.

Каждая карта содержала сведения из различных источников (анкет, личных документов, приказов по личному составу и т. п.) и, не повторяя их, сводила воедино многие данные. В этом наблюдается явное отличие ее от перфокарт, заполненных в ЦСК с переписных листов. Вместе с тем перфокарта Сахаротреста была мало доступна для лиц, не располагающих ключом к ней (таблицами признаков по учету кадров). Таким образом, создавался новый документ, наделенный некоторыми новыми функциями, а в практике делопроизводства начал прокладывать себе дорогу необычный способ документирования и создания многочисленных однородных документов, включающих кодированную информацию.

Отдельно взятая перфокарта Сахаротреста не может рассматриваться как удобный для использования исторический источник. «Снимать» информацию визуально с каждой карточки весьма затруднительно: любой присутствующий признак (щель или комбинацию щелей) приходится расшифровывать по таблицам. Техника раскрытия содержания такой кодированной информации мало чем отличается от техники прочтения любого письменного зашифрованного текста.

Говорить о перфокартах как о достаточно ценных и легко доступных исторических источниках можно лишь, подразумевая всю их совокупность. Только в этом случае мы имеем дело с источником, который дает ответы на отдельные сложные вопросы, связанные со статистикой конкретных исторических явлений.

Перфокарты ручного обращения заслуживают нашего внимания ввиду широкого их распространения. Если в 20-х годах они использовались не слишком часто, то в 50—60-х годах создаются многие тысячи перфокартотек³⁵, содержащих чрезвычайно разнообразную, насыщенную фактами, отражающую действительность во многих ее проявлениях информацию³⁶.

Не менее важными историческими источниками могли бы служить и машинные перфокарты, инициаторами внедрения которых в практику советских учреждений, организаций и предприятий явился Всеукраинский институт труда (ВУИТ)³⁷ и Государственный институт техники управления НК РКИ (ИТУ)³⁸.

³⁵ Г. Г. Воробьев. Второе всесоюзное совещание по кодированию и эффективности применения ручных перфокарт.— «Информационные материалы Научного совета по кибернетике», 1967, № 9, стр. 31.

³⁶ «Ручные перфокарты. Отечественная и зарубежная литература». Таллин, 1969.

³⁷ Ф. Дунаевский. Предпосылки механизации учетного дела.— «Техника управления», 1927, № 3, стр. 17—27.

³⁸ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 4084, оп. 25, д. 14, лл. 8—9.

В отличие от первых карточек, примененных в дореволюционной России и имевших 22 колонки для пробивки отверстий, машинные перфокарты, используемые до 50-х годов, включали 45 колонок. Их обработка предполагала проведение не только простого суммирования по признакам (или сочетаниям признаков), но и сложных операций с закодированными объемными величинами.

Первым объектом внедрения машинных перфокарт в СССР явилось промышленное предприятие — завод сельскохозяйственных машин «Серп и Молот» в г. Харькове. В конце 1926 г. здесь начали применять карточки, которые включали пробивки следующих признаков и величин: число, месяц, цех, № наряда, № станка, вид заказа, № заказа, № рабочего, разряд, профессия, изделие, деталь, цена, проработано часов, ставка в один час, сумма по тарифу, итого изготовлено штук (деталей), сумма заработной платы. Обработка их производилась с целью составления ведомостей по заработной плате. Это значит, что из 18 перечисленных признаков суммированию подвергались лишь 4 объемные величины показателей: «проработано часов», «сумма по тарифу», «изготовлено штук (деталей)» и «сумма заработной платы». Показатели по остальным 14 признакам не обрабатывались, а лишь обозначались в сводном документе (табулограмме) в качестве контрольно-справочных данных.

Такие табулограммы не отражали многие явления и процессы, представляющие интерес для историка (динамика производительности труда, рост профессионального мастерства и квалификации и т. п.).

Следует отметить, что перфокарты, примененные на заводе «Серп и Молот», не являлись полностью обезличенными, как это может показаться на первый взгляд. Отсутствие каких-либо записей компенсируется такими сведениями, обозначенными в виде пробивок, как число, месяц, № цеха, № наряда, № станка, № рабочего. Можно было совершенно безошибочно группировать перфокарты по их принадлежности к определенному объекту — цеху, рабочему, станку, причем по необходимым хронологическим отрезкам времени.

С начала 30-х годов на отдельных промышленных предприятиях СССР начали применять машинные перфокарты, совмещенные с первичными документами (дуаль-карты)³⁹. На них помещался трафарет с графами для записи некодированной информации, а подлежащие обработке показатели дублировались в виде пробивок в соответствующей части матрицы.

В годы довоенных пятилеток практика применения машинных перфокарт приняла заметный размах. По инициативе Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) были

³⁹ Я. Е. Винер и С. К. Неслуховский. Руководство по работе на счетно-аналитических машинах. М.—Л., 1931, стр. 58—60.

созданы фабрики механизированного счета, которые обрабатывали материалы многочисленных обследований и переписей. Наиболее крупной явилась обработка материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г.⁴⁰ Эти материалы включали свыше 170 млн. переписных листов, содержащих около 3 млрд. записей с ответами на поставленные вопросы.

Перфокартный метод нашел широкое применение и в системе Государственного банка СССР. Проводилась централизованная проверка взаимных расчетов между филиалами банка, осуществлялось ведение лицевых счетов, составление оборотных ведомостей, балансов и т. п.⁴¹

В годы довоенных пятилеток перфокарты использовались в практике наиболее крупных (вновь создаваемых и реконструируемых) промышленных предприятий. Благодаря этому уровень планирования и учета на предприятиях был приведен в соответствие с высоким по тому времени уровнем механизации производственных процессов. Машиносчетные станции (МСС) функционировали на Горьковском и Московском автозаводах, Харьковском тракторном заводе, Ростовском заводе сельскохозяйственного машиностроения, Харьковском паровозостроительном и Мытищинском вагоностроительном заводах, I Государственном подшипниковом заводе, заводе «Динамо» в Москве и др.⁴² Всего в 30-е годы на крупных промышленных предприятиях СССР было создано более 50 МСС. Перфокартный метод учета и обработки информации нашел здесь применение при расчете заработной платы и труда, учете материалов, брака, простоев, выпуска продукции и составления баланса. В эти годы было положено начало использованию перфокарт крупными предприятиями легкой и пищевой промышленности⁴³.

Заметное развитие получила механизация учета на транспорте. При помощи перфокарт производилась многоаспектная обработка 70—80 млн. документов в год. Важнейшими участками учета здесь являлись статистика перевозок, тарифная и доходная статистика грузов, технико-эксплуатационная статистика, контроль обмена вагонов⁴⁴.

Перфорированные карты использовались и на предприятиях советской торговли. МСС функционировали при Центросоюзе,

⁴⁰ П. Г. Подъячих. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1957.

⁴¹ Н. П. Румянцев. Машинизация учета в Госбанке.— «Кредит и хозрасчет», 1936, № 9, стр. 14; Д. К. Жак, Т. А. Турзбанурт. Механизация учета в СССР.— «История советской государственной статистики». М., 1960, стр. 387.

⁴² И. Н. Янжул. Техника и организация механизированного учета. М., 1939.

⁴³ Е. А. Исакович. Машинизация учета. М.—Л., 1939, стр. 209—210; В. М. Луговин. К вопросу о механизации учета в системе Союзтабака.— «Табачная промышленность», 1931, № 11—12, стр. 15.

⁴⁴ А. Варламов. Механизация учета на железнодорожном транспорте и работа фабрик механизированного учета в первом квартале 1934 года.— «Социалистический учет на железнодорожном транспорте», 1934, № 6, стр. 18.

КОГИЗе, ЦУМе⁴⁵, Народном комиссариате внешней торговли СССР⁴⁶.

Какова же судьба этих миллиардов машинных перфокарт, многие из которых содержали интересную информацию о массовых объектах регистрации, контроля, учета и распределения? Приходится с большим сожалением констатировать, что почти все они, в том числе и перфокарты переписи населения СССР 1939 г., для нас безвозвратно утрачены. Эти документы уничтожались в основном по причине «миновавшей надобности в их применении», отсутствии необходимых площадей для их хранения и т. п.⁴⁷ Перспектива использования перфокарт в дальнейшем, их значение как исторических источников при этом не учитывались.

Конечно, может быть, и не следовало оставлять на хранение все имеющиеся матричные носители. Но полное их уничтожение нельзя признать правильным. Перфокарты, включающие данные из материалов переписей, проводимых ЦСУ, в особенности всесоюзных, или содержащие сопоставимую информацию по нескольким крупным промышленным предприятиям определенной отрасли и т. п., бесспорно, следовало бы сохранить. В то же время вполне правомерно можно было считать уничтожение многочисленных матричных носителей, содержащих сведения из накладных на грузы, сведения по учету перевозок, денежных операций и др. К перфокартам нужен был дифференцированный подход. Однако в те годы источниковедения матричных носителей информации еще не существовало.

В послевоенный период перфокартный метод учета и обработки информации принял еще больший размах. Матричная часть машинной перфокарты начинает вмещать теперь не 45, а 80 колонок, что значительно расширило возможности внесения кодированной информации. В 50—60-е годы тысячи учреждений, организаций и предприятий успешно использовали этот вид матричных носителей. При этом, в отличие от довоенной практики, они не везде уничтожались.

Появились отдельные научно-исследовательские институты, в которых перфокарты составили основной вид применяемых документов⁴⁸. Получает распространение практика обработки перфокарт на централизованных МСС. В 1966 г. в Москве были созданы две отраслевые бухгалтерии, обслуживающие 15 текстильных фабрик и 96 предприятий хлебопекарной промышлен-

⁴⁵ Е. А. Исакович. Указ. соч., стр. 20, 212.

⁴⁶ В. И. Брик и М. И. Биринберг. Учет на счетно-аналитических машинах в системе Народного комиссариата внешней торговли. М.—Л., 1935.

⁴⁷ В годы Великой Отечественной войны многие МСС были разрушены и хранящаяся в них документация была уничтожена (Д. К. Жак, Т. А. Турбанурт. Указ. соч., стр. 381—397).

⁴⁸ С. Авдонин. Перфокарты выдают погоду летчикам, связистам, транспортникам. — «Вечерняя Москва», 16 марта 1968 г.

ности. Их работа значительно повысила оперативность и качество учета. Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике одобрил результаты создания и деятельности таких бухгалтерий. Рекомендовалось их опыт распространить на большие группы предприятий в разных городах страны⁴⁹. Это дает основание рассматривать массивы перфокарт как источники по истории развития отдельных отраслей промышленности.

Некоторые промышленные предприятия (Второй московский часовой завод, Горьковский автомобильный завод, Ленинградское оптико-механическое объединение и др.) используют машинные перфокарты, которые они хранят постоянно, для механизации оперативного, бухгалтерского и статистического учета, работ по технической подготовке производства, технико-экономическому и оперативно-производственному планированию⁵⁰. Определенная часть этих карт содержит новые, ранее нигде не зафиксированные сведения. На них закодированы производные (вторичные) данные, полученные в результате механизированной обработки перфокарт, содержащих первичную информацию. Таким образом, появляются документы с новой информацией, выработанной и зафиксированной машинами под управлением человека.

В наши дни наблюдается широкое распространение автоматизированных систем управления (АСУ). Они включают кодированные данные о состоянии и динамике развития народного хозяйства, его отраслей и предприятий, об эффективности науки и техники, образования и обучения. Это — потенциальные исторические источники, значение которых трудно переоценить.

Следует отметить, что на пути использования историками матричных носителей информации могут возникнуть заметные трудности, связанные с применением различных устройств и машин. Перфокарты и другие матричные носители создавались и создаются с расчетом на определенные технические средства. Например, машинные карты 20-х годов и тем более карты прошлого века нельзя обрабатывать на современных ВПМ. Более того, ряд современных перфолент, кодированных микропленок и микрокарт, магнитных дисков и барабанов, применяемых на машинах одних моделей, невозможно использовать на некоторых других машинах того же типа.

Сознавая эти трудности, нельзя ни в коей мере их преувеличивать. Отказаться от использования матричных носителей, сославшись на плохую их «стыкуемость» с техническими средствами или сложность перевода кодированной информации с одних носителей на другие, значит подойти к решению проблемы односторонне. Аналогичные доводы о технических трудностях,

⁴⁹ С. Цикора. Куда ушли бухгалтеры? — «Известия», 20 апреля 1967 г.

⁵⁰ В. И. Подольский, С. Е. Петрова, В. Б. Либерман. Постоянные перфокарты в управлении предприятием. М., 1968.

о «невозможности...») и т. п. можно было бы привести, например, и по отношению к старым лентам документального кино, которые нельзя проецировать на экран при помощи современной аппаратуры. К тому же, они, как правило, имеют значительный физический износ. Однако никто теперь не осмеливается оспаривать необходимость их реставрации и проведения кропотливой, сравнительно дорогостоящей работы по переводу кадров старой кинохроники в удобный для использования современными исследователями и зрителями вид.

Преодолеть имеющиеся трудности вполне возможно. Они почти не существуют для ручных перфокарт. Не так сложно приспособить к обработке на современных ВПМ, как это может показаться на первый взгляд, и машинные перфокарты. Проследив историю их применения, можно установить, что размеры перфокарт с начала появления и до наших дней остались неизменными. Менялось лишь число колонок и форма перфорации. Количество возможных пробивок в каждой колонке также оставалось неизменным. Следовательно, один из вариантов использования старых машинных карт мог бы состоять в автоматизированном дублировании их на современные перфокарты при помощи незначительно перестроенных перфораторов-репродукторов, применяемых в наши дни⁵¹. Нет сомнения, что при необходимости могут быть найдены приемлемые варианты преодоления технических помех при использовании любых матричных носителей в качестве исторических источников.

Свойства матричных носителей во многом предопределены типизацией, логическим свертыванием, формализацией зафиксированной на них информации. Вполне очевидно, что именно такие источники дают возможность легче всего опираться на количественные методы обработки исторической информации. Положительное значение этих методов, как одного из средств познания исторического процесса, достаточно наглядно показано И. Д. Ковальченко⁵² и некоторыми другими исследователями⁵³.

⁵¹ Например, перфораторов-репродукторов ПР80-2. О них см.: *В. Н. Клименюк*. Применение перфокарт в научных исследованиях. Киев, 1969, стр. 104.

⁵² *И. Д. Ковальченко*. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, гл. VI; *он же*. Об опыте математико-статистической обработки выборочных данных о крестьянском хозяйстве в России XIX века.— «Вестник МГУ», серия IX, 1966, № 1; *он же*. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях.— «Историко-краеведение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 115—133.

⁵³ *Д. В. Деоник, Г. М. Добров, Ю. Ю. Какж* и др. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969; *К. В. Хвостова*. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.).— «Историко-социологический очерк». М., 1968, стр. 112 и далее; *И. Сильдмяз, Л. Выханду*. О применении математических методов к проработке данных о феодальной ренте.— «Ученые записки Тар-

Для уяснения особенностей матричных носителей информации самостоятельное значение приобретает определение их места в общем ряду исторических источников. Сделать это довольно трудно, так как классификация источников является сложной проблемой, остающейся и поныне остро дискуссионной.

Среди различных общих классификаций исторических источников наиболее распространена классификация, основанная на разделении их по формам отражения исторического процесса. Она намечает такие группы исторических источников, как вещественные, этнографические, лингвистические, фольклор, письменные, кино-фото-фонодокументы. Сознвая условность этой схемы⁵⁴, мы не видим других, имеющих какое-либо заметное преимущество и более приемлемых решений⁵⁵. Попытки более углубленного разделения перечисленных групп источников нельзя признать удачными⁵⁶. При использовании же этой класси-

туского государственного университета», вып. 183. «Труды по правоведению», IV. Тарту, 1966 и др.

⁵⁴ С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 36.

⁵⁵ Критический разбор различных классификаций см. в следующих работах, посвященных теоретическому источниковедению: М. К. Макаров. О принципах классификации письменных источников.— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 16. М., 1961, стр. 16—17; В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества.— «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 6—9; С. М. Каштанов, А. А. Курносоев. Некоторые вопросы теории источниковедения.— «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 177—178; М. П. Губенко, Б. Г. Литвак. Указ. соч.; Л. Н. Пушкарев. Классификация источников в советском источниковедении (1917—1964).— «Вопросы архивоведения», 1965, № 1, стр. 22—30 и др.

⁵⁶ В источниковедческой литературе предпринимаются попытки отнесения названных групп к особым типам источников, которые в свою очередь последовательно разделяются на «роды, разделы, виды». При этом указывается, что «отсутствуют резкие непереходимые границы между отдельными типами, родами и видами» (Л. Н. Пушкарев. Топологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 14, 23). С учетом даже такой оговорки мы ясно представляем, что имеем дело с иерархической классификацией, которая чрезвычайно уязвима. К источникам, рожденным сложными процессами и отражающим эти процессы во всем их многообразии, очевидно не подходит разделение, включающее субординацию и координацию, даже с оговорками о распылчатости граней между подчиненными и соподчиненными понятиями. Недостаточность этой классификации хорошо подчеркнута С. О. Шмидтом, который говорит о комплексных типах источников (С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 36). Кинофильмы, например, содержат изобразительную, словесную, звуковую, мимическую формы отражения действительности. Как же производить дальнейшее разделение таких источников? Формально-логическая классификация не дает здесь каких-либо бесспорных решений. Не ставя перед собой задачу подробного рассмотрения данного вопроса, отметим, что наиболее перспективной может явиться многоаспектная классификация, учитывающая необходимые признаки с достаточной степенью полноты. Только сочетание (а не логическое подчинение) признаков может составить полную, ничем не ограничиваемую характеристику любого вида источников. История — процесс

фикации становится вполне очевидным, что среди названных групп источников нет такой, к которой можно с уверенностью отнести матричные носители информации. Они своеобразны по форме отражения исторического процесса, по способу записи информации, по методам и приемам их изучения и т. п.

Многие специалисты в области кибернетики не мыслят будущее науки без широкого, всеобъемлющего использования матричных носителей информации. Говоря о перспективах создания так называемых «банков данных» (учреждения, в которых будут храниться и использоваться матричные документы), академик В. М. Глушков пишет: «При обычных методах хранения информации могут потребоваться многие месяцы и даже годы, чтобы собрать в архивах все необходимые данные и подготовить их для обработки на ЭВМ. В случае автоматизированного банка данных на такие операции уйдут считанные минуты»⁵⁷. Историкам, очевидно, также следует продумать вопрос о создании банков данных, включающих ретроспективную информацию.

Миллионы, миллиарды матричных носителей, использованных и используемых в учреждениях, организациях и на предприятиях СССР, должны рассматриваться не только как продукт имевших место одновременных научных изысканий и оперативных расчетов, но и как орудие исторического анализа, многоаспектного познания путей развития человеческого общества.

В рамках статьи не было возможности остановиться на всех вопросах, относящихся к изучению матричных носителей как исторических источников. Некоторые из них даже не сформулированы должным образом. Это предстоит еще сделать. Пока же — важно привлечь внимание к этим источникам, к их судьбе, их прошлому, настоящему и, в особенности, будущему.

Сейчас предстоит принципиально осмыслить значение матричных носителей информации с тем, чтобы законодательно отнести их к составу документальных материалов Государственного архивного фонда СССР, создать условия для обеспечения их сохранности, выработать принципы и критерии отбора их на государственное хранение. На очереди дня — дальнейшая разработка источниковедения матричных носителей — массовых, динамичных документальных источников.

многомерный, и раскрывающие ее источники должны, очевидно, характеризоваться многомерным набором признаков. В этом, на наш взгляд, будет выражаться объективность классификации исторических источников.

⁵⁷ В. Глушков. Кибернетика: достижения и проблемы.— «Коммунист», 1970, № 18, стр. 80.

КНИГА КАК ОБЪЕКТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

А. С. Мильников

За последние годы в разработке истории книги достигнуты заметные успехи. Вышел в свет ряд ценных каталогов и описаний рукописной, старопечатной книги и печати XVIII в.¹ Получили монографическое освещение многие актуальные проблемы становления и развития рукописной книги, возникновения мирового и отечественного книгопечатания, общественной роли книги как одного из важнейших носителей информации². Благодаря этому стало возможным с наибольшей полнотой показать историко-культурную роль книги, приступить к разработке ее истории не в сфере формального книговедения, а на фоне и в связи с общей историей отечественной и мировой культуры. Но, хотя большой вклад в это был внесен М. Н. Тихомировым, А. А. Сидоровым, В. С. Люблинским и другими историками, полученные наблюдения и выводы до сих пор в большей части остаются в пределах специальных историко-книжных изучений. Речь идет не о простом, обычном знакомстве с ними историков, а именно о

¹ Сошлемся хотя бы на следующие труды в этой области: «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР». Сост. Н. Б. Шеламанова.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 177—272; «Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. 3, вып. 3. «Исторические сборники XVIII—XIX вв.». Сост. Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. Л., 1971; А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог. М., 1958; Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г. М.—Л., 1958; «Сводный каталог русской книги XVIII в. 1725—1800», т. 1—5. М., 1962—1967; Т. А. Быкова. Каталог русской книги кирилловской печати петербургских типографий XVIII в. Л., 1971; и др.

² «У истоков русского книгопечатания». М., 1959; «400 лет русского книгопечатания», т. 1—2. М., 1964; А. А. Сидоров. Узловые проблемы и нерешенные вопросы истории русского книгопечатания.— «Книга. Исследования и материалы». М., 1964, стр. 13—36; Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964; С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; «Пятьсот лет после Гутенберга. 1468—1968. Статьи, исследования, материалы». М., 1968; Е. М. Немировский. Начало славянского книгопечатания. М., 1971; Н. Н. Розов. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971; С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; «Рукописная и печатная книга». М., 1975; и др.

введении в проблематику источниковедческого анализа таких вопросов, как история рукописного и типографского способов книгопроизводства, динамика и статистика книжного дела, пути и формы распространения книги, особенности отдельных экземпляров книги и т. п., хотя многое зависит от целей исследования.

В библиотеках, музеях и других хранилищах рукописная или старопечатная книга является предметом изучения в первую очередь с точки зрения ее научного описания и последующего отражения в инвентарных описях, карточных и печатных каталогах и т. п. Читателей же, приходящих в эти хранилища, рукописная или старопечатная книга интересует чаще всего как конкретный исторический или литературный источник. Но и в том и в другом случае и книга и методы работы с ней более или менее постоянно находятся в поле зрения и археографов, и книговедов, и представителей отдельных отраслей знания — историков, литературоведов, искусствоведов и т. п. В этом не трудно убедиться, знакомясь, например, с работами советских авторов по истории социально-экономического, политического и культурного развития России эпохи раннего феодализма. Но уже для периода XVI—XVII вв., не говоря о позднейшем времени, положение начинает резко меняться. Книга как объект самостоятельного изучения, как правило, рассматривается только в книговедческом плане.

На практике сложилось парадоксальное положение: историки книги широко пользуются материалами исторической науки и методами источниковедения, тогда как результаты их деятельности остаются преимущественно в историко-книговедческой сфере. Значимость историко-книжных изучений вследствие этого искусственно ограничивается и даже приобретает ведомственный оттенок.

Между тем даже весьма скромный опыт обращения отдельных исследователей к данным истории книги и печати лишний раз подтверждает, насколько полезно оно для более полного раскрытия той или иной исторической эпохи. В качестве примера сошлемся на сделанный Л. М. Ивановым анализ книжного дела России конца XIX — начала XX в. в связи с рассмотрением основных путей и форм идейного воздействия правящих кругов и либеральной буржуазии на пролетариат³. Вообще отсутствие внимания у историков к специальному анализу книги в большей мере ощущается не в социально-экономических исследованиях, а в работах, посвященных истории общественной мысли и культуры, о чем мы еще будем иметь возможность говорить.

Литературоведы и отчасти историки давно уже обратили внимание на источниковедческую ценность исследования личных библиотек и собраний. «В литературной науке, — отмечал круп-

³ Л. М. Иванов. Самодержавие, буржуазия и рабочие. К вопросу об идеологическом влиянии на пролетариат. — «Вопросы истории», 1971, № 1.

ный знаток книги П. Н. Берков, — давно уже обращено внимание на изучение библиотек писателей, как сохранившихся в целом виде или частично, так и известных по различным описаниям, каталогам и другим источникам — спискам или счетам на приобретенные книги, упоминаниям в произведениях, дневниках, письмах писателя, в воспоминаниях о нем и в письмах к нему и т. д.»⁴ Вывод П. Н. Беркова имеет более широкий смысл, — как показал еще В. С. Иконников, крайне полезно включение данных о библиотечных собраниях в круг внимания историков⁵. Об этом писал и В. О. Ключевский. Не случайно положительную оценку научной общественности получили опубликованные в последние годы каталоги и описания Кремлевской библиотеки В. И. Ленина, личных библиотек Г. В. Плеханова, М. В. Ломоносова, многих русских писателей и т. д.⁶ Так, удачным экспериментом реконструкции круга чтения М. В. Ломоносова была работа Г. М. Коровина, посвященная изучению его библиотеки. Один из рецензентов справедливо отмечал: «Установление круга чтения выдающихся общественных деятелей, ученых и писателей служит важным подспорьем в изучении закономерностей и особенностей их творчества»⁷. «Книга, посвященная, на первый взгляд, узкой специальной теме, — говорилось в другой рецензии, — служит также полезным справочником по истории науки и просвещения середины XVIII в.»⁸

Ряд любопытных опытов источниковедческого использования материалов библиотечных собраний был предпринят в последние годы и за рубежом. Например, в Чехословакии не только регулярно издаются описания наиболее ценных с историко-культурной точки зрения личных, общественных и корпоративных собраний средневековья и нового времени⁹, но и предпринимают-

⁴ П. Н. Берков. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького). — «Книга. Исследования и материалы», т. 8. М., 1963, стр. 351.

⁵ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891; ср. также: Ш. Ланглау и Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. Перев. с франц. СПб., 1899, стр. 41.

⁶ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961; И. Н. Курбатова. Каталог библиотеки Г. В. Плеханова, вып. 1—4. Л., 1965; Г. М. Коровин. Библиотека М. В. Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М. — Л., 1962; Н. И. Мацуев. Личные библиотеки писателей. — «Советская библиография», вып. 2, 1952, стр. 75—83.

⁷ Д. В. Тюлицев. — Еще раз о книге Г. М. Коровина «Библиотека Ломоносова». — «Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и Академий наук союзных республик», № 47. М., 1963, стр. 119.

⁸ В. Р. Лейкина-Сви́рская. Интересное исследование. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 3, стр. 124.

⁹ J. Poch. Z kulturních dějin národního obrození. Knihovna J. A. Seydla. Praha, 1954; P. Kneidl. Havlíčkova knihovna. — «Sborník Národního muzea v Praze». Rada C, sv. 2, 1957, N 3—4, str. 53—105; «Teatralia zámecké knihovny z Radenína», t. 1. Praha, 1962.

ся попытки осмысления их в культурологическом аспекте¹⁰. Весьма перспективны исследования, проводимые во Франции по истории книжной культуры XVIII в. Лангадокский центр при университете им. Поля Валери, например, продолжил труд Дж. Вейда¹¹ по выявлению и изучению анонимных рукописных и печатных книг XVIII в. с целью «способствовать лучшему знанию Века Просвещения». В центре внимания установление местонахождения этих материалов во всех мировых хранилищах, их научное описание с раскрытием истории отдельных экземпляров и учетом имеющихся помет для последующего их анализа¹². Интересны опыты, предпринимаемые французскими исследователями по семантическому анализу книжного репертуара XVIII в. и источниковедческому обследованию личных библиотек. «Книги старых библиотек,— писал недавно Д. Рош, обращаясь к характеристике библиотеки неперменного секретаря французской Академии наук Ж. Ж. Дорту де Мэрана,— рассказывают о большой и сложной судьбе идей в обществе. Они характеризуют не только индивидуальные, но и общественные взгляды и вкусы»¹³.

Несмотря на несомненную пользу введения данных историко-книжных изучений в сферу исторического источниковедения, накопленные и даже зафиксированные в литературе наблюдения до сих пор не получили необходимого обобщения, не приведены в определенную систему и во многом носят случайный, эмпирический характер.

Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее, а тем более окончательное решение, автор этих строк хотел бы, основываясь на накопленном опыте, обратить внимание историков на принципиальные возможности использования результатов специального изучения книги. При этом целесообразно включить в анализ книги как объекта источниковедения три элемента ее изучения (или, точнее, рассматривать книгу с точки зрения трех уровней): отдельный экземпляр книги (других видов произведений печати), книжное собрание, репертуар книги (печати вообще) определенной эпохи.

¹⁰ J. Hlaváček. Neuere tschechische Forschungen zur Geschichte des mittelalterlichen Bibliothekswesens.— «Zeitschrift für Bibliothekswesen», 1960, Bd. 74, S. 364—369.

¹¹ J. O. Wade. The clandestine organisation and diffusion of philosophic ideas in France from 1700 to 1750. Princeton, 1938.

¹² Centre Lanquedocien d'étude du XVIII-e siècle. Université Paul Valéry. Циркулярное письмо в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Монпелье, 25 января 1972.

¹³ Д. Рош. Ученый и его библиотека в XVIII в.— «Век просвещения». М.— Париж, 1970, стр. 113.

Использование книги ¹⁴ в работе исследователя настолько естественное, привычное явление, что далеко не всегда ощущается ее роль как специфического исторического источника. Между тем книга не просто резервуар информации, не только инструмент в научной работе, но и продукт интеллектуальной и технологической деятельности породившей ее эпохи и как таковая она может рассматриваться в качестве исторического источника.

В этом смысле метод поэкземплярного изучения книги как памятника эпохи теснейшим образом соприкасается с источниковедческим анализом письменных источников, не только с точки зрения сходства методики, но и по существу, так как в системе классификации исторических источников рукописная книга и произведения печати являются письменным источником ¹⁵. К письменным источникам относятся и такая их разновидность, как периодическая печать. В истории России роль ее возрастает в XIX в. Газеты и журналы этого времени «становятся важнейшим фактором общественной жизни, а поэтому и важнейшим комплексом исторических источников» ¹⁶.

Идея поэкземплярного изучения книги как исторического источника основывается на предпосылке, что любая книга в этом ее качестве в той или иной мере обладает суммой только ей присущих особенностей. Как гласит известная латинская поговорка, книги имеют свою судьбу. Причем судьба их не зависит в конечном счете от того, создана ли книга от руки или любым механическим способом, существует ли она в одном, нескольких или большом количестве экземпляров. Хотя, конечно, и способ книгопроизводства, и тираж книги не могут не оказывать воздействия на то, как сложится ее судьба.

Наиболее ясен в этом смысле вопрос о рукописной книге. По характеру своего происхождения она всегда уникальна, неповторима. Сказанное, однако, не значит, будто бы рукописная книга явление единичное, не подчиняющееся в своем развитии определенным историко-культурным тенденциям. Такое представление искажало бы ее действительную историю и приносило важную общественную роль как носителя информации.

Надо учитывать, что репертуар рукописной книги в каждую историческую эпоху более или менее стабилен: распространялся, а, следовательно, и переписывался тот круг произведений, который отвечал общественным потребностям и вкусам, — и что рукописная книга являлась плодом труда не только церковнослужителей

¹⁴ Здесь и далее речь идет преимущественно о книге, хотя подразумевается возможность применения книговедческого метода и к остальным видам печатной продукции.

¹⁵ «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 25, 199.

¹⁶ «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.» М., 1970, стр. 7.

телей, любителей-одиночек, но и переписчиков-ремесленников, зачастую объединенных в особые мастерские письма, скриптории, и работавших не только на индивидуальных заказчиков, но и на рынок. Потому в известном смысле допустимо говорить о тираже рукописных книг. Так, «Титулярник», или «Корень великих государей царей и великих князей российских» был «построен» в Посольском приказе в 1672 г. в трех экземплярах, из которых два назначались для царской семьи¹⁷. Возможно, о «тираже» допустимо говорить и в тех случаях, когда рукописные книги определенного текста (например, канонические) исходили из одного скриптория.

Вместе с тем, конечно, не гипертрофируя степени различия «тиражей» рукописной книги, очевидно, что каждый экземпляр индивидуален в той мере, в какой отразил личность автора, переписчика, владельца, читателя. Даже в «Титулярнике», «построенном» в трех экземплярах, имеются различия. При сходстве текста один экземпляр (Посольского приказа) писан в лист, а два другие — в пол-листа. Имеются различия в количестве портретов¹⁸, манере их письма и т. д.¹⁹ Но если применительно к рукописной книге не следует забывать о рыночном назначении и о случаях своеобразного ее тиражирования, то едва ли допустимо пренебрегать теми различиями, которые могут существовать в пределах одного тиража печатной книги.

Специалисты, работающие с инкунабулами и старопечатными изданиями, давно уже тщательно сопоставляют одноименные экземпляры в рамках данного тиража (завода), отражая встречающиеся расхождения в научных описаниях. Отчасти подобная работа ведется в отношении изданий XVIII в. Книга нового и новейшего времени под этим углом зрения практически почти не рассматривается. Однако для такой недооценки индивидуальных особенностей конкретных экземпляров многотиражной печатной продукции, как постараемся показать ниже, нет никаких оснований.

Следовательно, сущность поэкземплярного изучения книги как исторического источника должна состоять в применении к ней принципов и приемов, сложившихся в истории рукописной и первопечатной книги в сочетании с методикой, выработанной на материалах письменных источников в источниковедении, археологии, палеографии, текстологии и других вспомогательных историко-филологических дисциплинах.

¹⁷ И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа. К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века.— «Книга. Исследования и материалы», т. 8, 1963, стр. 184.

¹⁸ А. С. Косцова. «Титулярник» собрания Государственного Эрмитажа.— «Труды Государственного Эрмитажа», т. 3, 1959, стр. 20—21.

¹⁹ М. Д. Коган-Тарковская. «Титулярник» как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в.— «Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв.». Л., 1971, стр. 61.

Методика поэкземплярного изучения книги как источника распадается по крайней мере на два основных направления — функциональный анализ книги как продукта письменности или печати и изучение истории конкретного экземпляра. Оба эти направления, разумеется, тесно взаимосвязаны.

В первом случае в центре внимания исследователя могут находиться различные аспекты книги как таковой, из которых обязательны следующие: библиографическая характеристика (авторский заголовок, выходные данные и т. п.), целевое и читательское назначение, архитектоника книги (структура, форма распределения и подачи материала), художественно-технологическое исполнение и другие признаки внешней характеристики книги (включая издательские приложения и переплет). Функциональный анализ книги-источника должен быть комплексным.

Исходным при этом является *библиографическая характеристика*. Весьма плодотворным является выявление и сопоставление таких ее элементов, как авторский заголовок (в псевдонимных и анонимных изданиях), выходные данные (место издания может быть указано фиктивное), тираж и время подписания книги в набор, в печать. Эти сведения полезно иметь при рассмотрении произведений подцензурной прогрессивной и дореволюционной большевистской печати.

Целевое и читательское назначение книги важно для определения той социальной цели, с какой она распространялась или на которую была рассчитана. В упоминавшейся статье Л. М. Иванова сообщается, что комиссия по устройству народных чтений при Министерстве народного просвещения с 1872 по 1912 г. с небольшим перерывом (1898—1905 гг.) издала 330 брошюр общим тиражом 4,2 млн. экземпляров, предназначенных для пропаганды в народе идей самодержавия и православия. Тот же смысл имела и церковно-апологетическая литература, публиковавшаяся в царской России вплоть до 1917 г.

Следует учитывать, что в тексте книги ее целевое и читательское назначение сформулировано далеко не всегда. В то же время, особенно при недостатке иных источников, выяснение его порой имеет принципиальный смысл. Так, в Чехии XVIII в., входившей в состав Австрийской монархии и переживавшей период экономического и культурного упадка, массовым по тем временам тиражом выпускалась литература, заведомо реакционная и предназначенная для идеологического воздействия на народные массы в феодально-клерикальном духе: жития католических святых, описания «чудес», рассказы о церквах, монастырях и т. д. Вместе с тем чешские типографы издавали на чешском языке учебники, календари, словари, справочники и другие образцы деловой книги. На кого была рассчитана подобная литература? Более детальное рассмотрение отдельных книг позволило ответить на вопрос, относительно которого другие источники чаще всего молчат. С 1650 по 1780 г. в Литомышле, а затем в

Праге издавался «Хозяйственный и канцелярский календарь» на чешском языке. В подзаголовке указывалось, что книга предназначена для «чиновников, писарей, юристов, мещан, купцов и лиц, занимающихся разного рода торговыми делами». Таков, стало быть, круг читателей, которые на протяжении нескольких десятилетий по разным причинам употребляли или нуждались в употреблении чешского языка. Отсюда, в свою очередь, можно заключить, что до середины XVIII в. чешский город по сравнению с последующими десятилетиями подвергся онемечиванию в меньшей степени, нежели это принято считать.

С целевым и читательским назначением непосредственно связана *архитектоника книги*. Примечательно, что К. Маркс связывал с нею степень удобства книги для читателя, а следовательно, и обеспечение ее максимальной действенности. В письме французскому издателю первого тома «Капитала» М. Лашатру 18 марта 1872 г. К. Маркс писал: «Одобрю вашу идею издать перевод «Капитала» в виде периодически выходящих выпусков. В такой форме сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение»²⁰. И все же, учитывая теоретический характер своего труда, К. Маркс выражал опасение, не будет ли форма (популярная брошюра) находиться в противоречии со структурой и методом подачи материала в «Капитале»²¹. Эти мысли следует учитывать при оценке построения изучаемой книги.

С упомянутыми элементами при изучении книги логически связано ее *художественно-технологическое* исполнение. Написана ли книга от руки, издана типографским или иным способом, снабжена иллюстрациями или какими-либо украшениями — все это имеет существенное значение для определения ее места и роли. Этой стороне К. Маркс также придавал значение. В 1852 г., обсуждая возможность литографированного выпуска циркуляра по поводу инспирированного реакцией судебного процесса в Кельне по делу Союза коммунистов, он заметил: «... ни один человек не станет читать — да и нельзя даже требовать этого — литографированных изданий объемом в 3 печатных листа»²². В типографском издании полезно обращать внимание на шрифт. Его форма, рисунок, вид важны для определения не только времени или места издания (если последнее не указано на книге или указано нарочито неверно), но и среды распространения книги. Так, в России после введения гражданского шрифта, кириллицей печатались не только книги, связанные с нуждами церкви, но и правительственные указы, реляции о победах русского оружия, учебники, календари. Это была литература, находившая спрос среди грамотного городского и крестьянского населения.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 364.

²¹ См. там же.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 140.

Правительство Петра I учитывало традиционность употребления в этой среде кириллического шрифта и старалось умело использовать данный социальный рефлекс для идеологического воздействия на народные массы.

Среди прочих признаков внешней характеристики книги упомянем как имеющие источниковедческий интерес *издательские приложения* и *переплет*. Здесь принцип поэкземплярного изучения порой дает наибольший эффект. В книгах XVIII—XIX вв., а изредка и позднее, встречаются перечни подписчиков с указанием их социального положения, места жительства и количества заказанных экземпляров. Эти списки, сохраняющиеся далеко не во всех экземплярах тиража, не входят в программу библиографического описания и могут быть выявлены только при поэкземплярном просмотре. Анализ их может быть использован в разных целях, например для изучения социальной структуры того или иного общественного или культурного движения, в частности, выяснения того, кто поддерживал распространение данной книги?

Заслуживают внимания различные рекламные тексты, помещенные на свободных страницах и издательских переплетах. Они впоследствии нередко уничтожались владельцами и переплетчиками как излишние. Сверка фактических данных, которые при этом обнаруживаются, с данными библиографического описания книги может существенно уточнить последние, не говоря уже о ценных справочных данных, которые при этом могут быть обнаружены. Так, для историка революционного, освободительного движения в России второй половины XIX в. имеют источниковедческий интерес книги о России, издававшиеся в Германии, Франции и других странах. Они, как правило, заключены в легкие бумажные издательские переплеты, на которых опубликованы рекламы о нахождении на складах книг сходной тематики или анонсы. В 1879 г. в Лейпцигском издательстве «Ф. А. Брокгауз» вышло в свет второе издание сборника статей на немецком языке «Россия накануне и после войны»²³. На обороте задней обложки читаем: «В издательстве Дункера и Гумбольда в Лейпциге ранее выпущены книги того же автора: «Из петербургского общества. 4-е, расширенное и полностью переработанное издание...»; «Новые картины из жизни петербургского общества, 2-е издание...» Далее сообщалось о двух книгах, посвященных современному положению в России, увидевших свет у Брокгауза. Книги издательства Дункер и Гумбольд не датированы, однако они рекламировались на издательском переплете книги Т. Лебльфинга «Прогулки по Западной России», выпущенной названным издательством в 1875 г. Издания такого рода являются библиографической редкостью и далеко не во всех хранилищах, где

²³ «Russland vor und nach dem Kriege. Auch «aus der Peterburger Gesellschaft». Aufl. 2. Leipzig, 1879.

они представлены, сохранили первоначальный издательский вид. Таковы, в общих чертах, основы возможной методики поэкземплярного функционального изучения книги как исторического источника. Другое, неразрывно с ним связанное направление обращено на изучение истории данного экземпляра, ибо книга тем или иным образом нередко запечатлевает свою судьбу на своих страницах.

Здесь книговедческая методика особо тесно и органично соприкасается с источниковедческим подходом и практикой исторических (и филологических) вспомогательных дисциплин. На экземпляре остаются следы использования книги — владельческие и читательские надписи и знаки — суперэкслибрисы и экслибрисы, маргиналии, различные вклейки и т. п. Иногда между строками, на полях, на титульном листе и форзаце и т. д. могут встретиться разного рода записи, хроникальные заметки и т. д., не обязательно связанные с содержанием книги, но существенные для изучения эпохи, в том числе степени и широты круга информации людей. Сошлемся на один из примеров.

В литературе давно отмечено, что ряд портретов в упомянутых выше «Титулярниках» не всегда реально соответствует изображенным на них историческим лицам. В их числе искусствоведы и литературоведы называют и портрет французского короля Людовика XV, фактически изображающий Людовика XIV. Однако почему-то не оговаривается историческая несообразность этого. В тексте всех трех экземпляров «Титулярника» приведена следующая хронология вступления на престол французских королей в XVII в.: «Людвиг XIII в лето 1610, Людвиг XIV в лето 1655, Людвих XV и ныне государствует в лето 1672»²⁴. Между тем, если Людовик XIII действительно вступил на престол в 1610 г., то Людовик XIV стал королем номинально в 1643 г., фактически (после смерти Мазарини) правил с 1661 г., но никак не с 1655 г., а его правнук, Людовик XV, родился в 1710 г. Чем же следует объяснить то, что, по данным «Титулярника», он «государствовал» уже в 1672 г., т. е. за добрых 38 лет до рождения? Плохой осведомленностью сотрудников Посольского приказа? Или еще чем-то? Вопрос пока остается открытым. Но именно история одного из экземпляров позволяет его поставить²⁵.

В целом значение разного рода помет на рукописных книгах хорошо известно. Реже принимается во внимание, что не

²⁴ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), Эрм. 440, л. 117.

²⁵ Примечательно, однако, что в экземпляре «Титулярника», хранящемся в Публичной библиотеке, в подписи к портрету «Людовик XV король французской» цифра 15 (в буквенном выражении) переправлена на 14 почерком, по-видимому, XVIII в. (ГПБ, Эрм. 440, л. 121). Эта ошибочная подпись с заменой буквенного обозначения цифровым сохранилась и в четвертом липевом списке «Титулярника», в копии XVIII в. Цифра 15 зачеркнута и исправлена карандашом на 14 (ГПБ, FIV, л. 143), а в хронологии учтен год вступления на престол Людовика XIV.

менее ценные сведения запечатлены и в книгах печатных: дарственные надписи, записи, вклейки, владельческие штампы и т. п. Они не просто позволяют судить о путях миграции данной книги, но могут явиться основой более широких обобщений. Например, о путях и степени интенсивности международных связей в ту или иную эпоху. Так, до последнего времени, ввиду явной недостаточности архивных источников, недооценивалась роль научно-культурных связей чешских земель с Россией в первой половине XVIII в. Изучение отдельных экземпляров печатных и рукописных книг, периодики XVIII в. из библиотек и архивов Советского Союза и Чехословакии, установление с помощью архивных документов и хроникальных сообщений в прессе наименований пересылавшихся изданий и т. п. дали нам основание заключить, что не только в конце XVIII в., но и намного ранее, в первые его десятилетия, чешское общество проявляло активный интерес к получению информации о России, что с 1730-х годов между чешскими и русскими учеными устанавливается обмен литературой, а с конца 1740-х — начала 1750-х годов в Чехии становятся известны труды М. В. Ломоносова, оказавшие заметное влияние на развитие естественных (геология, минералогия) и гуманитарных (история) наук²⁶. Мы уже не говорим, что выявление, систематизация и изучение покупных записей на старопечатных и рукописных книгах дает материал к историко-экономическим исследованиям. К сожалению, до сих пор это учитывается недостаточно.

Характеризуя поэкземплярное изучение книги как произведения письменности и печати, можно заключить, что в известных пределах оно безотносительно к содержанию книги. И эта безотносительность возрастает по мере углубления в толщу прошедших веков. Согласно подсчетам Н. П. Киселева, из 483 книг, изданных в Москве в XVII в., на долю литургических приходилось 410, или 84,89%, а на долю прочих книг религиозного содержания — 66, или 13,66%. Светских книг было издано лишь 7, или 1,45%²⁷. Уже из этих цифр, в какой-то мере условных, нетрудно заключить, что произведения московской печати XVII в. важны для современного исследователя прежде всего как определенный памятник материальной и духовной культуры, а не потому, что они содержали библейские или богослужебные тексты.

В связи с сказанным уместно вспомнить о методике изучения и описания русской старопечатной книги, разработанной А. С. Зерновой. При описании изданий она обратила внимание на элементы, которые позволили бы уловить те или иные общест-

²⁶ А. С. Мыльников и Т. А. Мыльникова. Первая чешская газета о России. — «Советское славяноведение», 1967, № 1, стр. 60—64; А. С. Мыльников. O slovenské sebeuvědomění v české společnosti v první polovině XVIII st. — «Slovanský přehled», 1971, N 1, str. 30—38.

²⁷ Н. П. Киселев. О московском книгопечатании XVII века. — «Книга. Исследования и материалы», т. 2, стр. 135.

венные связи, существенные для истории данной книги и тем самым — для лучшего понимания эпохи. Так, А. С. Зернова подчеркивала: «Упоминание имен царя и патриарха важно для характеристики изданий, так как личность обоих, особенно патриарха, явно отражалась на составе книг, напечатанных в их время»²⁸. Подход этот получил широкое распространение среди советских книговедов, главным образом работающих над тщательным описанием старопечатных изданий в библиотеках и музеях. Во многом сходными методами пользуются, например, и такие известные зарубежные книговеды, как Д. Барникот и Д. Симмонс (Англия). Нам представляется уместным подчеркнуть целесообразность распространения такой методики и на книгу нового и новейшего времени.

* * *

Книга, раз появившись на свет, начинает жить своей жизнью, переходит из рук в руки, оседает в хранилищах. Отсюда вытекает целесообразность анализа фондов книгохранилищ, в особенности личных библиотек, зачастую менее известных, нежели крупные государственные или общественные книгохранилища.

Отмечая плодотворность изучения личных собраний на примере писательских библиотек, П. Н. Берков замечал: «Эти данные, а в особенности непосредственное знакомство с экземплярами книг из библиотеки того или иного писателя, почти всегда вносит в наши представления о нем и о его творчестве много нового и подчас неожиданного, интересного не только исследователю, но и широкому кругу читателей. Благодаря этому выясняется не только круг проблем, привлечших внимание автора, но и его отношение к читаемому материалу, проявляющееся в форме помет, надписей на полях (маргиналий), отчеркиваний, подчеркиваний, бумажных закладок, вкладок разного рода, например, газетных вырезок, соответствующих выписок из произведений других писателей, записей на переплете или обложке и пр.»²⁹. Слова эти можно отнести и к любым, не только писательским, личным библиотекам. Так, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится библиотека Вольтера, приобретенная Екатериной II вскоре после смерти просветителя в 1778 г. Полностью сохранившая состав книг и рукописей, сложившийся в последний период жизни Вольтера, библиотека эта являет собой уникальный образец культуры французского Просвещения³⁰. Едва ли не наиболее ценной ее

²⁸ А. С. Зернова. Книжки кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог. М., 1958, стр. 6.

²⁹ П. Н. Берков. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького), стр. 351.

³⁰ «Библиотека Вольтера. Каталог книг». М.—Л., 1961.

особенностью являются пометы Вольтера на собранных им книгах, позволяющие проникнуть в лабораторию мыслителя, глубже понять эволюцию его мировоззрения, его научные и общественно-политические взгляды, симпатии и антипатии. В настоящее время Публичная библиотека ведет работу по изданию корпуса маргиналий Вольтера. После ее завершения исследователи получат ценный материал по истории Франции и французской культуры XVIII в.

Изучение содержимого личных библиотек существенно не отличается от охарактеризованной выше методики поэземплярного изучения. Различие заключается в возможности комплексного рассмотрения собранных книг при первостепенном внимании к их индивидуальным особенностям. Иными словами, здесь будет преобладать не функциональный подход, а история данного экземпляра как органической части собрания. Поэтому на передний план выступают такие вопросы, как история собрания (было ли оно полностью или частично собрано владельцем, унаследовано или приобретено от другого лица), его тематическое содержание и соотношение книг по отдельным отраслям знания, характер его организации (наличие каталогов, картотек, совместного хранения книг и вырезок из периодической печати и т. п.) и использования (связь состава личной библиотеки с литературой, цитируемой владельцем в своих авторских трудах). Для установления круга общественных связей владельца библиотек значение имеет анализ дарственных надписей на принадлежавших ему книгах.

Все это достаточно существенные элементы изучения состава личных библиотек. Хотя следует трезво подходить к возможным его результатам, ибо наличие или отсутствие в библиотеке какой-нибудь книги само по себе не говорит ни за, ни против возможного знакомства с ней владельца. И даже если не каждая имеющаяся книга могла быть использована им, а некоторые могли осесть или попасть сюда случайно, то сумма определенных книг, если путем их анализа удастся нащупать закономерности подбора, может свидетельствовать об определенных политических, научных, художественных, общекультурных интересах владельца библиотеки, о круге его чтения, а опосредованно и об условиях научного и общественного развития соответствующей эпохи.

* * *

Первые два элемента изучения книги как источника — поэземплярно и в составе собраний — носят вполне реальный, вещный характер. Данную книгу можно взять в руки, рассмотреть, описать, исследовать, столь же осизаемо сопоставить с любой другой книгой и т. п. В отличие от этого третий элемент — книжный репертуар эпохи — носит в значительной степени умо-зрительный характер, является, применяя термин А. А. Зимина,

«элементом источниковедения системы»³¹. Это те типы, виды и конкретные названия произведений письменности и печати, которые обращались в определенное время и образовывали совокупный круг или систему общественного чтения.

Разумеется, фонды крупных национальных библиотек, где хранение книг осуществляется по хронологическому признаку, исследователь просто физически не может полностью просмотреть, а тем более изучить.

Репертуар книги интересующего исследователя периода необходимо уметь воссоздавать. В одних случаях нужные сведения можно почерпнуть в соответствующих книговедческих трудах, прежде всего в библиографических указателях, учитывающих печатную продукцию за определенный отрезок времени³².

Использование библиографических трудов намного облегчает возможность обозрения общей картины книги, издававшейся в данный период. В противном случае необходима самостоятельная подготовительная работа исследователя, особенно памятуя, что наряду с современными изданиями могли обращаться книги более раннего времени, а также поступавшие из-за рубежа.

Методика изучения книжного репертуара эпохи имеет свои особенности, приближающие ее к методике анализа массовых источников. При этом основное внимание должно быть направлено на выявление динамики и ведущих тенденций развития книжного дела; установление соотношения книг по отдельным отраслям знаний или тематическим группам; определение характера спроса на книги, в том числе на старые и ввозимые из-за границы; выяснение реальной роли книги в данный период и степени удовлетворения общественных потребностей; статистические подсчеты.

Рассмотрение этих вопросов в различной их комбинации оказывается порой плодотворным, в чем нам удалось убедиться при изучении истории общественно-политического и культурного развития чешских земель в конце XVII—XVIII вв. Чешский народ, включенный в состав империи Габсбургов, подвергался национально-политическому порабощению. Каковы же были идейные истоки последующей эволюции прогрессивной общественной мысли и культуры? Можно ли утверждать, что в обстановке глубокого культурного упадка и онемечивания значительной части чешского населения сохранялась определенная преемственность культурного наследия, подготовившая к исходу XVIII в. замечательный духовный взлет национального Возрождения? И какова была та социальная среда, которая определяла общие черты

³¹ «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 436.

³² Первичные сведения для подобных разысканий см. в кн.: *Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века*, изд. 2. М., 1951; *М. В. Машкова. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года)*. М., 1969; *К. Р. Симон. История иностранной библиографии*. М., 1963.

и характерные особенности чешской национально-просветительской идеологии? Прямого ответа на эти вопросы сохранившиеся документальные материалы почти не дают. Между тем на материалах истории книги внутренняя эволюция этих процессов прослеживается довольно хорошо. К ним относятся данные о связях между тематикой, читательским назначением и языком изданий; сравнительный анализ роли и места печатной и рукописной книги; соотношение тематических групп в пределах книжного репертуара тех десятилетий и т. п., включая изучение сохранившихся экземпляров книг, сыгравших особо выдающуюся роль.

Сами по себе суровые преследования «еретиков» католической церковью и государством в конце XVII — начале XVIII в. объективно свидетельствовали о сохранении в широких массах народа национально-культурных и антикатолических, в том числе гуситских, традиций. В предисловии к индексу запрещенных книг «Ключ еретических заблуждений» (1729, 1749) чешский иезуит А. Кониаш сокрушался, что многие люди, вопреки суровым карам, скрывают у себя запрещенные книги, и призывал «побудить каждого правоверного к искоренению еретических книг». Таким образом, достигнув в 20—50-е годы XVIII в., казалось бы, апогея, политика контрреформации на деле потерпела поражение, со всей очевидностью сказавшееся несколько десятилетий спустя.

Стеснения, воздвигнутые после 1620 г. на пути книгопечатания, привели к оживлению (рецепции) в XVII—XVIII вв. рукописного способа книгопроизводства. От этих десятилетий сохранилось большое количество рукописных книг на чешском языке правоучительного, этического, сатирического, исторического, правового, медицинского, богословского и бытового характера, а также рукописные газеты и летучие листки. Рукописная традиция, о которой идет речь, представляла собой самостоятельное культурное явление, равноправное с книгоиздательским делом, и с этой точки зрения совершенно неизученное. Его существование отразило реальный общественный спрос в крестьянской и городской среде на чешскую книгу, что, в свою очередь, привело к появлению лиц, специализировавшихся на составлении и изготовлении рукописной книги — «письмаков» из числа грамотных крестьян и демократических слоев горожан. Сам факт существования рукописного способа книгопроизводства представлял собой стихийную оппозицию барьерам, воздвигнутым реакционной политикой Габсбургов на пути нормального развития чешской национальной литературы и культуры в целом.

В среде чешского крестьянства и городских низов происходил процесс выработки элементов демократической идеологии, чрезвычайно аморфной, противоречивой и исполненной наивных иллюзий. В крестьянской среде существовал устойчивый интерес к национальным традициям и родному языку. Об этом свидетельст-

ует, например, деятельность переписчиков книг — «письмаков», широкое распространение в крестьянской среде рукописной и старопечатной чешской книги, наконец, богатый фольклор XVIII в. Интересные результаты дает книговедческое и археографическое рассмотрение отдельных экземпляров рукописных книг, в частности, анализ приписок. Сделанные по большей части на разговорном чешском языке, они свидетельствовали, что простые люди и в период глубокого упадка культуры оставались верными родному языку. В этом и состоял важнейший по значимости вклад народных масс в сохранение и развитие национально-культурной традиции. Вместе с тем они оказали существенное культурное воздействие и на чешский город.

Изучение репертуара и читательского адреса печатной и рукописной книги и других источников свидетельствует о том, что при несомненном господстве в повседневной жизни немецкого языка сравнительно широкие слои горожан до середины XVIII в. употребляли или вынуждены были употреблять по разным причинам чешский язык. И не случайно, что именно в городской среде с конца XVII в. сложился и работал небольшой круг лиц, посвятивших себя сознательной защите национальных прав чешского народа.

Между тем, как указано выше, до последнего времени роль горожан в отстаивании национальной культуры и чешского языка в XVII—XVIII вв. зачастую недооценивалась. Анализ отдельных экземпляров и книжного репертуара в целом позволяет исправить такую недооценку. К подобным выводам на материалах чешской рукописной книги XVII в. пришел и видный чехословацкий литературовед Й. Грабак³³. Вместе с тем анализ репертуара книги указанной эпохи позволяет заключить, что и в обстановке клерикализма пробивали себе дорогу тенденции светской, деловой книги. Генезис передовой по тому времени идеологии просветительского типа был обусловлен не только соответствующими социально-экономическими сдвигами, но во многом был генетически связан с наличием определенных внутренних идейно-политических, культурных предпосылок.

Вообще анализ репертуара книги определенной эпохи поучителен во многих отношениях. Книга отражает основные черты и особенности породившей ее эпохи, и если репертуар книги представляет собой своего рода аккумулятор интеллектуальной энергии человечества, то привлечение данных истории книги при исследовании определенной эпохи, в особенности ее идейного развития, позволяет получить необходимую общую или первичную информацию об эпохе, на основе которой возможен более

³³ См. его предисловие к кн.: «Smutní kavaléři o lásce. České milostné poesie 17 st.». Praha, 1968, str. 5—74; см. также: А. С. Мильников. Новая публикация чешской лирической поэзии XVII в.— «Советское славяноведение», 1970, № 6, стр. 99—100.

обоснованный дальнейший отбор конкретных источников исследования. Вместе с тем очевидно, что полнота такой информации прямо пропорциональна степени общественного влияния книги, тому значению, которым она в большей или меньшей мере обладает.

* * *

Никакая методика не универсальна. Это в полной мере относится и к предложенному подходу к книге как историческому источнику. Возможность равномерного применения трех его элементов, а, в конечном счете, и результативность в целом зависят от ряда факторов, в том числе от двух главных: темы исследования и ее хронологических рамок. Мы полагаем, что более успешно применение описанного подхода в исследованиях по истории общественной мысли, идеологии и культуры, хотя это отнюдь не исключает возможности применения его и в работах по социально-экономической проблематике.

Что касается хронологии, то более перспективным этот подход представляется для времени до XIX в. Умножение печатной продукции в последующий период делает, например, не всегда целесообразным или даже возможным поэкземплярное изучение массовых изданий. Вместе с тем применение этого подхода в связи с изучением личных и иных библиотек, а также анализ книжного репертуара остаются вполне правомерными и при этих оговорках. Для XIX—XX вв. метод источниковедческо-книговедческого анализа произведений печати может быть рекомендован, но в более полном объеме он применим к отдельным типовым группам книги и печати нового времени, например к русскому лубку, изданиям эпохи Парижской Коммуны, к листовкам первых лет Советской власти и т. п.

В погоне за неопубликованными, архивными материалами исследователи нередко упускают из вида самый доступный источник — книгу и произведения печати вообще — овековеченный носитель исторической памяти. Результаты источниковедческого анализа книги, построенные по формуле «история данного экземпляра — история данного книжного собрания — репертуар книги данной эпохи», обеспечивают более полное, эффективное изучение такого привычного, широко известного и вместе с тем такого специфического носителя информации, каким является книга.

ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В НЕКОТОРЫХ РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ФИЛОСОФОВ

Л. Н. Пушкарев

Задача совершенствования комплекса понятий источниковедения вплотную встала перед советскими историками лишь в последнее время. Развитие теории источниковедения потребовало уточнения многих казавшихся ранее бесспорными вопросов и понятий; возникли различные точки зрения по таким кардинальным проблемам, как определение и классификация исторических источников, взаимоотношение исторического факта и исторического источника и др.

Цель настоящей статьи — обратить внимание историков на необходимость использования философских работ, посвященных методологическим проблемам источниковедения. Наряду с критическим их рассмотрением, — что, безусловно, важно, — нужно шире применять в исследовательской практике добытые философами теоретические решения проблем, стоящих на стыке источниковедения, истории и философии. К ним относятся связь источниковедения с теорией отражения, принципы партийности в применении к методике источниковедческого исследования, влияние методологии историка на интерпретацию исторических источников и многие другие.

Нельзя сказать, чтобы советское источниковедение совсем не затрагивало эти вопросы. Наоборот, для современного этапа его развития характерен как раз повышенный интерес к теоретическим и методологическим проблемам. Вышедшие за последнее время монографии и сборники статей — наглядное тому доказательство. Возросший интерес к методологии, присущий вообще всей науке середины XX в., в области источниковедения сопровождается появлением работ философского характера, в которых достижения советских источниковедов используются для построения более общих концепций.

Преимущественное внимание, и это вполне естественно, советские философы уделили методологическим проблемам истории¹

¹ См., например: А. В. Гулыга. О характере исторического знания. — «Вопросы философии», 1962, № 9; он же. О предмете исторической науки. —

и лишь отчасти источниковедения, причем в той его области, которая в недавнее время получила название «теоретического источниковедения». В работах последнего десятилетия устойчивым интересом пользуются такие проблемы, как само понятие «исторический источник»², предмет и задачи источниковедения, соотношение исторической науки с источниковедением и другими вспомогательными (специальными) дисциплинами и ряд других более частных вопросов теории источниковедения.

Правда, большая часть поднятых проблем еще весьма далека от своего разрешения. Источниковеды-практики до сих пор еще порой сдержанно-скептически относятся к методологии и теории источниковедения. Это объясняется многими причинами. Во-первых, историки отчетливо осознают, что даже самое сознательное и последовательное применение на практике общеметодологических указаний не может еще гарантировать получения верных и исчерпывающих результатов. Во-вторых, методология значительно отстает от развития самой науки. «Ученые сначала находят что-то,— писал Дж. Бернал,— а затем уже, как правило, безрезультатно, размышляют о способах, которыми это было открыто»³.

Именно это и произошло, например, с центральным понятием теоретического источниковедения — с определением исторического источника. В течение многих веков ученые пользовались историческими источниками.

В XIX в. появились первые работы в области теории источниковедения, но лишь в XX в. ученые стали задумываться над тем, как теоретически обосновать само понятие исторического источника. В наши дни эта проблема волнует советских и иностранных историков. Все чаще в современной зарубежной литературе встречается критика заветных еще источниковедами XIX в. опреде-

«Вопросы истории», 1964, № 4; *он же*. Понятие и образ в исторической науке.— «Вопросы истории», 1965, № 9; *В. Н. Орлов*. Роль научного описания в историческом исследовании.— «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1966, № 1; *Н. А. Девяшин*. Философский анализ исторического закона. Автореферат канд. дисс. Томск, 1969; *М. П. Завьялова*. Проблема моделирования в историческом исследовании. Автореферат канд. дисс. Томск, 1970; *В. Е. Чумак*. Преобразование исторического в логическое. Автореферат канд. дисс. Киев, 1971; *К. Д. Петряев*. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971; и др. Появились даже популярные труды на эту тему, что свидетельствует о пробуждении у широкого читателя «аппетита» «не только на историческую литературу, но и на литературу об исторической литературе» (*Дж. Ахмедли, Х. Согомонов*. Об историческом познании. (Популярный очерк методологических вопросов). Баку, 1969, стр. 3).

² См.: *М. Н. Терешко*. Понятие исторического источника в современной польской методологии истории.— «Ученые записки Томского гос. ун-та», 1971, № 82, стр. 56—67; *он же*. Философские вопросы источниковедения в современной польской методологии истории. Автореферат канд. дисс. Томск, 1971.

³ *Дж. Бернал*. Наука в истории общества. М., 1967, стр. 93.

лений источника, как «следа прошлого», «остатка прошлого», «памятника прошлого» и т. д.⁴ Все большее количество современных методологов, философов и источниковедов склоняется к тому, чтобы расширить само содержание понятия «исторический источник», включив в него все, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества.

Правда, на пути подобного толкования источников ряд исследователей, не останавливаясь на включении в определение понятия непосредственности отражения реальной действительности, идут еще дальше, определяя исторический источник как «все то, что содержит информацию об исторических фактах»⁵, тем самым смешивая понятия «исторический источник» и «историческое исследование», уничтожая грань между собственно историческим источником и данными многих других наук, используемыми источниковедением.

Обзор философской литературы как советской, так и зарубежной, за последние годы убеждает нас в том, что философы весьма внимательно и критически изучают источниковедческую литературу. Философская мысль правильно оценила неточность и недостаточность известного еще с XIX в. и широко распространенного в советском источниковедении после работ М. Н. Тихомирова определения исторического источника как памятника прошлого⁶, подчеркнув, что «некоторые современные явления могут служить историческим источником. Поэтому трактовать

⁴ Из сказанного вовсе не следует, что эти термины окончательно ушли в прошлое. Некоторые философы, правда, без всякой мотивировки, продолжают ими пользоваться (см., например: *Н. П. Французова*. Анализ «следов прошлого» как начало исторического познания.— «Ученые записки кафедр марксистско-ленинской философии ВПШ», вып. 8. М., 1971, стр. 106—129). Следует учесть, что автор решает свои проблемы главным образом на материале исторической геологии, где понятие «следа» имеет несколько специфическое значение. Л. С. Трепова также употребляет этот термин: «Исторические источники — эти следы прошлых эпох, будучи идеальным отражением и воплощением в себе человеческой энергии (духовной и физической), затраченной в прошлом, выступают перед историком как объективная основа познания исторического прошлого» (*Л. С. Трепова*. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. Канд. дисс. Минск, 1970, стр. 54—55 (ГБЛ, рукопись).

⁵ *J. Topolsky*. O pojęciu i roli wiedzy pozaźródłowej.— «*Studia Metodologiczne*», Poznań, 1967, N 3, str. 23; *W. Moszczeńska*. Metodologii historii zarys krytyczny. Warszawa, 1968, str. 65. См. также указанную выше статью М. Н. Терешко «Понятие исторического источника в современной польской методологии истории», а также: *О. М. Медушевская*. Польский источниковедческий ежегодник «*Studia źródłoznawcze. Commentationes*» (1957—1971 гг.).— «Вопросы истории», 1972. № 2, стр. 185—191.

⁶ См., например, *Р. С. Мнухина*. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970, стр. 3; *В. И. Стрельский*. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968, стр. 16; *М. Н. Черноморский*. Источниковедение истории СССР (советский период). М., 1966, стр. 5; «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в». М., 1970, стр. 3.

исторический источник как элемент прошлого в ряде случаев представляется неоправданным»⁷.

Весьма интересна попытка, предпринимаемая в современной философской литературе, разграничить понятия «исторический памятник» и «исторический источник». Впервые эта мысль была развита еще до революции⁸. Ту же идею, правда, без ссылки на предшественника, выдвинул М. К. Макаров. Идея заключается в том, что «письменный исторический памятник, отобранный для освещения того или другого вопроса, дающий что-либо для его освещения, после проведения внешней критики становится источником изучения этого вопроса или темы»⁹.

Верная сама по себе мысль изложена М. К. Макаровым, однако, неточно. Источником становится не только письменный исторический памятник, но и вещественный, устный, лингвистический и т. д. Неверно также утверждение автора, что памятник становится источником после проведения только внешней критики. А разве так называемая внутренняя критика не важна для превращения памятника в источник?

Гораздо более точным и верным (в разграничении понятий «исторический памятник» и «исторический источник») является решение вопроса, предложенное Г. А. Антиповым. Автор, разграничивая прежде всего позиции историка и источниковеда, пишет: «Некоторый объект, явление действительности становится историческим источником тогда, когда относительно него ставится задача получения знания о прошлом, т. е. о другом объекте. Опираясь с историческим источником, исследователь получает ответы на интересующие его вопросы об историческом прошлом. В данной ситуации исследователь и выступает как собственно «историк», а объект его деятельности — как «исторический источник».

Цель источниковеда в другом, поэтому в его позиции относительно того же самого явления действительности ставятся иные задачи и совершаются иные познавательные процедуры,

⁷ Г. А. Антипов. Исторический источник и его функции в историческом исследовании.— «Проблемы исследования структуры научного познания». Новосибирск, 1970, стр. 203 (далее — Г. А. Антипов. Исторический источник...).

⁸ И. Ф. Колесников. Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника. М., 1914, стр. 3 (отд. отт. из «Отчета императорского Московского археологического института им. императора Николая II за 1912—1913 гг.». М., 1914, приложения, стр. 1—32).

⁹ М. К. Макаров. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР.— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 17. М., 1963, стр. 6. М. К. Макарова поддержал С. О. Шмидт, предложивший выделить «потенциальный исторический источник, или «предысточник»» (С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 31). Понятие потенциального источника было введено в науку Е. Топольским (*J. Topolski*. Op. cit., str. 23; см. также: *W. Moszczeńska*. Op. cit., str. 72—74).

чем те, которые осуществляет историк. Для того чтобы с некоторым материалом можно было оперировать как с историческим источником, он должен быть предварительно помещен в предмет деятельности «историка». Определяя происхождение, достоверность, подлинность памятника, «источниковед» приводит его материал в функциональное соответствие задачам, которые будут поставлены относительно него историком»¹⁰.

Г. А. Антипов правильно отметил, что не только письменный исторический памятник, а любой объект и явление действительности могут быть историческим памятником, для превращения которого в источник необходим весь комплекс источниковедческого анализа (определение происхождения, достоверности и подлинности), а не только одна внешняя критика.

Однако М. К. Макаров прав в другом — в том, что разделение понятий «исторический памятник» и «исторический источник» тесно связано с проблемой классификации и что классифицировать можно только «исторические памятники». Именно относительно них и должна быть выработана единая схема деления с единым принципом разделения (*principium divisionis*). При делении же «исторических источников» единой системы классификации выработать нельзя, так как действуют иные законы деления, так называемая систематизация источников, тесно связанная с целью и задачами конкретного исторического исследования, им подчиняющаяся и их обслуживающая.

Г. А. Антипов попытался дать как раз классификацию не «исторических памятников», а «исторических источников», т. е. то, что принято называть систематизацией источников. Его система деления основана на характере деятельности, на типе операций, производимых историком над источником. Всего (по этому принципу деления) автор различает пять типов источников.

При работе над источниками первого типа историк просто включает источник в текст своего исследования в виде фото, рисунка, документа (целиком) и т. д. К источникам второго типа относятся те, из которых исследователь выделяет, фиксирует необходимые ему факты и тем самым необходимую информацию и включает это в свое исследование в виде цитаты, пересказа и т. д. Третий тип источников дает необходимые данные в результате «нахождения значения функций», т. е. определенные данные источника (например, повышенный штраф за убийство высоко-

¹⁰ Г. А. Антипов. Исторический источник..., стр. 203—204. О познавательных процедурах в работе источниковеда см. также Ю. В. Петров. Причинность и причинное объяснение в исторической науке. Автореферат дисс. Томск, 1969; М. П. Завьялова. Проблема моделирования в историческом исследовании. Автореферат канд. дисс. Томск, 1970; А. Н. Елсуков. Проблема объяснения в социально-историческом исследовании. Автореферат канд. дисс. М., 1969; Н. М. Дорошенко. Проблема факта в историческом познании. Автореферат. канд. дисс. Л., 1968; В. Б. Власова. Проблема истолкования в историческом исследовании. М., 1966.

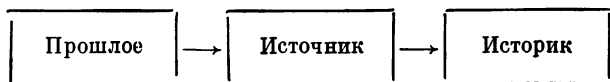

поставленного лица) дают основание сделать определенный вывод. Четвертый тип источников требует «переработки эмпирического материала» и обработки его при помощи статистических или математических методов. К нему относятся всевозможные источники по экономической истории, делопроизводственные книги, требующие перегруппировки материала. К пятому типу относятся источники, действующие как модели, например каменным топором археологи пробовали рубить деревья, чтобы определить его рабочие качества.

Приведенная систематизация источников, имеющая все права на существование, так как основана на едином и последовательно проведенном признаке деления, к источниковедению имеет лишь косвенное отношение. Она не раскрывает источниковедческой ценности источника, не подсказывает, как он отображает реальную действительность, где и что может найти исследователь для раскрытия своей темы. Конечно, историк употребляет все перечисленные Г. А. Антиповым приемы в практике написания своей работы: одни источники он использует целиком, другие включает в текст в виде отрывков, на основе третьих создает выводы для доказательства своих взглядов, четвертые существенно перерабатывает для получения нужных данных и т. д. Количество подобных приемов может быть легко увеличено.

Нельзя не заметить при этом, что в предложенную Г. А. Антиповым систематизацию источников входит не только объект нашего исследования — источник, но и историк, точнее — используемые им приемы исследования. Это снижает объективность систематизации, имеющей значение для понимания логики и структуры научного исследования и методологии научного познания, но мало что дающей историку и источниковедцу. Предложенная Г. А. Антиповым новая систематизация не изменила нашего представления об историческом источнике как таковом, о проблеме классификации исторических памятников и систематизации исторических источников.

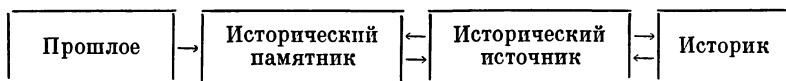
В связи с разграничением понятий «исторический памятник» и «исторический источник» Г. А. Антипов в другой своей работе¹¹ предлагает усложнить уже разработанную в советском источниковедении схему¹²:

¹¹ Г. А. Антипов. Место источниковедения в системе историографического исследования. — «Проблема исследования структуры научного познания». Новосибирск, 1970 («Научные труды Новосибирского гос. ун-та». Философская серия, вып. 3).

¹² Л. Н. Пушкарёв. Исторический источник в свете ленинской теории отражения. — «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». Сб. статей. М., 1970, стр. 81.

в четырехчленную связь:

совершенно справедливо указывая на наличие не только прямых, но и обратных связей в работе источниковеда и историка. Иными словами, анализируя исторический памятник, критикуя его, устанавливая его происхождение и достоверность, источниковед пользуется всей суммой накопленных знаний (на схеме эти обратные связи изображены стрелками) ¹³. Введенное расчленение, полагает автор, поможет различить позиции источниковеда и историка, что представляется особо важным в связи с тем, что источниковеды якобы подвержены иллюзии, что «источниковедение практически сливается с историческим исследованием» ¹⁴.

В этом, как нам кажется, автор неправ. В результате деятельности источниковеда происходит процесс претворения исторического памятника в исторический источник; последний становится объектом деятельности историка, который на основе его анализа воссоздает научные факты — наше знание о прошлом. Но так как деятельность источниковеда немислима без использования уже добытых наукой исторических фактов, источниковедение сливается с историческим исследованием, равно как и историческое исследование смыкается с источниковедческими разысканиями, опирается на них в работе, развивая дальше полученные результаты. С. М. Каштанов и А. А. Курносков не смешивают источниковедение с историческим исследованием, а подчеркивают их глубокую диалектическую взаимосвязь. Поэтому следует весьма высоко оценить стремление современной философской мысли подчеркнуть значение и смысл так называемых «обратных» связей между историей и источниковедением, равно как и разделение работы историка на два этапа: получение исторических фактов и создание на их основе конечного продукта истории как науки и исторической теории изучаемого процесса.

Получается своеобразный «конвейер» исследовательской работы:

в котором прямые и последовательные связи осложняются обратными влияниями.

¹³ Г. А. Антипов. Место источниковедения в системе историографического исследования, стр. 219.

¹⁴ С. М. Каштанов, А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения. — «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 175.

Предложенная Г. А. Антиповым схема наглядно показывает значение теории для развития источниковедения, равным образом основополагающее значение источниковедческих разысканий как для установления исторических фактов, так и для создания исторических теорий.

Аналізу различных определений исторического источника с целью выяснения гносеологических оснований разных типов определений и установления места источника в системе научного исследования посвящена специальная работа Г. А. Антипова и М. А. Розова. Авторы видят свою задачу в том, чтобы дать методологический анализ сложившейся в исторической науке ситуации. Они выделяют четыре типа определений и дают им такие названия: «функциональное», «структурно-функциональное», «морфологическое» и «смешанное», включающее в себя все три предшествующие определения¹⁵.

Авторы полагают, что первый тип определения источника, который они называют «функциональным», ведущий свое начало еще от А. С. Лаппо-Данилевского¹⁶, — это методологическое определение, недостаточное для источниковеда, но вполне приемлемое для методолога. Историк, по их мнению, использует в своей работе все типы представлений об источнике, выработанных для него источниковедением; источниковед же изучает источник «в виде некоторой целостной, относительно обособленной и специфической системы». Что это за система, авторы не говорят, а только высказывают предположение, что это может быть «определенная конкретная система знаковой, семиотической деятельности общества»¹⁷.

Статья Г. А. Антипова и М. А. Розова, как мы видим, связывает появление различных определений исторического источника с разными задачами в работе историка и источниковеда. Четкое осознание специфики и значимости этих задач будет способствовать, как считают авторы, дальнейшему развитию научной мысли в этой области.

Работа Г. А. Антипова и М. А. Розова весьма показательна для современного уровня развития философской мысли. Советские ученые пытаются осмыслить достижения источниковедов, истолковать с философской точки зрения определения источника,

¹⁵ Г. А. Антипов, М. А. Розов. К определению исторического источника.— «Научные труды Новосибирского гос. пед. ин-та», вып. 68. Новосибирск, 1971, стр. 88—90.

¹⁶ Источником исторического знания, говорил А. С. Лаппо-Данилевский, можно назвать «всякий реальный объект, который изучается не ради него самого, а для того, чтобы получить знания о другом объекте, т. е. об историческом факте» (А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. 2. СПб., 1913, стр. 367).

¹⁷ Г. А. Антипов, М. А. Розов. К определению исторического источника. стр. 98. Нельзя не подчеркнуть, что авторы разграничивают деятельность историка и источниковеда, отмечая, что историк получает от источниковеда представления об источнике.

вскрыть закономерности появления этих определений и даже указать пути дальнейшего развития. Конечно, только практика, только конкретная история развития советского источниковедения сможет подтвердить или опровергнуть разработанные авторами прогнозы.

Критике определений источника и понятийного комплекса источниковедения вообще, проблеме тесной связи источника с почерпнутыми из него историческими научными фактами и созданной на их основе той или иной исторической теорией посвятил серию статей и монографическое исследование А. И. Уваров¹⁸. Разрабатываемые им вопросы подчеркивают единство и взаимообусловленность конкретного и теоретического источниковедения, неправомочность отрыва первого от второго, а также от исторического источника. Именно от источника во многом зависит характер исторической теории, достоверность, глубина, объективность и широта теории в исторической науке. А. И. Уваров дает и свое гносеологическое определение источника как «однотипного, непосредственного объекта исследования историка»¹⁹. Полное и верное для историка, оно оказывается недостаточным для источниковеда, так как не включает в себя понятия о связи источника с породившей его реальной исторической действительностью, о непосредственном отображении источником этой действительности и возможности познания ее на основе анализа информационно-формационных данных источника. С точки зрения ленинской теории отражения, исторический источник есть объект, созданный человеком на основе личных, субъективных образов реального, объективного мира и — после источниковедческого анализа! — становящийся однотипным непосредственным объектом исследования историка для получения из него необходимых фактов и создания на их основе той или иной исторической теории²⁰.

В своей последней интересной и убедительной книге А. И. Уваров не касается вопроса определения исторического источника.

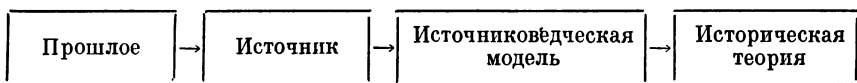
¹⁸ А. И. Уваров. Проблема теории и источника в исторической науке. — «Ученые записки Томского гос. ун-та», 1970, № 85, стр. 189—216; *он же*. Критика понятия теории в современной буржуазной философии истории. — Там же, стр. 217—229; *он же*. Исторический факт как элемент теории. — «Вопросы методологии общественных и гуманитарных наук». Калинин, 1971, стр. 3—33 («Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та», т. 91, вып. 1); *он же*. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.

¹⁹ А. И. Уваров. Проблема теории и источника в исторической науке, стр. 193.

²⁰ В связи с этим представляется неточным название интересной статьи В. П. Красавина «От факта к историческому описанию. О некоторых проблемах методологии исторического исследования» («Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1971, № 2, стр. 95—105), так как описание является только конечным результатом процесса конкретно-исторического исследования, за которым должно следовать создание исторической теории, являющейся высшей формой научного исторического мышления.

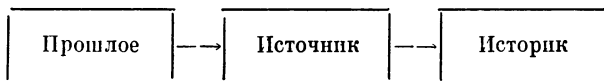
Он сосредоточивает внимание на понятии исторического факта, его объяснении и реконструкции, а также на проблеме построения теории в исторической науке, ее логической структуре и т. д. Автор пользуется термином «исторический памятник» в качестве определения исторического источника. Он вводит понятие «источниковедческой модели», подразумевая под ней «мысленную конструкцию эмпирического характера, создаваемую историком на основе информации, полученной из источников, а также частично информации, почерпнутой из знаний, которыми уже располагает историк, и которую он использует в процессе построения теории как заместителя источника»²¹.

Иными словами, автор подчеркивает большое значение обратных связей в анализе исторического источника и, детализируя процесс познания, вводит новый дополнительный этап в схему построения исторической теории:

Работа А. И. Уварова весьма полезна для изучения и разработки проблемы «претворения» исторических фактов в историческую теорию; специальные же источниковедческие проблемы эта работа затрагивает лишь попутно.

Следует также отметить, что эта работа и многие другие предшествовавшие ей труды советских философов уделяет большое внимание связи кардинальных методологических проблем исторической науки с ленинской теорией отражения. Этой проблеме посвящена специальная работа Л. С. Треповой. Автор правильно понимает специфику объекта исторического познания, равно как и специфику логической и повествовательной функций исторической науки. Особенно интересно ею решена проблема отображения в сознании историка реальной действительности (прошлого) через посредство исторического источника. В уже охарактеризованной выше трехчленной схеме:

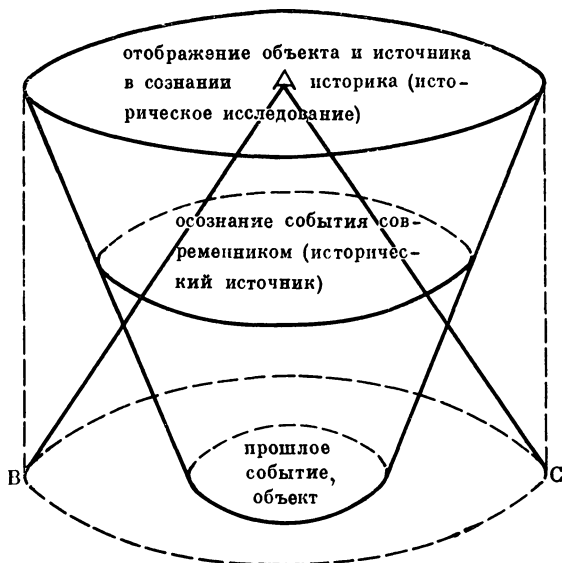

Л. С. Трепова главное внимание обращает именно на последние два члена и в своеобразной графической форме показывает значение теории, знания, науки для понимания как исторического источника, так и прошлого, реальной действительности, отображенной в этом источнике²².

²¹ А. И. Уваров. Гносеологический анализ теории в исторической науке, стр. 134.

²² Л. С. Трепова. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. Канд. дисс. Минск, 1970, стр. 62 (ГБЛ, рукопись).

Из схемы видно, что, чем выше уровень развития науки, тем яснее и отчетливее видны связи изучаемого объекта с другими фактами, явлениями, событиями, те самые связи, которые авторы источника, современники и участники события, не могли видеть и знать и которые раскрываются лишь перед исследователем, историком, угол зрения которого (ВАС) определяется в первую очередь горизонтом его собственной эпохи и широтой исторического мышления его времени.

Схема отображения в сознании историка исторической действительности через посредство источника

Известно, что буржуазная историография в своей борьбе с марксистско-ленинской исторической концепцией усиливает атаки на методологию и теоретические основы советского источниковедения. Буржуазная философия отрицает объективный характер самого объекта исторического познания — исторического источника, утверждая, что он существует только в сознании, в воображении познающего его субъекта — историка ²³.

Именно поэтому так необходима в наши дни «четкая и ясная идейная позиция, непримиримость к враждебной идеологии» ²⁴.

²³ См. об этом подробнее: *Г. Крюгер*. Философские принципы марксистской исторической науки и буржуазная философия истории.— «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1972, № 2, стр. 124—128; *Н. Ирибаджаков*. Клоп перед судом буржуазной философии (перевод с болгарского). М., 1972, стр. 250—255; *О. М. Медушевская*. Методологические проблемы источниковедения в советской историографии.— «Советские архивы», 1973, № 3, стр. 17—25.

²⁴ *С. Трапезников*. Советская историческая наука и перспективы ее развития.— «Коммунист», 1973, № 11, стр. 81.

Критическое освещение методологических основ источниковедения в зарубежной буржуазной историографии — важная задача советского источниковедения²⁵. На современном этапе развития науки эта критика должна сопровождаться и позитивным решением актуальных и еще слабо разработанных источниковедческих проблем, таких, например, как проблемы классификации, достоверности и т. д.²⁶ Исследования советских философов и представляют собой попытку решить проблему определения исторического источника не только в конкретно-источниковедческом, но и в философском плане. Это ставит перед советским источниковедением серьезные задачи по выработке такого понятийного комплекса, который удовлетворял бы высоким требованиям современной науки. Задача осмысления сути источниковедческих явлений, уточнения научной терминологии и приведения ее в систему требует от советских источниковедов дальнейшей разработки вопросов методологии, совершенствования конкретных методов источниковедческого анализа.

²⁵ См., например: *М. В. Егорова*. Критический анализ понимания исторической теории и средств ее построения в современной буржуазной англо-американской методологии истории. Автореферат канд. дисс. Томск, 1971; *И. А. Желенина*. Современный позитивизм и проблема истины в историческом познании. Автореферат канд. дисс. М., 1969.

²⁶ *М. Н. Терешко*. Некоторые методологические принципы проверки достоверности исторических источников.— «Ученые записки Томского гос. унта», № 85, 1970; *он же*. Теоретические проблемы критики и интерпретации исторических источников в современной польской методологии истории.— «Вопросы теории как формы мышления», вып. 1. Томск, 1970; *он же*. Ленинский принцип партийности и исторический источник.— «Материалы конференции молодых ученых по общественным наукам, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», вып. 2. Секция философии. Томск, 1969; *он же*. В. И. Ленин о методологических принципах критики исторических источников.— «Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска», т. 2. Секция гуманитарных наук. Томск, 1968; *он же*. Философские вопросы источниковедения в современной польской методологии истории. Автореферат канд. дисс. Томск, 1971.

О ШАХМАТОВСКОЙ МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ

Я. С. Лурье

Значение летописей для историка древней Руси и древнерусской литературы едва ли необходимо подробно разъяснять. Достаточно напомнить только, что для всего периода с IX до середины XVI в. летописи являются основным, нередко единственным источником по политической истории России. Вместе с тем они представляют собой самые обширные памятники русской светской литературы до XVI в. Изучая политическую историю древней Руси, историк неизменно опирается на конкретные показания летописи; литературовед постоянно изучает отдельные летописные повести. Но к какому времени относятся эти повести и летописные известия? В какой мере они могут рассматриваться как рассказы *современников* данных событий? От решения этих вопросов в значительной степени зависит оценка и общая характеристика конкретного известия и летописного рассказа.

Между тем доступные нам тексты и списки летописей редко бывают современны описываемым в них событиям. Хотя летописи служат источником по истории России с древнейших времен, их реально сохранившиеся списки относятся, в основном, к XV—XVII вв. До нас дошли только две летописных рукописи более раннего времени — Новгородская I старшего извода (Синодальный список), написанная частью в XIII, частью в XIV в. (текст ее доходит до середины XIV в.) и Лаврентьевская летопись в списке 1377 г. (текст ее доходит до 1305 г.). Ипатьевская летопись (доведенная до 1292 г.) дошла в списке первой половины XV в., Радзивилловская (доведена до 1206 г.) — в списке конца этого столетия. К середине XV в. могут быть отнесены еще несколько летописных списков — Новгородская I младшего извода (Комиссионный и Академический списки), Рогожский летописец; к концу этого века — старшие списки Новгородской IV и Софийской I летописей, Московско-Академический список Суздальской летописи (доведен до 1419 г.) и Ермолинская летопись. Все остальные известные нам летописи дошли в списках не ранее XVI в.

Из этих двух фактов (решающего значения летописания для изучения древней Руси и относительно позднего происхождения сохранившихся текстов) вытекают основные трудности, встававшие и встающие перед историками и филологами, обращающимися к летописи. Ясно, что даты списка памятника, того или иного рассказа или известия, сохранившиеся в этом списке, вовсе не обязательно должны совпадать. Дошедшие до нас летописные рассказы по времени своего возникновения часто гораздо древнее, чем памятники и рукописи, в которых они представлены. Но как датировать эти рассказы и известия, являющиеся лишь частью более обширной компиляции? Решение этого вопроса зависит прежде всего от характеристики этой компиляции и ее составных частей. Изучение летописного рассказа невозможно без исследования истории летописи в целом и ее места в истории летописания. Методика этого изучения разработана в основном в классических работах А. А. Шахматова и его ближайших последователей — М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова и др.

Подчеркнем сразу же, что речь идет именно о *методике* — конкретных путях изучения летописных текстов. А. А. Шахматов не был ни историком, ни литературоведом в современном смысле слова. Предметом его занятий была прежде всего *филология* в том смысле, в котором этот термин употреблялся в XIX в. (по нашей терминологии — текстология и источниковедение). Конечно, изучение летописных текстов не могло не привести ученого к выводам более широкого характера. Сравнивая летописи, А. А. Шахматов установил, что различия между ними никак не могут быть объяснены только случайными и невольными искажениями протографов, что в целом ряде случаев такие различия были следствием сознательных изменений текста. В своей последней работе ученый придал этому наблюдению общую и весьма определенную форму. Он заявил, что «рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника... — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»¹. Однако это высказывание, которому иногда придавалось значение чуть ли не исходного, наиболее эффектного построения А. А. Шахматова, было для ученого лишь констатацией явления, которое он не мог не заметить при изучении текстов. Глубокий методологический смысл этой проблемы был осознан не А. А. Шахматовым, а его последователями — историками². Особое внимание уделил этому вопросу М. Д. Приселков, изучавший политическую направленность сводов на протяжении всей

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть, текст, примечания. Пг., 1916, стр. XVI.

² Необходимость различения *методики* А. А. Шахматова, принятой большинством советских историков, и его *методологии* справедливо отмечена в статье: Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х гг. — «История СССР», 1972, № 4, стр. 47—49.

истории летописания и приведший множество примеров тенденциозности летописцев, но и он решал этот вопрос не а priori, а на основании сопоставления конкретных текстов.

К исследованию летописей русская наука обратилась еще в XVIII в.; изучением этих памятников занимались такие крупнейшие ученые, как В. Н. Татищев, А. Л. Шлецер, И. Добровский, Н. М. Карамзин, П. М. Строев, Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин и др. Уже П. М. Строев и особенно К. Н. Бестужев-Рюмин отмечали, что летописи были «сводами», сборниками разнородного по происхождению материала. Но из этой верной посылки они, по справедливому замечанию А. Е. Преснякова, выводили только возможность разложить летописные своды «на отдельные элементы, выделить их источники и использовать эти подлинные первоисточники как исторический и историко-литературный материал»³. Получаемые таким образом выводы неизбежно носили характер догадок, возможных, но не обязательных. Встретив в том или ином своде, скажем, известия о Рязани или Суздале, историк предполагал, что они восходят к рязанскому или суздальскому источнику: обнаружив подробное известие о каком-либо князе, он догадывался, что перед ним — летописец этого князя. Но все это было только предположение. О Рязани и Суздале мог писать и летописец другой земли, а об одном князе мог повествовать летописец другого князя и в совсем иное время. Более того, идя от догадок о происхождении того или иного летописного известия к использованию такого известия в качестве источника, исследователи часто попадали в порочный круг.

Решив, что известие о данном времени и месте было составлено именно в это время и в этом месте, они делали отсюда вывод, что такое известие должно исходить от хорошо осведомленного и заслуживающего доверия свидетеля и является поэтому ценным источником.

А. А. Шахматов противопоставил приему «расшивки» летописных сводов иную, более трудную, но несравненно более плодотворную методику. Уже первые работы по летописанию привели его к выводу, имевшему важнейшее значение для дальнейшего исследования летописей. Возражая одному из наиболее последовательных сторонников метода «расшивки» летописных сводов, И. А. Тихомрову, А. А. Шахматов писал: «Можно с уверенностью сказать, что все дошедшие до нас летописные своды предполагают существование других более древних сводов, лежащих в их основании. Поэтому исследование их должно приводить к определению (предположительному) этих основных сводов; дальнейшее исследование должно открывать, не происходят ли такие основные своды из сводов еще более древних и первоначальных».

³ А. Е. Пресняков. А. А. Шахматов в изучении русских летописей.— ИОРЯС за 1920 г., т. XXV. Пг., 1922, стр. 163.

чальных»⁴. Главным путем к выявлению таких «основных сводов» оказывалось сравнение между собой реально дошедших летописей. Если две или несколько летописей сходны между собой до определенного предела, а далее расходятся, то из этого с необходимостью вытекает либо прямая зависимость одной из этих летописей от другой, либо наличие у них общего источника — *протографа*.

Первый случай (зависимость летописи или группы летописей от конкретного, дошедшего до нас текста) обнаруживается довольно редко. Нам известно только несколько соответствующих примеров: зависимость всех списков Никоновской летописи от списка Оболенского⁵ или зависимость незаконченной Царственной книги от дополненного редактором Синодального тома Лицевого летописного свода. Гораздо чаще мы можем говорить о зависимости нескольких текстов от общего источника — свода-протографа.

Поставив перед собой с самого начала величественную и заманчивую цель — восстановить древнейшее русское летописание — А. А. Шахматов пошел при этом самым трудным путем. Он подверг исследованию и сопоставлению все доступные ему (в небольшой части изданные, а в большинстве неизданные и неизвестные науке) летописи, чтобы определить более древние своды, к которым эти летописи восходили.

Масштабы этого титанического труда оставались в значительной степени неизвестными современникам ученого. Они знали статьи А. А. Шахматова, ежегодно появлявшиеся в печати (чаще всего о Начальной летописи и близких памятниках), две его книги «Разыскания о древнейших летописных сводах» и «Повесть временных лет», но не знали важнейшей работы, которую он писал для себя как основу остальных исследований, не спеша ее публиковать. Книгу эту А. А. Шахматов начал писать еще в 90-х годах XIX в. (когда появился процитированный выше отзыв о трудах И. А. Тихомирова) и продолжал работу над ней до последних лет жизни. Только публикация ее в 1938 г. дала читателям более или менее ясное представление о методе работы ученого. Книга А. А. Шахматова, получившая от редактора (М. Д. Приселкова) название «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», представляла собой ряд монографических исследований отдельных летописей (начиная с Лаврентьевской и Троицкой и включая Новгородскую I и IV, Софийскую I, Московский свод, Ермолинскую, Никаноровскую и другие летописи). Каждое исследование начиналось с сопоставления данной летописи с близкими

⁴ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899, стр. 6 (Оттиск из «Записок Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2).

⁵ Ср.: Б. М. Клосс. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи. — «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 318—337.

к ней памятниками и выделения «основного свода» (протографа) и кончалась разбором «Повести временных лет» в исследованном своде⁶.

Как и во всяком текстологическом исследовании А. А. Шахматов шел в своих работах от *известного к неизвестному*, т. е. от дошедших до нас более поздних памятников к более ранним. В применении к летописям это означало *обратный* хронологический путь исследования (*снизу вверх* с точки зрения генеалогической схемы, или *сверху вниз*, если сравнивать с археологическими пластами). Такое направление исследования в соединении с максимальной полнотой охвата всего летописного материала было характернейшей и важнейшей чертой шахматовского метода. Образно этот путь А. А. Шахматова при изучении древнейшего летописания может быть сопоставлен с основным направлением великих географических открытий — с путем мореплавателей, плывших в Индию вокруг света, через западное полушарие. Развивая это сравнение⁷, мы можем сказать, что Шахматов оказался здесь счастливее Колумба. Подобно Магеллану он добрался в конце жизни до конечной цели — древнейшего летописания, но главным достижением оказалось все-таки и в этом случае «открытие Америки» — обнаружение всей сложной системы летописных сводов XV, XIV и более ранних веков.

Изменялись ли взгляды А. А. Шахматова и применяемые им принципы отбора летописных текстов в ходе его работы? Главное, что обращает на себя внимание при сравнении поздних и ранних работ ученого — это усилившаяся строгость в применении разработанных им принципов, все более осторожный отбор летописного материала, используемого для восстановления древнейшей летописной традиции. Если в ранних работах А. А. Шахматов готов был привлекать для реконструкции киевских сводов XI в. такие памятники XVI в., как Архангелогородский летописец (Устюжский свод) и Никоновская летопись⁸, то в более поздних трудах он пришел к весьма скептическим заключениям относительно возможности отыскания в них следов древнейшего летописания.

⁶ А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938. «Трудности технического характера» (ограниченный объем издания) не дали возможности редактору включить в издание заключительные разделы каждой главы, посвященные «Повести временных лет» (соответствующие разделы сохранены только в первых пяти главах, где они имеют наибольшее значение). Полностью книга А. А. Шахматова сохранилась в рукописи: Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 134 (Шахматова), оп. 1, № 110/I—IV.

⁷ Условность и неточность такого сравнения в том, что движение в пространстве допускало все-таки альтернативное решение — путь на восток (экспедиция Васко де Гамы); между тем, двигаясь во времени, историк только и может отправляться от более близкой ему эпохи (и более поздних и доступных памятников) к более отдаленной.

⁸ А. А. Шахматов. О Начальном Киевском своде. М., 1897, стр. 52—58 (Оттиск из ЧОИДР, кн. 182); *он же*. Древнейшие редакции Повести временных лет.— ЖМНП, 1897, № 10 (ч. ССХIII), стр. 218—241, 258—259.

сания⁹. Объяснялось это прежде всего расширением накопленного материала по истории летописания, выяснением того, какое множество посредствующих звеньев существовало между летописями XVI в. и летописанием древнейшего периода. В тех случаях, когда поздняя летопись не обнаруживает явных и убедительных следов использования особых письменных источников, своеобразные известия ее начальной части не обязательно должны рассматриваться как отражение исчезнувших древних сводов: они могут отражать фольклорную традицию — то, что А. А. Шахматов называл «народными сказаниями».

Методика, предложенная А. А. Шахматовым, не была абсолютной новостью в современной ему филологической науке. Это была классическая сравнительно-историческая (или сравнительно-текстологическая) методика, применявшаяся при изучении различных списков и изводов отдельных памятников (и во многом сходная с сравнительно-историческим методом в языкознании). Но трудность задачи определялась в данном случае масштабами и степенью распространения памятника. Речь шла о сводах, занимавших иногда несколько томов огромных фолиантов «Полного собрания русских летописей» и ведшихся на протяжении пяти—шести столетий. Количество таких сводов, содержащих «Начальную летопись» той или иной редакции (не говоря уже об их изводах и списках), также было колоссально и не могло быть даже заранее учтено. Своеобразный характер и грандиозные масштабы летописного жанра предопределяли и еще одну специфическую особенность исследования летописных памятников. Каждый текстолог знает, какие затруднения доставляют при изучении истории текста памятника *вторичные влияния* на него со стороны сходных памятников, как такие перекрестные влияния делают выводы многозначными и затрудняют построение генеалогических схем. Но в истории летописания вторичная сверка свода с близкими к нему сводами и дополнение по ним были постоянным яв-

⁹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 243—245, 291. Изменение взгляда А. А. Шахматова относительно возможности использования Архангелогородского летописца (Устюжского свода) для восстановления древнейшего летописания было справедливо отмечено А. Н. Насоновым (А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969, стр. 21). Не поколебали этого негативного вывода и наблюдения М. Н. Тихомирова, отметившего ряд любопытных подробностей в повествовании Устюжского свода о русских князьях X в. (М. Н. Тихомиров. Начало русской историкографии. — «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 45—51). Подробности эти интересны в литературном отношении (например, описание Ольгиного терема, из которого она вышла во время убийства древлянских послов), но они представляют собой уже позднее соединение различных версий, читающихся в «Повести временных лет» и Новгородской I (например, именование Олега и князем и воеводой, описание смерти Олега во время путешествия «полем» из Царьграда от «змия», вышедшего из «сухой кости» коня, и упоминание его могилы в Ладоге и т. д.).

лением. Из этого вытекает необходимость осторожного подхода при определении происхождения отдельных частей свода, так как нахождение частных «лучших чтений» в тех или иных версиях летописных рассказов не обязательно доказывает первичность этих версий, ибо поздний текст всегда мог быть выправлен по более раннему источнику. Необходима максимальная полнота привлекаемого материала, комплексность его рассмотрения, особое внимание к существенным, структурным различиям¹⁰ и установление того, что можно назвать «необратимыми соотношениями» между текстами, когда первичность одной редакции подтверждается целой совокупностью данных, а первичность другой крайне мало вероятна¹¹.

Одним из наиболее выразительных примеров применения шахматовской методики может служить открытие ученым Начального свода — основного протографа «Повести временных лет». Многолетняя работа над летописанием побудила А. А. Шахматова отказаться от использования ряда поздних летописей для восстановления древнейшего летописания. Однако та же работа подтвердила существование летописи, содержащей тексты, восходящие к своду, предшествующему «Повести временных лет». Это — Новгородская I летопись младшего извода, дошедшая до нас в списках XV века (в Новгородской I старшего извода начальная часть до XI в. не сохранилась). Исследование Новгородской I младшего извода прежде всего позволило А. А. Шахматову установить, что этот памятник, как и близкие к нему Новгородская IV и Софийская I летописи, восходят к какому-то своду, начальная часть которого или свод в целом именовалась не «Повестью временных лет», а «Временником» или «Софийским временником». Эта начальная часть (наиболее последовательно переданная Новгородской I летописью младшего извода), текстуально совпадая с «Повестью временных лет», обнаруживает, однако, систематические и весьма существенные отличия от нее. В Новгородской I летописи нет цитат из «Хроники» Амартола, нет договоров русских князей с греками, Олег именуется воеводой Игоря, и они совместно завоевывают Киев, в связи с этим летопись постоянно употребляет *двойственное* число — «придоста», «налезоста»; рассказывается о *трех* местах Ольги и т. д. В «Повести временных лет» Олег оказывается не воеводой, а князем-регентом, правящим за малолетнего

¹⁰ Ср. Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 357—362.

¹¹ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв., стр. 227; Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I. Л., 1968, стр. 21; А. А. Зимилин. Трудные вопросы методики источниковедения древней Руси. — «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы». М., 1969, стр. 432.

Игоря, завоевывающим Киев и «выносящим» перед киевлянами князя-младенца, помещен договор Олега с греками. Игорь начинает править лишь после смерти Олега (поэтический рассказ о которой сопровождается цитатой из Амартола). Упоминается *четвертая* месть Ольги (сожжение Искоростеня), в рассказе о болгарских войнах Святослава описывается его соглашение с греками и приводится текст договора и т. д. Могли ли все эти места читаться в первоначальном тексте и быть выпущенными Новгородской I летописью? А. А. Шахматов показал, что рассказ о победе Ольги гораздо последовательнее в Новгородской I, чем в «Повести временных лет», где единая фраза Новгородской I: «И победиша Древляны... и возложиша на них дань тяжьку» разрезана посередине и внутри ее помещен рассказ о четвертой мести Ольги. Точно так же разрезаны в «Повести временных лет» рассказом о договоре с греками слова о Святославе: «И рече: поиду на Русь и приведу болии дружине... и поиде в лодиях». Следом первоначальной версии о совместном завоевании Киева Олегом и Игорем оказывается в «Повести временных лет» сохранившееся там в одном случае *двойственное* число при упоминании об Олеге и Игоре — «придоста». В Новгородской I летописи эта грамматическая форма встречается последовательно и систематически, а в «Повести» — единственный раз и не очень логично, ибо Игорь здесь — младенец и ходить не может. Исследователь, который попытается отстаивать первичность рассказа «Повести временных лет», оказывается поэтому перед целым рядом серьезных затруднений. Можно допустить, что составитель текста в Новгородской I с большой тщательностью удалил из него все договоры с греками и упоминание об их заключении. Более сложно было исключить цитаты из Амартола (которые в Повести, как и во всяком древнем тексте, никак специально не выделялись), но и они могли выпасть вместе с соседними рассказами (например, рассказом о смерти Олега). Но как «ювелирно» надо было сократить рассказ об Ольге и Святославе, чтобы обрубленные сокращением куски точно и безупречно сошлись в единые фразы: «И победиша Древляны и возложиша на них дань тяжьку»; «И рече: поиду на Русь и приведу болии дружине; и поиде в лодиях»! Предположение о первичности текста в «Повести временных лет» требует целого ряда трудных и маловероятных допущений. Предположение о первичности текста Новгородской I, напротив, естественно и логично решает возникшие проблемы. Если составитель «Повести временных лет» начала XII в. включил в летопись договоры с греками и другие письменные и устные материалы, которых не было у его предшественника, то он, естественно, должен был переделать ряд других рассказов. Узнав из договора Олега с греками, что именно Олег, а не сын Рюрика Игорь был князем в начале X в., он сделал из этого вывод, что Игорь, очевидно, был еще «детеск», и соответственно переделал рассказ о завоевании Киева, лишь в одном случае не заметив (как это бывает с редакторами, пере-

дельяющими текст) оставшееся двойственное число. Договор Святослава с императором он, естественно, поместил между рассказом о войне в Переяславце и сообщением об уходе Святослава из болгар и т. д. Если же приходим к заключению о первичности текста Новгородской I, то из этого неизбежно возникает вывод о том, что источником Повести временных лет начала XII в. была, естественно, не новгородская летопись XV в., а ее общий с «Повестью» протограф — памятник XI в., который А. А. Шахматов и назвал Начальным сводом¹².

От *догадок*, которые предшественники А. А. Шахматова высказывали, «распивая» свод на отдельные элементы, *гипотезу* о Начальном своде отличает одна важнейшая особенность: исследователь, не принимающий этот вывод, не может отвергнуть его так же легко и просто, как отвергают не достаточно убедительную догадку, — он обязан предложить *альтернативную гипотезу*, которая иначе объяснила бы объективно существующие отношения, обнаруживающиеся в результате сравнения параллельных текстов¹³. Это не значит, однако, что сравнительно-исторический метод исключает предположительные построения, конъектуры или даже разложение текста на составные элементы. Придя к выводу о существовании Начального свода, А. А. Шахматов, естественно, должен был так или иначе определить время составления и характер этого свода. Предложенное им решение этого вопроса основывалось прежде всего на тексте вступления к Новгородской I летописи («Временнику»), которое, как он полагал, предваряло уже Начальный свод. Во вступлении этом счастливая жизнь при древних князьях сравнивалась с современной автору обстановкой: «За наше ж несытьство навел бог на ны поганья, а и скоти наши и села за теми суть...» А. А. Шахматов сопоставил эти слова с рассказом «Повести временных лет» о страшном половецком нашествии 1093 г.: «Се бо на ны бог попустил поганья... Согрешихом и казимы есмы; яко же створихом, тако и стражем: города вси опустоша, села опустеша, преидем бо поля, еже пасома быша стада... все тоще ныне видим...» Он датировал поэтому Начальный свод 90-ми годами XI в. Это, конечно, было

¹² Основные аргументы в пользу первичности текста, сохранившегося в Новгородской I летописи, и существования Начального свода были сформулированы уже в статье: А. А. Шахматов. О Начальном Киевском своде, стр. 40—52. Ср. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 1—13, 291; *он же*. Летописи.— «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», стр. 361.

¹³ Уйти от решения этого вопроса нельзя и путем признания начальных частей «Повести временных лет» и Новгородской I двумя независимыми друг от друга «самостоятельными традициями» (ср.: А. Г. Кузьмин. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи.— «Летописи и хроники». Сб. статей памяти А. Н. Насонова. М., 1974, стр. 39). Начальные части Новгородской I и «Повести временных лет», при всех их расхождениях, совпадают на основном протяжении, и исследователь, занимающийся ими, должен предложить определенную текстологическую схему, объясняющую их соотношение.

предположение, хотя и весьма вероятное¹⁴. Вставал перед исследователем и другой вопрос — о памятниках, предшествовавших Начальному своду XI в. Наличие явных противоречий внутри текста за X—XI вв. (например, упоминание под 977 г. о могиле князя Ярополка, находящейся «до сего дни» у города Вручева, и сообщение 1044 г. о перенесении останков этого князя в Киев, противоречивость рассказа о крещении Руси) дало основание А. А. Шахматову предположить о существовании Новгородского свода 1050 г. и Древнейшего Киевского свода 1039 г. Эти летописи были, по предположению исследователя, сводами, ибо включали в свой состав разнородные элементы. Однако для доказательства существования этих сводов ученый уже не располагал необходимым сравнительно-текстологическим материалом. Единственным источником, где можно было искать отражение Древнейшего свода, независимое от «Повести временных лет», оказывалась краткая (хотя и имеющая черты глубокой древности) хронологическая выкладка в составе влетописного памятника «Памяти и похвалы Владимиру Иакова мниха».

Своеобразие сравнительно-исторической методики исследования летописей, соотношение внутри этой методики доказанных положений, гипотез и догадок становится еще более наглядным при сопоставлении построений А. А. Шахматова с построениями его критиков.

Вскоре после смерти А. А. Шахматова с критикой его схемы древнейшего летописания выступил другой видный филолог того времени В. М. Истрин. В. М. Истрин отверг предположение А. А. Шахматова о Древнейшем своде 1039 г. как основе последующего летописания и предложил свою схему, согласно которой в основе дошедшей до нас «Повести временных лет» начала XII в. лежала несохранившаяся первая редакция «Повести», составлен-

¹⁴ А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись.— ИОРЯС, т. XIII, кн. 1. СПб., 1908, стр. 218—238; *он же*. Киевский начальный свод 1095 г.— «А. А. Шахматов. 1864—1920». М.— Л., 1947, стр. 147—149, 156—160. А. А. Шахматов колебался относительно толкования и датировки последних слов вступления: «...все по ряду известно да скажем от Михаила царя до Александра и Исакия», но в последней работе пришел к заключению, что речь идет об императорах конца XII — начала XIII в. Алексее и Исакии Ангелах и что последние слова введения (как и его первые слова, связывающие текст с Новгородом) представляют собой добавление компилятора начала XIII в. М. Х. Алешковский высказал предположение, что общий протограф Новгородской I летописи и «Повести временных лет» относится не к 1095 г., а к 1115 г. (и представляет собой первую редакцию «Повести временных лет»), но и он согласился с истолкованием слов введения о нашествии «поганых», как указания на нашествие 1093 г. и отнес введение к 90-м годам XI в. (М. Х. Алешковский. Первая редакция Повести временных лет.— «Археологический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 35—37). Однако трудно представить себе, чтобы введение к памятнику (Начальному своду или первой редакции «Повести») было написано значительно раньше самого памятника.

ная в 50- годах XI в.¹⁵ Сама по себе такая передатировка первого этапа истории русского летописания не разрушала основных положений шахматовской схемы — датировка Древнейшего свода, предложенная А. А. Шахматовым, имела предположительный характер, и реконструкция этого свода лишь в небольшой степени опиралась на сравнительно-текстологические данные. Однако В. М. Истрин считал, что, отвергнув Древнейший свод, он разрушил и остальные построения А. А. Шахматова, в частности, гипотезу о Начальном своде 1095 г.: «Так как я не могу согласиться с ним во взглядах на состав и способ сложения «Древнейшего свода», — писал он, — то тем самым не могу разделять его взглядов и на так называемый «Начальный свод», относимый им к 1095 году»¹⁶. В дальнейшем изложении В. М. Истрин действительно отвергал предположение, что в своде, предшествующем «Повести», не было договоров с греками, четвертой мести Ольги и других текстов, отличающих начальный текст «Повести временных лет» от Новгородской I младшего извода. Чем же объясняется отсутствие этих текстов в Новгородской I? Специально этого вопроса В. М. Истрин не касался, заявляя, что «Новгородская I летопись, которая при моих возражениях автору не имеет уже того значения, какое она имела для него», остается «пока в стороне»¹⁷, но он считал вполне вероятным, что эта летопись «есть простое сокращение более древнего оригинала, в котором были и другие заимствования из того же оригинала, сохранившиеся в списках Лаврент.-Ипатьевском»¹⁸. Подробно В. М. Истрин разбирал только одно различие между «Повестью временных лет» и Новгородской I летописью — в использовании Хроники Амартола. Наблюдения его по этому вопросу имели особенно важное значение, так как Хроника Амартола была предметом большого специального исследования самого ученого. Но любопытно, что как раз в этом вопросе он не только не отверг построение А. А. Шахматова, но, в сущности, подтвердил его, установив, что в Новгородской I летописи действительно не было прямых заимствований из полного перевода Хроники Амартола (три цитаты из которого приведены в «Повести временных лет»), а использовался другой памятник, передавший эту Хронику в кратком изложении, — так называемый «Хронограф по великому изложению». В результате В. М. Истрин должен был признать, что Новгородская I летопись «не может во всяком случае рассматриваться как простое сокращение с начала до конца той «Повести временных лет», которая представлена в сп. Лаврентьевском (и сходных) и Ипатьевском (и сходных), и одним из

¹⁵ В. И. Истрин. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова. — ИОРЯС, т. XXVI. Пг., 1923, стр. 102; ИОРЯС, т. XXVII. Л., 1924, стр. 249—250.

¹⁶ ИОРЯС, т. XXVI, стр. 49.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 75.

препятствий является именно отсутствие в ней текстов из полной Хроники Георгия Амартола (в трех указанных выше случаях)...» п что в первой своей части Новгородская I восходила «к летописному памятнику, который был одним из предшественников «Повести временных лет»»¹⁹. Казалось бы перед нами признание основного тезиса Шахматова об отражении в Новгородской I протографа «Повести временных лет», если бы несколькими страницами ниже В. М. Истрин не заявлял, что остальные отличия Новгородской I от «Повести» (договоры с греками, четвертая месьть Ольги) были в Новгородской I результатом сокращения текста и что «отсюда уже недалеко от более общего взгляда на Новгородскую I летопись как на сокращение «Повести временных лет», сделанное чисто механически, при помощи простого выпуска тех или других статей, без внутренней переработки»²⁰.

Бросающаяся в глаза непоследовательность этого построения объясняется прежде всего тем, что логика рассуждений В. М. Истрина была, в сущности, прямо противоположна логике рассуждений А. А. Шахматова. А. А. Шахматов шел *снизу вверх* генеалогической схемы — от реально дошедших более поздних летописей к их протографам; а В. М. Истрин, напротив, следовал направлению, на первый взгляд казавшемуся более естественным — в прямом хронологическом порядке, от более древних сводов к более поздним. Мало того, он приписывал тот же путь А. А. Шахматову, реконструируя за своего предшественника его «своеобразную картину сложения и истории русского летописания»: «Кто признает существование Древнейшего свода в таком виде, как его рисует автор, и кто согласится с ним во взгляде на происхождение и характер Новгородской I летописи, тот должен будет признать и существование Начального свода...»²¹ Однако аргументация А. А. Шахматова начиналась не с Древнейшего свода, а с сопоставления «Повести временных лет» с Новгородской I летописью: Новгородская I возводилась (через Новгородский свод начала XV в.) к Начальному своду, а не непосредственно к Древнейшему своду, как думал В. М. Истрин. Предположение же о Древней-

¹⁹ ИОРЯС, т. XXVI, стр. 74. Вывод А. А. Шахматова об использовании в «Повести временных лет» Хроники Амартола, не отразившейся в Начальном своде (Новгородской I летописи), не только не был опровергнут дальнейшими исследованиями, но получил недавно новое подтверждение в работе О. В. Творогова, пришедшего к выводу, что «Повесть временных лет», в отличие от Начального свода, пользовалась только Хроникой Амартола, а все цитаты из «Хронографа по великому изложению» (текст которого в значительной степени восстанавливается по новонайденному Троицкому хронографу) заимствованы в «Повести временных лет» не непосредственно из этого памятника, а из Начального свода (О. В. Творогов. Повесть временных лет п Хронограф по великому изложению.— ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, стр. 99—113). Таким образом, «Повесть временных лет» и Начальный свод восходили к различным хронографическим источникам.

²⁰ ИОРЯС, т. XXVI, стр. 78.

²¹ Там же, стр. 80.

шем Киевском и Новгородском своде середины XI в. были догадками, от принятия или непринятия которых не зависело решение основной гипотезы о Начальном своде²². Чтобы убедиться в этом обстоятельстве, достаточно взглянуть на генеалогическую схему, приложенную А. А. Шахматовым к его «Разысканьям»²³. Однако В. М. Истрин не только не принял во внимание этой генеалогической схемы, но и не предложил своей, альтернативной схемы, которая дала бы возможность понять его довольно неясный в изложении взгляд на соотношение «Повести временных лет», Новгородской I летописи и их протографов.

Отказ от привлечения других летописных материалов, кроме «Повести временных лет», построение летописной генеалогии *сверху вниз* характерны и для другого критика А. А. Шахматова Н. К. Никольского²⁴. Это своеобразный разрыв и взаимное непонимание, которое обнаружилось между крупнейшим русским филологом начала XX в. и его коллегами, в значительной степени объяснялись тем, что последний труд Шахматова не был завершен, а его большая работа по исследованию всей системы русских летописных сводов, как мы знаем, оставалась неизвестной до 1938 г.²⁵

Научный труд А. А. Шахматова, не понятый такими авторитетными филологами, как В. М. Истрин и Н. К. Никольский, был, однако, уже при его жизни воспринят и убедительно истолкован группой петербургских историков, специально занимавшихся ле-

²² Основополагающее значение этой гипотезы в шахматовском построении схемы древнейшего летописания справедливо отмечено Д. С. Лихачевым (*Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв.*, стр. 369—370).

²³ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 397—398, табл. между стр. 536—537.

²⁴ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1. Л., 1930, стр. 4—5 (СОРЯС, т. II, вып. 1). Как и В. М. Истрин, Н. К. Никольский обращался к проблеме Древнейшего свода, минуя Начальный свод; он оставлял в стороне материал Новгородской I летописи, «потому что она содержит не исторический в узком смысле материал, а смесь продуктов легендарно-эпического и агнологического творчества...» Тот же метод характерен и для С. А. Бугославского (*С. Бугославский. «Повесть временных лет».— «Старинная русская повесть».* М.—Л., 1941, стр. 13, 16).

²⁵ Это взаимное непонимание сказалось даже в некрологических статьях, которые посвятили А. А. Шахматову В. М. Истрин и Н. К. Никольский. Отдавая должное Шахматову как «великому ученому», В. М. Истрин все же не преминул упомянуть о его «догматичности», а Н. К. Никольский писал, что гипотезы А. А. Шахматова представляются «шаткими и спорными с точки зрения формально-логической», оговариваясь, впрочем, что «устарелые критерии формальной логики едва ли достаточны для объективной оценки трудов А. А.» (ИОРЯС за 1920 г., т. XXV. Пг., 1922, стр. 36. 160—161). Между тем читатель, знающий исходные послышки А. А. Шахматова, ясно видит строгую логичность его рассуждений (что, конечно, не исключает спорности многих из них) и ощущает в них не больше «догматичности», чем в рассуждениях математика, выводящего из определенных данных доказываемую теорему.

тописями и поддерживавших научную связь с А. А. Шахматовым. Речь идет, прежде всего, о А. Е. Преснякове и М. Д. Приселкове. Уже в сборнике, посвященном памяти умершего в 1920 г. А. А. Шахматова, они писали о поставленной ученым задаче «выяснить путем сравнения сходных элементов в разных дошедших до нас сводах их протографы»²⁶, о шахматовском принципе «медленного восхождения от позднейших к начальным моментам нашего летописания»²⁷.

В последующие годы М. Д. Приселков не только издал «Обозрение летописных сводов» А. А. Шахматова, но создал первую в науке обобщающую работу, в которой сравнительно-текстологической методикой восстанавливалась вся история русского летописания от сводов, предшествующих «Повести временных лет», до Московского великокняжеского свода 1479 г.²⁸

Сделав вывод, что «одной из самых поучительных сторон работ А. А. Шахматова в области летописания является именно вовлечение в изучение всех имеющихся летописных списков и построение гипотез, захватывающих в своем объяснении весь материал», М. Д. Приселков отметил разную степень доказанности построений, вытекающих при таком объяснении. Имея два и несколько текстов, близко совпадающих на большом протяжении, можно с достаточным основанием сделать вывод о существовании у них общего протографа (более спорным будет определение этого протографа, его датировка и географическое приурочение). Но переходя от непосредственных протографов дошедших до нас летописей к их вероятным источникам и сравнивая между собой целые группы летописей, имеющие лишь частичные и спорадические совпадения, исследователь оказывается в более сложном положении. «Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов, А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа вывода», — писал М. Д. Приселков. По его заключению, «этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные», и «дальнейшее изучение внесет в добытые Шахматовым результаты немало поправок и уточнений, подобных тем, которые вносил сам исследователь...»²⁹

²⁶ А. Е. Пресняков. А. А. Шахматов в изучении русских летописей, стр. 167—168.

²⁷ М. Д. Приселков. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС, т. XXV, стр. 130—131.

²⁸ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

²⁹ Там же, стр. 13. О методе «больших скобок» ср.: Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв., стр. 363—364; Я. С. Лурье. Изучение русского летописания, стр. 23, прим. 67.

Одним из примеров таких «больших скобок», предложенных А. А. Шахматовым, была его гипотеза об общем источнике нескольких летописных групп, представленных Лаврентьевской и близкими к ней летописями, а также Ипатьевской и Новгородской I летописями. Совпадения некоторых известий этих летописей за XII—XIII вв. А. А. Шахматов объяснял тем, что их оригиналы в свою очередь восходили к общему источнику — «Полихрону начала XIV в.»³⁰. М. Д. Приселков³¹, а вслед за ним и другие исследователи отказались от гипотезы о «Полихроне начала XIV в.», так как для такой гипотезы не оказалось достаточно данных и совпадения между названными летописями могли быть объяснены иначе. Но и им пришлось прибегнуть в этом случае к «большим скобкам» — гипотезам об источниках протографов дошедших до нас летописей (южнорусский свод XII в., отразившийся и в Ипатьевской летописи и в севернорусском летописании, владимирский свод второй половины XII в., повлиявший и на севернорусское летописание и на Ипатьевскую летопись)³².

Другим примером шахматовских «больших скобок» можно считать его гипотезу о «Полихроне Фотия» 1423 г. — общем источнике свода 1448 г. (в свою очередь отразившегося на Новгородской IV и Софийской I летописях), Ермолинской летописи и Хронографа. Исследованиями последних десятилетий установлено, что и Ермолинская и Хронограф восходили не к «Полихрону Фотия», а к сводам второй половины и конца XV в.; предположение о «Полихроне Фотия» лишается поэтому своей текстологической основы. Но отказ от этого предположения, естественно, требует альтернативного объяснения связи Ермолинской и Хронографа с общерусским летописанием, а наблюдение А. А. Шахматова о существовании общего протографа у Новгородской IV и Софийской I летописей полностью сохраняет свою силу³³.

Историки А. Е. Пресняков и М. Д. Приселков впервые поставили также вопрос об источниковедческом значении нового метода исследования летописей. Как мы уже отмечали, еще А. А. Шахматов обратил внимание на то, что различия в сравниваемых летописях никак не могут быть объяснены только случайными и не-

³⁰ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11, стр. 149—151; *он же*. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 18—20, 76—79, 130—131.

³¹ М. Д. Приселков. Летописание XIV в. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб., 1922, стр. 36—37; *он же*. История русского летописания XI—XV вв., стр. 95.

³² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 66—71, 94—96; А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII вв. М., 1969, стр. 80—111 и 156—157.

³³ Ср.: Я. С. Лурье. К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, стр. 143—144; *он же*. Общерусский свод-протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, стр. 114—115, 125—127, 133—135.

вольными искажениями протографов, что в целом ряде случаев такие различия носили характер сознательных изменений. Убедившись в пристрастности летописцев и установив многослойный и разновременный состав сводов, историки, естественно, должны были прийти к заключению о невозможности использования отдельных летописных известий без предварительного исследования свода в целом. Уже в 1914 г. М. Д. Приселков писал, что после работ А. А. Шахматова, вовлекшего в исследование всю систему летописных сводов, «возвращаться к старому комбинированию подходящих под задуманное построение вариантов летописного текста — не научно, так как несогласие с выводами А. А. Шахматова налагает на исследователя (и перед самим собой и перед читателем) обязанность обосновать свое несогласие и доказать свое понимание истории использованных источников»³⁴. Та же мысль о недопустимости «потребительского отношения» к источнику, т. е. такого отношения, когда «историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда», высказывалась М. Д. Приселковым и 25 лет спустя в «Истории русского летописания»³⁵.

Основная схема истории летописания, предложенная А. А. Шахматовым, была принята большинством ученых; его труды по сравнительному изучению летописных сводов получили продолжение в работах других исследователей. Рядом с именем М. Д. Приселкова здесь, в первую очередь, должно быть названо имя А. Н. Насонова — ученого, для которого исследование летописания также было основной темой научных занятий. На сравнительно-исторической методике основывались труды по летописанию М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева и других авторов.

Было бы, однако, неверно утверждать, что методика исследования летописей, введенная А. А. Шахматовым и его последователями, полностью воспринята нашей исторической и филологической наукой. В работах по истории и истории литературы мы постоянно встречаемся со ссылками на выводы А. А. Шахматова. Гипотетические своды-протографы, намеченные им, нередко упоминаются и даже цитируются (по реконструкциям) как реальные памятники. На чем же основываются соответствующие выводы А. А. Шахматова? Вытекают ли они в данном конкретном случае из прямого сопоставления реальных текстов или являются «большими скобками», лишь в общих чертах намеченными им? Далеко

³⁴ М. Д. Приселков. Рецензия на книгу Вл. Пархоменко «Начало христианства Руси». — ИОРЯС, т. XIX, кн. 1. СПб., 1914, стр. 368. Ср. ту же мысль в статье М. Д. Приселкова «Русское летописание в трудах А. А. Шахматова» (стр. 134).

³⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 6. О термине «потребительское отношение» к источнику см. нашу статью «О некоторых принципах критики источников» («Источниковедение отечественной истории», вып. I. М., 1972, стр. 83—84, 87—92).

не все авторы, привлекающие, использующие или пересказывающие отдельные летописные рассказы, задумываются над такими вопросами.

Еще более сложной проблемой оказывается применение сравнительно-исторической методики к летописям, не изученным А. А. Шахматовым и другими исследователями. Шахматовское «Обозрение» не только было посмертно изданной работой, не подготовленной автором для печати, оно было, кроме того, незавершенным трудом. М. Д. Приселков назвал его «Обозрением русских летописных сводов XIV—XVI вв.», но своды XVI в. (и даже конца XV в.) не вошли в состав книги — главы о Софийской I по списку Царского (начало XVI в.) и о Воскресенской летописи, намеченные А. А. Шахматовым, так и не были им написаны³⁶. Только до свода 1479 г. доведена «История русского летописания» М. Д. Приселкова. Обобщающий труд А. Н. Насонова, изданный как и «Обозрение» Шахматова посмертно и не заверченный автором, представляет собой не последовательный курс истории летописания, а книгу очерков и исследований, в которой не представлены важнейшие летописные своды (Троицкая, Софийская I, Новгородская IV летописи, Воскресенская и Никонская летописи XVI в.)³⁷.

Дошедшие до нас летописи далеко не полностью исследованы текстологически и источниковедчески. Общей генеалогической схемы, которая отражала бы взаимоотношения основных реально сохранившихся сводов, пока не существует. Большинство работ, вышедших за последние годы, посвящено древнейшему периоду истории летописания — «Повести временных лет» и предшествующим ей сводам. Но для сравнительно-исторического исследования древнейшего летописания полноценных материалов, как мы уже отмечали, чрезвычайно мало. Неизбежным становится поэтому воскрешение методики «расшивки» летописных сводов (прежде всего, самой «Повести временных лет»), а иногда и попытки «реабилитировать» этот путь научных догадок как «внутренний анализ», восполняющий «механический метод» Шахматова³⁸.

Но к летописанию обращаются не столько исследователи русской истории древнейших времен (IX—XI вв.), сколько историки и литературоведы, имеющие дело с последующими периодами, несравненно богаче представленными в летописании. Перед исследователем здесь оказывается не один и не два, а часто целый ряд

³⁶ Ср. А. А. Шахматов. *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.*, стр. 7, 216.

³⁷ В книге А. Н. Насонова содержатся только краткие упоминания о сводах, отразившихся в составе этих летописей (А. Н. Насонов. *История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969*, стр. 248, 402, 407—408, 470—471).

³⁸ Ср.: А. Г. Кузьмин. *Русские летописи как источник по истории древней Руси. Рязань, 1969*, стр. 30, 161; *он же*. Спорные вопросы изучения летописей. — *Вопросы истории*, 1973, № 2, стр. 43, 50, 52—53.

параллельных летописных текстов, и он прежде всего стремится получить ответ на вопрос, что именно представляет собой летопись, содержащая данный рассказ или известие? Практика исследования показывает, что для решения этой конкретной задачи научная литература XIX в. дает чрезвычайно мало: здесь мы находим обычно характеристики отдельных летописных рассказов (иногда глубокие и меткие), но не летописей (сводов) в целом. Значительная часть доступных нам сейчас летописей была введена в науку в XX в. Многие из них стали известными совсем недавно (благодаря деятельности А. Н. Насонова, систематически обследовавшего рукописные хранилища, и находкам других исследователей). Летописи, известные раньше, получили общую характеристику и датировку лишь в трудах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова и других ученых XX в. Однако и эти работы, как мы только что отметили, не дают полной характеристики всех летописей, с которыми приходится иметь дело историк и филолог в конкретном исследовании. В таких случаях исследователь должен опираться не на готовую характеристику, данную ему предшествующими учеными, а на разработанную ими *методику* сравнительно-исторического исследования летописей.

Эта методика, насколько нам известно, не была специально сформулирована А. А. Шахматовым и его последователями. Но самая практика их работы чрезвычайно поучительна и позволяет хотя бы приблизительно наметить основные этапы такого исследования.

Первой стадией текстологического исследования летописей является полное сравнение сходных летописей (уже известных в науке и впервые привлекаемых). Такое сравнение дает возможность установить взаимоотношения между ними и в ряде случаев наличие общего текста («основного свода»), к которому они восходят. Процедура этого сравнения очень сложна и, в свою очередь, включает в себя несколько разных операций. Речь иногда идет о сопоставлении *двух* летописей, близких друг к другу на большом протяжении (скажем, Софийской I и Новгородской IV летописей). Иногда сравниваются целые группы сходных летописей, причем данная летопись может быть частично сходна с одним, а частично с другим летописным памятником (или группой памятников). При таких обстоятельствах исследователь, сравнивая данную летопись с параллельной, «очищает» ее, по выражению А. Н. Насонова³⁹, от разделов, сходных с иным летописным памятником. Следует также во всех случаях предварительно определять вид (редакцию, извод) или список летописи, используемый для сравнения. Обычно речь идет о старшем виде

³⁹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.— «Известия АН СССР», VII серия отд. гуманитарных наук, № 9. Л., 1930, стр. 724—727.

(редакции) данной летописи, но в ряде случаев (когда ни один из видов не может быть непосредственно возведен к другому) должны учитываться чтения нескольких видов. Важнейшим условием этой работы является полнота сравнения, т. е. сопоставление между собой всех сходных текстов сплошную.

Второй стадией исследования можно считать реконструкцию состава и содержания свода-протографа. Должна ли эта реконструкция иметь такой прямой и законченный характер, как, например, шахматовские реконструкции «Повести временных лет»⁴⁰ и Киевского свода 1073 г.? Очевидно, что подобная полная реконструкция не всегда осуществима. В большинстве случаев реконструкция может иметь описательный характер, заключаая в себе перечисление основных разделов текста, восходящих к общему протографу. В состав этого реконструируемого протографа прежде всего, естественно, включаются *совпадающие* известия и рассказы исследуемых летописей и, сверх того, разделы, логически и текстуально связанные с ними. В данном случае полнота охвата материала является важнейшим условием доказательности построения. Опыт показывает, что приблизительность реконструкции, пропуск несомненных частей общего текста или, напротив, включение разделов, принадлежность которых к общему тексту не доказуема и сомнительна, может дать неверное представление о характере свода-протографа⁴¹. Ясно также, что чисто текстологическая работа по реконструкции текста должна предшествовать общей характеристике свода-протографа, а не вытекать из него.

Реконструкция свода-протографа дает возможность перейти к третьей стадии исследования — определению и характеристике восстанавливаемого памятника. На данной стадии исследования важнейшую роль играет сравнение, на этот раз речь идет о сравнении реконструируемого текста с другими, обычно более древними (или восходящими к древнему источнику) летописями с целью определения источников исследуемого свода-протографа и его оригинальных разделов. Именно на этой стадии исследователь обнаруживает «белые пятна», тексты, отсутствующие во всех известных летописях и представляющие собой либо плоды оригинального творчества летописца, либо следы недошедших до нас источников. Именно эта заключительная часть исследования, включающая определение исследуемого свода, носит в ряде слу-

⁴⁰ Сам А. А. Шахматов определял подготовленный им в 1916 г. текст «Повести временных лет» как «критическое издание» и вместе с тем «попытку восстановить текст Повести временных лет» (А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. V—VI). В современной текстологии такое «критическое издание» определяется именно как реконструкция (Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв., стр. 454—455, 460—465).

⁴¹ Подробнее об этом см.: Я. С. Лурье. Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей.— «Текстология славянских литератур». Л., 1973. стр. 137—145.

чаев предположительный характер и включает не только гипотезы, но и догадки. Ясно, что степень вероятности получаемых выводов будет выше для гипотетических построений, непосредственно связанных с реальными текстами, и ниже по мере удаления от сохранившегося материала.

Соотношение между доказанным и предполагаемым, между гипотезами и догадками в значительной степени зависит от тематики и цели исследования летописей. Конечной целью работы А. А. Шахматова было восстановление древнейшего летописания. В «Обзрении русских летописных сводов» каждая глава начиналась с исследования конкретных летописей, а кончалась предположительным определением текста «Повести временных лет» в ней. В этой заключительной части исследования догадки, хотя и подготовленные целым арсеналом предварительных доказательств, оказывались неизбежными⁴². М. Д. Приселков ставил своей задачей восстановление истории летописания с XI по XV век, на всем протяжении, включая весьма отдаленные этапы. Каждая из глав его книги начиналась с реальных текстов. Многие своды, отразившиеся в сохранившихся летописях не прямо, а через ряд посредствующих звеньев, могли быть определены только сугубо предположительно (даты их чаще всего имели в книге условный характер и определяли только время *окончания* свода). Следовательно, необходимы были догадки. Наличие их в заключительных разделах исследований неизбежно вытекало из задач, поставленных учеными. От читателей этих работ требуется только ясное понимание их аргументации и умение различать доказанные и предположительные утверждения.

Однако, как мы уже отметили, исследование летописей не сводится к реконструкции летописания Киевской Руси или XII—XIV вв. Историк и литературовед, изучающий конкретную летопись или летописный рассказ, находится в более счастливом положении, чем исследователь, восстанавливающий древнейшее летописание или историю летописания в целом. Он в меньшей степени вынужден прибегать к догадкам. Всегда ли исследование отдельного летописного известия или рассказа должно включать всю ту сложную процедуру, которую мы пытались в общих чертах охарактеризовать выше? Очевидно, в ряде случаев автор, определяя летописный свод, к которому восходит интересующий его фрагмент, может опираться на генеалогические схемы, составленные А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, А. Н. Насоновым и другими авторами, как бы «налагая» историю интересующего его рассказа на историю летописания в целом. Но при любой теме главным принципом исследования остается полное привлечение всех относящихся к изучаемой летописи или летописному рассказу материалов (версий, вариантов и т. д.) и учет

⁴² Ср. об этом: Д. С. Лихачев. Шахматов как исследователь русского летописания.— «А. А. Шахматов. 1864—1920», стр. 261.

того комплекса, к которому данный рассказ или известие принадлежат. Если наблюдения над историей данного текста или известия правильно «ложатся» на уже существующую схему истории летописания, значит они подтверждают правильность этой схемы, созданной в результате широких сравнительно-текстологических исследований; если же нет, то полученные выводы, говоря словами М. Д. Приселкова, «налагают на исследователя (и перед самим собой и перед читателем) обязанность обосновать свое несогласие» и вновь пересмотреть более широкую схему соотношения летописных сводов⁴³.

В своей работе современный исследователь летописи имеет возможность опереться на важнейшие труды по истории летописания, созданные его предшественниками. Но главным наследием, полученным нами, остается сравнительно-историческая методика исследования летописей, разработанная этими учеными — методика сложная и трудоемкая, дающая при ее добросовестном применении серьезные, обоснованные и заслуживающие доверия результаты.

⁴³ Примерами такого исследования отдельных повестей, входящих в летописные своды, могут служить работы М. А. Салминой о летописных повестях, посвященных Дмитрию Донскому и Куликовской битве, В. А. Кучкина о летописном житии Михаила Ярославича (*В. А. Кучкин. Повести о Михаиле Тверском*. М., 1974), В. П. Гребенюка (*В. П. Гребенюк. Повесть о Темир-Аксаке*. Автореферат канд. дисс. М., 1971) и др. Наблюдения М. А. Салминой о зависимости повести о Куликовской битве и повести о Тохтамыше в Софийской I — Новгородской IV летописях от соответствующего рассказа Троицкой (Симеоновской) оказались очень важными и для истории летописания в целом, давая возможность поставить вопрос о зависимости «Свода 1448 г.» («Новгородско-Софийского свода») от «Свода 1408 г.» (Троицкой летописи). См. об этом в нашей статье «Общерусский свод-протограф Софийской I и Новгородской IV летописей», стр. 126—127.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
КОНКРЕТНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
В ЛИТЕРАТУРЕ 50—70-х ГОДОВ
(Историографический обзор)**

В. В. Журавлев

Конкретное источниковедение развивается по двум основным направлениям, органически между собой связанным. Во-первых, многие его достижения являются побочным продуктом деятельности ученого, изучающего конкретно-исторические проблемы. Трудно представить себе серьезное историческое исследование, которое было бы осуществлено без поисков и находок в области методики работы с источниками. При этом одни из таких находок выступают на поверхность, соответствующим образом фиксируются авторами, другие оказываются глубоко скрытыми в самой ткани исследования, третьи же вообще остаются за бортом научных трудов, представляя собой лишь их подготовительный материал. Без выявления и обобщения приемов работы с источниками, применяемых авторами исторических исследований, трудно составить представление об уровне развития той или иной отрасли конкретного источниковедения. Но решение таких задач на практике оказывается чрезвычайно сложным, требующим подчас дублирования источниковедом значительной части тех многолетних исследовательских поисков, которые были проделаны автором конкретно-исторического труда, но не зафиксированы им.

Во-вторых, конкретное источниковедение находит свое развитие в специальных исследованиях, посвященных анализу отдельных видов документов, а также их групп или комплексов. Чаще всего они представляют собой попытку историка осмыслить свои индивидуальные приемы работы с источником, определить условия и границы возможного применения такой методики для решения других научных проблем.

В статье ставится задача проследить в историографическом плане некоторые моменты развития специально источниковедческих исследований по истории советского общества в 50—70-е годы.

Взяв за основу изучения только литературу специально источниковедческую, мы отдаем себе отчет в том, что при таком подходе нельзя составить полного представления об уровне и тенденциях развития указанной отрасли конкретного источник-

ведения. Но ряд существенных и показательных черт этого развития оказывается возможным уловить.

Поскольку предшествующий период развития источниковедения истории советского общества уже освещался в той или иной мере в исторической литературе¹, ограничимся здесь лишь самой общей его характеристикой.

Уже первое поколение историков-марксистов определило важнейшие аспекты изучения документов новейшего времени, в частности источников по истории Октябрьской революции и первых лет диктатуры пролетариата. Важность научного подхода к изучению этих источников провозглашалась в известной статье «От Истпарта», написанной М. Н. Покровским².

Археографический и источниковедческий опыт, накопленный журналами «Красный архив», «Пролетарская революция», в ходе подготовки к изданию трех собраний сочинений В. И. Ленина и первых выпусков «Ленинских сборников», создавал условия для появления первых методических обобщений, с которыми в середине 20-х годов выступили в печати Н. Н. Авдеев, С. Н. Валк, С. А. Пионтковский³.

В 30-е годы проблемы источниковедения широко ставились в методических материалах Главной редакции «Истории фабрик и заводов»⁴. Работы А. М. Большакова, А. В. Шестакова, Г. П. Саара и С. Н. Быковского⁵, хотя и не содержали специального материала, касающегося источниковедения истории советского общества, но были проникнуты стремлением выработать такие крите-

¹ См., например: *О. М. Медушевская*. Развитие теории советского источниковедения.— «Труды Московского государственного историко-архивного института» (далее — «Труды МГИАИ»), т. 24, вып. 2. М., 1966; *она же*. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х — начала 30-х годов.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», М., 1969; *Г. П. Мазнова*. У истоков советского источниковедения (о научной деятельности Н. Н. Авдеева).— «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972.

² «Пролетарская революция», 1921, № 1; см. также: *И. А. Малахова*, М. Н. Покровский — автор статьи «От Истпарта».— «История СССР», 1964, № 5.

³ *Н. Н. Авдеев*. О научной обработке источников по истории РКП и Октябрьской революции.— «Пролетарская революция», 1925, № 1(36) — 2(37); *С. Н. Валк*. Об одной «классификации» историко-революционных документов.— «Историко-революционный сборник», т. I. М.— Пг., 1924; *он же*. О приемах издания историко-революционных документов.— «Архивное дело», 1925, № 3—4; *он же*. Архивные обзоры.— «Архивное дело», вып. 1. М.— Пг., 1923; *С. Пионтковский*. К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции.— «Пролетарская революция», 1926, № 2(49).

⁴ *Р. Я. Окунева*. Вопросы источниковедения в методических материалах Главной редакции «Истории фабрик и заводов» (1930-е гг.).— «Труды МГИАИ», т. 17. М., 1963.

⁵ *А. М. Большаков*. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924; *А. Шестаков*. Методология исторического исследования. Воронеж, 1929; *Г. П. Саар*. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930; *С. Н. Быковский*. Методика исторического исследования. Л., 1931.

рип источниковедческого анализа, которые могли быть применены к изучению источников разных эпох.

Для выработки этих критериев требовались исследования в области истории советского общества вообще и конкретного источниковедения в особенности. В этом плане предпринимались попытки осветить отдельные аспекты источниковедения истории пролетариата СССР⁶. Появилась серия обзоров фондов центральных архивов по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны⁷, а также социалистического строительства в нашей стране⁸.

Из приведенных примеров (число их можно умножить) видно, что в предвоенные годы было немало сделано для разработки источниковедения истории советского общества.

В послевоенный период необходимость развивать исследования в этой области не раз подчеркивалась отдельными крупными специалистами. Выступая на заседании Ученого совета Института истории АН СССР в ноябре 1946 г., Э. Б. Генкина подчеркивала, что для воссоздания научной истории советского общества «требуется тщательное изучение источников» и что в силу этого перед специалистами стоит неотложная задача уяснения специфики этих источников и вытекающих отсюда особенностей работы с ними⁹.

«Недостаточно высокое качество многих работ по истории советского общества,— читаем мы в передовой статье журнала «Вопросы истории», опубликованной в конце 1954 г.,— объясняется тем, что они не опираются на необходимую научную базу; их авторы не используют новых материалов, не исследуют периодическую печать, не ведут исследовательской работы в архивах. Передки случаем, когда автор некритически относится к источникам, использует неточные, непроверенные данные, не ссылается на использованные материалы. Такое пренебрежение к научной базе исследования и его научному аппарату приносит вред исторической науке»¹⁰.

Нельзя считать случайностью тот факт, что проблемы источниковедения истории советского общества начинают остро ста-

⁶ «История пролетариата СССР», сб. 1—22. М., 1930—1935.

⁷ П. Билык. Обзор архивных материалов по истории Октябрьской революции и гражданской войны.— «Архівна справа». Харків, 1930, кн. 2(13); В. Дербина. Характеристика архивных материалов фонда МГСПС периода Октябрьской революции.— «Архивное дело в Московской области». Сб. материалов. М., 1932 (январь-февраль); А. Котович. Обзор архивного фонда отдела Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.— «Ленинградский архивист», вып. 2. Л., 1934.

⁸ Р. Линко и Г. Маркова. Обзор архивного фонда отдела статистики Совета Народного Хозяйства Северного района.— «Ленинградский архивист», вып. 2. Л., 1934.

⁹ «Вопросы истории», 1947, № 3, стр. 76.

¹⁰ «За глубокое и всестороннее исследование истории советского общества».— «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 7.

виться и активно обсуждаться к середине 50-х годов. Именно к этому времени в изучении истории советского общества наметились серьезные сдвиги. В послевоенные годы резко возросло количество исследований. Не ограничиваясь статьями и брошюрами, историки все чаще обращаются к монографическому изучению важных вопросов послеоктябрьской истории страны. Исследователи применяют ленинскую методологию к изучению все более широкого круга конкретных проблем и событий. Возрастает объем изучаемых материалов. Специфика отражения действительности различными видами и группами источников становится очевидной, а необходимость совершенствования методов их научного анализа — все более настоятельной.

Ярким показателем подобных тенденций было появление в печати статей С. И. Якубовской, посвященных неотложным вопросам источниковедения истории советского общества¹¹. Эти работы, как и упомянутая передовая статья, вышедшие в свет в первой половине 50-х годов, отличала некоторая узость в постановке и решении ими вопросов о причинах отставания исторической науки в изучении истории советского общества. Но в целом значение указанных выступлений трудно переоценить.

Справедливо отметив, что схоластическое отношение к источникам «превращает живую, многогранную и полнокровную историческую действительность в сухую абстракцию»¹², С. И. Якубовская подвергла критике разнообразные формы ненаучного подхода к изучению и публикации источников по истории советского общества. Сама логика движения науки вызывала необходимость покончить с допускавшимися отступлениями от научного подхода в изучении новейшей истории нашей страны.

С 1955 г. начал выходить журнал «Исторический архив» — свидетельство намечившихся изменений в отношении к источниковедению. В том же году было возобновлено прервавшееся в связи с войной издание неперIODических сборников «Проблемы источниковедения». С 1958 г. стали выходить «Археографические ежегодники» АН СССР.

Решения XX съезда партии определили широкие возможности для плодотворной практической работы в области источниковедения отечественной истории. В этой связи следует указать на коллективные обсуждения актуальных проблем данной научной дисциплины. В тех условиях это была наиболее оперативная форма уяснения тех или иных дискуссионных вопросов.

В 1957 г. в Московском государственном историко-архивном институте состоялось совещание, специально посвященное проб-

¹¹ С. И. Якубовская. О некоторых вопросах источниковедения истории советского общества.— «Вопросы истории», 1954, № 10; она же. К вопросу об изучении и публикации источников советского периода.— «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955.

¹² К вопросу об изучении и публикации источников советского периода», стр. 47.

лемам критики исторических источников¹³. В его работе приняли участие ведущие специалисты из других научных учреждений Москвы. Выступавший с основным докладом А. Ц. Мерзон подчеркнул, что «очередные задачи источниковедения состоят в том, чтобы наряду с разработкой теоретических вопросов развивать методику изучения и использования основных видов источников, которые применяются для исследования истории СССР, особенно истории советского общества»¹⁴.

Принявшие участие в обсуждении доклада И. К. Додонов, В. И. Шунков, Е. А. Луцкий, С. О. Шмидт, М. Н. Черноморский показали, что все виды источниковедческого анализа должны распространяться на источники советского общества. При этом было подчеркнуто, что под исторической критикой понимается не осуждение источника, как полагали некоторые историки, а его научный анализ.

Показателем сдвигов в области источниковедения истории СССР был выход в свет во второй половине 50-х годов серии брошюр и статьи М. Н. Черноморского¹⁵. Автор активно выступал за научный подход к изучению исторических источников советского периода и разрабатывал методику такого изучения в применении к отдельным видам источников. Появившаяся в 1961 г. статья В. П. Данилова и С. И. Якубовской¹⁶ была первой из выпущенных после XX съезда работ, в которых предпринималась попытка обозреть основной теоретический и методический арсенал, которым располагало в то время источниковедение истории советского общества.

Круг затронутых в ней вопросов чрезвычайно широк. Такая универсальность для сравнительно небольшой журнальной статьи свидетельствует, что авторы стремились не решать сразу основные проблемы источниковедения, а лишь напомнить об их существовании, определить соотношения между ними, указать на пробелы и слабые места, а главное, как можно точнее и шире аргументировать положение о том, что «не может быть истории советского общества без источниковедческого анализа, не может быть исследователя-историка не источниковеда»¹⁷. Происхождение источников, определение исторического источника как научной категории, задачи и принципы классификации источников,

¹³ А. Н. О критике исторических источников. (В Московском государственном историко-архивном институте). — «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 281—287.

¹⁴ Там же, стр. 282.

¹⁵ М. Н. Черноморский. Периодическая печать. М., 1956; он же. Статистические источники. М., 1957; он же. Мемуары как исторический источник. М., 1959; он же. Мемуары как источник по истории советского общества. — «Вопросы истории», 1960, № 12.

¹⁶ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества. — «Вопросы истории», 1961, № 5.

¹⁷ «Обсуждение проблем советского источниковедения». — «Вопросы архивоведения», 1961, № 4, стр. 60.

содержание понятий «внутренняя» и «внешняя» критика источника — таков далеко не полный перечень поставленных в статье проблем.

Но главное достоинство статьи состояло, пожалуй, в том, что авторы попытались определить, что из накопленного к тому времени как дореволюционной наукой, так и советским источниковедением можно применить к потребностям развития конкретного источниковедения истории советской эпохи, что следует отвергнуть как неприемлемое, и в каких направлениях необходимо вести дальнейшие поиски. Отталкиваясь от сложившегося к тому времени практического опыта¹⁸ и опираясь на уже имевшиеся обобщения¹⁹, В. П. Данилов и С. И. Якубовская особое внимание обратили на необходимость разработки принципов и методов научного использования массовых источников в изучении истории советского общества.

В статье отмечалось, что «созданию крупных обобщающих и теоретических работ, а также учебников по источниковедению советского периода отечественной истории должно предшествовать появление большого числа специальных исследований об отдельных источниках или их группах, об архивных фондах и статистических изданиях, законодательных памятниках, газетах и т. д.»²⁰

На совещании, созванном в октябре 1961 г. по инициативе Московского государственного историко-архивного института и редакций журналов «Вопросы истории» и «Вопросы архивоведения», проблемы, поставленные в работе В. П. Данилова и С. И. Якубовской, а также в статье М. С. Селезнева²¹, подверглись всестороннему обсуждению представителями различных научных учреждений (Института истории АН СССР, ИМЛ при ЦК КПСС, ГАУ СССР, а также ряда вузов столицы). Большинство выступавших сходилось в убеждении, что наша наука накопила уже определенный опыт для постановки и успешного решения теоретических и практических проблем источниковедения отечественной истории вообще и истории советской эпохи в частности.

Однако некоторые участники совещания, как свидетельствуют помещенные в печати краткие отчеты о выступлениях²², призна-

¹⁸ П. В. Ефремов. Коллективные хозяйства Екатеринбургского уезда в конце 1920 г. (Публикация анкет обследования сельскохозяйственных коллективов).— «Исторический архив», 1959, № 5; Н. П. Абрамов. Опросный лист волостного совета (1918 г.).— «Исторический архив», 1960, № 3; В. З. Дробижев. Некоторые вопросы передачи текста массовых источников.— «Исторический архив», 1960, № 6.

¹⁹ Б. Г. Литвак. О некоторых приемах публикации источников статистического характера.— «Исторический архив», 1957, № 2; *он же*. Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи.— «Исторический архив», 1960, № 2.

²⁰ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Указ. соч., стр. 23.

²¹ М. С. Селезнев. Вопросы воспроизведения текста и датировки документов советского периода.— «Вопросы архивоведения», 1960, № 8.

²² Помимо упомянутого выше, см. также: А. Т. Николаева. Совещание по

вали право на существование источниковедения как самостоятельной научной дисциплины с некоторыми оговорками. Одна из точек зрения состояла в том, что источниковедение не должно выходить за рамки прикладной дисциплины с сугубо практическим уклоном. Сторонники такого подхода возражали против «чрезмерного» интереса к «различным классификациям, установлению видов источников» и т. д., усматривая в этом «какое-то стремление к обособлению источниковедения от исторической науки»²³. В. А. Кондратьев стоял за признание важности исторических источников как сырья для научного исследования, но высказался против признания самодовлеющей ценности источника. «...Главное,— утверждал он,— восстановить подлинность не документов, а отраженных в них исторических фактов»²⁴. На наш взгляд, В. А. Кондратьев недостаточно учел то обстоятельство, что исторический источник, отражая и фиксируя события и явления прошлого, сам является реальным фактом, сохранившейся частью жизни и деятельности ушедших поколений. Поэтому для историка источник важен и ценен не только в прикладном смысле, но и сам по себе. Он позволяет выявить закономерности развития общества, имеет конкретно-историческую ценность как памятник, фрагмент (частица), или результат прошлой деятельности человека²⁵.

В решениях XXII съезда партии и в принятой на съезде Программе КПСС перед историками советского общества был поставлен ряд ответственных задач, решить которые было невозможно без серьезных усилий в области источниковедения. В появившихся в 1962 г. статьях, посвященных перспективам источниковедения²⁶, отмечалось, что отставание в этой области науки еще не преодолено. «Очень слабо,— констатировал Д. А. Чугаев,— разрабатывается методика и почти совершенно не разрабатывается теория источниковедения применительно к истории советского общества»²⁷. Это обстоятельство оказывало неблагоприятное влияние на развитие науки в целом. «В конечном счете,— писал И. С. Смирнов,— этот недостаток в методике перерастает в недостаток историографический, снижает научный уровень исследования темы»²⁸.

вопросам источниковедения истории СССР в МГИАИ в конце 1961 г.— «Вопросы истории», 1962, № 5; Л. Б. Ястребов. Обсуждение проблем источниковедения истории СССР советского периода.— «История СССР», 1962, № 4.

²³ «Вопросы архивоведения», 1961, № 4, стр. 64.

²⁴ Л. Б. Ястребов. Указ. соч., стр. 231.

²⁵ См. об этом: «История и социология». М., 1964, стр. 83, 101 и др.

²⁶ И. Смирнов. Достоверные факты — основа исторического исследования.— «Коммунист», 1962, № 3; Д. А. Чугаев. Задачи источниковедения советского периода истории СССР в свете решений XXII съезда партии.— «Исторический архив». 1962, № 1.

²⁷ Д. А. Чугаев. Указ. соч., стр. 166.

²⁸ И. Смирнов. Указ. соч., стр. 78.

Появление в печати статьи М. А. Варшавчика²⁹ и оживленное обсуждение ее на страницах журнала «Вопросы истории КПСС»³⁰ было свидетельством усиления интереса к изучению источниковедения истории партии. Важный положительный результат дискуссии состоял в том, что все ее участники признали необходимость специальной работы с источниками при изучении истории КПСС и попытались обосновать ряд положений в плане выработки методики анализа историко-партийных документов. Вместе с тем в ходе дискуссии выявился и спорный подход некоторых ее участников к трактовке ряда дефиниций в области историко-партийного источниковедения. Неоправданными в методологическом и практическом отношениях выглядели, в частности, попытки выработать особое определение источника по истории КПСС, что вызвало возражение со стороны специалистов в области источниковедения истории советского общества. «...Вряд ли вообще имеет смысл, — писали М. П. Губенко и Б. Г. Литвак, — особо выделять источник как таковой для этой области истории и отличать его от источника, скажем, по истории СССР»³¹. Действительно, гораздо больший эффект может иметь разработка проблемы особенностей источников по истории партии в плане изучения более широкого вопроса о специфике документов советской эпохи.

Итоги дискуссий могут служить частным подтверждением того, что разрыв между потребностями в теоретических обобщениях в области источниковедения и практической подготовленностью науки к таким обобщениям еще не был вполне преодолен. Для этого нужно было располагать несравненно более обширным арсеналом методических обобщений, построенных на широкой источниковедческой основе. Но и здесь к началу 60-х гг. положение было далеким от благополучного. Правда, в печати появлялось все больше и больше работ по различным вопросам источниковедения отечественной истории, среди них все чаще попадались статьи, посвященные источникам советской эпохи. Однако индивидуальные разработки и методические рекомендации отдельных авторов не выходили, как правило, за рамки приложения к исследованию аналогичных или близких по тематике проблем.

Некоторое представление об уровне и характере развития конкретного источниковедения истории советского общества в конце 50-х — начале 60-х годов можно получить, изучая статьи данной тематики в послевоенных выпусках сборника «Проблемы источниковедения». В трех выпусках, вышедших до войны³², не содер-

²⁹ М. А. Варшавчик. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4.

³⁰ «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, 6; 1963, № 1, 2, 3, 5.

³¹ М. П. Губенко, Б. Г. Литвак. Конкретное источниковедение истории советского общества. — «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 7.

³² «Проблемы источниковедения», вып. I. М. — Л., 1933; вып. II. М. — Л., 1936; вып. III. М. — Л., 1940.

жалось ни одной статьи, посвященной советскому периоду, невелик их удельный вес и в последующих восьми сборниках³³. Из 166 статей, опубликованных во всех одиннадцати выпусках, источниковедению советской эпохи посвящено всего 12. Одна работа посвящена общим проблемам источниковедения³⁴ и одна проблемам археографии документов советского общества³⁵. Все остальные решают различные вопросы конкретного источниковедения. Они содержат характеристики отдельного архивного фонда³⁶, групп документов, объединенных тематически³⁷ или хронологически³⁸, анализ различных видов исторических источников — статистических материалов³⁹ и периодической печати⁴⁰, а также скрупулезный разбор отдельных документов уникального характера и значения⁴¹.

Перечисленные статьи, взятые в совокупности, являются несомненным показателем положительных сдвигов в изучении конкретных проблем источниковедения истории советской эпохи. Так работы С. Н. Валка и Е. А. Луцкого свидетельствуют, что уже к началу 60-х годов советское источниковедение располагало обширным арсеналом разнообразных средств и приемов изучения уникальных документов эпохи социализма. Творческое критическое использование «традиционных» методов внутренней и внешней критики источника сочеталось с применением принципов анализа документа, детальная разработка которых является уже

³³ За 9 лет вышло 8 выпусков. Практически они издавались ежегодно по одному выпуску. В 1959 г. вышло в свет два выпуска, в 1957 и 1960 — ни одного.

³⁴ С. И. Якубовская. К вопросу об изучении и публикации источников советского периода. — «Проблемы источниковедения», вып. IV.

³⁵ И. А. Булыгин. О передаче текста документов советской эпохи. — «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963.

³⁶ Н. А. Ивницкий. Фонд Колхозцентра СССР и РСФСР и его значение для изучения колхозного движения в СССР (1927—1932). — «Проблемы источниковедения», вып. IV.

³⁷ И. И. Варжо. К вопросу об источниках по истории советской аграрной политики 1917—1918 гг. — «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956; Ю. У. Томашевич. О некоторых вопросах источниковедения истории крестьянского движения в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. — Там же, вып. VII. М., 1959.

³⁸ С. Н. Валк. Документы 25 октября 1917 г. — «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958.

³⁹ М. Н. Черноморский. Промышленные переписи 1920 и 1923 гг. как исторический источник. — «Проблемы источниковедения», вып. V; Н. Г. Грачев. Материалы и итоги переписи промышленного оборудования 1932—1934 гг. как исторический источник. — Там же, вып. VII.

⁴⁰ З. К. Звездин. Периодическая печать как источник по истории трудового подъема рабочего класса СССР 1926—1929 годов (Обзор материалов). — «Проблемы источниковедения», VIII. М., 1959; В. В. Фарсовин. К вопросу о периодической печати как источнике по истории Великой Октябрьской социалистической революции на местах. — Там же, вып. XI.

⁴¹ Е. А. Луцкий. Обращение Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России» 25 октября 1917 г. — «Проблемы источниковедения», вып. X. М., 1962; он же. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях. — Там же, вып. XI.

достижением марксистского источниковедения. Сюда относятся, в частности, требования рассматривать источники в тесной связи со структурой общественных отношений и конкретными формами классовой борьбы в ту или иную историческую эпоху, учитывать при анализе специфические особенности документов, рожденных эпохой Октября. Работы Е. А. Луцкого (серия статей и докторская диссертация, посвященные ленинскому декрету о земле)⁴² свидетельствуют о плодотворности источниковедческого изучения даже одного источника уникального значения.

Закономерным в начале 60-х годов был интерес исследователей и к периодической печати как источнику по истории советского общества. Необходимость тщательной критики газетных и журнальных материалов, анализа условий их происхождения и степени достоверности — такой подход, характерный особенно для статьи В. В. Фарсобина, способствовал преодолению «иллюстративного» метода в воссоздании исторической действительности, распространенного в некоторых работах предшествовавшего времени. Тем же задачам преодоления иллюстративного подхода отвечали и другие статьи, опубликованные в различных выпусках сборника «Проблемы источниковедения». Стремление изучать исторические источники комплексно, в их теснейшем взаимодействии и переплетении было характерно и для работ Н. А. Ивницкого, И. И. Варжо.

Н. А. Ивницкий поставил перед собой трудную цель: дать обобщающую характеристику фонда Колхозцентра СССР и РСФСР как комплексного источника по истории коллективизации сельского хозяйства в нашей стране. Сложность решения ее объяснялась прежде всего недостаточностью накопленного опыта фондового изучения материалов по истории советского общества. К тому же фонд Колхозцентра нельзя считать «рядовым» как по объему (5,5 тыс. архивных дел), так и по богатству и разнообразию содержащихся в нем материалов. Он, как отмечает автор, «является по-существу единственным фондом, в котором так полно и последовательно представлена история колхозного движения в Советской стране». Указанные обстоятельства определили характер предпринятого Н. А. Ивницким исследования.

Статья представляет собой обзор документальных материалов Колхозцентра. Проблемы внешней критики автор решает на основе изучения истории фондообразователя. Переходя к анализу содержания документов, он группирует их прежде всего по хронологическому принципу в соответствии с этапами колхозного движения. Внутри каждого этапа в основе более дробной группировки лежит тематический (проблемный) принцип. Все это позволяет донести до читателя общие сведения об информации, заключенной в материалах фонда.

⁴² Е. А. Луцкий. Источники ленинского декрета о земле. Автореферат докт. дисс. М., 1970.

Вместе с тем Н. А. Ивницкий редко выходит за пределы позитивной оценки изучаемых источников. В статье говорится, что именно можно найти в материалах фонда, но не указывается на пробелы в источниках, не фиксируется (за одним исключением), какие документы неполно, неточно или искаженно освещают те или иные проблемы.

На примере изучения материалов по истории советской аграрной политики 1917—1918 гг. И. И. Варжо попыталась сформулировать выводы, которые «могут быть полезными и при изучении других вопросов истории советского общества». Следуя по этому пути, автор подходит к выяснению некоторых специфических черт, присущих нормативным актам первых лет диктатуры пролетариата. Существенное значение имел также сформулированный в статье вывод о том, что при изучении специфики аграрных преобразований на местах «не следует пользоваться случайно отобранными источниками по той или иной губернии, уезду или волости. Важно изучать исторический процесс по ряду районов страны с тем, чтобы определить наиболее типичные особенности процесса. Кроме того, для изучения должен быть привлечен массовый документальный материал, а не отдельные документы; только при этом условии мы можем прийти к правильным общим выводам»⁴³. В настоящее время данные выводы выглядят как нечто само собой разумеющееся. Но в освещаемый период, вытекая из анализа конкретных материалов, они имели важное практическое значение в борьбе с пережитками ненаучного отношения к источнику.

Кроме материалов законодательного и директивного характера, как указывалось в статье, исследователю необходимо использовать документы, показывающие «пути и результаты осуществления тех или иных законодательных актов»⁴⁴. Однако автор склонен рассматривать материалы, раскрывающие «революционное творчество народных масс» при осуществлении аграрной политики Советской власти, в качестве дополнительных источников к документам центральных партийных и советских органов⁴⁵. Методическая неточность в данном случае чревата недооценкой специфики законодательных документов Советской власти. Революционное творчество широчайших слоев трудящихся является одновременно и источником появления и способом претворения в жизнь любого законодательного акта диктатуры пролетариата.

Работы М. Н. Черноморского и Н. Г. Грачева посвящены источниковедческому изучению статистических материалов эпохи социализма. Интерес к этому виду источников также не был случайным. Отдельные историки ранее предпочитали или вообще игнорировать статистические материалы, или же использовать их

⁴³ И. Варжо. Указ. соч., стр. 16.

⁴⁴ Там же, стр. 7.

⁴⁵ Там же, стр. 15.

в чисто «демонстрационном» плане, т. е. для однозначной характеристики отдельных состояний, а не диалектически протекающих процессов. Достоинство статьи М. Н. Черноморского состояло в сочетании конкретного анализа такого важного источника по истории становления основ социалистической экономики в нашей стране, как промышленные переписи 1920 и 1923 гг., с выработкой методических рекомендаций в отношении принципов научной критики статистических материалов первых лет диктатуры пролетариата в целом. Большой интерес в этой связи вызывает предложенная в статье схема этапов и форм критического анализа статистических материалов, органически сочетающая в себе требования как внешней, так и внутренней критики источника.

Н. Г. Грачев, изучая материалы и итоги переписи промышленного оборудования 1932—1934 гг. как исторический источник, ограничивается только прикладным аспектом темы: «Опыт разрешения сложных методологических вопросов организации и программы переписи должен быть использован при подготовке и проведении будущих переписей промышленного оборудования»⁴⁶. Не умаляя важности и нужности именно таких исследований, следует заметить, что автор перенес центр тяжести научного анализа в другую сферу и в значительной степени ушел от той источниковедческой постановки вопроса, которая содержалась в самом названии статьи.

Проблемы источниковедения истории советского общества освещались с 1957 г. и в «Археографических ежегодниках». Все статьи, прямо или косвенно касавшиеся указанной тематики, можно разделить на три группы. Первую составляют обзоры отдельных архивных фондов⁴⁷ и групп документов, объединенных тематически⁴⁸. Во вторую входят статьи, посвященные изучению конкретного опыта издания документов советской эпохи начиная с публикаций первых лет диктатуры пролетариата⁴⁹ и кончая изданиями 50-х годов⁵⁰. Наконец, третью группу материалов сос-

⁴⁶ Н. Г. Грачев. Указ. соч., стр. 54.

⁴⁷ В. З. Дробижев. Обзор архивных фондов по истории создания и деятельности советов народного хозяйства в 1917—1918 годах.— «Археографический ежегодник за 1958 год» (далее — АЕ). М., 1960.

⁴⁸ И. А. Булыгин, Г. Е. Рейхберг, Ю. С. Токарев. Обзор документальных источников о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 году.— «АЕ за 1957 год». М., 1958.

⁴⁹ М. С. Селезнев. О публикации законодательных актов Советского государства в 1917—1920 годах.— «АЕ за 1961 год». М., 1962; он же. Советская публикация дипломатических документов в конце 1917—начале 1918 года.— «АЕ за 1962 год». М., 1963; М. И. Прошкинов. Опубликование Советским правительством в 1917—1918 гг. тайных дипломатических документов.— «АЕ за 1963 год». М., 1964; Е. А. Луцкий. Первый советский сборник документов.— «АЕ за 1965 год». М., 1966.

⁵⁰ Г. Е. Рейхберг. Издание серии документальных сборников «Великая Октябрьская социалистическая революция» и местные архивы.— «АЕ за 1957 год».

тавляет серия статей, посвященных отдельным этапам развития советской археографии⁵¹.

Составители обзора документальных источников о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде поставили перед собой задачу свести воедино, в качестве объекта анализа, материалы четырех архивов Москвы и Ленинграда. Это позволило им обобщить ряд ценных наблюдений, касающихся разнообразия «характера и форм» сохранившейся архивной документации. В частности, было установлено, что среди материалов восстания основное место занимают документы, образовавшиеся в процессе деятельности массовых организаций рабочего класса (фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Петрограда). Из документов вражеского лагеря наиболее «типичными» (по терминологии авторов) являются приказы, рапорты, донесения, телеграммы и телефонограммы, исходившие от Временного правительства, командования Петроградского военного округа, городской милиции и др. Авторы сочетают изложение материала с выводами общеисторического характера. Соотношение между различными видами документов, по конкретной тематике, выясняются в самых общих чертах и по внешним (часто количественным) признакам: много — мало, «типично» — «нетипично». Как правило, не занимают внимание авторов различного рода разночтения, искажения, пробелы информации, обнаруживающие себя только при сопоставительном анализе источников.

На других принципах строится составленный В. З. Дробжевым обзор архивных фондов по истории создания и деятельности советов народного хозяйства в 1917—1918 гг. Автор ставит перед собой задачу охарактеризовать три взаимосвязанных комплекса материалов, раскрывающих деятельность местных совнархозов в указанные годы: материалы центральных учреждений (СНК и ВСНХ), фонды самих советов народного хозяйства и документы учреждений, связанных с совнархозами (профессиональных союзов, различных буржуазных организаций). Внутри каждого комплекса источники подразделяются по видам. Такая структура работы позволяет автору не только охарактеризовать документы того или иного вида, но и вскрыть черты субординации между отдельными видами источников и на основе этого показать, как осуществлялось движение информации от одних документов к другим.

⁵¹ В. А. Кондратьев, В. М. Хевролина. Из истории археографической деятельности в первые годы Советской власти (1917—1924 гг.).— «АЕ за 1959 год». М., 1960; Е. М. Тальман. Археографическая деятельность Центрархива в 1920—1930-х годах.— «АЕ за 1960 год». М., 1962; Т. В. Пивницкая. Археографическая деятельность архивных органов и государственных архивов в предвоенные годы (1935—1941 гг.).— «АЕ за 1961 год»; Д. М. Эпштейн. Археографическая деятельность государственных архивов во время Великой Отечественной войны (1941—1945).— «АЕ за 1960 год».

Подобно авторам вышеупомянутого обзора В. З. Дробижев при характеристике источников также часто оперирует критерием типичности, вкладывая в него уже иной смысл. Давая оценку материалам, помещенным в сборнике «Национализация промышленности в СССР» (М., 1954), автор отмечает, что в указанной публикации не помещены многие важнейшие документы, характеризующие работу совнархозов. «В то же время, — пишет он, — в него включены документы, не типичные для характеристики работы СНХ»⁵². Несколько ниже автор поясняет, что документ нетипичен, в частности, тогда, когда содержит «много принципиально неверных установок»⁵³. Критерий типичности в данном случае вводится уже не для обозначения степени распространенности (как у И. А. Булыгина, Г. Е. Рейхберга, Ю. С. Токарева)⁵⁴ и даже не для характеристики формы того или иного документа. Он применяется для определения существенных сторон содержания источника. Не имея в виду решать этот вопрос по существу, заметим, что наличие «неверных установок» в иных случаях не лишает документы черт «типичности». Охарактеризованные В. З. Дробижевым материалы могут приобрести совсем иное звучание, если послужат источником для изучения форм хозяйствования и возможных заблуждений при выработке этих форм.

Ценные конкретные наблюдения и выводы в упомянутых выше обзорах соседствуют с различным пониманием ряда методических и теоретических проблем. В частности, не вполне ясным остается вопрос о том, что следует понимать под обзором документов, в каких реальных соотношениях находятся понятия «обзор источников» и «критика источников». Понятие же «типичность источника», если употребление его вообще правомерно на стадии обзора материалов, нуждается в специальном обосновании.

Методические обобщения чаще всего могут быть действительными и эффективными, когда опираются на богатую многолетнюю практику и на всю сумму предшествующих «субобобщений», идей и выводов. Справедливость этого утверждения можно проиллюстрировать на примере разработки методики археографии советской эпохи. К началу 60-х годов в этой области был накоплен определенный практический опыт, существенные черты которого были сведены воедино в опубликованной в «Археографических ежегодниках» серии работ, отнесенных выше ко второй и третьей группам интересующих нас материалов. Одновременно с этим на страницах журнала «Исторический архив» была проведена дискуссия, посвященная решению неотложных проблем археографии документов советской эпохи⁵⁵.

⁵² В. З. Дробижев. Указ. соч., стр. 293.

⁵³ Там же.

⁵⁴ И. А. Булыгин, Г. Е. Рейхберг, Ю. С. Токарев. Указ. соч., стр. 244.

⁵⁵ Б. Г. Литвак. Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи. — «Исторический архив», 1960, № 2; И. А. Булыгин, Г. Е. Рейхберг.

Результаты этих целенаправленных усилий специалистов нашли обобщенное выражение в статье Д. А. Чугаева⁵⁶, где была предпринята удачная, на наш взгляд, попытка дать целостную классификацию публикаций документов советской эпохи по типам, видам и формам. Опираясь на практику и достижения теории советской археографии, автор справедливо поставил вопрос о необходимости внесения дополнений, уточнений и исправлений в опубликованные в 1960 г. ГАУ СССР «Правила издания документов советского периода».

Специально остановившись на характеристике серии статей по источниковедению и археографии документов советского общества, помещенных в сборниках «Проблемы источниковедения», «Археографические ежегодники» и частично в журнале «Исторический архив», мы имели возможность на примере достоинств и недостатков этих работ в определенной степени оценить общее положение в развитии конкретного источниковедения новейшей истории нашей страны, которое сложилось в конце 50-х — начале 60-х годов. Употребляя термин «общее положение», мы имеем право распространить его только на центральные научные учреждения, так как авторы упомянутых выше работ представляли, за отдельными исключениями, московские научные учреждения. Правда, с начала 60-х годов активно включаются в исследование рассматриваемых проблем также ленинградские историки⁵⁷. Изучение же вопросов источниковедения истории советского общества на местах еще отставало. В рецензии на IV—X выпуски сборника «Проблемы источниковедения», помещенной в журнале «Вопросы истории»⁵⁸, обращалось внимание на тот факт, что в указанных сборниках совершенно нет статей, затрагивающих источники по истории советского общества в национальных республиках. Отсюда делался вывод: «Это в значительной степени отражает неудовлетворительную постановку источниковедения истории советского периода на местах»⁵⁹. С такой точкой зрения можно согласиться, подкрепив ее дополнительным аргументом. Библиографические розыски показывают, что в местных сборниках и пе-

О типах, видах и формах публикации документов.— Там же, 1960, № 5; В. З. Дробизев. Некоторые вопросы передачи текста массовых источников.— Там же, 1960, № 6; Н. А. Ивануцкий. О некоторых вопросах публикации документов по истории советского общества.— Там же, 1961, № 1.

⁵⁶ Д. А. Чугаев. О методике археографии советской эпохи.— «АЕ за 1962 год», стр. 359—365.

⁵⁷ См., например, статьи М. П. Ирошниковой, Х. Х. Камалова, А. Ф. Шевцовой и других в сборниках: «История рабочего класса Ленинграда», (вып. 1. Л., 1962); «Исследования по отечественной истории к 75-летию проф. С. Н. Валка».— «Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР», вып. 7, 1964; «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Материалы Всесоюзной научной сессии, сост. 13—16 ноября 1962 г. в Ленинграде. М., 1964.

⁵⁸ С. М. Каштанов. Ценное источниковедческое издание.— «Вопросы истории», 1963, № 10.

⁵⁹ Там же, стр. 135.

риодических изданиях, относящихся к периоду до середины 60-х годов, статьи по источниковедению истории советского общества встречаются только в виде исключения⁶⁰.

В обстановке, когда количество публикуемых работ по проблемам конкретного источниковедения советской эпохи было еще недостаточным, а научный уровень отдельных статей далеко не равноценным, лучшим способом преодоления трудностей могло стать издание серии специальных сборников, посвященных источниковедению истории советского общества. В 1964 г. вышел в свет первый выпуск такого сборника, а в 1968 г.— второй⁶¹. Они получили положительную оценку в печати. Появление первого выпуска было расценено, как «заметное явление в источниковедческой литературе последнего времени»⁶². Помещенные в нем статьи отличались тематической широтой и разнообразием. Здесь можно найти работы, посвященные теоретическим проблемам источниковедения (статьи В. В. Фарсобина «К определению предмета источниковедения», М. С. Селезнева о классификации источников, Б. Г. Литвака «О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина»), некоторым вопросам теории и практики археологии (В. С. Голубцов. «К вопросу о научных принципах переиздания мемуарной литературы»). Но главное место в материалах указанных выпусков отведено вопросам конкретного источниковедения⁶³.

⁶⁰ И. Л. Беленький, М. К. Макаров. Библиография источниковедческих работ (1956—1963 гг.).— «Источниковедение истории советского общества», вып. I. М., 1964, стр. 343—374 (по материалам работ, опубликованных на русском, украинском и белорусском языках).

⁶¹ «Источниковедение истории советского общества», вып. I. М., 1964; вып. II. М., 1968.

⁶² Л. П. Начало, нуждающееся в продолжении.— «Вопросы архивоведения», 1965, № 2, стр. 118; см. также: Л. Н. Пушкарев. Новое в отечественном источниковедении.— «Вопросы истории», 1965, № 10.

⁶³ Ряд статей посвящен таким видам источников, изучение которых стало уже традиционным. Сюда следует отнести статистические источники 20-х годов (статьи Л. М. Дробизевой, К. М. Газаловой, М. И. Черноморского), центральную большевистскую печать периода от Февральской революции и до завершения триумфального шествия Советской власти (работы В. В. Фарсобина), мемуары видных деятелей Октябрьской революции (статья Е. Д. Ореховой и А. С. Покровского). Продолжая традицию специального исследования уникальных документов советской эпохи, Н. А. Ивницкий посвятил свою статью истории подготовки постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. Вместе с тем, авторы многих статей подвергают анализу виды и разновидности источников, не привлекая еще к себе серьезного внимания историков: донесения комиссаров Временного правительства и командиров (В. В. Кутузов), материалы переписи действующей армии 25 октября 1917 г. (Л. М. Гаврилов, В. В. Кутузов), журнал исходящих документов ЦК РСДРП(б) за 1917 г. (В. В. Аникеев), крестьянские указы 1917 г. (Е. А. Лудкий), протоколы Петроградского ВРК (Г. Е. Рейхберг) и Президиума ВЦИК за 1917—1918 гг. (А. С. Покровский), опросные листы Народного комиссариата земледелия (С. Л. Макарова), ответы местных Советов на запрос СНК о заключении Брестского мира (Д. В. Ознобишин), материалы сплошного учета колхозов за 1930 г. (М. Л. Богденко) и обследовании

При всем разнообразии тематики статей, присутствие их в одном сборнике не создает впечатления пестроты. При попытке оценить их изолированно, не обращаясь к иным материалам, можно установить весьма показательные черты переплетения методических подходов разных авторов в решении поставленных ими проблем.

Для примера обратимся к работам А. С. Покровского и Г. Е. Рейхберга, посвященным характеристике протоколов первых государственных учреждений диктатуры пролетариата: Петроградского ВРК и Президиума ВЦИК II—IV созывов. Каждый из этих источников отражает неповторимые черты исторической действительности, содержит присущие только ему особенности происхождения, формы и содержания. Все это скрупулезно устанавливается авторами. Но за спецификой авторского подхода можно уловить и то, что исследователей сближает.

Конкретные черты формы и содержания протоколов авторы пытаются выявить, отталкиваясь от особенностей структуры и характера деятельности первых советских органов власти. «Президиум ВЦИК,— пишет А. С. Покровский,— учреждение недифференцированное, с наименее определенными законом функциями, сочетавшее в своей деятельности элементы законодательной, распорядительной и контролирующей деятельности,— наиболее ярко выражал содержание, дух и стиль работы всех советских органов рассматриваемого периода»⁶⁴. По-существу, то же самое характеризует и «своеобразие ВРК как органа, связывавшего большевистскую партию с широчайшими народными массами»⁶⁵.

Отмеченные выше моменты определяют широту и разнообразие информации, заключенной как в тех, так и других источниках, невозможность свести их содержание к строго определенному числу пунктов. А эти особенности, в свою очередь, позволяют оценить значение протоколов как своеобразного ключа, по выражению А. С. Покровского, к изучению сложного, подчас разрозненного и распыленного делопроизводства обоих учреждений.

Оценивая специфику формы протоколов исследуемых учреждений, А. С. Покровский и Г. Е. Рейхберг также идут сходными путями. «Чтобы понять особенности формы протоколов ВРК,— пишет Г. Е. Рейхберг,— надо представить, в каких условиях они рождались, как и в какой обстановке происходили заседания»⁶⁶. Эту же мысль А. С. Покровский развивает и углубляет, поднимаясь от частного к общему: «Прогресс в области

колхозов за 1933—1934 гг. (З. К. Звездин), документы Наркомфина СССР, касающиеся колхозной деревни (М. А. Вылцан). Знаменательным было появление специальной работы по истории национально-государственного строительства на местах (Г. П. Коржихина. Источники по истории образования Якутской АССР).

⁶⁴ «Источниковедение истории советского общества», вып. I, стр. 65—66.

⁶⁵ Там же, стр. 36.

⁶⁶ Там же, стр. 42.

государственного строительства, выражающийся в последовательной дифференциации решаемых вопросов, неизбежно должен был привести к специализации учреждений, а следовательно, к усилению технической стороны аппарата власти и параллельно с этим завершиться созданием четкой дробности в системе документации, оформления стереотипа документа — его формуляра. Естественно, что документы рассматриваемого периода, в том числе и протоколы Президиума ВЦИК, не могли иметь своего формуляра»⁶⁷.

Наблюдения Г. Е. Рейхберга подтверждают также итоговые выводы А. С. Покровского относительно решающего воздействия на форму и содержание делопроизводственных документов двух взаимодействующих тенденций в работе советских учреждений указанного периода: «одна внутренняя, бюрократическая, вытекающая из повседневной практической деятельности каждого учреждения — стремление к дифференциации, т. е. к расчленению решаемых вопросов между отделами и лицами для удобства работы данного учреждения, другая — внешняя, творческая, демократическая, стремящаяся эти вопросы как бы слить, т. е. решить взаимосвязно, с наибольшей пользой для общего дела, а не только для данного учреждения или ведомства. Сила второй тенденции свидетельствовала о прочности связей учреждений с трудящимися массами, о глубоко демократическом характере советского строя... Эти две тенденции в работе советских учреждений практически воплощали в себе коренное отличие государства Советов от всякого буржуазного, где господствует разделение властей...»⁶⁸

Сопоставление двух статей, как мы видим, дает материал не только для оценки формы и содержания протоколов нескольких или даже всех учреждений того времени. Оно наталкивает на размышление относительно характера и особенностей формирования делопроизводственной документации государственных учреждений первых лет диктатуры пролетариата.

В статье Л. М. Дробижевой рассматриваются отчеты экономических совещаний 1921—1923 гг. — органов СТО на местах — и выявляются возможные приемы их критического анализа⁶⁹. Однако методическое значение сформулированных автором выводов гораздо шире. На примере отчетов экономических совещаний при совнархозах Л. М. Дробижева дает обобщенное представление о сильных и слабых сторонах деятельности местных статистических органов в начале 20-х годов. При всем своем тематическом своеобразии в этом смысле статья проблемно смыкается с помещенными в том же сборнике работами К. М. Газаловой и М. Н. Черноморского.

Таким образом, усилия всех исследователей, при несхожести их конкретных задач, сходились в главном: в стремлении к ши-

⁶⁷ Там же, стр. 67.

⁶⁸ Там же, стр. 97.

⁶⁹ Там же, стр. 192.

рокому накоплению конкретных наблюдений и выводов, касающихся самых различных групп, видов и разновидностей источников советской эпохи. Указывая на этот по преимуществу конкретно-источниковедческий уклон первого выпуска сборника, автор одной из рецензий замечал: «Это не прихоть редколлегии сборника, а закономерное явление, отражающее особенности развития источниковедения истории советского общества: на данном этапе это источниковедение характеризуется активным накоплением новых фактических материалов, которые со временем дадут возможность приступить к созданию обобщающего труда в этой области»⁷⁰.

Та же тенденция нашла свое выражение и в тематике статей по источниковедению истории советского общества, помещенных в 16 и 17 томах «Трудов Московского государственного историко-архивного института»⁷¹. Интересно отметить, что большинство статей, опубликованных в 16 томе «Трудов», было написано студентами и недавними выпускниками института.

Содержание 17 тома «Трудов» показывает возросший интерес историков к вопросам источниковедения истории советского общества. Половина статей в нем (9 из 18) посвящена этим проблемам. Традиционное внимание одних авторов к письменным памятникам первых лет диктатуры пролетариата⁷² сочетается с попытками других изучать такие виды источников советского времени, которым уделялось еще мало внимания (кино-фото-фонодокументы⁷³ и даже почтовые марки⁷⁴). Такая комплексность в подходе к изучению документов послеоктябрьской эпохи свидетельствовала об углублении конкретного опыта научной критики источников советского времени.

Попытка обобщения некоторых полученных к середине 60-х годов результатов содержалась в статье М. П. Губенко и Б. Г. Литвака⁷⁵. Задавшись целью изучить методику работы исследователей с массовыми источниками, авторы смогли сформулировать такие положения, которые уже переходят грань, отделяющую

⁷⁰ Л. П. Указ. соч.— «Вопросы архивоведения», 1965, № 2, стр. 118.

⁷¹ «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961; т. 17. М., 1963.

⁷² О. М. Медушевская. Документы Всероссийского профессионального союза рабочих-металлистов как исторический источник (1918—1919).— «Труды МГИАИ», т. 17; М. Н. Черноморский. Материалы промышленной переписи 1918 г. о промышленности России во время Великой Октябрьской социалистической революции.— Там же.

⁷³ Л. М. Рошаль. Некоторые вопросы источниковедческого анализа кинодокументов. В 16 томе «Трудов» см. также: П. С. Фесуненко. Значение кино-фото-фонодокументов как исторического источника и основные задачи комплектования ими Государственного архивного фонда Союза ССР.

⁷⁴ Я. Н. Шапов. Отражение социалистического переустройства народного хозяйства в советских почтовых марках (1921—1941 гг.).— «Труды МГИАИ», т. 17.

⁷⁵ М. П. Губенко, Б. Г. Литвак. Конкретное источниковедение истории советского общества.— «Вопросы истории», 1965, № 1.

конкретное источниковедение от теоретического. Таким обобщением теоретического свойства следует признать данное авторами определение массового источника⁷⁶. Вызывает интерес разработанная в статье схема научной обработки массовых источников, содержащая в себе два основных этапа: концентрирование материала и группировку фактов. Ее удачно дополняют обобщения, касающиеся обработки массовых материалов табличным методом (при наличии формуляра) и анкетным (в случае отсутствия такового). Проблема массового источника рассматривается в статье в теоретическом и в конкретно-методическом плане, что подтверждает возможность и необходимость именно такого комплексного подхода исследователей к вопросам источниковедения истории советского общества.

Опубликование М. Н. Черноморским в 1966 г. учебного пособия по источниковедению истории советского общества⁷⁷ было еще одним доказательством достигнутых к середине 60-х годов сдвигов в развитии этого направления науки. Уровень изученности проблем конкретного источниковедения уже позволял в принципе охватить всю богатейшую источниковую базу истории советского общества единым взглядом, подвергнуть составляющие ее материалы первоначальной классификации по видам источников, определить основные приемы работы исследователя с документами, относящимися к каждому из таких видов. Отсюда вытекает главное, что определяет значение книги М. Н. Черноморского. Она важна как подведение (на учебно-методическом уровне) итогов, как средство ознакомления не только студентов, аспирантов, но и всех, кто в этом нуждался, с основными теоретическими принципами и методическими приемами работы с источниками по истории советского общества.

Особенно удался автору тот раздел работы, где он характеризует статистические источники и обобщает в методическом плане приемы работы с ними. Содержание же раздела, посвященного основным видам документов Советов и массовых организаций трудящихся показывает, что наше источниковедение накопило еще недостаточно наблюдений и выводов, касающихся особенностей работы с этими источниками. Отсутствуют в книге и специальные сведения о личной документации трудящихся. В целом же освещение конкретных вопросов источниковедения советской эпохи в работе превалирует над аспектами общеметодического характера.

Вторая половина 60-х — начало 70-х годов характеризовались значительным усилением внимания историков к изучению проблем источниковедения истории советского общества, что определялось прежде всего решениями XXIII съезда партии и постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию обществен-

⁷⁶ Там же, стр. 8.

⁷⁷ М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР (советский период). М., 1966.

ных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Существенно возросло количество сборников и отдельных работ, а также расширилась тематика исследований. Выходит в свет уже упомянутый нами второй выпуск сборника «Источниковедение истории советского общества», пять томов сборника «Вспомогательные исторические дисциплины»⁷⁸, каждая пятая статья в котором посвящена источниковедению советской эпохи, очередные тома «Археографического ежегодника». Исследования по указанной проблематике все чаще появляются на страницах центральных журналов, входят в состав «Трудов», «Записок» и других изданий научных учреждений. Среди этого потока все чаще появляются статьи по вопросам, которые раньше не ставились, например, об источниковедческих аспектах изучения проблем социологии и социальной психологии в применении к истории советского общества⁷⁹. Специальному обсуждению подвергается вопрос о выработке методики работы с документами личных архивных фондов⁸⁰. В это время проблемами источниковедения советской эпохи начинает интересоваться все более широкий круг специалистов на местах, о чем свидетельствует содержание специальных источниковедческих сборников, издаваемых на Украине⁸¹, в Прибалтике⁸², в ряде других союзных республик, в автономных республиках⁸³, а также в отдельных городах РСФСР⁸⁴. Для решения насущных вопросов источниковедения истории советского общества рамки исследования конкретного характера становятся уже узкими. В свет начинают выходить первые обобщающие исследования монографического плана⁸⁵. Появляются работы по широкой общеметодической тематике в рамках конкретного источниковедения⁸⁶. Частицы опыта, накопленного

⁷⁸ «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I—V. Сб. статей. Л., 1968—1973.

⁷⁹ Г. Л. Соболев. Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г.— «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I. Л., 1968; *он же*. Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября.— «История и психология». М., 1971; Т. О. Вильцини. Социологическая информация как источник изучения исторических процессов современности.— «Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики». Рига, 1970.

⁸⁰ С. С. Дмитриев. Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников.— «Вопросы архивоведения», 1965, № 3. О работе специальной конференции, состоявшейся в Государственном историческом музее, см.: З. Д. Ясман. Частная переписка как исторический источник.— «История СССР», 1968, № 2.

⁸¹ «Історичні джерела та їх використання», вип. 1—7. Київ, 1964—1972.

⁸² «Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики». Рига, 1970.

⁸³ «Вопросы историографии и источниковедения Якутии». Якутск, 1971.

⁸⁴ «Источниковедческие работы», вып. 1—3. Тамбов, 1970—1973.

⁸⁵ В. С. Голубцов. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970.

⁸⁶ Ю. С. Токарев. Общие вопросы источниковедения истории Октябрьской революции.— «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. II. Л., 1969.

источниковедением истории советского общества, включаются в общую систему доказательств при создании исследований в области теории источниковедения⁸⁷.

Показателем прогресса, достигнутого источниковедением истории советского общества во второй половине 60-х — начале 70-х годов по сравнению с концом 50-х — началом 60-х годов, может служить содержание упомянутых выше томов сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» в сравнении с охарактеризованными выше выпусками «Проблем источниковедения». Прежде всего бросаются в глаза сдвиги количественные. Несмотря на то, что первые включают в себя работы, посвященные не только источниковедению, но и вспомогательным историческим дисциплинам, 21 статья из 97 посвящена вопросам источниковедения истории советского общества. В каждом томе этим сюжетам отводится специальный раздел.

Содержание вышеупомянутых томов свидетельствует о том, что в Ленинграде под руководством С. Н. Валка сложился круг исследователей, специально занимающихся проблемами источниковедения эпохи Октябрьской революции. Составители привлекают к участию в своем издании также специалистов из Москвы и других городов страны. Значительная часть всех статей советской тематики посвящена источниковедческому изучению ленинского литературного наследия (три статьи Е. А. Луцкого, работы Н. И. Приймак, Г. Л. Соболева, В. И. Старцева, А. Л. Фраймана). Внешняя тематическая однотипность всех этих исследований (каждая статья посвящена анализу одной определенной ленинской работы) является показателем концентрации усилий отдельных специалистов в изучении вопросов источниковедения ленинских произведений.

В центре внимания ряда авторов находятся массовые источники: протоколы заседаний Советов (Ю. С. Токарев) и общественных организаций (Г. Л. Соболев), листовки РКП(б) (А. П. Купайгородская), указы с мест общественным организациям (Л. А. Шитилов). Законодательная и делопроизводственная документация первых лет Советской власти исследуется как в общем (М. П. Ирошников), так и в тематическом плане (Л. Е. Шепелев, В. А. Шишкин, А. Л. Фрайман). Статья А. А. Фурсенко «Документ об Октябрьской революции в архиве семейства Рокфеллеров»⁸⁸ может служить примером, к сожалению, пока еще уникальным, раскрывающим важность изучения зарубежных источников, посвященных истории советского общества. Очень любопытный источник по истории классовой борьбы в стране на заре существования диктатуры пролетариата (стенографический отчет заседания Учредительного собрания) подверг-

⁸⁷ См. статьи С. О. Шмидта и Б. Г. Литвака в сб. «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» (М., 1969).

⁸⁸ «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. IV.

нут изучению в статье О. И. Знаменского. Своеобразие его в том, что он отражает борьбу различных классовых сил, «одно из решающих столкновений пролетарской и мелкобуржуазной демократии»⁸⁹. На примере этого источника автор пытается выработать некоторые принципы подхода к анализу документов, отражающих множественную классовую ориентацию⁹⁰, причем не в статике, а в живом, динамическом столкновении. Ответом на насущную потребность изучать социальную психологию народных масс в пору революционных переломов, а также в эпоху строительства социализма служат упомянутые выше статьи Г. А. Соболева.

Первые результаты накопленного опыта в области источниковедческого изучения документов эпохи Октября⁹¹ обобщены в упомянутой выше статье Ю. С. Токарева. Достоинство исследования состоит в стремлении автора разобраться в сложном и подчас пестром составе информации, посвященной этим событиям, наметить основные принципы классификации источников по данной проблеме, определить принципиальные соотношения различных их групп и видов.

Эволюция исследовательских интересов автора — от изучения относительно частных вопросов⁹² к осмыслению общих проблем источниковедения истории Октября — отражает одну из тенденций развития изучаемой отрасли отечественного источниковедения во второй половине 60-х годов.

Сказанное выше с полным основанием может быть отнесено и к некоторым другим исследователям. А. А. Курносков, например, сосредоточил основное внимание на изучении мемуарной литературы, посвященной событиям Великой Отечественной войны. Опубликовав в течение последнего десятилетия серию статей по этой проблеме⁹³, он от конкретных источниковедческих наблю-

⁸⁹ «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. II, стр. 70.

⁹⁰ В теоретическом плане вопрос об источниках с множественным (чаще всего двойным) классовым авторством был поставлен в статье С. М. Каштанова и А. А. Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения» («Исторический архив», 1962, № 4, стр. 180).

⁹¹ В 1967 г. этим проблемам специально была посвящена научная встреча историков (см.: «Тезисы сообщений научного совещания ленинградских историков, посвященного источниковедению Великой Октябрьской социалистической революции (15—16 июня 1967 г.)». Л., 1967).

⁹² См., например, А. И. Давиденко, В. А. Зубков, В. И. Старцев, Ю. С. Токарева. Октябрь 1917 года в Петрограде. Обзор документов государственных архивов Ленинградской области. М., 1968; он же. Документы народных судов (1917—1922 гг.) — «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». Сб. статей. М.—Л., 1963; он же. Протоколы общих собраний, заседаний секций Исполнительного Комитета и бюро Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (март — апрель 1917 г.). — «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I п. т. д.

⁹³ См., например, А. А. Курносков. Вопросы авторства в мемуарах о народном сопротивлении в тылу немецко-фашистских войск (1941—1944 гг.). — «Труды МГИАИ», т. 17; он же. Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов. (Историография вопроса). —

дений подошел к серьезным выводам обобщающего характера, касающимся особенностей отражения исторической действительности в мемуарной литературе и вытекающей отсюда специфики их научной критики.

Несомненный интерес вызывает предложенная им методика внутренней критики мемуаров советской эпохи, включающая в себя логический анализ текста, текстологию, сопоставление с родственными и независимыми источниками. Последовательно применяя указанные методы, исследователь идет от анализа отдельно взятого текста мемуаров к изучению их вариантов и первоисточников, а затем — к сопоставлению данного источника с сообщением других источников. В свою очередь процесс сравнительного изучения переходит в историческое построение⁹⁴.

* * *

Подводя самые общие итоги, следует сказать, что за период 50-х — начала 70-х годов исследователями была проделана значительная работа по утверждению источниковедения истории советского общества в своих правах и изучению богатейшей источниковой базы этого периода. Этот процесс получил новый импульс, благодаря решениям XXIII, XXIV съездов КПСС и постановлениям ЦК КПСС о развитии общественных наук. Потребности развития науки настоятельно требовали от историков самого серьезного внимания к разработке проблем теории и методики источниковедения истории советского общества. В обобщающих статьях и дискуссиях рассмотренного периода проблемы теории выступают на первый план. Их разработка основывалась на достижениях советского источниковедения предшествующего времени.

Наряду с достижениями в теории источниковедения происходит постепенное увеличение числа методических исследований конкретно-источниковедческого свойства.

Если все опубликованные к настоящему времени статьи и отдельные монографии по различным вопросам источниковедения истории советского общества распределить хронологически и тематически, то можно убедиться, что они охватывают различные этапы новейшей истории нашей страны с неодинаковой, однако, степенью полноты. Наибольшее число исследований посвящено источникам истории Октябрьской революции. Источниковедческому изучению в этой связи подвергались работы В. И. Ленина,

«История и историки. Историография истории СССР». Сб. статей. М., 1965; *он же*. Методы исследования мемуаров (Мемуары как источник по истории народного сопротивления в период Великой Отечественной войны). Автореферат канд. дисс. М., 1965; *он же*. Приемы внутренней критики мемуаров. (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник). — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969

⁹⁴ А. А. Курносков. Приемы внутренней критики мемуаров. Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник, стр. 478—505.

труды других деятелей революции, Коммунистической партии и Советского государства, декреты и иные нормативные акты, статистические источники, делопроизводственная документация (в первую очередь центральных государственных и общественных учреждений), центральная и местная периодика, мемуары, дневники и т. п. Внимание исследователей сосредоточивалось на анализе отдельных документов уникального значения, комплексов материалов по конкретным проблемам, источников определенного вида, тех или иных архивных фондов и т. д. Серьезные исследования посвящены источниковедческим проблемам истории аграрных преобразований Советской власти и прежде всего истории коллективизации сельского хозяйства.

Вместе с тем можно указать и такие темы, разработке которых посвящена обширная историография, но которые еще недостаточно представлены специальными источниковедческими трудами. Это прежде всего история гражданской войны, индустриализация, культурное строительство. Не предпринималось серьезных попыток комплексного изучения источников по истории советского рабочего класса. Лишь частично затронута специальными исследованиями источниковая база истории Великой Отечественной войны. Мало работ, посвященных анализу источников по истории национально-государственного строительства на местах, и т. д.

Наконец, имеются проблемы, недостаточно представленные как конкретно-историческими, так и источниковедческими работами. К ним в первую очередь следует отнести вопросы, связанные с изучением развитого социалистического общества. Они требуют к себе первостепенного внимания источниковедов.

В своих локальных исследованиях историки подвергли конкретному анализу самые различные группы, виды и разновидности источников эпохи социализма. Наиболее интенсивно, пожалуй, изучались и изучаются в настоящее время массово-статистические источники. Приемы анализа этой группы источников непрерывно совершенствуются, причем заметные успехи достигнуты в применении математических методов. Несомненны достижения в изучении мемуаров, документов нормативно-директивного характера, особенно декретов Советской власти, Конституций и т. д.

Однако появилось еще мало работ о материалах местных партийных, советских и массовых организаций трудящихся и, в частности, о делопроизводственной переписке. Почти не затрагивается специальными исследованиями личная документация трудящихся. Не изучаются под углом зрения исторического источниковедения произведения советской литературы и искусства.

Хотя число разработок в области конкретного источниковедения растет из года в год, усилия специалистов еще в малой степени концентрированы и целенаправлены. Важную роль в преодолении этого недостатка могли бы сыграть, на наш взгляд, монографические работы, посвященные анализу отдельных видов документов советской эпохи в процессе их эволюции, отдельных архивных фондов, комплексов источников, объединенных тематически, и т. д.

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К ТИПОЛОГИИ ТЕКСТОВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

М. Х. Алешковский

Половина столетия, прошедшая со дня смерти А. А. Шахматова — большой испытательный срок для трудов даже великого ученого. И они прошли испытание. В целом методика А. А. Шахматова оказывается плодотворной, но многие частные результаты ее применения, которые и сам ученый непрерывно изменял и совершенствовал, нуждаются в коррективах. Отсюда — неизбежные споры с ученым, постоянно подчеркивавшим их желательность.

В данной статье делается попытка на основе развития некоторых методических принципов А. А. Шахматова разработать одну из возможных методик исследования текстов летописей. Эта методика — не единственная из бытующих в нашей науке (назовем, например, методику исследования хронологии летописей Н. Г. Бережкова). Результаты, полученные нами, следует считать сугубо предварительными, ни в коем случае не претендующими на истину в последней инстанции и лишь иллюстрирующими возможности применения обсуждаемой методики. Думается, что сейчас, как никогда, назрела необходимость изучения, разработки и комплексного применения самых различных методик, бытующих в нашей науке. Это особенно видно на примере изучения «Повести временных лет» — она исследуется то как чистый памятник литературы (И. П. Еремин), то как исторический источник (Л. В. Черепнин), то как предмет текстологических разысканий (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Д. С. Лихачев), то как предмет культурно-исторических изысканий (Б. А. Рыбаков). Возможны и другие методики, в частности «Повесть временных лет» до сих пор не стала предметом специального лингвистического анализа. Точно так же в нашей науке пока не появилось работы, объединяющей методики этих наук.

В настоящее время все исследователи «Повести временных лет» согласны с тем, что ее структура складывается из текстов

нескольких поколений летописцев — самого ее автора, его предшественника (или предшественников) и его продолжателя-редактора (или редакторов). Дошедший до нас редакторский текст памятника и отражает указанную, по крайней мере трехслойную структуру. Отдельные ее слои не залегают в непосредственной последовательности, сменяя друг друга, а перемешаны, подобно тому, как это бывает с перекопанным культурным слоем при археологических раскопках. Однако археологам не очень часто встречаются памятники с полностью перекопанным слоем, обычно он бывает перекопан лишь в отдельных своих частях, а большая его часть отражает историческую последовательность образования культурных напластований. Каждое из этих напластований содержит определенные типы бытовых предметов и основой стратиграфических построений археологов является как раз исследование типологии этих предметов и сопоставление типологической шкалы с глубиной залегания предметов того или иного типа. Подобную типологическую методику, думается, можно применить и к текстам «Повести временных лет»: ведь как бы сильно ни были перетасованы в ней тексты нескольких поколений русских книжников, число этих поколений и временной отрезок их деятельности настолько велики, что трудно рассчитывать на сходство форм их записей, тем более что «Повесть временных лет» является результатом длительного складывания самой летописи как жанра и естественно, что пока жанр не сложился, а только еще рождался, русские книжники лишь постепенно вырабатывали тип его текста, утвердившийся как раз уже после распространения «Повести временных лет» по городам Руси в XII в. Естественно поэтому, что к выяснению типологии разновременных текстов «Повести временных лет» следовало бы подойти от характеристики типологии текстов в эпоху расцвета летописного жанра XII—XIII вв., уже после создания и распространения «Повести временных лет», оказавшей глубокое влияние на сложение этой типологии. Что же это за типология?

В летописях XII—XIII вв. наблюдаются, грубо говоря, два типа текста — первый из них представляет собой связный рассказ о нескольких или многих годах, записанный, когда эти времена отошли уже в прошлое; второй из них представляет собой собственно погодную запись, сделанную сразу после события или в конце года, когда произошло событие или же в начале следующего года, но под датой предыдущего года. Соответственно двум этим типам текста можно различать и два вида летописных памятников — летописный свод и погодную летопись. Первый датируется обычно по году его составления, вторая — по году начала или прекращения ее записей. Дошедшие до нас летописные памятники XIII—XVI вв. часто называют сводами сводов, что, на наш взгляд, не совсем точно, поскольку в их составе есть и тексты погодных летописей, не сведенных в один текст с другими летописями или сводами, по крайней мере, если

и не на всех участках своих текстов, то хотя бы на отдельных из этих участков. Этой формулой (свод сводов) и объясняется, что историки чаще всего занимаются поисками сводов, тогда как поиски погодных летописей порой отходят на задний план. Следствием такого подхода является и то, что датируя тот или иной слой летописного текста, мы порой не задаемся вопросом, к какому из указанных двух его типов он принадлежит — к погодной летописи или летописному своду. Между тем с квалификации текстов по его двум основным типам и должно начинаться любое исследование. Естественно, что при этом следует пользоваться какими-то объективными критериями, выработка и применение которых, однако, встречаются с большими трудностями, объясняемыми противоречивостью дошедших до нас текстов.

Обратимся поэтому сначала к памятникам XII—XIII вв. и попытаемся определить, какие из их текстов принадлежат первому, а какие второму типу. Для характеристики первого типа наиболее показательной является так называемая Галицко-Волынская летопись XIII в., сохранившаяся в составе Ипатьевской летописи начала XV в. Сейчас текст этой летописи имеет хронологическую погодную сетку, но, как справедливо отметил Л. В. Черепнин¹, первоначально этой сетки не было, и рассказ развивался в рамках относительной хронологии, от одного события к другому, от одной группы событий, растянувшихся на несколько лет, к другой группе событий, также растягивавшихся на несколько лет, однако лета эти в самом рассказе проставлены не были. Сводчик под 1254 г. прямо сообщает, что «число же летом здесь не писаном»². Он намеревался сделать это в табличке в конце своего текста. Исследователи по-разному делят текст этой летописи, то разделяя его на две основные части — Галицкую и Волынскую³, соответственно следующие одна за другой, то выделяя отдельные своды на протяжении всего XIII в.⁴ Единственное, в чем согласны все исследователи, — что погодные записи в составе этой летописи выделить нельзя. Одни прямо говорят об этом, для других это само собой разумеется и они выделяют и датируют именно своды, а не погодные летописи (единственное исключение — летопись Киевская 1238 г., выделяемая В. Т. Пашуто, но и она не относится к местному юго-западному летописанию). Разбивка на годы этого текста произошла, по мнению исследо-

¹ Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. — «Исторические записки», т. 12. М., 1941, стр. 230—321.

² «Ипатьевская летопись». — «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. 2, М., 1962, Ипатьевская летопись (далее — ИЛ), г. 1254, стб. 820.

³ Л. В. Черепнин. Летопись Даниила Галицкого; И. П. Еремин. Волынская летопись 1289—1290 гг. как памятник литературы. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. М. — Л., 1966.

⁴ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; А. И. Генсбургский. Галицко-Волынский летопис. Київ, 1958.

вателей, не раньше начала XIV в. Следовательно, в конце XIII в. летопись представляла собственно не летопись, а связный очерк, единую повесть о галицко-волынских князьях, причем рассказ преимущественно о Данииле Галицком без перерыва переходил в рассказ преимущественно о его брате Васильке и его сыне Владимире, на смерти которого он и завершился. В том месте, где Л. В. Черепнин находит такой перерыв, на самом деле стоит характерная фраза: «По сем же минувшему лету» (Ипатьевский список) или, что звучит первоначальное: «По сем же минувшима двема летома и» (Хлебниковский и Погодинский списки)⁵. Вот такие относительные даты и позволили впоследствии разбить весь текст на погодные записи, хотя эта разбивка, как справедливо отмечает Л. В. Черепнин, и была весьма условной, как и получившаяся в ее результате абсолютная хронология.

Итак, перед нами первый тип летописного текста. Для него характерно полное отсутствие каких-либо точных дневных, часовых, недельных или празднично-церковных дат отдельных событий. Такие даты появляются только при описании смерти и погребения Владимира Васильковича в самом конце летописи, показывая, что она и составлена непосредственно после его смерти, но тогда, когда еще была жива его княгиня, о которой здесь упомянуто в настоящем времени в фразе о ее поведении после смерти мужа⁶. Вторая особенность — не очень частые, но все же пронизывающие весь текст ссылки на поздние факты при описании более ранних. Третья особенность — монотематизм всего повествования в целом, как и отдельных его сюжетов, составляющих канву всего повествования. Четвертая особенность связана с третьей — в этой летописи почти отсутствуют дискретные сообщения о фактах жизни и быта, не связанных с монотематической канвой всего повествования.

Наконец, пятая особенность заключается в наличии относительно-хронологических дат, к сожалению, мало здесь теперь сохранившихся, но раньше пронизывавших все повествование.

Трудно сказать, легли ли в основу этой летописи, вернее, свода, отдельные письменные повести или же в ее основе лежат развернутые предания, лишь здесь обретшие письменную форму. Надо только подчеркнуть, что сами по себе устные предания тоже являются историческим источником. Пока письменность не стала всеобъемлющей формой исторического сознания, устные его формы были необыкновенно сильны, а, главное, великолепно приспособлены к сохранению многих достоверных и мельчайших подробностей исчезнувшей жизни. Память фиксировала события с меньшей точностью, чем летопись, отличие состояло лишь в том, что память нанизывала крупные события одно на другое

⁵ ИЛ, г. 1260, стб. 848.

⁶ ИЛ, г. 1289, стб. 924: «свою княгнью, како благоверье держит по преданью твоему».

по их причинной связи и поэтому довольствовалась относительной хронологией, но эта хронология была настолько разработана, что впоследствии на ее основе и с использованием подсобных источников легко можно было установить абсолютную хронологию. Другим свойством памяти устных преданий был монотематизм повествования, в которое не попадало ничего из тех фактов, которые не были связаны с основной сюжетной канвой.

Но уже в XII—XIII вв. существовали достаточно развитые формы летописного повествования другого типа.

Что это за тип? Это погодная запись, в пределах которой рассказывается о событиях одного года в той хронологической последовательности, в какой они сменяли друг друга. Эти события одного года могут быть датированы месяцем, временем года, днем месяца или днем недели или же даже часом дня. Порой встречаются и двойные даты — день недели и час дня или день месяца и день недели и т. д. Хронологическая последовательность известий за один год нарушается редко, а нарушения, как исключения, подтверждают лишь общее правило последовательности известий одного года, поскольку вызваны либо совмещением двух источников при составлении свода, либо редактированием одного из них. Для погодных записей характерна их дискретность, отсутствие взаимосвязи друг с другом и принадлежность к самым различным сторонам действительности, рассказ о которых не укладывается в канву монотематического сюжета. Тем не менее любому читателю наших летописей XII—XIII вв. известно, что точно датированные известия не составляют большей части текста этих погодных летописей, в которых на протяжении порой целого десятилетия прослеживается монотематическое повествование. Таковы прежде всего киевские летописи XII в., в меньшей степени это свойственно новгородской летописи. В методическом плане это означает, что подобные монотематические записи должны быть подвергнуты тщательному анализу с точки зрения определения времени, когда они сделаны — в год события или после того как весь цикл событий уже отошел в прошлое.

Совмещение обоих типов текста под одной погодной датой вполне объясняется тем, что время от времени погодная летопись (или летописи) становились предметом работы сводчика, который, закопчив эту работу, приступал к ведению собственной погодной летописи, которая в свою очередь попадала в другой свод, и т. д. Включение в такие своды записей по воспоминанию и доказывается тем, что многие тематические вставки, как правило, лишены дополнительных, как мы их называем, дат — дня, месяца или недели и т. д. Конечно, одно отсутствие таких дат еще не доказывает сводного характера их происхождения, но точно так же одно наличие погодной даты не доказывает погодного происхождения самой записи. Погодность записи может быть доказана только наличием дополнительной даты события. Работа же сводчика характеризуется наличием одного или не-

скольких из тех признаков, которые мы назвали характерными, рассматривая текст Галицко-Волынской летописи.

Приведенная типологизация очерчивает методику исследования текстов «Повести временных лет» и имеет самое непосредственное отношение к этому исследованию замечательного памятника, поскольку в нем встречаются оба указанных типа текстов — порой отдельно друг от друга, порой вместе. Последнее усложняет пашу задачу, но не делает ее решение невозможным, методически важно лишь четко сознавать, на каком из уровней решения этой задачи мы оперируем с фактами, а на каком из них — с собственными гипотезами. Задача же, собственно, состоит не только в выявлении обоих типов летописных текстов в пределах «Повести временных лет», но и в том, чтобы выяснить, отражают ли эти типы исторические этапы возникновения и развития летописания на Руси, как датируются эти этапы, с какими идеологическими мотивами они связаны и, наконец, дает ли их выявление основание для создания хотя бы гипотетической картины истории раннего летописания на Руси, вплоть до создания редакторского текста «Повести временных лет» (1119 г.).

Первыми, кто заметил наличие обоих типов текста в «Повести временных лет», были С. М. Соловьев и Н. П. Ламбин⁷. Их наблюдения были развиты А. А. Шахматовым, доказавшим, что погодная хронологическая сетка появилась в текстах первого типа сравнительно поздно, в 90-х годах XI в.⁸ А. А. Шахматов впервые отметил и то, что дневные даты начинают идти довольно регулярно лишь с 1061 г.⁹ Однако ученый не проследил систематически всех текстов первого типа и не проследил хронологических закономерностей в распределении отдельных разновидностей дополнительных дат текстов второго типа. Далее, А. А. Шахматов не поставил вопроса о взаимосвязи обоих типов текста с историей летописания, а между тем даже выявленные им факты вступают в противоречие с его схемой развития летописания, если считать, что эти факты имеют связь с этим развитием. Например, после создания древнейшего свода в 1039 г. (по А. А. Шахматову) характер летописных записей не меняется, они не имеют дополнительных дат, эти даты появляются с 1061 г., но текст за эти годы составлен Никоном в 1073 г. по памяти, что противоречит погодному характеру этих дополнительных дат. Перейдем теперь к выявлению обоих типов в текстах «Повести временных лет».

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. В 15 книгах, кн. 1. М., 1959; Н. П. Ламбин. Объяснение сказаний Нестора о начале Руси. СПб., 1860.

⁸ А. А. Шахматов. Разыскания древнейших русских летописных сводов. СПб., 1908 (далее — А. А. Шахматов. Разыскания...), стр. 539—550; он же. Повесть временных лет. Пг., 1916, реконструкция начального свода.

⁹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 398 и сл.

Работа над текстами «Повести временных лет» во многом схожа с археологической методикой полевых исследований и прежде всего тем, что она должна двигаться в глубь текстов, от более поздних к более ранним, от существующего редакторского текста к его источнику — к авторскому тексту и далее к предшественникам автора. Поэтому следует описать типологию текстов «Повести временных лет» «сверху вниз»¹⁰, двигаясь от редакторского текста 1119 г. (Ипатьевская летопись) к ее авторскому тексту 1115 г., сохранившемуся, хотя и в неполном виде, но все же с существенными отличиями от редакторского текста, в новгородском летописании¹¹. Далее следует перейти к несохранившимся памятникам XI в.

Редакторский текст 1119 г., представленный его киевской (Ипатьевская летопись) и переяславской (Лаврентьевская летопись) копиями, ставит нас перед задачей расчленения погодных записей с 1091 по 1115 г. на авторские и редакторские тексты. В том, что с 1091 г. идут именно погодные записи, не приходится сомневаться благодаря обилию часовых, недельных и дневных дополнительных дат. О том же, что внутри этих текстов представлены и автор и редактор, свидетельствуют нарушения хронологии известий внутри самих погодных записей и другие признаки. Это — первый этап исследования. Отсев редакторские вставки 1119 г., датировав текст автора 1115 г. и найдя его в новгородском летописании, мы сталкиваемся с задачей датировки возникновения отдельных разновидностей текстов второго типа или его подтипов, представленных текстами с дневными, недельными и часовыми датами. Это — второй этап работы, которую приходится вести в основном по Ипатьевской летописи, поскольку в новгородском летописании эти тексты за конце XI — начало XII вв. сильно сокращены, начиная со статьи 1016 г. На этом этапе сразу же встает вопрос, одновременны или же разновременны по своему возникновению подтипы второго типа летописных текстов. По текстам за 1019—1115 г. мы видим, что подтипы встречаются вместе, но это еще не свидетельствует, что и возникли они одновременно и в пределах одного памятника. Действительно, часовые даты, например, идут сплошным потоком только с 1091 г. До этого лишь одна такая дата встречается под 1074 г. (смерть Феодосия), но поскольку текст этой статьи вставлен в 1115 г., то до 1091 г. не оказывается ни одной часовой даты. В 1115 г. часовая дата смерти Феодосия, хорошо известная в монастыре или имевшаяся на его надгробии, была использована

¹⁰ Ср. Л. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие им своды.— «Исторические записки», т. 25. М., 1950.

¹¹ М. Х. Алешковский. Первая редакция «Повести временных лет». — «Археологический ежегодник за 1967 год». М., 1969; *он же*. К датировке первой редакции «Повести временных лет». — «Археологический ежегодник за 1968 год». М., 1970. Ниже ссылки на выводы этих работ опускаются.

летописцем. Подобная дата есть на одном монашеском надгробии 1068 г. из Тьмутаракани.

Теперь возникает вопрос, свидетельствует ли появление часовых дат с 1091 г. о каком-то этапе в летописании или же оно случайно и не связано с началом погодной летописи? Это сложный, вернее сказать, многоступенчатый вопрос, поэтому, отвечая на него, следует опять двигаться от известного к неизвестному. Известно, что с 1091 г., записи ведутся в Печерском монастыре, поскольку многие из них связаны с этим монастырем, и, во-вторых, что они ведутся как погодные, поскольку оснащены дополнительными датами. Неизвестно пока, велись ли в этом монастыре погодные записи до 1091 г. Поэтому следует присмотреться к сведениям об этом монастыре до 1091 г. Они имеются под 1051, 1072, 1074, 1075, 1088, 1089, 1091 г. Статьи 1051, 1074 и 1091 гг. написаны одновременно, одним автором и вставлены им в летопись в 1115 г. Сведение 1072 г. о канонизации Бориса и Глеба — не погодная запись, поскольку в ней о церкви 1072 г. в Вышгороде сказано «яже стоит и ныне». Так можно было сказать только не очень скоро после ее постройки в 1072 г., но и до 1115 г., когда она была заменена новым каменным храмом. О Чюдине здесь сказано: «и бе тогда держа Вышгород Чюдин, а церковь Лазорь», что также мало похоже на погодную запись и в то же время имеет аналогичные словоупотребления «тогда» в Галицко-Волынской летописи¹². Текст под 1075 г. написан не ранее 1080 г. В нем рассказывается о закладке, продолжении строительства, его окончании и росписи фресками здания с 1075 по 1079 г.¹³ Судя же по тому, что эта церковь была освящена только в 1089 г., можно предполагать, что и запись о истории ее строительства появилась только после ее освящения в 1089 г. Под 1088 г. об освящении Выдубицкой церкви опять сказано в прошедшем времени: «а игуменьство *тогда*¹⁴ держащую того монастыря Лазореви». Эти воспоминания о Лазаре под 1072 и 1088 г. выдают руку одного и того же автора, работавшего после 1088 г. Под 1089 г. освящение Печерской церкви не датировано дополнительной датой, а о тысяцкой должности Яна Вышатича сказано в том же дательном самостоятельном, что и о Лазаре под 1072 и 1088 гг. Смерть печерского игумена Никона под 1088 г. не имеет дополнительной даты, хотя именно известия о смертях всегда в погодных записях такие даты имеют. Далее, под 1090 г. запись о церковных делах также составлена не в качестве погодной, а не раньше 1091 г., поскольку об Иоанне-скопце, сменившем Никона-писателя, сказано, что он «от года бо до года пребыв ум-

¹² ИЛ, г. 1213, стб. 733 («Ярони же тогда тысящу держащую в Перемышли»); г. 1241, стб. 791. Ср. употребление слова «тогда» в древнейших частях «Повести временных лет» (М.—Л., 1951, т. I), стр. 36, 37, 40, 44, 85, 99, 108.

¹³ М. Х. Алешковский. Первая редакция «Повести временных лет», стр. 40.

¹⁴ Здесь и далее в цитатах курсив автора статьи.

ре». Под тем же 1090 г. не является погодной и запись о Ефреме-митрополите, поскольку в связи с ней летописец вспоминает «бе бо прежи в Переяславли митрополья». Под 1091 г. Ефрем назван уже епископом, что еще раз показывает, что эта статья сделана в то время, когда о митрополитстве Ефрема уже было забыто, и не в то время, когда составлялся текст о нем под 1090 г. Под 1086 г. митрополит Иоанн назван «блаженным» — так сказать можно было только после его смерти в 1090 г.

Итак, практически все сведения о Печерском монастыре до 1091 г. составлены не ранее этого года, а некоторые и в 1115 г. Если бы эти сведения были погодными, то они имели бы такие же дополнительные даты, какие имеют подобные же сведения после 1091 г. или же какие имеют светские, а не церковные известия до 1091 г. Отсюда следует, что до 1091 г. погодная летопись в Печерском монастыре не велась. Поскольку же с 1091 г. начинаются тексты с дополнительными датами о Печерском монастыре (и не только о нем, но преимущественно о нем), то, видимо, с этого года и начинается погодное печерское летописание. Начало погодного летописания можно связывать как с освящением соборной церкви в монастыре, так и с местной канонизацией Феодосия, хотя первое предположение предпочтительнее второго. Но напрашивается и еще один важный вывод — поскольку ряд текстов о церковных делах написан до 1115 г. и, с другой стороны, имеет характер дискретных, не связанных одной темой сообщений, то следует предполагать, что сразу же при своей записи они были распределены под годичными датами какой-то летописи, с одной стороны, созданной в 1091 г., а с другой стороны, продолженной погодными записями начиная с этого года. Что же это за летопись, вернее, что же это за свод, продолженный вплоть до 1115 г. его составителем?

В связи с ответом на этот вопрос наше внимание привлекает воспоминание летописца под 1065 г. о «срамном уродце» в реке Сетомле. Будущий летописец принял участие в осмотре («позоровахом») уродца. Это известие находится в статье 1065 г. в окружении сведений о событиях 1064 и 1066 гг. и иллюстрирует цитату из Хронографа о злых знаменьях. Так как это воспоминание, то в нем перемешались события нескольких лет, по крайней мере, с 1064 по 1066 г. включительно. Поскольку же эти воспоминания внесены в летопись в связи с цитированием Хронографа, из которого взята начальная дата изложения «Повести временных лет» (6362 г.) и который цитируется и пересказывается летописцем вплоть до 1115 г., как на протяжении его сводного текста до 1091 г., так и в погодных записях до 1115 г., то искомым памятником летописания и является «Повестью временных лет». Так выясняется, что возникновение одного из подтипов второго типа летописного текста (с часовыми и недельными датами) было связано с началом погодного печерского летописания, с предварительным созданием «Повести временных лет», с полным уяс-

нением летописцем значения не только просто погодных дат (которые он по возможности проставил в тексте своего источника), но и часовых, недельных и месячных (дневных) дат.

Наиболее уязвимым моментом нашего построения является датировка составления «Повести временных лет». Почему, спросим мы себя, это был не 1091, а 1115 г.? Можно ли чем-нибудь подтвердить датировку 1091 г., если отвлечься от того, что погодное печерское летописание прослеживается только с 1091 г.? Кажется, такое подтверждение имеется. Дело в том, что под 1106 г. погодный летописец-печерянин отмечает, что он использовал в своей летописи рассказы умершего в этом году Яна Вышатича, и добавляет при этом: «его же и гроб есть в Печерском монастыри, в притворе, *иде же лежит тело его*, положено месяца иуния в 24» (курсив мой. — М. А.).

Выделенные курсивом слова характерны для воспоминания, а не для погодной записи и поэтому должны быть отнесены к 1115 г., но наличие дневной даты исключает отнесение всей записи к 1115 г., а не к 1106 г. К тому же подобная оговорка могла появиться и в погодной записи, если ее автор работал над ней спустя полгода после смерти своего друга. Но в этой записи говорится об использовании рассказов Яна Вышатича «в летописаньи сем». В любом из вариантов датировки записи о смерти Яна — 1106 или 1115 г. ясно, что все те тексты «Повести временных лет», которые говорят о Яне или его отце, принадлежат автору-печерянину, одному и тому же человеку, тому самому, кто рассказал о смерти Яна под 1106 г.

Относить рассказы о Яне к Никону, предполагая его личное знакомство с Яном и его отцом, нет никаких оснований. Не было этих оснований и у А. А. Шахматова, кроме одного, — если отнести использование рассказов Яна только к погодному летописцу-печерянину, то исчезнет возможность отнести некоторые тексты до 1073 г. к своду Никона, а вместе с этим и говорить вообще об этом своде. Далее, если считать составителем Начального свода игумена Иоанна, то, не отнеся к нему некоторых текстов после 1073 г. с упоминанием Яна, исчезнет возможность говорить о самом Начальном своде.

По А. А. Шахматову, выходит парадокс: тому летописцу, который сообщил нам о смерти Яна и о своем использовании его рассказов, не принадлежит ни один из текстов «Повести временных лет» с упоминанием Яна или его отца, наоборот, авторам гипотетических сводов, о которых мы ничего не знаем в смысле их знакомства с Яном, принадлежат все тексты. Где же тексты, о которых прямо сообщает погодный летописец под 1106 г.? Думается, большинство из них было внесено при создании свода в 1091 г., некоторые из них появились во время ведения погодной летописи, например, под 1093 г., а один из них был внесен и в 1115 г. под 1091 г. Но, быть может, дата смерти Яна была скопирована в 1115 г. с надгробного камня и внесена в летопись

под 1106 г., как и дата смерти Евпраксии Всеволодовны под 1109 г., где также сказано о божонке «иде же лежит тело ее»? И эти слова не характерны для погодной записи. Но в таком случае и все остальные даты погодных записей могли быть составлены в 1115 г.? Да, могли бы, но при одном условии, что все они касались бы только смертей и могли бы быть списаны с надгробных плит.

Но дело в том, что в погодных записях начиная с 1091 г. дополнительными датами оснащены не только известия о смертях, но и сообщения о других, самых разнообразных событиях — походах, рождениях и т. д. Вот это соображение и заставляет нас отнести сообщение о смерти Яна к погодной записи, а внесение в летопись его рассказов к моменту до начала погодного летописания в Печерском монастыре — к моменту составления свода в 1091 г., продолженного затем погодными записями.

Вопрос о текстах, восходящих к информации Яна Вышатича, имеет самое непосредственное отношение к тому этапу исследования, на котором мы сейчас находимся, хотя сейчас речь и пойдет о текстах первого, а не второго типа.

Дело в том, что автору «Повести временных лет», являющемуся одновременно и составителем этого свода 1091 г. и его первым редактором в 1115 г., принадлежат не только погодные записи с 1091 по 1115 г., но и многие из текстов до 1091 г. С некоторыми из них мы уже познакомились — это его собственные воспоминания об истории его монастыря под 1051, 1074 и 1091 гг., вставленные в 1115 г. и питавшиеся рассказами монахов и собственными наблюдениями, это рассказ под 1065 г. о чудесных знамениях 1064—1066 гг. и дискретные записи по истории монастыря с 1072 по 1090 г. За редким исключением трех дневных дат, хорошо известных в монастыре (смерть и канонизация Феодосия, окончание строительства церкви), подобные даты отсутствуют в его воспоминаниях. Помимо этого, для них характерно смешение событий многих лет в одном рассказе, помещенном под одной годичной датой, что позволяет отнести эти тексты к первому типу.

Но и тексты со слов Яна Вышатича должны в таком случае отличаться той же особенностью: отсутствием дневных дат. И действительно, ни один из них таких дат не имеет (1043, 1071, 1068, 1089, 1091, 1093 гг.). Больше того, рассказ о пленении отца Яна — Вышаты под 1043 г. имеет относительно хронологическую дату — здесь рассказано о его освобождении через три года, т. е. о событии 1045 г. Этот вывод позволяет не только подтвердить правильность характеристики особенностей текстов первого типа по Галицко-Волынской летописи, но и изъять из подобных же текстов «Повести временных лет» указанные тексты, написанные автором этого произведения по воспоминанию.

Перейдем теперь к дневным датам, идущим в «Повести временных лет» с 1061 г. и позволяющим говорить еще об одном

подтипе второго типа летописного текста. Воспроизвести подобные даты по воспоминаниям, да еще в таком изобилии, в каком они имеются с 1061 по 1086 г., было, конечно, невозможно, к тому же авторы преданий, как мы только что убедились, их не помнили. Следовательно, их появление на страницах произведения сигнализирует о ведении, по крайней мере, с 1061 г. каких-то записей. Что же это за записи, кем они ведутся и где?

Все они не связаны с Печерским или каким-нибудь другим монастырем, они вообще не связаны с церковной жизнью, наоборот, рассказывают исключительно о светских событиях, почему и относим ведение интересующих нас записей к светским кругам.

Всего насчитывается 18 таких записей с дневными датами. Судя по тому, что они имеются далеко не под каждым годом, перед нами хотя и погодные записи, по эти записи не принадлежат погодной летописи, а какому-то памятнику близкого, но не схожего с пей жанра. Интервалы между записями бывают и в один год (два случая), и в два года (три случая), и в три года (один случай), если считать начиная с 1067 г. У В. Н. Тагищева под 1064 г. сохранилась одна дата (сражение с Сокалом) в тексте¹⁵, впоследствии использованном под 1068 г. автором «Повести временных лет» для описания другой битвы с половцами того же 1 ноября. Следовательно, имеются еще два двухгодичных интервала.

Таким образом, из 26 лет записи с дневными датами охватывают только 12 лет, многие из которых разделены указанными интервалами. Из этого заключаем, что записи ведутся нерегулярно, и если мы выясним, с кем они связаны, то быть может поймем характер этих записей. Дело в том, что они связаны не с киевским князем Изяславом, а с переяславским князем Всеволодом, ставшим киевским князем только в 1078 г.

Из 18 дат с Всеволодом связаны 15, а из этих последних 9 связаны только с Всеволодом, причем только 4 из них приходятся на время киевского княжения Всеволода. Поскольку даты, связанные с Всеволодом и только с ним, идут начиная с 1061 г., то возможно, что начиная с этого года этот князь вел свои записи или, как это принято говорить, «летописец» в который попадали очень краткие заметки о важнейших политических событиях, участником которых был Всеволод. Видимо, этот летописец и был использован автором «Повести временных лет» в 1091 г. Это предположение получило бы необходимое подтверждение, если бы удалось проследить личную связь автора и с этим князем.

Такое подтверждение, кажется, имеется. Дело в том, что автору «Повести временных лет» принадлежат тексты о разделе земли после смерти Ноя, основные детали рассказа о смерти Ярослава (1054 г.), об изгнании Изяслава Святославом и Все-

¹⁵ В. Н. Тагишев. История Российская, т. 2, М.—Л., 1964, г. 1064, стр. 83.

володом (1073 г.) и, наконец, рассказ о смерти Всеволода (1093 г.) и предисловие, сохранившееся в Новгороде. По этим текстам можно проследить не только глубокую симпатию автора к Всеволоду, но и использование личной информации этого князя.

Симпатия прослеживается и в предисловии и в статье 1093 г., в них обвинение направлено против дружинников, а не самого князя. Князь оправдывается его болезнью в последние годы правления и старостью. Ненавистные автору тенденции в окружении Всеволода проявились именно тогда, когда писалась «Повесть временных лет», незадолго до смерти князя в 1093 г. В то же время и под 1093 г., и под 1054 г. автор в одинаковых словах и выражениях описывает и всячески подчеркивает любовь Ярослава именно к Всеволоду, а не к кому-нибудь из более старших сыновей, приводя такие сведения, в том числе и слова самого Ярослава, которые могли быть известны только самому Всеволоду. Сравним эти тексты.

1054 г.

«...Всеволоду же *тогда* сущю у отца, бе бо любим отцем паче вся братье, его же имаще присно у себе... Всеволод же спрята тело отца своего... и плакася по нем Всеволод и людьы вси...»

1093 г.

«Сий же благоверный князь Всеволод бе издетьска боголюбив, любя правду, набдя убогия, въздая честь епископам и презвутером, излиха же любяше черноризци, и, подаеше требованье имъ. Бе же и сам въздержася от пьянства и от похоти, тем любим бо отцемъ своимъ, яко глаголати отцю к нему: «Сыну мой! Благо тебе, яко слышу о тебе кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильем, то егда богъ отведеть тя от житья сего, да ляжеш, иде же азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее». Се же сбысться глагол отца его, якоже глагола бе».

Выделенное слово «тогда» свидетельствует о непогодности записи под 1054 г. (Подобные «тогда» есть и под 1072, 1073 и 1088 гг.) Текстуальное сходство опущенных нами здесь слов с рассказом о разделе после смерти Ноя свидетельствует о принадлежности обоих текстов автору «Повести временных лет».

Сведения о Всеволоде восходят к его личной информации. При этом не вспоминается, что и Всеволод был похоронен в Софии рядом с отцом и не приводятся слова Ярослава, приводимые под 1093 г., следовательно, этой информации в 1091 г. у автора еще не было, хотя он уже и знал со слов Всеволода о любви Ярослава к своему младшему сыну.

Подчеркиваемая под 1093 г. любовь Всеволода к черноризцам похожа на воспоминание о личном общении с умершим князем.

Личная информация Всеволода заметна и под 1073 г., когда вина за изгнание Изяслава не только перекаладывается на одного Святослава, хотя Всеволод и помогал ему, но и говорится, что это сам Святослав «взостри» Всеволода на Изяслава — сведение, которое, конечно, исходит все от того же Всеволода. Точно так же только Всеволод мог рассказать летописцу о словах Изяслава к нему. Эти слова приводятся дважды под 1078 г. За время правления Всеволода произошло несколько насильственных княжеских смертей, весьма выгодных для семьи Всеволода, однако Всеволод выглядит в летописи непричастным к этим смертям и даже к загадочной смерти Изяслава, убитого таинственным конником, подъехавшим к нему сзади и вонзившим копьё в спину (?!). И опять в рассказе о смерти Изяслава автор приводит его слова, сказанные Всеволоду и, естественно, Всеволодом переданные летописцу. Под 1079 г. сказано, что кости Романа «и доселе лежат тамо», следовательно, и это сообщение появилось в летописи спустя много лет после события 1079 г.

Все эти наблюдения позволяют предполагать личную связь летописца с Всеволодом, использование его устной и письменной информации. Интерес Всеволода к летописанию вполне естествен: он был широко образованным человеком, женатым на греческой царевне, знавшим пять европейских языков, заботившимся о своем престиже, подчеркивавшим отцовскую к нему любовь, оправдывавшим свои не очень христианские поступки в отношении Изяслава. Благодаря его связи с летописцем вся история после смерти Ярослава — это прежде всего история самого Всеволода и его семьи, почему в ней, кстати, говорится и о рождении обоих его сыновей, и об основании им монастыря в Выдубицах, и о деятельности его дочери Янки и т. д.

Итак, появление на страницах «Повести временных лет» текстов второго типа с дневными и часовыми датами не является случайным, а связано с возникновением сначала нерегулярных, но все же погодных записей, ведущихся в светских кругах, возможно самим Всеволодом с 1061 г. и имеющих дневные даты, а потом и с возникновением печерского погодного летописания, продолжившего созданный в 1091 г. текст «Повести временных лет». Это уже регулярные погодные записи, связанные и с монастырской и с внемонастырской жизнью и оснащенные не только дневными, но и недельными и часовыми датами.

Теперь нам предстоит перейти к более ранним слоям летописного текста «Повести временных лет» и прежде всего к текстам первого типа, повествующим о событиях нескольких лет под одной годичной датой и отличающимся остальными характерными особенностями, выявленными на примере Галицко-Волынской летописи. Теперь предстоит выявить те же особенности в ранних текстах «Повести временных лет», проследить, до какого места эти особенности встречаются и соответственно датировать составление Начальной, как мы ее называем, летописи, послу-

жившей надежным источником автору «Повести временных лет», вставившему в нее целый ряд своих текстов, разбившему ее повествование на годы и окрасившим его в клерикально-сентенциозные тона. Благодаря работе автора «Повести временных лет» ее тексты до 1060-х годов включительно неоднородны. Здесь и отрывки Начальной летописи, характеризующиеся монотематизмом и относительной хронологией, и пустые годичные статьи, возникавшие под пером автора «Повести временных лет» в тех случаях, когда он не мог подобрать события для тех или иных лет или не мог разбить тексты Начальной летописи на годы, здесь, наконец, и дискретные сообщения, хотя и лишенные, как правило, дополнительных дат, но все же своей конкретностью похожие на современные самим событиям записи.

Начнем поэтому с поисков непрерывной нити монотематического повествования самой Начальной летописи. Следы этого непрерывного повествования бесспорны вплоть до статьи 996 (6504) г.¹⁶ После этой статьи идет значительная цезура, прерываемая кое-где дискретными сообщениями. В последнее время в литературе вопроса статья 996 г. признана погодной, излагающей события одного этого года и являющейся завершающей в своде, составленном в этом году¹⁷. Поэтому следует сначала присмотреться внимательней к тексту статьи, а затем выяснить,

¹⁶ Под 6362 г. у автора «Повести временных лет» рассказано о событиях нескольких веков, а затем и многих первых лет княжения Рюрикoviчей. Редактор 1119 г. разбил эту статью на несколько статей. Подобная же разбивка, но более дробная, сделана и составителями Никоновской летописи в XVI в., принимаемая иногда за древнейшую хронологию чуть ли не времен Аскольда и Дира, что должно бы нас привести к признанию историчности легенды о призвании варягов. Далее, абсолютная дата 6428 г. разрывает текст цельного предложения с относительной датой: «По сих же временах в лето 6428 посла князь Игорь на Греки». Значит, автор вставляет точные даты в какой-то письменный текст, в котором имеется и другая относительная дата: «препочиша и другое, на третье идоша». Под 6430 г. сохранился рассказ о трехлетней осаде Пересечна, но о его взятии говорится не под 6432, а под 6448 г. (!). Аналогичные разрывы встречаются и далее: в конце статьи 6454 г. («...И прииде Ольга в свои град Киев с сыном своим Святославом и пребывши лето едино в лето 6455 иде Ольга в Новугороду...»), в конце статьи 6476 г. (Святослав «...и собра вой, и прогна печенеги в поле, и бысть мирно в лето 6477 и рече Святослав к матери своей...»), в конце статьи 6479 г. («...Весне же приспевши. А се княжение Ярополче. В лето 6480 поиде Святослав и пороги...»), в начале статьи 6488 г., начинающейся с соединительного союза («В лето 6488. Начало княжения Владимира. И прииде Володимир с варягы...»), в конце статьи 6495 г. («...И минувшю лету в лето 6496 иде Володимир в силе велице...»), в начале статьи 6499 г. («В лето 6499 Посемь же Володимеру живущу... помысли создати церковь... И наченшю ему ставити и яко оковца церковь... В лето 6500—6504 и виде паки Володимир свершену церковь...»). (Курсивом выделены тексты, которые, по нашему мнению, интерполированы при редактировании в авторский текст.— М. А.)

¹⁷ Л. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие им своды; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, М., 1963, стр. 173—193.

не имеет ли он продолжения в дальнейших текстах «Повести временных лет».

Погодной записью текст статьи 996 г. не может быть по той простой причине, что в ней рассказывается о событиях не одного, а очень многих лет княжения Владимира. Приведем доказательства.

1) Рассказ об освящении Десятинной церкви относится, как это выяснил еще А. А. Шахматов, к 995 г.¹⁸

2) Рассказ о замысле построить церковь Преображения в Василеве и о строительстве этой церкви, освященной в тот же день Преображения 6 августа, относится, по крайней мере, к двум годам — к 996 и 997, если считать, что церковь была построена через год после спасения от печенегов. Но церкви освящали по воскресеньям, а воскресенье приходится на 6 августа не в 997, а в 999 г., к которому и относим это событие. То, что освящение произошло именно 6 августа, видно из указания летописи, что Владимир «праздновав...дний 8 и възвращашеться Къеву на Успенье святыя богородица», приходящееся на 15 августа, как раз отделенное от праздника Преображения упоминаемыми в летописи 8 днями предыдущего праздника¹⁹.

3) Рассказывая об учреждении Владимиром пиров в день Успенья богородицы, летописец замечает, что эти пиры проводились и впоследствии: «И только по вся лета творяше». Так нельзя было сказать в год учреждения праздника, а только много лет спустя после этого события.

4) Наконец, здесь сказано о добрых отношениях Владимира с Андрихом Чешским, правившим с 1012 по 1037 г., и Стефаном Угрским, правившим с 1012 по 1038 г. Следовательно, текст статьи составлен не ранее 1012 г. Характерно, что под 992 г. в Никоновской летописи говорится о посольстве к Владимиру от Андриха, а под 1000 — от королей Угрских и Чешских, что хорошо показывает неучитываемую иногда позднюю разбивку на годы сведений этой летописи.

5) На реформу и отмену этой реформы уголовного права, упоминаемые в статье, также не могло уйти меньше нескольких, по крайней мере двух, лет.

Итак, текст статьи 996 г. составлен не раньше 1012 г., не является погодной записью и, судя по одной детали, составлен спустя много лет после смерти Владимира и на основе устных источников. Дело в том, что в заключительной части своего рассказа летописец пишет: «И бе бо, рече, живущу ему с князи его окольными с миром...». Это «рече» сохранилось только в Новгородской Первой летописи младшего извода²⁰. Означает оно «как

¹⁸ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 25.

¹⁹ Добавим, что само спасение от печенегов лишь очень условно можно отнести к 6504 г., проставленному здесь автором «Повести временных лет».

²⁰ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950 (далее — НПЛ), г. 6504, стр. 167.

говорят, как рассказывают», если судить по аналогичному термину в рассказе псковского летописца: «...и много бо, рече, побиша опочяни Литвы и татар»²¹. Как видим, именно использование устных источников, преданий и воспоминаний и определило многолетний состав известий одного и того же монотематического текста первого типа. И это еще раз подтверждает восхождение текстов этого типа к устным, а не письменным источникам.

Но если рассказ о Владимире под 996 г.— не только продолжение предыдущего повествования и не его окончание, то он должен иметь собственное продолжение? И оно имеется в начале статьи 1014 г., первая фраза которой содержит характерную соединительную частицу «же» у имени Ярослава. Соединим ее с последней фразой статьи 996 г.: «И живяше Володимер по устроенью отню и дедню...Ярославу же живуцю в Новгороде...»²². Частица «же», встречающаяся и в более ранних текстах и однородная «живуцю» соединяет обе фразы в одно первоначальное предложение, не бывшее еще развитым на годичные статьи. Соединяются в единый текст и начала и концы статей 1014 и 1015 гг. и статей 1015 и 1016 гг., поскольку в их концах и началах есть повторы и одни и те же слова и факты:

Конец 1014 г.

Владимир «...хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся»

Конец 1015 г.

Святополк «...и изыде противу ему к Любичу об он пол Днепра, а Ярослав обь сю»

Начало 1015 г.

«В лето 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава... Владимиру бо разболевшюся...»

Начало 1016 г.

«В лето 6524. Приде Ярослав на Святополка и стаха противу обапол Днепра»

Из этих повторов ясно, что речь в каждом из случаев идет о событиях одного года, а теперь в летописном тексте события распределены между двумя годами. Во втором случае это проверяется и смыслом текста: Ярослав вышел из Новгорода по получении вестей от Передславы осенью 1015 г., стоял три месяца у Любеча, и битва произошла только после первых заморозков того же года, а теперь она читается в редакторском тексте под следующим 1016 г. К одному году относит и приход Ярослава к Любечу и саму битву и текст Новгородской Первой летописи младшего извода, хотя этим годом оказывается 1016, а не 1015 г., что быть может и верно, но не меняет нашего вывода о поздней разбивке этих событий на два года. О сообщении под 1019 г. о смерти Константина уже говорилось.

Итак, рассказ о междоусобице 1015—1019 гг. примыкал к рассказу об эпохе Владимира и продолжал его. Под 1021 г. рас-

²¹ «Псковские летописи», т. 2. М., 1955, г. 6934, стр. 122.

²² НПЛ, гг. 996 и 1014, стр. 167—168.

сказано о борьбе Ярослава с Брячиславом, причем отмечено, что Брячислав воевал со своим врагом «вся дни живота своего»²³, следовательно, до своей смерти в 1044 г., раньше которого соответственно не могла быть составлена интересующая нас летопись.

Далее, под 1022—1026 гг. помещен монотематический цикл рассказов о Мстиславе, его борьбе с Ярославом. Начинается он с характерной для летописи, не разбитой на годы, фразы «В си же времена», относящейся не к какому-то одному году, а к целой эпохе. О церкви в Тьмутаракани, поставленной Мстиславом, сказано, что она стоит «и до сего дне», что свидетельствует против погодности записи. Поход Мстислава состоялся, по летописи, в 1023 г., однако о приходе Мстислава к Киеву сказано, совсем как в случае с приходом Ярослава к Любечу, под следующим 1024 г.

Рассказ под 1024 г. не восходит к погодной записи, так как, во-первых, о Ярославе сказано, что он «тогда» был в Новгороде, а, во-вторых, что он после приглашения Мстислава «не смеяше» пойти в Киев «дондеже смиристася». Значит, летописец, рассказывая о событиях 1024 г., знает о более позднем мире, заключенном только в 1026 г.

Далее под 1030 г. рассказано о происшедших в разные годы смерти Болеслава и восстании в Польше. Болеслав умер в 1025 г., а восстание произошло в 1037 г., раньше которого нельзя было составить этот текст. Но следующий краткий рассказ под 1031 г. предполагает, что описываемый в нем поход Ярослава и Мстислава состоялся именно после этих событий, следовательно, и он не является погодной записью, хотя и очень похож на нее. Это видно и из того, что о ляхах, посаженных по Роси, сказано, что они «суть до сего дне». Думается, так можно было сказать только до 1069 г., когда Изяслав привел Болеслава с войском в Киев, это войско было распущено «на покорм» и ляхи, полоненные Ярославом, имели возможность обратиться к Болеславу и вернуться с ним на родину. Так выясняется, что летопись создавалась не ранее 1044 г. и ранее 1069 г. Отметим, что и краткое сообщение о строительстве Ярославом городов по Роси под 1032 г., выглядящее погодной записью, тем не менее не может ею быть по той же причине, что оно непонятно без предыдущего сообщения о поселении ляхов по Роси в 1031 г.

Под 1034 и 1035 гг. в «Повести временных лет» текст отсутствует, что свидетельствует против мнения о ведении в эти годы погодной летописи. Рассказ под 1036 г. свидетельствует о том же.

1) С одной стороны, говорится о погребении Мстислава в Спасском соборе, с другой стороны, сообщается, что этот собор

²³ ПСРЛ, т. V, «Софийская Первая летопись» (далее — СПЛ), изд. 2, вып. 1. Л., 1925, стр. 123.

был при жизни Мстислава возведен только до уровня поднятой руки всадника. Следовательно, оставалась еще самая трудная часть работы, возведение «верхов», сводов, на что не могло уйти меньше года, после чего только и мог быть погребен (вернее, перезахоронен) Мстислав. Похоронить его в недостроенном и неосвященном соборе не могли. Значит, сообщение не является погодным и составлено где-то после 1036 г., если вообще Мстислав умер именно в 1036 г., когда храм был выстроен и в нем можно было захоронить князя.

2) Сообщение о битве Ярослава с печенегами перенесено под 1036 г. редактором в 1119 г., но если даже не согласиться с этим нашим выводом, то и в таком случае оно составлено позже 1037 г., поскольку в нем упоминается место «идеже стоит ныне святая София, митрополя русьская», построенная не раньше 1037 г., но заложенная в 1017 г. на месте битвы с печенегами 1016 г. О печенегах вполне в стиле интересующей нас летописи сказано, что они «пробегоша и до сего дне», уточнить время которого нельзя, поскольку печенеги больше не упоминаются в летописи.

3) Сообщение об аресте Судислава могло появиться только после освобождения Судислава в 1059 г. на основе отсчета упоминаемых здесь 24 лет ареста. Ведь клевета обнаружилась только после смерти Ярослава, а писать о ней при его жизни летописец вряд ли посмел!

Похвала Ярославу и его деятельности, помещенная теперь под 1037 г., очень напоминает по своему композиционному месту подобное же подведение итогов княжения Владимира: обе похвалы помещены задолго до смерти обоих князей, обе приурочены к окончанию строительства Десятинной церкви (в случае с Владимиром) и Софийского собора (в случае с Ярославом). Под 1037 г., совершенно так же, как и под 996 г., сообщается о событиях многих лет княжения Ярослава, например, об увеличении черноризцев и начале строительства монастырей, первый из которых возник около 1051 г., о строительстве церквей, написании книг, на что требовались долгие годы, по прошествии которых книги были положены Ярославом в Софийском соборе, а церкви выстроены. Примечательно, что тщательно перечисляя христианские подвиги Ярослава, летописец молчит о таком событии, как канонизация Бориса и Глеба, происшедшая по житийным памятникам при Ярославе и до 1037 г. Если же считать, что она произошла только в 1072 г.²⁴, то молчание летописца становится понятным и даже датирующим составление его летописи до 1072 г.²⁵

²⁴ М. Х. Алешковский. Русские Глеборисовские энколпионы 1072—1150 гг.— «Древнерусское искусство» (домонгольский период). М., 1972.

²⁵ Даже при редакционной обработке этого текста в конце XI и начале XII в. летописцы не внесли в похвалу Ярославу сведения о канонизации им Глеба и Бориса!

Под 1043 г. рассказ о походе на Византию начинается с характерной относительно-хронологической частицы «паки»²⁶, свидетельствующей, что первоначально этот рассказ тоже не стоял под годичной датой и был продолжением предыдущего повествования.

Рассказ о событиях нескольких лет сохранился и под 1042 г.: «Тои же осени дасть великий князь Ярослав сестру свою за Казимира. И в та лета обидяше Моислав Казимира. И ходи Ярослав двожды на мазовшаны в лодиях... Се же Казимир вдасть сестру свою за Изяслава, сына Ярослава»²⁷. Подчеркнутые слова прямо свидетельствуют о сравнительно большом временном отрезке, охваченном рассказом и об отсутствии точных сведений у летописца о том, сколько лет заняли война Казимира с Моиславом и два похода Ярослава²⁸.

Но самое важное в этом рассказе, что он представляет собой семейное предание Изяславовой ветви рода Ярослава, впервые позволяющее нам предполагать использование летописцем информации окружения Изяслава. Говорить более твердо о связях интересующего нас летописца с окружением Изяслава позволяет сообщение, сохранившееся под 1044 г. В нем говорится о вокняжении Всеслава Брячиславича в связи со смертью его отца Брячислава, причем о Всеславе говорится в настоящем времени, как о живом князе: «немилостив есть на кровопролитье...»

Следовательно, текст создан до года смерти Всеслава (1101 г.), но не в Печерском монастыре, как думал А. А. Шахматов. Ведь печеряне всегда сочувствовали Всеславу, поддерживали его в 1068 г., за что Антоний был сослан Святославом в Чернигов. Печеряне не могли считать поэтому Всеслава кровопролитным. Автор «Повести временных лет», рассказывая о пленении Всеслава Изяславом и его братьями в 1068 г., находится целиком на стороне Всеслава, а не Ярославичей, преступивших крестоцеловательную клятву. Он подчеркивает, что освобождение Всеслава из тюрьмы произошло как раз 15 сентября, на следующий день после праздника Воздвиженья креста, когда «Всеслав въздохнув, рече: «О кресте честный! Понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего. Бог же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступают честного креста, целовавшие его...»»

Ясно, что подобные провсеславовы сентенции не могут принадлежать летописцу, считающему Всеслава врагом рода человеческого и кровопролитным князем. Следовательно, весь цикл событий о борьбе Изяслава с Всеславом в 1067—1069 гг. не был описан в интересующей нас летописи, его описание принадлежит уже печерскому автору, пользующемуся воспоминаниями Яна Вы-

²⁶ СПЛ, г. 1043, стр. 129. Здесь слово «паки» переводится словом «потом»; ср. «паки» в Пространной правде.

²⁷ СПЛ, г. 1042, стр. 129.

²⁸ По редакторскому тексту ПВЛ второй поход Ярослава отнесен к 1047 г.

шатица, упоминаемого под 1068 г.²⁹ С другой стороны, обвинить в кровопролитии Всеслава можно было только между 1065—1077 гг., когда он вел войны с Изяславом. Сделать это мог только человек из окружения Изяслава и не позже, как мы уже предположили, 1067 г., поскольку события этого года описаны уже автором «Повести временных лет». Поэтому важно продолжить выявление следов летописи, не разбитой на годы в статьях после 1044 г.

Судя по пустым статьям 1046, 1048, 1049 гг., а также статье 1051 г., заполненной только к 1115 г., вплоть до начала 50-х годов погодных записей не велось. Под 1054 г.³⁰ совмещены известия о разделе Смоленска (1060 г.), о приезде Изяслава в Новгород (не ранее 1055 г., так как Ярослав умер в самом конце 1054 г., а Изяслав не мог, минуя Киев, уехать в Новгород), о смерти Остромира (не ранее 1057 г., когда еще при его жизни для него было переписано знаменитое Остромирово евангелие). Вся запись под 1054 г. составлена не ранее 1060 г. (раздел Смоленска предшествует более ранним новгородским событиям).

А. А. Шахматов относил этот текст к новгородскому летописанию, но он не мог возникнуть без предшествующего ему рассказа о смерти Ярослава, а этот рассказ мог попасть в Новгород, по А. А. Шахматову, только в 1167 г., по нашему же мнению, он попал туда около 1117 г. в том виде, в котором он сейчас и читается в Новгородском летописании. Между тем А. А. Шахматов относил рассказ под 1054 г. о событиях после смерти Ярослава к местным новгородским припискам к своду 1050 г. Но как могли сделать такую приписку под 1054 г. о событиях 1055—1060 гг., если среди тех же «приписок» есть и сообщения о событиях в Новгороде в 1055—1060-х годах, распределенных по годам?³¹

А теперь обратимся еще к одному сообщению о деятельности Изяслава, с окружением которого мы связываем создание летописи, не разбитой на годы. Под 1060 г. в новгородском летописании³² сохранилось сообщение о его походе на Сысолоу, которая совершила ответный набег «на весну» следующего года, о чем сказано опять же под тем же 1060 г., что свидетельствует об отсутствии погодной даты в первоначальном виде этого текста. В редакторском тексте «Повести временных лет» под 1060 г. сообщается о победе над торками, которые «пробегоша и до сего дне», т. е. запись составлена до 1080 г., когда торки вновь напали на Русь. Под 1063 г. сохранилась последняя относительная дата искомой летописи: сказано, что на четвертое лето после со-

²⁹ ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843, Густынская летопись, г. 1068, стр. 270. Это упоминание Яна, свидетельствующее об использовании его информации в рассказе о событиях 1068—1069 гг., ускользало от внимания исследователей.

³⁰ СПЛ, г. 1054, стр. 130.

³¹ М. Х. Алешковский. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.

³² СПЛ, г. 1060, стр. 132.

бытия этого года в Новгороде (течение Волхова вспять) Всеслав пожег Новгород. Это произошло в 1066 г., и летописец, следовательно, сделал запись не раньше этого года, вернее всего, в 1067 г.

Судя по этому и многим более ранним сообщениям, летописец хорошо знал новгородскую историю и современность и не отделял ее от киевской истории и современности. Д. С. Лихачев отметил неотделимость киевских и новгородских известий друг от друга вплоть до 1070-х годов, предположив, что это объясняется использованием Никоном информации Вышаты, по происхождению новгородца, а по последующей судьбе киевлянина³³. Никон не мог быть автором этой летописи, так как она не имеет никакого отношения к Печерскому монастырю, который поддерживал, а не бичевал Всеслава.

К тому же Никон и вообще не был летописцем, поскольку Нестор в своем Житии Феодосия говорит только о том, что он переплетал книги, в чем ему помогал Феодосий, плетя веревки. Если бы он имел отношение к летописи, Нестор не преминул бы об этом сказать так же прямо, как он сказал об Илларионе, что он ночи напролет писал книги (очевидно, богослужебные). Неотделимость же новгородских и киевских известий объясняется, думается, все той же близостью летописца к Изяславу. Этот князь был одновременно киевским и новгородским князем, часто бывал в Новгороде, воевал за него с Всеславом, которого так ненавидит наш летописец, прекрасно знал благодаря общению с Остромиром новгородскую историю и видимо рассказывал об этом нашему летописцу (так же как и о своих походах и женитьбе на сестре Казимира).

Итак, Начальная летопись была создана около 1067 г. в Киеве, в светских кругах, обличала Всеслава, почему, скорее всего, связана с Изяславом. Она была вполне самобытным произведением, не разбитым на годы, хотя отдельные даты в ней и могли сообщаться. Это были даты смертей Владимира, Ярослава, возможно, Глеба и Бориса. Других дневных дат не было. Источниками для этого свода послужили устные предания, для которых характерны применение относительной хронологии и отсутствие годичных и дневных дат. Свод этот не был продолжен погодными записями из-за изменений в судьбе его заказчика Изяслава в 1068 и 1073 г. Но впоследствии он оказался в руках автора «Повести временных лет» и был им широко использован. Разбит на годы, дополнен и переосмыслен. Этим и объясняется наличие в «Повести временных лет» текстов первого типа вплоть до 1063 г. включительно. Текст этой летописи отличается всеми особенностями, характерными для летописных текстов первого типа. Никакого влияния греческих источников на создание этой

³³ Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет.— «Исторические записки», т. 17. М., 1945, стр. 201—224.

летописи усмотреть невозможно. Возникновение Начальной летописи в светских, а не церковных кругах глубоко симптоматично и вполне соответствует нашим современным представлениям о широкой грамотности светского населения, сложившимся благодаря сотням берестяных грамот, найденных в Новгороде и других городах Руси.

А как же быть с дискретными сообщениями между 997 и 1014 гг.? Не свидетельствуют ли они о ведении летописи в эти годы? Думается, нет, поскольку все они связаны со смертями князей (пять сообщений) за исключением одного сообщения о перенесении святых, использованного автором «Повести временных лет» не только под этими годами, но и в других своих статьях. Поэтому сообщения имеются только под пятью годами из шестнадцати имеющихся здесь лет, разделивших монотематический текст Начальной летописи.

Никак не могу отнести к погодным записям и дискретные сообщения об эпохе Ярослава. Стоит только задать вопрос, могла ли вестись летопись, в которой были бы только эти сообщения о сравнительно мелких событиях эпохи, тогда как наиболее крупные события, входящие, по нашему мнению, в монотематическое повествование Начальной летописи, в ней не были отражены, как отнесение этих сообщений к погодной летописи времен Ярослава, станет невозможным. Некоторые из них, как мы видели, обусловлены монотематическими циклами Начальной летописи, другие могли быть взяты автором «Повести временных лет» из синодиков Десятиной церкви и Софийского собора, третьи входили в текст Начальной летописи, но при его разбивке на годы утратили связь с ним.

Наличие довольно большого числа фактов из эпохи Ярослава в летописи, не разбитой на годы, не является единичным и тем более удивительным свидетельством цепкости и крепости человеческой памяти. В этом смысле Поучение Владимира Мономаха, содержащее огромное число не имеющих абсолютных дат фактов, тем не менее прочно связанных друг с другом относительно хронологической канвой повествования, является для историка раннего летописания более чем поучительным. Оно свидетельствует, что еще в начале XII в. бытовал жанр летописи, не разбитой на годы и тем не менее предельно точной в своих известиях. В XIII в. этот же жанр засвидетельствован в такой культурной области Руси, как Галицко-Волынская земля. Исторически он был неизбежен при возникновении летописания и появлялся каждый раз там, где основным источником служила человеческая память, а не письменные документы, хотя и последние могли служить некоторым подспорьем в работе сводчика всех этих сведений. Думается, и многие тексты киевской и переяславской летописей XII в., отличаясь особенностями первого типа, принадлежат работе сводчиков, а не погодных летописцев, почему они и лишены дополнительных дат и образуют на протяжении не-

скольких лет цепочки монотематических циклов. Ясно поэтому, какое значение в практической работе историков летописания может приобрести типологическое рассмотрение интересующих их текстов, прежде всего в плане отделения текстов сводчиков от текстов погодных летописцев. Типологическая методика может значительно расширить вырисовывающуюся к настоящему времени историю русского летописания.

Сконцентрируем теперь внимание на некоторых особенностях этой методики.

Выделенными типами не ограничивается весь состав текстов «Повести временных лет», существует еще масса текстов, хоть и возникших по одному из обсуждаемых вариантов — по воспоминанию или в результате погодной записи, однако не содержащих в себе отличительных особенностей одного из этих вариантов, не несущих в себе следов принадлежности тому или иному типу. Естественно поэтому, что из поля нашего зрения выпадают прежде всего именно такие тексты. Это ведет к необходимости проверки основанных на данной методике результатов комплексом других методик. Далее, сама по себе типологическая методика не приводит к необходимости признания того, что существуют только две очерченные выше типологические системы, определяемые временем записи текста. Можно назвать и другие системы, характеризующиеся единством места группы записей, единством их персоналии или единством их лексики и стилистики. Все это тоже своеобразные типологические системы, иногда совпадающие одна с другой, иногда несовместимые друг с другом, что и вызывает споры между исследователями, опирающимися на изучение лишь одной из указанных систем. В рамках этой статьи целесообразно привести один пример такой типологической совместимости нескольких систем, имеющий прямое отношение к результатам нашего исследования.

В сохранившемся редакторском тексте «Повести временных лет» имеется ряд сведений о Новгороде. Они содержатся и в пределах использования текста Начальной летописи и в пределах отредактированных авторских статей 1091—1115 гг. Следовательно, они могут принадлежать и Начальной летописи, и автору «Повести временных лет», и его редактору, тем более что и автор и редактор внесли свои тексты и в пределы Начальной летописи. Однако настораживает то, что цепочка сведений о Новгороде не непрерывна на протяжении всего ее текста: кончившись под 1066 г., эта цепочка продолжается только с 1095 г. Первый ее обрыв совпадает с границами Начальной летописи, тем более что новгородские известия до 1066 г. вполне укладываются в типологическую систему этой летописи, а после 1095 г. отличны от нее в тех случаях, когда являются погодными записями, роднящими их с таковыми записями печерского летописца или принадлежат воспоминаниям, роднящим их с вставными текстами редактора. Но, быть может, редактору же принадлежат и типологиче-

ски сходные с его вставками сведения о Новгороде до 1066 г.? Но почему же тогда подобных текстов нет между 1066—1095 гг.? Ответ на этот вопрос дает обращение к новгородскому летописанию, в котором сохранилось множество текстов о Новгороде, избыточных по отношению к редакторскому тексту «Повести временных лет». Однако в пределах новгородских памятников сохранился и авторский текст «Повести временных лет», и эти новгородские известия могут принадлежать и автору «Повести временных лет», и местной летописи, использованной при переписке авторского текста в Новгороде 1117 г. Следовательно, задача сводится к определению того, что изъят редактор из авторского текста, того, что привнесено в авторский текст «Повести временных лет» из Начальной летописи, наконец, того, что привнесено в текст новгородского свода Мстислава в 1117 г. из местной летописи. На первый взгляд, такая задача кажется неосуществимой, но все же попробуем предложить ее решение. Обратимся для этого к памятникам новгородского летописания³⁴ и сначала рассмотрим, только ли известия о Новгороде избыточны в них по отношению к южнорусской летописи. Оказывается, что нет — здесь есть и киевские и новгородские известия, — вопрос заключается только в том, являются ли они таковыми только по тематике или по происхождению и по месту записи тоже? Иными словами, можно ли произвести между этими избыточными известиями типологическую выборку по месту их записи?

Начнем с группы киевских известий:

1) Сообщение о Константине под 1019 г. связано с сохранившимся в «Повести временных лет» рассказом о действиях Константина в 1018 г., киевским по месту своей записи, к тому же в этом сообщении имеется типичная для Начальной летописи относительная дата о смерти Константина через три года после ареста.

2) Описание борьбы Ярослава с Брячиславом, частично сохранившееся в «Повести временных лет», содержит относительную дату и к тому же описано с точки зрения киевлянина, знающего о том, что поход Ярослава из Киева на Брячислава занял семь дней.

3) Под 1026 г. в описании битвы Ярослава с Мстиславом, входящей в монотематический цикл известий о Мстиславе, употреблено южнорусское слово «нощи рябиной», выдающее, как отметил еще А. А. Шахматов, руку киевского книжника («рябиной» — из «горобина нич» — грозовая ночь в июле или августе по-украински).

4) Под 1060 г. летописец называет новгородцев и псковичей Русью, чего не мог сделать новгородец, называвший так исключительно южно-русское население, но что вполне естественно для киевлянина, относившегося к новгородцам и псковичам как к русским.

³⁴ См. СПЛ под упоминаемыми годами.

5) Рассказ о событиях 1055—1060 гг. под 1054 г., неотделимый от рассказа о смерти Ярослава и составленный после 1060 г., не может принадлежать новгородцу потому, что в этом случае его сведения были бы распределены по погодным статьям, как по ним распределены сведения о Новгороде в новгородских памятниках под 1055, 1058 и 1059 гг.

Обратимся теперь к новгородским по происхождению записям. Под 1030 г., отмечая смерть Акима, летописец пишет, что он был учителем «Ефрема, иже нас учаше», естественно, в Новгороде. Под 1055 г. он сообщает об уходе епископа Луки в Киев, пробывшего «тамо» три года. Запись опять сделана новгородцем («тамо»!) и не ранее 1058 г., последнего из упоминаемых трех лет пребывания Луки в Киеве. Но под 1058 г. сказано о реабилитации Луки, а Лука ушел из Киева в 1059 г. и умер 15 октября по дороге в Новгород «на Копысе». Следовательно, записи о Луке под 1055, 1058 и 1059 гг. сделаны новгородцем не ранее принесения тела Луки в Новгород, где-то не ранее чем месяц спустя после его смерти в середине октября. Первоначально они не имели погодных дат, иначе в них не было бы дат относительных. Об этом свидетельствует и указание на 23 года епископства Луки, типичное для летописи без погодных дат. Под 1061 г. отмечено поставление Стефана, а под 1068 г. сказано: «И иде владыка Стефан в Киев и тамо свои холопы удавиша его». «Тамо» свидетельствует о новгородском происхождении записи, а соединительный союз «и» в начале текста — о том, что он продолжает какой-то другой текст, видимо, о том же Стефане, не отделявшийся первоначально от него погодной датой.

Под 1077 г. отмечена смерть Федора, а под 1078 г. — поставление Германа. А. А. Шахматов считал, что после этой записи вплоть до 1095 г. в новгородских памятниках отсутствуют сведения о Новгороде и, следовательно, новгородские приписки не делались к «своду 1050 г.» позднее 1078 г. Однако под 1095 г.³⁵ говорится о смерти Германа «тамо», в Киеве, и это типичное словоупотребление обличает руку все того же новгородца, который сообщил нам и о предшественниках Германа по епархии. Значит, никакого перерыва между 1078—1095 гг. в этих сообщениях нет, или, вернее, он типологически таков же, как и «перерыв» между сообщениями о поставлениях и смертях других новгородских епископов. Следовательно, и все эти записи исключительно о новгородских епископах составлены не ранее 1095 г., почему и не попали в «Повесть временных лет», составленную около 1091 г. Их отсутствием в авторском тексте «Повести временных лет» объясняется и их отсутствие и в редакторском тексте памятника, в котором уцелела хотя бы одна из этих записей, будь некоторые из них включены в авторский текст. В основном эти записи сохранились в памятниках, восходящих к новгород-

³⁵ См. Новгородскую Четвертую летопись под этим годом.

скому своду 1448 (или 1430) г., но одна из них ³⁶ есть и в Новгородской Первой летописи, из чего заключаем о их наличии и в своде 1117 г.

Естественно и другое, что они отсутствовали и в Начальной летописи, поскольку возникли после ее составления, хоть и представляли собой типологически сходную «летопись владык» без погодных статей, наподобие того списка новгородских владык, который сохранился в Новгородской Первой летописи и включает в себя избыточные по отношению к своду 1448 г. сведения о владыках, также восходящие к этой «летописи владык», составленной не ранее 1095 г. скорее всего около 1117 г. и вернее всего в связи с составлением свода Мстислава, аргументация чего выходит за пределы данной статьи.

Вернемся к выявленным новгородским записям. Типологически они трижды едины — и по месту записи (Новгород), и по тематике (смерти и поставления владык), и по времени записи (по воспоминаниям после совершения событий). К этому прибавляется и еще одно их вполне типологическое свойство — они полностью отсутствуют в редакторском тексте «Повести временных лет». Ими почти исчерпывается материал о Новгороде, избыточный в новгородских памятниках по отношению к южнорусским памятникам ³⁷. Следует отметить, что при составлении «летописи владык» частично могли использоваться и материалы Софийского синодика, чем объясняется наличие дневной даты смерти Луки (именно такого события, которое и интересовало автора синодика).

Подведем итоги. Типологической методикой пользовались давно, но не последовательно и не формулируя ее. Проверка результатов ее использования обязательна и прежде всего с помощью сопоставления совместимости нескольких типологических систем в пределах одного памятника. Методика не решает вопроса текстуальной реконструкции всего текста того или иного памятника, впрочем, сомневаюсь вообще в решении этого вопроса и с помощью других методик, поскольку всегда окажется недоказанным, что все эти тексты дошли до нас в пределах сохранившихся памятников. В будущем следовало бы применить изложенную методику к летописанию XII—XV вв., что, впрочем, сделано в некоторых исследованиях ³⁸.

В качестве одной из задач будущего вырисовывается необходимость выявления, классификации и проверки многих других ме-

³⁶ О смерти Федора см.: НПЛ, г. 1077, стр. 18. Под 1108 г. есть еще один след этой летописи: здесь сказано о росписи Софийского собора «на весну», которая приходилась уже на 1109 г., раньше которого, следовательно, летопись не могла появиться.

³⁷ Относим к сведениям «летописи владык» и данные о приходе Иоакима в Новгород в статье 989 г. НПЛ, имеющей явно новгородский вставной характер.

³⁸ Ср. А. Н. Насонов, История русского летописания. М., 1970. (Наша статья написана задолго до выхода в свет этой книги).

тодик, которыми пользовались прежние и пользуются нынешние историки летописания. Кроме того, нуждаются в методической разработке вопросы формализации не только самого исследования летописания, но и формализация изложения результатов такого исследования. Думается, это изложение должно проходить через три этапа. Сначала выявляются фактические противоречия летописных текстов — внутри одного или нескольких памятников и между этими памятниками. Вторым этапом является уже чисто гипотетическая группировка фактов этих противоречий по их типологическим или другим признакам внутри одного или нескольких памятников. Третий этап — уже чисто интерпретационная работа, хотя и предыдущий этап — интерпретация, а не чистая фактология. На третьем этапе возникают вопросы исторического осмысления, тогда как на втором превалируют вопросы текстологической интерпретации.

Историческое осмысление не только соблазнительно, но в известной степени вытекает из предыдущей работы и необходимо даже в смысле проверочном, помогаая корректировать предыдущую работу. Следует подчеркнуть его принципиальную гипотетичность. Именно такая гипотеза вытекает из всего вышесказанного и позволяет в предварительной форме обрисовать место выявленной выше Начальной летописи в истории сложения раннего русского летописания XI в.

Появление первых записей, ставших впоследствии историческими, относится к концу X в. и связано с ведением синодика в первом христианском храме Руси — Десятинной церкви. Создание Софийского собора и деятельность Ярослава положили начало переводческой и местной христианской литературе. Возможно, возник и синодик Софийского собора. Между 1045 и 1049 гг. пресвитер церкви 12 апостолов в Берестове Илларион создает первое концептуальное историческое произведение, письменную повесть, названную им «Словом о законе и благодати», отличающуюся не только яркой исторической концепцией, но и блестящей литературной формой.

История Руси до ее крещения была в это время хорошо известна по многочисленным местным преданиям, семейным сказаниям, народным легендам, впоследствии отразившимся в летописании. Однако для Иллариона все это относится к доистории, а собственно история начинается только с крещения Руси. Это событие произвело огромное впечатление на всех русских людей и, в частности, первых книжников. Фигура Владимира поэтому на первых стадиях литературного процесса выдвинулась на первый план. Фигуры его предков временно отошли на задний план. Идеализация Владимира привела сначала к попытке создания чисто агиографического образа в «Слове о законе и благодати».

Однако даже в рамках этого церковного произведения нашли себе место социальные вопросы, волновавшие людей середины XI в., в частности, вопрос о «свободе» для рабов, под которой

понимались новые формы зависимости. Большое общественное содержание «Слова» делает его первым произведением великой русской литературы, глубоко связанной впоследствии с общественной жизнью страны.

Следующий этап литературного развития связан с появлением произведения мниха Иакова, датируемого временем до 1072 г., поскольку в нем еще не упоминаются и не прославляются первые русские национальные святые Глеб и Борис. Но и это произведение еще связано с илларионовской концепцией и посвящено Владимиру как главной и начальной фигуре русской истории. Образ Владимира обогащается здесь уже историческими топамп благодаря введению рассказа о его деятельности после принятия христианства. Рассказ этот еще не имеет абсолютной хронологии и построен на основе относительной хронологии, хотя и включает две абсолютные даты — крещения и конца княжения Владимира. Так, Владимир из агиографической фигуры становится фигурой исторической, что отражает важный сдвиг в историческом сознании даже книжника-монаха.

По мере развития христианской церкви на Руси и все большей ее русификации, в ходе роста самого государства и осознания им своей самобытности и независимости растет и национальное самосознание, обращающееся в поисках своих стимулов к истокам собственной истории. Представление о крещении как о начале этой истории все больше тускнеет, а за нимбом, созданным вокруг фигуры Владимира, все больше вырисовываются фигуры его предков, в том числе и более ранних христиан. Крещение начинает представляться хотя и важным, но не начальным фактом русской истории. Происходит своеобразная реабилитация всего языческого периода, выразившаяся, прежде всего, в попытке его воссоздания на основе всех имеющихся к тому времени источников. Так создается Начальная летопись, первый русский свод исторических материалов устных источников, совмещенных в едином и вдохновенном повествовании о «временных летах». Это произведение создается в светских кругах, близких Изяславу, и окрашено определенными политическими тенденциями эпохи борьбы Изяслава с Всеславом. Именно поэтому история Руси для его автора — это прежде всего история Киева и Новгорода, за который идет борьба с Всеславом. Вопрос о единстве всех восточных славян как основе сложения их государства еще не ставится. История начинается с легендарных полян, всегда живших на месте Киева и живущих здесь и поныне. Не ставится еще и вопрос о происхождении имени Руси, которое само собой разумеется исконно славянским.

Наряду с этим произведением в светских кругах, возможно самим Всеволодом, начинает вестись «летописец путей», в котором время от времени отмечаются и датируются точными дневными датами походы этого князя и его братьев Ярославичей. Оба эти источника оказываются около 1091 г. в руках печерского мона-

ха, ученика Феодосия, составляющего «Повесть временных лет» и продолжающего ее на протяжении 1091—1115 гг. погодпо ведущимися записями.

Следующий этап развития летописания связан уже с созданием «Повести временных лет», ее переписками и редактированием.

Таким образом, выявление на базе применения обрисованной типологической методики Начальной летописи, созданной в окружении киевского князя Изяслава, авторской «Повести временных лет», созданной в 1091 г. печерским монахом, тесно связанным с киевским князем Всеволодом и его тысяцким Яном Вышатичем, в основных чертах совпадает с результатами А. А. Шахматова, писавшего о своде Никона 1073 г. и Начальном своде (около 1095 г.). Важно подчеркнуть, что хотя тексты Начальной летописи, строго говоря, прослеживаются до 1066 г., но это еще не датирует ее составление именно этим годом. Дело в том, что события 1066—1069 гг. описаны в летописи человеком, сочувственно относящимся к Всеславу и порицающим трех Ярославичей, преступивших крестоцеловальную клятву и потому потерпевших поражение от половцев в 1068 г., — тогда как автор Начальной летописи отрицательно относится к Всеславу и не стал бы осуждать князей.

Две точки зрения на Всеслава — это два летописца различных политических ориентаций. В то же время тот из них, который сочувствует Всеславу, связан с Яном Вышатичем, имя которого упоминается в рассказе о поражении князей под 1068 г.³⁹, а этот рассказ иллюстрирует результат знамений 1065 г., описанных автором «Повести временных лет» с помощью цитаты из Хронографы, использованного, как отмечено нами⁴⁰, при составлении «Повести временных лет». Связью с Всеволодом объясняется тот бесспорный факт, что вся история после смерти Ярослава предстает перед читателем с точки зрения Всеволода — якобы центрального героя всех «добрых» дел второй половины XI в. и «случайного» участника всех «злых» дел того же времени.

В заключение скажем несколько слов о границах применения в этой статье термина «монотематизм». Он не означает, что речь в таких летописных рассказах, которые мы характеризуем этим термином, идет только об одном князе или одном событии. Монотематическими мы называем те летописные рассказы, которые созданы в одно время и ложатся в канву единого повествования, отдельные части которого связаны между собой причинными связями и соединены относительно-хронологическими датами. Именно такое повествование и выявил А. А. Шахматов в качестве киевского свода 1039 г., не обратив внимание на то, что его следы идут гораздо дальше и доходят до события 1066 г., связываясь с фигурой Изяслава.

³⁹ ПСРЛ, т. II, Густынская летопись, г. 1068.

⁴⁰ М. Х. Алешковский. Первая редакция «Повести временных лет».

**ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ
О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ
В СВЯЗИ С ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ¹**

С. Н. Азбелев

Цикл средневековых произведений, описывающих Куликовскую битву 1380 г., дошел в виде нескольких сотен рукописных текстов XV—XVIII вв. в составе летописей, разного рода сборников и отдельных рукописей. В совокупности объем рукописных источников, посвященных Куликовской битве, составляет несколько десятков тысяч листов. Начатое около 70 лет назад текстологическое изучение этого материала далеко еще не завершено. Однако за последние годы появилось много статей, кардинально продвинувших вперед его исследование. В ходе этой работы особенно ясно обнаружился тот недостаточно осознававшийся прежде факт, что основная трудность не столько в большом количестве и значительном общем объеме самих текстов, сколько в исключительной сложности текстовой истории произведений данного цикла. Одна из главных причин этого — в двойственности существовавшей на протяжении ряда веков традиции. Фольклорные произведения о Мамаевом побоище передавались устно более пяти столетий. Записанные собирателями фольклора в XIX и XX вв. богатые остатки этой традиции позволяют судить, насколько многочисленны, разнообразны и повсеместно распространены были устные произведения Куликовского цикла в допетровской Руси. Не приходится сомневаться, что дошедшие до нас рукописные источники этого времени, посвященные Куликовской битве, выходили из рук редакторов и писцов, как правило знакомых в той или иной степени с этим богатым устным репертуаром, освещавшим те же исторические факты. Происходило взаимодействие устной и письменной традиции. Думается, что продуктивность дальнейшей текстологической работы над письменными памятниками Куликовского цикла зависит в некоторой мере от того, насколько полно и насколько точно будет учитываться этот фольклористический аспект. Задача статьи — показать применимость фольклористических приемов в некоторых сложных и спорных случаях. Для удобства разграничения материала термины «предание» и «сказание» употребляются только в их фольклористическом зна-

¹ Список принятых сокращений см. в конце статьи.

чении, для обозначения же литературных произведений используется термин «повесть».

* * *

Одним из важнейших вопросов является соотношение с фольклором так называемой Задонщины². Произведение дошло, как известно специалистам, в шести рукописях, не считая многочисленных фрагментов в составе Повести о Мамаевом побоище. Все списки Задонщины, о чем справедливо писал еще В. Ф. Ржига, распадаются на две редакции — Краткую и Пространную³. Краткая представлена одним списком XV в. — ГПБ, Кирилло-Белозерского собр., № 9/1086 (далее — КБ). Пространную редакцию отразили: три рукописи ГИМ, две из них XVI в. — Музейского собр., № 2060 (далее — М 1) и № 3045 (далее — М 2) и одна XVII в. — Синодального собр., № 790 (далее — С); рукопись ГБЛ, собр. Ундольского, № 632 — тоже XVII в. (далее — У); рукопись БАН — в составе Ждановского сборника XVII в. — № 1. 4. 1 (далее — Ж).

В. Ф. Ржига, вслед за И. И. Срезневским (мысль которого была поддержана и рядом предшественников В. Ф. Ржиги), писал вполне определенно об устном происхождении Задонщины и о бытовании ее в устной традиции. Оба автора отмечали, что текстуральные расхождения списков слишком обильны и слишком своеобразны, чтобы отличия эти можно было объяснить лишь обычным для рукописной традиции процессом накопления случайных ошибок и сознательных изменений при переписке. Мысль о звуковом, а не графическом происхождении ряда ошибок была поддержана в рецензии В. П. Адриановой-Перетц на работу В. Ф. Ржиги⁴. Еще в 1940 г. тезис И. И. Срезневского был полностью поддержан и подробно аргументирован в докторской диссертации известного фольклориста А. И. Никифорова, защищенной в Ленин-

² Как верно заметил еще И. И. Срезневский, это слово в подлиннике является не названием произведения, а названием самой Куликовской битвы. См.: *И. И. Срезневский. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича.* — ИОРЯС, т. VI. СПб., 1858; *он же.* Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине. — ИОРЯС, т. VII. СПб., 1858. Библиография работ о Задонщине по 1965 г. включительно приведена в кн.: «Слово и памятники», стр. 557—583. Тексты всех ее списков цитируются ниже по последнему изданию — в той же кн. на стр. 535—556.

³ *В. Ф. Ржига.* Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). — «Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина», т. XLIII. М., 1947, стр. 9. Ср. также: Повести, стр. 20. О двух редакциях писали и многие предшественники автора (А. А. Потебня, С. А. Смирнов, С. П. Тимофеев и др.), но они располагали еще всего двумя или тремя списками, один из которых, Кирилло-Белозерский, противопоставлялся как особая редакция одному или двум другим спискам.

⁴ *В. П. Адрианова-Перетц.* Рец. на кн. «Повести о Куликовской битве». — ИОЛЯ, 1960, вып. 2, стр. 157.

граде за месяц до начала Великой Отечественной войны (во время которой погиб ее автор) и оставшейся, к сожалению, неопубликованной. А. И. Никифоров продемонстрировал, что КБ соотносится с другими списками приблизительно так же, как соотносятся в фольклоре различные записи былин.

Автор подобрал довольно много аналогий и к самому тексту Задонщины в произведениях фольклора, но примеры были приведены им выборочно — только к нескольким небольшим фрагментам Задонщины, так как она не являлась основным объектом его исследования⁵.

Однако работа А. И. Никифорова остается почти неизвестной специалистам, а мнение И. И. Срезневского об устнопоэтической природе Задонщины некоторыми исследователями оспаривалось (например, в посмертно напечатанных черновых заметках А. А. Потебни). Авторы новейших текстологических работ в большинстве случаев обходят этот вопрос, рассматривая происхождение и историю текстов Задонщины только как явления рукописной традиции.

* * *

Для проверки выводов об устном происхождении и устном бытовании Задонщины необходимо прежде всего установить, имеет ли достаточно реальные аналогии в устной поэзии весь текст древнейшей рукописи произведения, а не только некоторые его образы. Для этой цели в левой колонке воспроизводится (без каких-либо поправок) полный текст публикации Задонщины по списку КБ, в правой — стилистические, лексические и смысловые параллели к нему из записей фольклора. В тех случаях, когда привлеченный нами фольклорный пример присутствует среди примеров, которые использовал, сопоставляя Задонщину с фольклором, А. И. Никифоров, на его работу дается дополнительная ссылка. Следует, конечно, иметь в виду, что привлекаемые фольклорные тексты в большинстве своем представляют записи ученых, а текст Задонщины, если он отражает устное произведение, не может, естественно, передавать его с соблюдением выработанных фольклористикой требований научной точности — даже если мы отвлекемся от возможных искажений и обработок при переписывании. Для сопоставлений взяты почти исключительно произведения, в жанровом и тематическом отношении более или менее близкие Задонщине: былины, старшие исторические песни, думы, старшие былевые духовные стихи, героическое сказание о Куликовской битве, записанное А. Харитоновым. Но использованные для сравнения записи отражают стиль и лексику устной поэзии не в средневековой Руси, а в новое время. Иной возможности в нашем распоряжении нет, поскольку научное записыва-

⁵ Никифоров, стр. 79—232, 967—1002.

ние восточнославянского эпоса началось в XIX в. а «любительские» записи былин, сохранившиеся от XVIII и частично от XVII в., крайне немногочисленны. Предпочтение отдавалось именно былинам, так как параллели приводятся главным образом стилистические.

Сравнивая языковые изменения в разных жанрах устной поэзии, А. П. Евгеньева пишет: «Перестройка языка былины идет медленнее, а в некоторых случаях отдельные черты языка, задерживаясь в ней в силу различных причин (ритмических, например) значительно дольше, чем в диалекте, утрачивают опору в живом употреблении и переходят из категории синтаксической в категорию стилистическую»⁶.

Пойдемь, брате, в полуночную страну жребии Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемь на горы Киевския. Первее всех вшед восхвалимь вещаго го Бояна в городе в Киеве гораздо гудца. Тои бо вещии Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русским княземь: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, восхваляя их песни и гусельными буинными словесы на рускаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Одреевича, зане же их было мужество и желание за землю Русьскую и за веру христианьскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища се аз князь великий Дмитрии Иванович и брат его князь Володимер Одреевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крепостью,

Вы приидите, братие⁷; в ту сторону полуночну⁸; От того колена от Адамова (...) пошли христиане православныя⁹; Рускаго роду, крещенаго¹⁰; По тои потопе по Ноевы¹¹; Идем на Сионску гору¹²; Ко святому граду ко Киеву¹³; Тут старому славу поют¹⁴; Кроме его в городе Киеве не было гораздней на гуслях играть¹⁵; Держит гусли звончатия, по гусельцам лежат струны золотыя¹⁶; И велику славу до веку поют Скопину князю Михайлу Васильевичю¹⁷; Поем славу Борисову, Борисову славу и Глебову¹⁸; Век большим царям славы поем¹⁹; Записались все в заповедь великую: щьчобы стоять нам за князя за Владимира²⁰; За веру христианскую и за землю Росийскую²¹.

На то побоищо Мамаево²²; Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове²³; А ехали два братца родимыя²⁴; Первый полк взял Задонский князь Дмитрий Иванович²⁵;

⁶ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 69.

⁷ Бессонов, вып. VI, стр. 324.

⁸ Астахова, т. II, стр. 830.

⁹ Кириша Данилов, стр. 485.

¹⁰ Рыбников, т. II, стр. 439.

¹¹ Кириша Данилов, стр. 485.

¹² Бессонов, вып. V, стр. 169.

¹³ Рыбников, т. II, стр. 703.

¹⁴ Тихонравов — Миллер, стр. 30.

¹⁵ Там же, стр. 203.

¹⁶ Соболевский, т. II, стр. 320.

¹⁷ Кириша Данилов, стр. 417.

¹⁸ Бессонов, вып. III, стр. 647.

¹⁹ Там же, вып. II, стр. 292.

²⁰ Марков, стр. 234.

²¹ Гильфердинг, т. III, стр. 357.

²² Григорьев, т. I, стр. 614.

²³ Афанасьев, т. III, стр. 39.

²⁴ Кириша Данилов, стр. 435.

²⁵ Афанасьев, т. III, стр. 38.

помянувшие прадеда князя Володимера Киевского, царя русского.

Жаворонок птица, в красные дни утеха, выды под синие облака, по славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Одревичю. Они бо взяли как соколи со земли Руския на поля половетця.

Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земли Русской, чудно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчаты, светятся калантыри зланы, звонят колоколы вечни в Великом в Новгороде. Стоять мужи наугороди у святые Софии, а ркучи такову жалобу: Уже нам, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети.

Тогда аки орли слетосася со всея полуночныя страны. То ти не орли слетосася, съехалися все князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, а ркучи так: Господине, князь великий, уже погани татарове на поля на наши наступают, а вотчину нашу у нас отнимают, стоят межю Дономь и Днепромь на рице на Чече. И мы, господине, пойдемь за быстрю реку Дон, укупимь землямь диво, старымь повесть, а младымь память.

²⁶ Киреевский, вып. I, стр. 41.

²⁷ Киреевский, НС, вып. II, ч. I, стр. 65; Никифоров, стр. 970.

²⁸ Киреевский, НС, вып. I, стр. 213.

²⁹ Астахова — Митрофанова — Скрипиль, стр. 143.

³⁰ Кирша Данилов, стр. 403.

³¹ Максимович, стр. 110.

³² Киреевский, НС, вып. I, стр. 36.

³³ Киреевский, вып. VI, стр. 190; Никифоров, стр. 989.

³⁴ Киреевский, вып. VI, стр. 159; Никифоров, стр. 967.

Поклоняется на все стороны, величает царя Владимира ²⁶.

Ты воспой, воспой, младый жавороночек ²⁷; Не малую славу, великую: Всеволоду Петровичу быть воеводой ²⁸; И стал напуцать он на полкп татарские что ясен сокол ²⁹; В далну орду, в полувецку землю ³⁰.

Кони иржут, (...) на себе поход чуютъ ³¹; Трубила трубонька по заре ³²; Не дошедши города Серпуха (...) стал он силушку переглядывать ³³; Через те ли скатерти берчаты ³⁴; Собрали со всех концов Руси православной рать-силу великую ³⁵; Звонко звонят в Новгороде, звончее того в каменной Москве ³⁶; У Софии премудры приказал звонить в набольший колокол ³⁷; Приходят князья новгородские, воевода Николай Зиновьевич ³⁸.

Как зачели богатыри съезжатисе, как ясны соколы да все слеталисе ³⁹; Собирались со всех концов Москвы белокаменной все князи и бояра (...) ко князю во светлый терем ⁴⁰; И подходила сила Мамаева ко тому же ко чисту полю ⁴¹; Их лишать государевой своей вотчины ⁴²; Коло Волги, коло Камы, коло Дона реки ⁴³; Течет быстрый Днепр не по-старому ⁴⁴; Поехали быть силушку татарскую ⁴⁵; Старым людям на послушанье, а молодым людям ради памяти ⁴⁶.

³⁵ Афанасьев, т. III, стр. 38.

³⁶ Киреевский, НС, вып. I, стр. 281.

³⁷ Гильфердинг, т. I, стр. 244.

³⁸ Рыбников, т. II, стр. 356.

³⁹ Марков, стр. 437.

⁴⁰ Афанасьев, стр. 37.

⁴¹ Тихонравов — Миллер, стр. 23.

⁴² Гильфердинг, т. III, стр. 89.

⁴³ Киреевский, вып. I, стр. 90.

⁴⁴ Малышев, стр. 153.

⁴⁵ Соколов — Чичеров, стр. 131.

⁴⁶ Варенцов, стр. 15.

Тако рече князь великий Дмитрие Иванович свои брати русскимъ княземъ: Братъца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате никуды не избижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю.

Славии птица, что бы еси выщекотала спа два брата, два сына Вольярдовы, Андрея Половетцаго, Дмитриа Бряньскаго. Ти бо бяше сторожевыя полкы, на щите рожены, под трубами поють, под шеломы възлелеаны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовскои земли.

Молвяше Андреи к своему брату Дмитрию: Сама есма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едментовы, правнучата Сколдимеровы. Сядемъ, брате, на свои борзи комони, испемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону, испытаемъ мечи свои булатныя.

Уже бо, брате, стук стучить и гром гремьт в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремьт, стучить силная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремять удалци золочеными шеломы, черлеными щиты. Седлаи, брате Ондрей, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих оседлани.

Уже бо всташа силнии ветри с моря, прилелеяша тучю велику на

Не золота трубочка вострубила, Задонский князь Дмитрий Иванович стал речъ держать: Воины мои любимые (...): Мамай безбожный, песь смердящий, со всема своима ордами некрещеными идетъ свягую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамаея-собаки пить горькая чаша⁴⁷.

Соловей птица⁴⁸; Соловей вощекочет⁴⁹; Какъ выискались два брата, (...) два Андреевича⁵⁰; То было у Митрея у Браньскаго⁵¹; Собираютъ войска полки великие⁵²; Пеленаи меня матушка в крепки латы булатныя, а на буину голову клади злат шелом⁵³; Бралъ саблю свою вострую, на белы груди копье клал муржаецкое⁵⁴; Во той земли в хороброй Литвы⁵⁵.

Вставайте, братци, кони сидляйте, кони сидляйте, хортив скликайте, да поидемъ, братци у чистое поле⁵⁶; Да садитесь-тко вы на добрыхъ копей⁵⁷; А которая сила шеломомъ пьет, тую силу с собою беретъ⁵⁸; А зоветъ на место на ратнее и на кроволитье великое⁵⁹.

Да в ту пору не стук стучит, не пыль пылит в чистомъ поли⁶⁰; Какъ ведь московский князь Роман Митрьевичъ а припушал да свою силушку⁶¹; А какъ сила войско латники все кольчужнички, а сила войско все на добрыхъ коняхъ! А вы седляйте-тко да уздайте добрыхъ коней а й крепко-накрепко туго-на-туго⁶².

Вставали ветры буйные со всехъ то с четырехъ сторонъ⁶³; собиралися вет-

⁴⁷ Афанасьев, т. III, стр. 37—38.

⁴⁸ Соболевский, т. III, стр. 218; Никифоров, стр. 971.

⁴⁹ Соболевский, т. II, стр. 27.

⁵⁰ Киреевский, вып. VI, стр. 176.

⁵¹ Ончуков, стр. 171.

⁵² Гильфердинг, т. II, стр. 660.

⁵³ Кирша Данилов, стр. 311—312.

⁵⁴ Гильфердинг, т. II, стр. 65.

⁵⁵ Рыбников, т. I, стр. 279.

⁵⁶ Чубинский, т. III, стр. 283.

⁵⁷ Гильфердинг, т. II, стр. 33.

⁵⁸ Рыбников, т. I, стр. 299.

⁵⁹ Там же, стр. 298.

⁶⁰ Гильфердинг, т. III, стр. 349.

⁶¹ Там же, т. I, стр. 664.

⁶² Там же.

⁶³ Киреевский, НС, вып. I, стр. 84.

усть Непра на Русскую землю. И тучи выступи кровавая оболочка, а из них пашють синие молнии. Быти стуку и грому велику межю Дономь и Непромь, идеть хинела на Русскую землю. Серне волци воють, то ти были не серне волци, придоша поганые татарове, хотять проптити воюючи, взяти всю землю Русскую.

Тогда же гуси гоготаше и лебеди крылы всплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крылы всплескаша, се бо поганьи Мамаи приведе вои свои на Русь.

Птици небесныя пасущесе то под синие оболочка, вороны грають, галици свои речи говорить, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають победу на поганых, а ркучи так: Земля еси Русская, как еси была доселева за царем за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитрием Ивановичем.

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими значеными колокольци.

Уже бо стук стучит и гром гремит рано пред зорю. То ти не стук сту-

ры в тучу густую⁶⁴; Восходила туча претемная, претемная и прегрозная⁶⁵; С маланьей да со сверкучей⁶⁶; Шумела-гремела быстрая речка⁶⁷; А дает ли нам хинскую землю⁶⁸; Не вовки сероманци квилять⁶⁹; Пришли татара-то поганьи⁷⁰; Поехали во земли во Росейския⁷¹; Ладит-то ен Русьску землю наскрозь прйти⁷².

На дубах орлы воскрежетали, во лесах звери засвистали⁷³; там гусей-лебедей сорок тысячей⁷⁴; стоит сила неверная того Мамаи безбожнаго⁷⁵.

Птица полетела высоко в небеса⁷⁶; Вороны закричали, загикалп⁷⁷; Вылетали галицы⁷⁸; Орлы чернокрыльци клекочуть⁷⁹; Серым волкам все на вбенье⁸⁰; На вулице курта бреше⁸¹; Будет на Мамаи безбожнаго победа⁸²; Со святой Руси пришел-то Соломон царь⁸³; Я то прежде-то был да в земли Руськоюй⁸⁴; Схватилаась рать-сила могучая Задонского князя Дмитрия Ивановича⁸⁵.

Там сидит ясен сокол білозерець⁸⁶; Ясный мой соколочик, (...) с колокольчиком крылья зашумели⁸⁷.

Не стук стучит во чистом поле, не гром гремит во раздольице, едет

⁶⁴ «Петр великий в народных преданиях Северного края, собранных Е. В. Барсовым». М., 1872, стр. 15.

⁶⁵ *Варенцов*, стр. 11.

⁶⁶ *Рыбников*, т. III, стр. 111.

⁶⁷ *Соболевский*, т. II, стр. 553.

⁶⁸ *Гильфердинг*, т. II, стр. 528; *Никифоров*, стр. 969.

⁶⁹ *А. С. Афанасьев*. Еще две малорусские думы.— ИОРЯС, т. II. СПб., 1853, стлб. 253.

⁷⁰ *Гильфердинг*, т. II, стр. 30.

⁷¹ Там же, стр. 459.

⁷² Там же, т. I, стр. 590.

⁷³ *Рыбников*, т. II, стр. 642.

⁷⁴ Там же, стр. 286.

⁷⁵ *Малышев*, стр. 153.

⁷⁶ *Кирша Данилов*, стр. 311.

⁷⁷ Там же, стр. 422.

⁷⁸ *Соболевский*, т. VII, стр. 333.

⁷⁹ *А. С. Афанасьев*. Еще две малорусские думы, стлб. 253.

⁸⁰ *Гильфердинг*, т. II, стр. 718.

⁸¹ *Шейн*, 1874, стр. 272.

⁸² *Афанасьев*, т. III, стр. 40.

⁸³ *Тихонравов — Миллер*, стр. 252.

⁸⁴ *Ончуков*, стр. 293.

⁸⁵ *Афанасьев*, т. III, стр. 41.

⁸⁶ *Антонович — Драгоманов*, т. I, стр. 190.

⁸⁷ *Шейн*, 1898, стр. 569; *Никифоров*, стр. 973.

чпть, нп громь гремит, князь Володпмер Ондреевич ведет вои свои сторожевые полкы к быстрому Дону, а ркучи так: Господине князь Дмптрей, не ослабляи, уже, господине, поганья татарове на поля на наши наступаютъ, а вои наши, отнимають.

Тогда же князь великпй Дмитрий Иванович ступи во свое золотое стрема, всед на свои борзыи конь, припмая копие в правую руку. Солнце ему на востоце семтября 8 в среду на рожество пресвятяы богородица ясно светить, путь ему поведаетъ, Борис Глеб молитву творять за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, белозерскыя ястреби борзо за Дон перелетеша, ударшася на гуси и на лебеди.

Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топоры легкые, щиты московскыя, шелома немецкые, боданы бесерменьскыя.

Тогда поля костьюи насеяны, кровьюи полиано. Воды возиша, весть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к железнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чахов, до Ляхов, до Устюга поганых татар, за дышущем моремъ.

Того даже было нелепо стару помолодитися. Хоробрыи Пересвет по-

старый Илья Муромец торопится⁸⁸; Выезжал воевода московскоя, князь Скопин, князь Михаила Васильевичъ, он поход чинил⁸⁹; А все полкы становилися⁹⁰; Поехали бить силушку татарскую <...> как со всей видь силой великую⁹¹.

Задонский князь Дмитрий Иванович <...> оболочает <...> свои латы крепкие, <...> обседдали ему добра коня <...>, берет он с собой палицу боевую⁹²; Одно солнышко катится по небу — один князь княжит над Русью православною⁹³; И молитву-ту творит изуств по книжному⁹⁴; Бориса и Глеба от святых мощей было прощение⁹⁵.

Не ясен сокол перелетывал, не белый кречет перепорхивал⁹⁶; Как есен сокол напушаецца на синем море на гуси и лебеди⁹⁷.

Прпударили во копя в муржаецкыи⁹⁸; Надевайте латы вы булатныи, <...> берите палицы железныи, да берите сабельки вострыи, да берите копя немецкыя⁹⁹.

Круты бережки <...> костьюи белыми казачьими усеяны, кровью алою молодецкою упитаны¹⁰⁰; И пройдет про нас славушка немалая, ото восток слава до запада¹⁰¹; Отворяют ворота железныи¹⁰²; В Риме, в Ерусалиме¹⁰³; Во Цяхови, во Ляхови¹⁰⁴; на Червоное море у Орабскую землю¹⁰⁵.

Ездит-то стар по чпству полю <...>: а молодость моя молодость мо-

⁸⁸ *Киреевский*, вып. VII, приложение, стр. 4.

⁸⁹ *Кирша Данилов*, стр. 415.

⁹⁰ Там же, стр. 438.

⁹¹ *Соколов — Чичеров*, стр. 131.

⁹² *Афанасьев*, т. III, стр. 39.

⁹³ Там же, стр. 38.

⁹⁴ *Гильфердинг*, т. III, стр. 415.

⁹⁵ *Бессонова*, вып. III, стр. 647.

⁹⁶ *Тихонравов — Миллер*, стр. 49.

⁹⁷ *Кирша Данилов*, стр. 384.

⁹⁸ *Гильфердинг*, т. II, стр. 44.

⁹⁹ *Астахова*, т. I, стр. 178; *Никифоров*, стр. 973.

¹⁰⁰ *Соболевский*, т. VI, стр. 6.

¹⁰¹ *Тихонравов — Миллер*, стр. 104.

¹⁰² *Гильфердинг*, т. III, стр. 110.

¹⁰³ *Бессонова*, вып. IV, стр. 39.

¹⁰⁴ *Марков*, стр. 79.

¹⁰⁵ *Грушевська*, т. I, стр. 11.

скакпваеть на своємъ вѣщѣмъ спвце, свистою поля перегороди, а ркучи таково слово: Лучши бы есмь сами на свои мечи наверглись, нежели нам от поганых положенымъ пасти.

И рече Ослебя брату своему Пересвету: Уже, брате, вижю раны на сердци твоємъ тяжки. Уже твою главу пасти на сырую землю, на белую ковылу моему чаду Иакову. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубятъ, толко часто ворони грають, зогзици кокують, на трупы падаючи.

Тогда же не тури возрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, вспаша избииени от поганых князи великих и бояр сановных, князя Федора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микуду Васильевича, Федор Мемко, Иван Сано, Михаило Вренков, Иаков Ослебятин, Пересвет чернець и иная многая дружина.

Тогда же восплакашася горко жены боярыни по своих осподарех в красне граде Москве. Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи таково слово: Доне, Доне, быстрыи Доне, прошел еси землю Половецкую, пробил еси берези хараужныи, прилеlei моего Микулу Васильевича. Восплачется жена Иванова Феодо-

лодецкая¹⁰⁶; Поскакиват удалый добрый молодец¹⁰⁷; На конпчка посвистуе¹⁰⁸: Лучче будемо тихенько у чистому полі лежатп (<...> козацької слави та лицарства доставати¹⁰⁹; Тут сам ён на свои руки посёгнулся¹¹⁰.

И голосом он кричит, и во трубу трубит¹¹¹; А три раны сердечныи, сердечныи раны, кровавыи¹¹²; И упал Добрыня с добра коня на сыру землю в ковыль траву¹¹³; Черным воронам всё на гряньё¹¹⁴; Не кукушка во поле кукует¹¹⁵; Налетят (<...> серы-малыя загозочки¹¹⁶; И паршел от трупя по облака¹¹⁷.

Было в поли тридевять туров¹¹⁸; За матушкой Непрой-рекой¹¹⁹; Толи чисто поле Куликово, изуслано поле мертвыи телами¹²⁰; А как перьву-ту голову пиши Самсона сына Колубаёва, а другу-ту голову пиши Дуная сына Иванова, во третьих-то пиши Святогора Гурьева, (<...> Пересмету ты пиши да со племянником¹²¹; А пиши-тко-се дружинку да хоробрую¹²².

А сплachtetа на Москве царевна Борисова¹²³; Слезно Марфа Дмитревна восплакала, (<...> а да тут пушше заплакали по ей молоды вдовы¹²⁴; Ох, ты, батюшка, тихой Дон, прорыл-прокопал горы высокие, славой выводишь круты бережки¹²⁵; Как поехала кнегинушка Борисова (<...> и сама-то тут у тела прироспла-

¹⁰⁶ *Гильфердинг*, т. III, стр. 16.

¹⁰⁷ Там же, т. II, стр. 417.

¹⁰⁸ *Головацкий*, стр. 727.

¹⁰⁹ *Грушевська*, т. I, стр. 166.

¹¹⁰ *Гильфердинг*, т. I, стр. 191.

¹¹¹ *Рыбников*, т. I, стр. 298.

¹¹² *Малышев*, стр. 154.

¹¹³ *Рыбников*, т. II, стр. 634.

¹¹⁴ *Гильфердинг*, т. II, стр. 717.

¹¹⁵ *Шейн*, 1898, стр. 230.

¹¹⁶ *Барсов*, т. I, стр. 73.

¹¹⁷ *Тихонравов — Миллер*, стр. 29.

¹¹⁸ *Гильфердинг*, т. II, стр. 594.

¹¹⁹ *Малышев*, стр. 156.

¹²⁰ *Бессонов*, вып. III, стр. 674.

¹²¹ *Марков*, стр. 434.

¹²² Там же, стр. 480.

¹²³ *Джемс*, стр. 10.

¹²⁴ *Марков*, стр. 427.

¹²⁵ *Киреевский*, НС, вып. II, ч. II, стр. 197.

сия: Уже наша слава пониче в славне городе Москве.

Не одна мати чада изостала, и жены боярския мужей своих и осподарев остали, глаголюще к себе: Уже, сестрици наши, мужей наших в животе нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святяя церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескими сыны.

Близость почти всего текста Задонщины по рукописи XV в. к текстам фольклорных произведений, записанных в новое и новейшее время, оказывается в целом достаточно очевидной. Временами стилистическая близость переходит в почти полное текстуальное тождество. Значение этого факта не умаляется ни тем, что параллели к Задонщине представляют собой ряд более или менее коротких текстовых фрагментов, ни даже тем, что некоторые фрагменты взяты из фольклорного контекста, далекого по смыслу от соответствующего пассажа Задонщины.

В противоположность отсутствию современных Задонщине фольклористических записей существует большое число литературных текстов XIV, XV и XVI вв. Есть среди них и немало очень близких тематически — например Летописная повесть о Куликовской битве или Повесть о взятии Царьграда турками. Но стилистический строй текста этих повествований оказывается иным. Из них нельзя извлечь существенные соответствия Задонщине. Сопоставление некоторых ее отрывков со сходными местами литературных памятников средневековой Руси производилось Я. Фрчком. Хотя автор не задавался при этом целью выяснить отношение Задонщины к фольклору, результаты оказались достаточно показательны. Большинство случаев, когда стилистическое сходство оказалось реальным, падают на произведение, несомненно широко использовавшее устный эпос, — Повесть о разорении Рязани Батыем. Остальные примеры такого рода тоже относятся к памятникам, связь которых с устной поэзией либо достаточно очевидна — Слово о погибели Русской земли (и зависимые от него тексты), Моление Даниила Заточника, — либо не может быть исключена¹³¹.

¹²⁶ Марков, стр. 241.

¹²⁷ Там же, стр. 201.

¹²⁸ Кирша Данилов, стр. 471.

¹²⁹ Базанов — Разумова, стр. 503.

¹³⁰ Марков, стр. 41.

¹³¹ J. Frček. Zádonsťina. Praha, 1948, str. 117—130. В некоторых из средневековых письменных текстов есть пассажи, даже более близкие к соответствующим местам Сказания о Задонщине, чем приведенные нами примеры из фольклора нового времени. Это, естественно, объясняется общностью фольклорной подосновы таких произведений и Задонщины.

калась¹²⁶; Во Москвы-то ведь было, в славном городи¹²⁷.

Зазирила молодая жена, а плачет убиваетца (...) сквозь слезы свои она едва слово промолвила, жалобно причитаючи¹²⁸; Положили там головушку (...) как на бранном на полюшке¹²⁹; Теперь некому стоять будёт за веру православную, православному веру, за божьи церквы, за божьи-ти за церквы, за золоты кресты¹³⁰.

Древнерусская письменная традиция располагала к концу XIV в. богатым арсеналом стереотипных, но весьма выразительных стилистических формул, применявшихся в литературных воинских повестях. Однако А. С. Орлов, впервые подвергший эти приемы систематическому исследованию, обратил внимание на то, что при сравнительно частом сходстве в письменности и в фольклоре самих батальных мотивов стилистический облик содержащего один и тот же мотив текста оказывается различен, а отдельные случаи близости падают почти исключительно на письменные произведения, несомненно связанные с устным эпосом. Обозревая и обильно иллюстрируя употребление устоявшихся стереотипных литературных формул («и бысть сеча зла», «за руки емлюще ся сечаху», «и бысть видети лом копейный», «иных избиша, иных живых рукама поимаша», «дав плещи побегоша» и т. п.), А. С. Орлов, естественно, не приводит ни одного примера из Задонщины ввиду полного отсутствия в ней формул такого рода. В тех же случаях, когда предметом рассмотрения оказывается содержание образа, а не более или менее застывшая его словесная формула, исследователь находит возможным привлечь иногда и Задонщину (Пространной редакции). Случаи такого рода демонстрируют обычно весьма наглядно существенное отличие в ней стилистического оформления образа. Различие становится особенно заметным, если мы дополним сопоставления А. С. Орлова примерами из фольклорных текстов. Приведем два таких примера¹³².

<i>Литература</i>	<i>Задонщина</i>	<i>Фольклор</i>
Яко и по удолиям кровь, яко река течаше.	И кровью их реки по- текли (У).	Протекли реки — реки крававыя ¹³³ .
Инии же глаголаху, яко во крови утонул есть.	Во крови по колени бродит (С).	Уже по колени в крови бродит ¹³⁴ .

А. Н. Робинсон, продолживший исследование А. С. Орлова, пришел к заключению, что «тот или иной общий для литературы и народного эпоса поэтический образ отливался в каждом из этих видов творчества в свои специфические и традиционные только для данного вида творчества формулировки»¹³⁵. Автор специальных работ о языке Задонщины А. Н. Котляренко не только констатирует наличие в нем элементов, присущих именно народно-поэтической речи, но и утверждает в качестве первого из основных своих выводов, что вообще синтаксис Задонщины (имеются в виду все ее списки) «отличается почти полным от-

¹³² См.: А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). — ЧОИДР, 1902, кн. 4, отд. III, стр. 21—22.

¹³³ Киреевский, вып. VIII, стр. 127.

¹³⁴ Астахова — Митрофанова — Скрипиль, стр. 144.

¹³⁵ А. Н. Робинсон. К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей древней Руси. — В сб.: «Основные проблемы эпоса восточных славян». М., 1958, стр. 156.

существом таких явлений, которые можно отнести к специфически книжным, специально литературным по употреблению»¹³⁶.

Несомненно, что приведенный текст Задонщины представляет не книжную, литературную традицию, а традицию устной поэзии.

Отзываясь на работу В. Ф. Ржигп 1947 г., В. П. Адрианова-Перетц писала, что «краткая» редакция (Задонщины. — С. А.) — это, в сущности, не сознательная переработка «пространной», хотя бы и путем сокращения последней, а запись, сделанная по памяти»¹³⁷. Уже сравнительно недавно Д. С. Лихачев писал о КБ, что «весь этот список представляет собой запись по памяти, сделанную Ефросином — любителем народных произведений»¹³⁸. Текст КБ является не непосредственной записью устного Сказания о Задонщине, так как содержит, кроме мелких описок, несомненно механически возникший под пером переписчика (а не записывавшего лица) оборот «се аз» (обычное начало многих актов того времени) вместо «се бо»¹³⁹. Скорее всего интерполяцией переписчика является и разрывающее фразу указание «сентября 8 в среду на рождество пресвятыя богородица»¹⁴⁰ (хотя сами по себе такого рода хронологические уточнения отнюдь не чужды фольклору, о чем подробнее скажем далее). По-видимому, писцом сделана и вставка в фразу, содержащую перечень павших. В записи устного текста читалось, может быть, только: «...взопаша избиении от поганых Федор Мемко, Иван Сано, Михаило Вренков, Иаков Ослебятин, Пересвет чернецъ и иная многая дружина». Странная форма первых имен указывает, скорее всего, на искажения, появившиеся в устной традиции. Упоминание же в ином падеже белозерских князей и Микулы Васильевича вставлено, вероятно, на основании синодика¹⁴¹. Не исключено, что все эти мелкие изменения принадлежат книгописцу Кирилло-Белозерского монастыря Ефросину, из рук которого вышел весь сборник.

Высказанное И. И. Срезневским более 100 лет назад мнение, что список КБ отразил запись устного произведения, несомненно справедливо. Остальные списки Задонщины и связанные с ней фрагменты Повести о Мамаевом побоище представляют собой примеры более сложных взаимоотношений между письменной и устной традицией. Разговору о них необходимо предпослать несколько соображений более общих.

¹³⁶ «Слово и памятники», стр. 195.

¹³⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М. — Л., 1948, стр. 221.

¹³⁸ Д. С. Лихачев. О названии «Задонщина». — В кн.: «Исследования по отечественному источниковедению». Сб. статей, посвященных 75-летию С. Н. Валка. М. — Л., 1964, стр. 475.

¹³⁹ А. А. Зимин. Две редакции Задонщины. — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. 24. М., 1966, стр. 25.

¹⁴⁰ См. там же, стр. 35. Ср.: А. А. Зимин. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина». «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 51.

¹⁴¹ Несколько иные объяснения см.: «Слово и памятники», стр. 260, 382.

Записывание устных текстов далеко не всегда преследует и преследовало цели, подобные тем, которыми руководствуются ученые — собиратели фольклора, или тем, которые побуждали включать «любительские» записи былин в сборники для занимательного чтения в XVII—XVIII вв. Так, всемирно известный сборник Кирши Данилова отражает произведенную еще в середине XVIII в. запись профессиональным певцом собственного репертуара¹⁴². Сборник этот, в котором к текстам приложены ноты, создавался, естественно, для пения. Известно, что и спустя полтора столетия сохранялась практика использования профессиональными сказителями-гуслирами подобного рода сборников, содержащих рукописные записи эпических песен¹⁴³. Около 80 лет назад О. Ф. Миллер сообщал об одном из устных сказаний, посвященных Куликовской битве (которое было записано А. Харитоновым и опубликовано в собрании А. Н. Афанасьева), что еще можно найти это произведение «в народных рукописных тетрадах»¹⁴⁴.

Весьма существенная для нас особенность бытования записей устных произведений состоит в том, что запись может осуществляться и затем переписываться в качестве пособия для устного исполнения.

Переписывание в XVII—XVIII вв. былинных текстов и их обработок в составе сборников авантюрных повестей преследовало разные цели: «Тексты переписывались иногда без изменений, иногда с большими или меньшими изменениями, они сокращались или распространялись, приближались то к литературной, то к устной традиции»¹⁴⁵. Случаи, когда текст при переписывании приближался к устной традиции, свидетельствуют о восприятии его переписчиком именно как записи устного произведения, записи, которую он не механически копирует, а стремится, очевидно, привести в соответствие с известным ему устным вариантом былины¹⁴⁶. Такое отношение к письменному тексту произведения, бытующего устно, достаточно известно и современным собирателям фольклора. Так называемые «альбомы» деревенских женщин, привозимые иной раз и теперь участниками наших экспедиций, представляют в значительной своей части рукописные песенники, «корректируемые» устной традицией (в последнем ав-

¹⁴² А. М. Астахова. Былны. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 173—178.

¹⁴³ Г. Белорецкий. «Сказитель»-гуслиар в Уральском крае.— «Русское богатство». СПб., 1902, № 11.

¹⁴⁴ О. Ф. Миллер. История русской литературы. СПб., 1887, стр. 368.

¹⁴⁵ Астахова — Мигрофанова — Скрипиль, стр. 64.

¹⁴⁶ Ср. там же, стр. 41, 48 и др. Отмечена даже «тенденция к сохранению былинных особенностей и привлечению деталей из устной традиции» (В. В. Мигрофанова. Былны об Илье Муромце в рукописях XVII—XVIII веков. Автореферат канд. дисс. Л., 1960, стр. 12).

тору этих строк приходилось убеждаться лично, беседуя с владелцами таких «альбомов»).

Вторая важная для нас особенность бытования записи устного произведения в рукописной традиции состоит в том, что переписчик может вносить изменения, приближающие текст к иному варианту того же произведения (известному переписчику на память) или к устной традиции вообще.

Известно, что фольклорное произведение может прочно войти в устный репертуар, будучи заимствовано только из письменного текста, основанного на записи, произведенной в иное время и в ином месте. В устную традицию попадали и тексты, подвергшиеся литературной обработке. Так, сводные былины, созданные путем контаминирования записей, усвоил из «Книги былин» В. П. Авенариуса сказитель Т. Е. Туруев; оказалось, что «в его памяти удерживаются подчас формулировки», даже «привнесенные Авенариусом лично от себя»; однако, «попадая в репертуар народного сказителя, такие произведения в какой-то мере освобождаются от чуждых народной эпической традиции привнесений, упрощаются, становятся более народными»¹⁴⁷. Как показала А. М. Астахова, все это отнюдь не является личной особенностью данного исполнителя.

Третий момент, который нам необходимо отметить, состоит в том, что устный репертуар мог воспринимать и усваивать запись контаминированную и содержащую вставки, чуждые фольклорной традиции. Они могли при этом сглаживаться, не исчезая полностью.

Необходимо напомнить также еще одну важную особенность самой устной традиции. Это — гораздо большая сравнительно с письменностью взаимопроницаемость текстов произведений и их вариантов. Так, среди многих десятков записей былин об отражении татарского нашествия бывает трудно указать такие варианты какой-нибудь одной былины, которые бы не отразили на себе текстурального воздействия других былин сходной тематики. Генеалогия самих произведений перекрывается «микрогонеалогией» их вариантов, почти каждый из которых, появившись из уст исполнителя, знавшего не одну, а несколько былин, испытал большее или меньшее влияние других текстов¹⁴⁸.

Хотя А. И. Никифоров явно увлекался, относя к былинам саму Задонщину, судьба былинной традиции помогает понять некоторые особенности судьбы Сказания о Задонщине и других сказаний о Куликовской битве в устном и письменном репертуаре, так как бытование произведений исторического эпоса, в частно-

¹⁴⁷ А. М. Астахова. Русский быллинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 309—310.

¹⁴⁸ См. подробнее: С. Н. Азбелев. Мотивы убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях. — В сб.: «Славянский и балканский фольклор». М., 1971.

сти взаимодействие при этом устной и письменной традиции, подчиняется, видимо, каким-то более или менее общим закономерностям.

* * *

Пространная редакция Задонщины, представленная полнее всего списком У, а несколько менее полно — М 1 п С, производит впечатление компиляции, что было замечено уже более 100 лет назад¹⁴⁹. Но почти вся она соотносится с фольклором приблизительно так же, как и Краткая редакция. Приведение параллелей ко всему тексту, аналогичное тому, которое выполнено выше для КБ, заняло бы слишком много места. В этом и нет серьезной необходимости: принципиальная однотипность редакций в данном отношении для большей части текста достаточно очевидна. Предметом спора могут явиться те части Пространной редакции, которые отличаются некоторым своеобразием и не имеют аналогий в КБ. Их можно разделить на несколько типов. Для каждого мы приведем параллели к тексту Задонщины по рукописи М 1, которая бралась обычно за основу авторами научных реконструкций архетипа.

1. Обращавшие на себя внимание ряда исследователей хронологические уточнения Задонщины отразили явление, достаточно типичное для восточнославянского устного эпоса: былины, думы, духовных стихов, старших исторических песен (в младших оно также представлено не менее широко).

От Калагьския рати до Мамаева побоища лет 160.

Из утра билися до полудни в субботу на рожество святых богородицы.

Туту шурове рано въспели жалостные песни у Коломны на забралах на воскресенье на Акима и Аннин день.

Того день святая богородица псекоша христьяне поганый полкы на поле Куликове на речки Направде.

Проживал Оника 390 лет¹⁵⁰; Во сто дватцать седмом году, в седмом году восьмой тысячи а и деялось учинилося¹⁵¹; Пир-свадебку играют в Филиппов пост, венець принимали в Миколин день, Микола было у нас в пятницу¹⁵²; У пятницу до города Черкаса поспешае, в субботу рано пораненко цветную корогов крещату выставляе¹⁵³; Робыло ся те діло в субботу, проти воскресенія, по заході сонця¹⁵⁴.

2. Не выделяются в Задонщине сравнительно с устным эпосом и уточнения географические.

От усть Дону и Непра ставъши воюют на рецы на Мечя, хотят наступати на Рускую землю (...) погании татарове.

Собирался король на святую Русь, не дошедши Москвы остановился (...) за пятнадцать верст городу Волоку, во уезде, селе Федоровском¹⁵⁵.

¹⁴⁹ И. Назаров. Сказания о Мамаевом побоище.— ЖМНП, ч. 99. 1858, июль — август, стр. 80—83.

¹⁵⁰ Варенцов, стр. 118.

¹⁵¹ Кириша Данилов, стр. 415; Никифоров, стр. 985.

¹⁵² Соколов — Чичеров, стр. 587.

¹⁵³ Грушевська, т. II, стр. 24.

¹⁵⁴ М. Сумцов. Українські думи.— ЗНТШ, т. СХVII і СХVIII. Львів, 1914, стр. 232; Никифоров, стр. 985.

¹⁵⁵ Киреевский, вып. VII. Дополнения, стр. 121.

3. Столь же свойственны фольклору указания на количество собранных войск с поименным перечислением воевод или лучших бойцов (перечисления эти в былинах об отражении татар бывают значительно подробнее, чем в Задонщине).

Воеводы у нас уставлены 70 бояринов, князи крепцы белозерские, Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, два брата Олгердова, Дмитрие Волинский, Тимофей Волуевич, Михаил Иванович. А воеют с нами 300 000 кованой рати, воеводы у нас уставлены, дружина нам сведома.

Едут к нему триста бояринов¹⁵⁶; Третий полк взяли: Семен Тулик, Иван Квашнин и семь братьев белозерцев¹⁵⁷; Да двух братьичей пиши-тко-сь, да двух Збродовичей, да (...) Дюка сына Степанова, да пиши-тко-сь Матвюшка Петровича¹⁵⁸; За им силы войска триста тысячей¹⁵⁹; Он набрал дружинну себе семь тысячеч¹⁶⁰.

4. Отразившиеся в Задонщине молитвенные обращения своей лапидарностью и ничтожностью общего объема сравнительно с остальным текстом ближе не к литературной традиции русского средневековья и даже не к такому виду фольклора, как духовные стихи, а именно к устному героическому эпосу.

Помоляся богу и пресвятии богородицы.

Господи боже мой, на тя уповах, да не постыжуся в век, ни посмеють ми ся вразн мои мне. И помоляся богу и святии богородици и всем святым, и прослезися горко, и утер слезы.

Молитсе Спасу с богородичей: не дай мня поганому на поругание¹⁶¹; Ты боже, боже, Спас милостивой, к чему рано над нами прогневался¹⁶²; Молился тем крестам пречудным, Спасу и пречистой богородицы¹⁶³; Всю ночь не спал, молился богу со слезами¹⁶⁴.

5. Совершенно в духе фольклорной традиции фрагменты Задонщины, описывающие разгром и бегство Мамаея¹⁶⁵. Приведем один из этих фрагментов.

И ты пришел князь Мамай на Рускую землю с многими силами с девятью ордами, с 70 князьми, а ныне бежиш сам-девят в лукоморье.

И прибили всю силу неверную, и Мамаея царя со богатыри, с девятью сыновьями, девятью дочерьми и со девятью зятевьями¹⁶⁶; сам четверт ушел во свою землю¹⁶⁷; на лукоморье¹⁶⁸.

¹⁵⁶ Киреевский, вып. III, стр. 31; Никифоров, стр. 990.

¹⁵⁷ Афанасьев, т. III, стр. 38.

¹⁵⁸ Марков, стр. 523.

¹⁵⁹ Тихонравов — Миллер, стр. 23.

¹⁶⁰ Кирша Данилов, стр. 312; Никифоров, стр. 988.

¹⁶¹ Киреевский, вып. I, стр. 54.

¹⁶² Кирша Данилов, стр. 338.

¹⁶³ Рыбников, т. II, стр. 148.

¹⁶⁴ Кирша Данилов, стр. 375. Кроме этих четырех примеров А. Н. Никифоровым приведено в данной связи еще около тридцати аналогичных (но часто более пространных) цитат из былин и старших исторических песен (Никифоров, стр. 982—984).

¹⁶⁵ Ср.: И. Назаров. Сказання о Мамаевом побонце, стр. 83; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI — начала XV в. в народной поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII. М. — Л., 1951, стр. 133—134.

¹⁶⁶ Киреевский, вып. I, стр. 63; Никифоров, стр. 989.

¹⁶⁷ Астахова — Митрофанова — Скрипиль, стр. 172.

¹⁶⁸ Шейн, 1898, стр. 342.

6. В позднейшем фольклоре не находится прямой аналогии подобному исчислению убитых бояр. Впрочем, краткое описание такого пересчета было отмечено А. И. Никифоровым в исторических песнях XVIII в.¹⁶⁹ В Задонщине текст гораздо более подробен, но сколько-нибудь близких литературных параллелей не имеет. «Композиция этого отрывка, — как справедливо подчеркивал еще С. К. Шамбинаго, — ближе к народно-поэтическому творчеству»¹⁷⁰. Аналогии же составным компонентам всего эпизода без труда отыскиваются в фольклорных записях — даже если обращаться только к былинам и старшим историческим песням.

Считаются, брате, колких воевод нет, колко молодых людей нет. И говорит Михаило Андреевич московский боярин князю Дмитрию Ивановичю: Господине князь великий Дмитрии Ивановичь, нету туту у нас сорока боярин больших москoвских, да 12 князеи белозерских, да 30 бояринов посадников новгородских, да 20 бояринов коломенских, да 40 бояринов переяславских, да полу 30 бояринов костромских, да пол 40 бояринов володимерских, да 50 бояринов суздальских, да 70 бояринов резаньских, да 40 бояринов муромских, да 30 бояринов ростовских, да трех да 20 бояринов дмитровских, да 60 бояринов звенигородских, да 15 бояринов углецких. А изгибло нас всей дружины пол 300 000.

А как пересчитай-пересмечи эту силу великую¹⁷¹; Говорит то Пересмета сын Степанович да таковы речи: а не мог-то я пересчитать силы великия¹⁷²; Стал он силушку пересглядывать; князьям-боярам перебор пришел¹⁷³; А думайте вы думу с цела ума: кому у нас сидеть в каменной Москве, а кому у нас в Володимере, а кому у нас сидеть в Суздале, а кому у нас держать Резань Старая, а кому у нас в Звенигороде, а кому у нас сидеть в Новгороде¹⁷⁴; А да сорок царей, сорок царевичей, а да сорок-то королей со королевичей, а как сорок-то атаманов, сорок атаманычиков¹⁷⁵; Ишше тридцеть-то было без единого¹⁷⁶; полтораста пешехонов¹⁷⁷; Полтретьяста боярских детей, петъсот стреленных стрельчей¹⁷⁸; Прибил он силы семь тысячей¹⁷⁹.

Разными исследователями Задонщины по-разному трактовалось то обстоятельство, что в списках ее на протяжении одного и того же текста порой говорится дважды (и более) об одном и том же, встречаются по несколько раз сходные фразеологические обороты. Для устного эпоса и для фольклора вообще это явление вполне обычное, которое замечено очень давно, постоянно оговаривается

¹⁶⁹ *Киреевский*, вып. IX, стр. 149; *Никифоров*, стр. 990:

Стали тела разбирать,	Енаралов до пяти,
Стали армию считать:	Полковничков до семи.
Нашли, братцы, убитых	

¹⁷⁰ *С. Шамбинаго*. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 130, ср. также: *И. Назаров*. Сказания о Мамаевом побоище, стр. 83.

¹⁷¹ *Марков*, стр. 438.

¹⁷² Там же, стр. 439.

¹⁷³ *Киреевский*, вып. VI, стр. 190; *Никифоров*, стр. 989.

¹⁷⁴ *Джемс*, стр. 13.

¹⁷⁵ *Марков*, стр. 434.

¹⁷⁶ Там же, стр. 481.

¹⁷⁷ *Ончуков*, стр. 245; *Никифоров*, стр. 989.

¹⁷⁸ *Ончуков*, стр. 363; *Никифоров*, стр. 988.

¹⁷⁹ *Кирша Данилов*, стр. 334; *Никифоров*, стр. 988.

в фольклористических работах и подвергалось уже не раз специальному изучению (из недавних специальных работ см., в особенности, статью П. Г. Богатырева «Функции лейтмотивов в русской былине») ¹⁸⁰. В текстах Пространной редакции есть ряд случаев, когда стилистический облик фразы или отдельный оборот производит впечатление книжного (но не может быть объяснен как результат механического искажения при переписывании). В незначительной мере это встречается и в Краткой редакции (например, «вшед восхвалимь»). Все это — не свидетельства письменного происхождения Пространной редакции, так как может быть объяснено в одних случаях «прозаизмами» и иными дефектами неточной записи, в других — элементами минимальной литературной обработки.

Но один фрагмент несомненно указывает на то, что компилятор Пространной редакции именно письменным путем соединил в ней два источника, один из которых был близок тексту КБ.

КБ

Звонят колокола вечни в Великом в Новгороде. Стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такою жалобу: Уже намь, брате, к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь не поспети. Тогда аки орли слетошася, со всеми полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися все князи рускыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь.

М 1

Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде. Стоят люди новгородцы у святой Софии, а ркучи: Уже нам, братие, на пособе великому князю Дмитрию Ивановичю не поспеть. И как слово изговаривая, уже бо яко орлы слетешеся, и выехали посадники из Великого Новгорода 70 000 к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю на пособе к славному граду Москве. То те съехалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю.

Как было отмечено А. А. Зиминим, фраза о выезде новгородских посадников является очевидной вставкой, которая нарушила стилистическое единство текста ¹⁸¹. Действительно, если *съезд* князей сравнивался со *слетом* орлов, то *выезд* посадников явно разрывает этот психологический параллелизм. Такого рода стилистическая неувязка естественна при вставке в рукописный текст, но несвойственна контаминациям, возникающим в устной традиции. Источником вставки послужило, очевидно, Сказание о помощи новгородцев (к которому могут восходить и некоторые другие части Пространной редакции) ¹⁸². В пользу первичности Краткой редакции свидетельствует достаточно определенно и тот факт, что в КБ русские князья — участники Куликовской битвы — названы

¹⁸⁰ Последнее издание ее см. в сб.: П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, стр. 432—449.

¹⁸¹ А. А. Зимин. Две редакции Задовщины, стр. 27.

¹⁸² С. Н. Азбелев. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. — В сб.: «Русская народная проза» («Русский фольклор», т. XIII). Л., 1972.

«гнездом» великого князя Ивана Даниловича (Калиты), тогда как в соответствующем месте других списков — «гнездом» великого князя «Владимеры Киевъскаго» (М 1). Оба указания фактически верны¹⁸³. Но если позднейшая замена имени ближайшего общего предка эпически знаменитым именем Владимира Святославича Киевского вполне естественна не только для соображений политического престижа, но и для закономерностей эпического творчества, то обратное объяснить трудно. Существуют и другие достаточно веские аргументы в пользу первичности Краткой редакции, рассмотрение которых в нашу задачу не входит.

Менее доказательными представляются соображения, основанные на сопоставлении таких параллельных чтений КБ и списков Пространной редакции, которые, давая порой значительные текстуальные различия, мало разнятся по общему смыслу. Представители разных точек зрения по вопросу об отношении КБ к другим спискам, по-разному объясняя эти различия, пользуются методикой, выработанной на материале рукописной традиции. Между тем основная масса таких различий несравненно более типична для разноречий, возникающих в устном репертуаре. Очевидно, что составитель Пространной редакции пользовался текстом, отражавшим иную запись устного оригинала, чем та, к которой восходит КБ. Кроме записи Краткой редакции были, очевидно, использованы (в записи или по памяти) одно или несколько других устных сказаний о Куликовской битве. Компильция несет на себе следы незначительной литературной обработки.

Все это приводит к мысли, что Пространная редакция Сказания о Задонщине создавалась как текст, предназначенный для устного исполнения.

* * *

Перейдем к особенностям отдельных списков. За исключением М 2, восхождение их к одной рукописи доказывается ремаркой писца, которая сохранилась полностью только в У. Сопоставим тексты этой ремарки.

У	М 1	С	Ж
Преже восписах Жалость земли Руские и прочее от книг приводя.			
Потом же списах Жалость и похва- лу великому кня- зю Дмитрею Ива- новичу и брату его князю Владимиру Ондреевичю.	И потом списах Жалость и по- хвалу великому князю Дмит- рию Ивановичю и брату его кня- зю Владимиру Ондреевичю.	Потом же напи- саком Жалость и похвалу ве- ликому Дмит- рию Ивановичю и брату его кня- зю Володимеру Ондреевичю.	Жалость и похва- лу великому князю Димитрею Ивано- вичю и похвалу брату его Влади- миру Ондреевичю.

¹⁸³ Ср.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М., 1951, стр. 25—26 (точность использованной здесь родословной основательно проверена в этой монографии); А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 29—30.

В М 1 первая фраза могла быть опущена сознательно: переписчик счел, что она относится к предшествовавшему ремарке тексту, который был им заменен началом Летописной повести о Куликовской битве. В С весь предшествовавший ремарке текст передан в сильно искаженном и фрагментарном виде. Поэтому здесь отсутствие первой фразы ремарки естественнее объяснить дефектностью оригинала. Сам же список С представляет особый интерес для изучения конкретных взаимоотношений письменной и устной традиции в истории текстов Сказания о Задонщине.

Приглядевшись именно с этой точки зрения к содержанию рукописи С, нетрудно видеть, что оно распадается на три части. Начало восходит к тексту, который переписывался, по-видимому, с оригинала, пришедшего уже в ветхость. Одни его фразы сохранились удовлетворительно, другие — нет, в результате переписывавший принужден был частью пропускать их совсем, частью переосмысливать и объединять прочитанные фрагменты. Дойдя до места, с которого он хорошо знал Сказание о Задонщине, и удивившись, что копируемый текст содержит произведение, ему известное, переписчик стал доверяться главным образом собственной памяти, сообразуясь лишь по временам более или менее приблизительно с дефектной рукописью (в которой значительная часть текста, как видно, вообще отсутствовала). Вследствие этого центральная и наибольшая по протяженности часть списка С более или менее удовлетворительна в смысловом отношении и хорошо передает ритмический строй устного сказания — в целом даже лучше, чем М 1 и У. Окончание же (после слов «Тута надобе стару помолодети, а молодому чести достати»), не менее удовлетворительное в отношении общего смысла, представляет прозаический сокращенный пересказ, только в отдельных местах сохранивший ритм сказания. Подобные примеры встречаются в рукописях XVII—XVIII вв., содержащих старинные записи былин¹⁸⁴, а среди научных записей недавнего времени довольно много текстов, окончание которых сказители, из-за нетвердого знания, сокращенно пересказывали прозой¹⁸⁵.

Очевидно, что рукопись С содержит не саму запись, а текст, прошедший через руки еще по крайней мере одного переписчика, который был весьма небрежен или малограмотен: часто пропускал надстрочные буквы, не раскрывал сокращения и т. п. Однако сохранились достаточно бесспорные следы того, что основная часть его оригинала или протографа писалась по памяти лицом, знавшим произведение наизусть и привыкшим исполнять его устно. Об этом свидетельствует не только обилие диалектных форм и оборотов, характерных именно для устной речи: «як тые», «мечов своих», «не слухай», «Тимохвеева жена», «штобы тые», «тута

¹⁸⁴ Астахова — Митрофанова — Скрипиль, стр. 222—224.

¹⁸⁵ См., например: «Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи)». М.—Л., 1961, стр. 101—108, 121—123, 142—144, 399—405.

надобе», «нешто гораздо» и мн. др. Важным показателем является тот факт, что большая часть текста в целом почти не уступает по ритмической упорядоченности лучшим из старейших былинных записей, сохранных рукописями того же XVII в. и начала XVIII¹⁸⁶.

Рукопись С отразила устное бытование Пространной редакции Сказания о Задонщине¹⁸⁷. Поэтому, когда в С обнаруживаются пассажи, сходные с КБ, но отличающиеся от остальных списков Пространной редакции, нет необходимости обязательно возводить их к рукописному архетипу этой редакции и через него — к старшей редакции. Такого рода схождения естественно должны были появиться вследствие взаимовлияния редакций в самом устном репертуаре. Особенно это относится к тем эпизодам С, где выражения, сходные с КБ, оказываются в ином месте, чем соответствующие им обороты КБ. Таково, например, титулование обеими рукописями (но в разных местах) Владимира Святославича «царем русским». Таково ошибочное упоминание списком С Ивана Даниловича Калиты в качестве отца Дмитрия Донского и Владимира Храброго (и связанное с этим неверное добавление, что оба они — внуки Даниила Александровича). Столь грубая ошибка естественна и обычна для устной традиции, но трудно объяснить появление ее как результат сознательной работы писца. К словам, в которых Дмитрий Иванович говорит «князю Володимиру *Одревичу*: <...> есмо себе два браты» — добавить «сынове есмо велико князя *Ивана Данильевича*» (курсив мой. — С. А.) можно было только механически на основании предшествовавшего упоминания тем же вариантом С (в сходном контексте), что литовские князья «сами есмо себе два браты, сынов есмо Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы» и под влиянием сходного пассажа в ином месте старшей редакции, где говорилось, что «братьца <...> русские князи» — гнездо «князя великаго Ивана Данильевича».

О том, что устный вариант Сказания о Задонщине, отразившийся в С, был уже результатом некоторой устной эволюции исходного текста, не чуждой добавлений, свидетельствуют и другие его особенности. Таков, например, повтор в С краткого молитвенного обращения Дмитрия Донского, в результате чего им оказались дважды (но в разных местах текста) произнесены одни и те же слова псалма, которые по другим спискам Пространной редакции произносятся один раз.

Проще объясняется происхождение начального фрагмента Ж. Здесь ремарка писца протографа не только сокращена, но и изменена. Не сохранивший ни одного слова, которое указывало бы

¹⁸⁶ Ср.: Астахова — Мигрофанова — Скрипиль, стр. 139—140, 170—175, 198—204.

¹⁸⁷ А. И. Никпфоров думал даже, что весь список С отражает именно запись устного текста. Однако согласиться с этим не позволяет ремарка писца протографа, а сильная смысловая дефектность первой части делает, видимо, более вероятным объяснение, предложенное выше.

на процесс писания, текст, оставшийся от ремарки, ритмизован и лишен прежней ясности. Особенности эти становятся понятны, если остаток ремарки рассматривать в контексте. А. И. Никифоров имел достаточные основания считать, что весь список Ж передает запись устного оригинала по памяти или с голоса¹⁸⁸. Действительно, несмотря на ряд ошибок (большинство которых может быть поправлено на основе У), возникших, вероятно, не только в устном бытовании, но и при переписке, ошибок, часто обесмысливающих и иногда разрушающих ритм текста, он может быть более или менее удовлетворительно разбит на ритмические синтагмы (что и было выполнено А. И. Никифоровым). Существенно, что при этом фрагмент, оставшийся от ремарки писца, оказывается как бы на своем месте по ритму и даже — хоть и с большой натяжкой — по общему смыслу. Прежний смысл утрачен в результате перехода в устное бытование. По-видимому, произошло заучивание наизусть попавшего в руки исполнителя первого листа рукописи Сказания о Задонщине, смысл которого был этому исполнителю уже недостаточно ясен — отсюда и непонимание назначения вставной фразы писца.

Такой случай вхождения в устный репертуар фрагмента письменного источника легко объясним устной основой самого источника. Фольклоризм той части Задонщины, которая отразилась в списке Ж, исследователи обычно отмечали лишь в самом начале — где говорится о пире у Микулы Васильевича. Между тем аналогии в позднейшем устном эпосе имеют и другие части этого текста. Из множества довольно разнообразных параллелей, которые могут быть указаны, приведем некоторые — имея в виду, что нет смысла давать наиболее близкие соответствия вариациям того, к чему параллели выше уже приводились (и опустив упомянутое начало Ж и следующую его фразу, тождественную первой фразе КБ).

Взйдем на горы Клевския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земли Руской. От поля на восточную страну к Заленскому жребию сына Ноева, от него же родися сыновя поганяя тотаровя бусорманы.

Повыстану на гору высокую, посмотрю во страну во восточную¹⁸⁹; Славную (...) Непру реку¹⁹⁰; Русьску землю¹⁹¹; Послатъ мужиков Залешаньев¹⁹²; Тоя ли орды бесурманския¹⁹³; Кабы били они их до еди-

¹⁸⁸ *Никифоров*, стр. 95—103. Заблуждением автора явился высказываемый здесь тезис, будто весь текст Ж — это «былина о Донском бое», самостоятельная повлиявшая на начало Краткой редакции Задонщины и составившая начало письменной компиляции, к которой А. И. Никифоров возводит только тексты У и С. Присутствие в Ж остатков ремарки, лучше сохраненной этими двумя списками, равно как и наличие ее же в М 1, А. И. Никифоров, по-видимому, не заметил.

¹⁸⁹ *Гильфердинг*, т. II, стр. 687.

¹⁹⁰ *Рыбников*, т. I, стр. 48; *Никифоров*, стр. 987.

¹⁹¹ *Гильфердинг*, т. I, стр. 589.

¹⁹² *Рыбников*, т. II, стр. 633.

¹⁹³ *Кирша Данилов*, стр. 435.

Те бо на реке на ся не одолевая
Афетовы. Оттоле Руские земли сидит
невера, от Полацкие рати до
Момаева побонща туюю землею и
печалью и покрышася, и плачашися
чада своя помпнаю вы. Князи и боя-
ре и удалыя молотцы, оставимте
домы своя, и вся богатсва, и жены, и
детен, и славы миру получити, а гла-
вы своя положиша за веру христиан-
скую. А себе бо чая пожженных
вскормленных.

Жалость и похвалу великому кня-
зю Димитрею Ивановичю и похвалу
брату его Владимиру Андреевичю.
Снидем, братия и дружины, веру со-
ставим слово в слово, возвеселим
Рускую землю, возверзим печаль на
восточную сторону в сим жребии.
Аминь.

Поздний список Ж в еще большей мере, чем С, представляет убедительную иллюстрацию к замечанию А. С. Орлова, что «устная поэзия значительно изменила свою оболочку», например «от создания Задонщины до Азовских сказаний» (XVII в.). «Вот в этом-то историческом видоизменении устного творчества,— писал А. С. Орлов,— и следует видеть причину непонимания его старых образов памятниками позднейших эпох»²⁰⁶. Можно в данной связи заметить, что близость к фольклору нередко бывает опосредована письменным произведением, отразившим влияние фольклорной традиции.

Как мы видели, список Ж, очевидно, полностью, а список С в основном, восходят к записям устных текстов, а не к письменным протографам. Точнее сказать, письменный архетип отражен этими списками через посредство традиции устной.

Нет оснований предполагать аналогичное в отношении М 1 и У. Первый восходит к содержавшему ремарку общему протографу,

ного, не оставили их не единого¹⁹⁴;
А не приедем из того побонща Ма-
маева,— похорони наши тела мерт-
выя и помни русских богатырей, и
пройдет славушка про нас нема-
лая¹⁹⁵; Со своей ли со дружиной
боярьской¹⁹⁶; Собрал-то себе вой-
ско из удалых молодцов (...): Оста-
вляйте вы свои дома, покидайте ва-
ших жен, детей, вы продайте все
ваше злато-серебро¹⁹⁷; Честь, хвалу
молодцу получи¹⁹⁸; За веру все
православную¹⁹⁹; Накормлены были
да ведь наносны²⁰⁰.

А уж князь-то наш московский
Симеон Иванович, он и смотрит —
сам рыдает — на погибший на на-
род²⁰¹; Братцы, дружина хороб-
рая²⁰²; Она ведала невзгодушку ве-
ликую²⁰³; Ради матери Святоусь-
земли²⁰⁴; Те ж люди миновалися, а
слава их до скончания века.
Аминь²⁰⁵.

¹⁹⁴ Ончуков, стр. 142.

¹⁹⁵ Тихонравов — Миллер, стр. 26.

¹⁹⁶ Рыбников, т. II, стр. 703.

¹⁹⁷ Киреевский, вып. VII, стр. 22.

¹⁹⁸ Киреевский, НС, вып. I, стр. 213.

¹⁹⁹ Марков, стр. 95.

²⁰⁰ Гильфердинг, т. II, стр. 343.

²⁰¹ Бессонов, вып. III, стр. 673.

²⁰² Рыбников, т. II, стр. 351.

²⁰³ Там же, стр. 684.

²⁰⁴ Тихонравов — Миллер, стр. 41.

²⁰⁵ Астахова — Митрофанова — Скрипиль, стр. 81.

²⁰⁶ А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей, стр. 4.

очевидно, без заметного воздействия устного репертуара. Некоторые чтения в М 1 сохранились хуже, чем в У, но разночтения такого рода более или менее обычны для письменной традиции, они могут быть объяснены случайными искажениями и пропусками в цепи текстов между письменным протографом и М 1. Опущение же начальной части текста — результат сознательной деятельности писца (или утраты в оригинале).

Что касается списка У, то здесь некоторое воздействие устной традиции несомненно. Ветвь генеалогического древа списков Задонщины, оканчивающаяся текстом У, прошла по крайней мере один раз через руки писца, несколько поправившего свой оригинал с позиций знатока именно былинной фольклорной традиции. Лишь таким путем могли появиться, например, следующие разночтения, имеющиеся только в У: «Владимеру *Всеславьевичу*» (частое отчество русского князя в былинах) — вместо «Святославичю»; «стоят стязи у *Дунаю* великого», «у *Дуная* стоят татарова поганые», «побеждены у *Дунаю* великого», «посечены у *Дуная* великого» (обычное для былин название эпической реки) — вместо «у *Дону*» (но в нескольких случаях название Дона список У сохранил); «князь великий наступает *на рать силу татарьскуюю*» (обычный оборот в былинах) — вместо «князь великий поля наступает» (М 1) или «почал наступати» (М 2) (курсив мой. — С. А.).

Фрагментарность списка М 2 затрудняет суждения о нем. Нет доказательств того, что он восходит к письменному протографу остальных списков, содержащему приведенную выше ремарку писца. При общей близости к соответствующей части списков М 1 и У в М 2 некоторые пассажи более пространны. Эта особенность связывает его более с устной, чем с письменной, традицией²⁰⁷. Доказательством может служить текст плача побежденных татар, который в М 2 подробнее, чем в М 1 и У (два последних в этом фрагменте почти не различаются) и в С (где этот фрагмент еще короче). Данный отрывок попал и в ряд разновидностей Повести о Мамаевом побоище. Приведем некоторые примеры.

²⁰⁷ Вообще же близость всех текстов Сказания о Задонщине к фольклорным произведениям научно засвидетельствованной устной традиции проявляется и в таких моментах, которые не могут быть отнесены к области текстологии и здесь не рассматриваются. См. о них специально: С. Н. Азбелев. Изобразительные средства героических сказаний. — В кн.: «Русский фольклор», т. XIV. Л., 1974.

Уже нам, брате, в земли своен не бывати, а детей своих не видати а в Русь ратью на ходити, а выхода нам у русских князей не прашивати.

Уже нам, брате, в земли своен не бывати, а детей своих не видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова, а на Русь нам уже ратью не хоживати, а выхода нам у русских князей не прашивати.

Уже нам в своей земле не бывати, а катун своих не трепати, а детей своих не видати, трепати нам сырая земля, целовати нам зеленая мурува, а на Русь нам уже ратью не ходити, а выходов нам не имати²⁰⁸.

Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а катун своих не трепати, а детей своих не видати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурова, а с дружиною своею уже нам не видатися, ни с князи, ни с алпахты²⁰⁹.

Уж нам, братие, в земли своей не бывати и катун и детей своих не видать, а Русь ратью не ходит, и выхода нам у русских князей не прашит²¹⁰.

Сходный с М 1 текст в списке ЦГАДА, ф. 181, № 70 Распространенной редакции Повести о Мамаевом побоище представляет часть более обширной вставки из Задонщины, в чем согласны все исследователи этих памятников²¹¹. С текстом М 2 сходны тексты Пог., 1555 и О. IV. 22, принадлежащие к разным видам Основной редакции Повести. Во втором из них это речь Мамаия, помещенная в ином контексте. В Пог., 1555 — речь татар, как и в М 2, помещенная в сходном с Задонщиной контексте. Во всех трех последних случаях присутствуют характерные именно для устной поэзии образы сырой земли и зеленой муравы.

Нет необходимости непременно утверждать независимое использование Задонщины разными видами Основной редакции Повести, хотя такое предположение и не лишено оснований²¹². Но трудно допустить появление этих образов сначала в книжной Повести и переход их оттуда в Сказание о Задонщине. Естественнее обратное. Следовательно, в М 2 представлена такая разновидность Сказания о Задонщине, особенности которой обязаны фольклору. Она влияла на Повесть о Мамаевом побоище независимо от влияния на нее той разновидности, которую отразили М 1 и У.

Авторы коллективного труда, посвященного в значительной мере взаимоотношениям Задонщины и Повести о Мамаевом побоище, многократно говорят о вторичных заимствованиях из Задонщины в Повесть, очень часто затрудняясь, однако, в определении того, какая приблизительно разновидность Задонщины влияла в том или ином случае. Авторы склонны объяснить это тем, что

²⁰⁸ ГПБ, собр. Погодина, № 1555, л. 90.

²⁰⁹ Повести, стр. 71 (по списку ГПБ, О. IV. 22).

²¹⁰ ЦГАДА, ф. 181, № 70, л. 59—59 об.

²¹¹ Из последних работ см.: «Слово и памятники», стр. 465—467; А. А. Зимин. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина», стр. 44.

²¹² «Слово и памятники», стр. 421—423, 461—465.

списков ее «было много и, как и дошедшие, они отличались разнообразием вариантных различий»²¹³. Проще объяснить это преимущественно устным бытованием Сказания о Задонщине, различные устные варианты которого, известные переписчикам Повести, приводили и к повторным заимствованиям, и к поправкам уже внесенных ранее вставок. Тогда отпадает трудность объяснить столь резкую разницу между крайне небольшим числом дошедших списков Задонщины и множеством предполагаемых, но недошедших; отпадает и трудность объяснить беспрецедентное для рукописной традиции столь значительное «разнообразие вариантных различий».

Рассмотренные примеры позволяют следующим образом суммировать сущность примененных здесь текстологических приемов.

1. Изучая какой-либо отдельный письменный источник или группу генетически родственных письменных памятников, целесообразно бывает в некоторых случаях проверить, не отразили ли исследуемые тексты записи устных произведений. Последнее устанавливается сравнением с текстами, которые бесспорно являются записями фольклора. Предпочтительно избирать для этого устные произведения, более или менее близкие по теме и по жанру к изучаемому источнику.

2. Если ответ оказывается положительным, то следует попытаться установить, как конкретно участвовала фольклорная традиция в истории текстов изучаемого памятника. Для этого имеющиеся данные о рукописной истории его текстов сопоставляются с закономерностями бытования соответствующих фольклорных произведений — на основе данных, установленных исследователями фольклора.

3. Если выясняется, что о заимствованиях из фольклора можно говорить только в отношении каких-то частей памятника, важно определить, повлияли ли на него записи фольклорных произведений или непосредственно устная традиция. В тех случаях, когда «фольклорные» фрагменты оказываются в противоречии с той генеалогической стеммой, которой подчиняются «литературные» части списков изучаемого памятника, это указывает на непосредственное влияние устной традиции²¹⁴.

²¹³ «Слово п памятники», стр. 434.

²¹⁴ См. также: С. Н. Азбелев. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу. — В сб.: «Принципы текстологического изучения фольклора». М.— Л., 1966.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Антонович — Драгоманов* — «Исторические песни малорусского народа с объяснениями В. Антоновича и М. Драгоманова», т. I. Киев, 1874
- Астахова* — «Былины Севера». Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., т. I, 1938; т. II, 1951
- Астахова — Митрофанова — Скрипиль Афанасьев* — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков». Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960
- «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах». Подгот. текста и примечания В. Я. Проппа, т. III, М., 1957
- Базанов — Разумова* — «Русская народно-бытовая лирика». Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Вступительная статья и комментарий В. Г. Базанова. М.—Л., 1962
- БАН** — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград), Отдел рукописей
- Барсов* — «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым», ч. 1. М., 1872
- Бессонова* — «Калеки переходные». Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., вып. I, 1861; вып. II, 1861; вып. III, 1861; вып. IV, 1863; вып. V, 1863; вып. VI, 1864
- Баренцов* — Сборник русских духовных стихов, составленный В. Баренцовым. СПб., 1860
- ГБЛ** — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей
- Гильфердинга* — «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года», изд. 4. М.—Л., т. I, 1949; т. II, 1950; т. III, 1951
- ГИМ** — Государственный исторический музей. Отдел рукописей.
- Головацкий* — «Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким», ч. II. М., 1878
- ГПБ** — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей
- Григорьев* — «Аргангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I. М., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III, СПб., 1910
- Грушевська* — «Українські народні думи». Тексти і вступ. К. Грушевської. Харків — Київ, т. I, 1927; т. II, 1931
- Джемс* — П. К. Симонов. Великоорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907
- ЖМП** — «Журнал Министерства народного просвещения»
- ЗНТШ** — «Записки Наукового товариства імени Шевченка»
- ИОЛЯ** — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка»
- ИОРЯС** — «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности»
- Киреевский* — «Песни, собранные П. В. Киреевским». Изданы Обществом любителей российской словесности. М., вып. I, 1860; вып. III, 1861; вып. VI, 1864; вып. VII, 1868; вып. VIII, 1870; вып. IX, 1872
- Киреевский, НС* — «Песни, собранные П. В. Киреевским». Новая серия. М., вып. I, 1911; вып. II, ч. I, 1918; вып. II, ч. II, 1929

- Кирша Данилов* — «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958
- Максимович* — «Сборник украинских песен, издаваемый М. Максимовичем», ч. I. Киев, 1849
- Малышев* — *В. И. Малышев*. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956
- Марков* — «Белорусские былины, записанные А. Марковым». М., 1901
- Никифоров* — *А. И. Никифоров*. Слово о полку Игореве — былина XII века. Л., 1940 (Машинопись).— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, Рукописный отдел, разр. V, колл. 120, № 1
- Ончуков* — *Н. Е. Ончуков*. Печорские былины. СПб., 1904
- Повести* — «Повести о Куликовской битве». Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959
- Рыбников* — «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2. М., т. I, 1909; т. II, 1910; т. III, 1910
- «Слово и памятники» — «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла». М.—Л., 1966
- Соболевский* — «Великорусские народные песни». Изданы А. И. Соболевским. СПб., т. II, 1896; т. III, 1897; т. VI, 1900; т. VII, 1902
- Соколов — Чичеров* — «Онежские былины». Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948
- Тихонравов — Миллер* — «Русские былины старой и новой записи». Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. Отдел второй
- ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР»
- ЦГАДА
ЧОИДР — Центральный государственный архив древних актов
- Чубинский* — «Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. Юго-западный отдел». Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским, т. III. СПб., 1872
- Шейн, 1874* — «Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями». Сборник П. В. Шейна. СПб., 1874
- Шейн, 1898* — «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. I. СПб., 1898

ВЕРЕВНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА СЕВЕРА

А. И. Копанев

Веревные книги, составлявшиеся в волостях Подвинья с конца XV в. и вплоть до XVIII в., представляют собой важнейший источник массового характера для изучения экономической и социальной истории крестьянства Севера. В отличие от писцовых книг, где земельные угодья выражаются обычно в виде итоговых цифр, по деревням, в веревных книгах описаны земельные владения каждого двора с измерением каждого участка, составляющего его. Такая, можно сказать, топографическая фиксация земельных владений деревни позволяет выявить с большой реальностью особенности крестьянского землевладения и землепользования за разные периоды, вскрыть тенденции этого развития. Фигурально говоря, веревные книги дают физиологию крестьянского хозяйства, тогда как писцовые книги — лишь остов его.

Несмотря на ценность веревных книг как исторического источника, они не обратили на себя должного внимания историков. А. Ефименко¹, открывшая веревные книги, ограничилась лишь общей оценкой их. М. В. Довнар-Запольский², напечатав в 1905 г. три веревные книги Николо-Карельского монастыря XVIII в. — 1707, 1715 и 1725 гг., также не исследовал их. Лишь в работе П. И. Иванова³ о Перемской веревной книге 1751 г. дана характеристика содержания веревных книг, выявлены способы их составления, технические приемы измерения («вервления») земли и т. д. Выводы П. И. Иванова, как увидим далее, могут быть использованы при изучении аналогичных сохранившихся веревных книг XVII в.

Указанными тремя авторами литература о веревных книгах по существу исчерпывается. Не считая упоминания А. Ефименко веревной книги Паниловской волости 1612 г., затерявшейся впоследствии и разысканной нами лишь недавно, публиковались и изучались лишь поздние веревные книги XVIII в. и явно случай-

¹ А. Ефименко. Исследования народной жизни. М., 1884, стр. 212—214.

² М. В. Довнар-Запольский. Веревные и разрубные книги Северного края. СПб., 1905. («Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 15).

³ П. И. Иванов. Перемская веревная книга 1751 года. (К вопросу о крестьянском податном обложении в XVIII в.). СПб., 1913.

но. Систематической работы по выявлению веревных книг не проводилось, не установлена метрология веревных книг, не определено время их появления и район распространения.

Данная статья и ставит своей целью ответить на некоторые из этих вопросов. Основанием для нас послужили несколько веревных книг XVII в., обнаруженных нами в архивах, и актовый материал XVI в., содержащий сведения о ранней истории вервлений на Двине. В нижеследующей таблице попытаемся кратко описать изучаемые веревные книги XVII в. (см. табл. 1).

Приведенные в таблице 1 веревные книги в какой-то мере репрезентативны для Двинского уезда XVII в., потому что в них описаны волости и вотчины, которые довольно равномерно разбросаны по всей территории уезда⁴, и потому что они в хронологическом отношении охватывают всё столетие⁵. Отметим также то, что в них описаны черносошные волости и монастырские вотчины, т. е. обе главные формы землевладения, существующие на Двине. Благоприятным обстоятельством для изучения веревных книг является наличие в большинстве случаев разновременных книг на одну и ту же волость или вотчину, или часть вотчины. Сравнение таких книг позволяет выявить разные приемы вервления и зависимость содержания книг от этих приемов.

При источниковедческом изучении документов важное значение имеет вопрос о среде их возникновения. Для веревных книг он ясен: веревные книги — крестьянский документ, составленный по инициативе крестьян, самими крестьянами, для удовлетворения крестьянских потребностей. Преобладание в списке книг на монастырские вотчины — случайный факт (объяснимый лишь лучшей сохранностью монастырских архивов, чем волостных), так как в массовых крестьянских документах — поземельных актах, волостных разрубках, сборочных ведомостях, платежных отписях и т. д. — начиная с конца XV в. и на протяжении всего XVI в. говорится лишь о волостных веревных книгах. Они составлялись регулярно в каждой из Двинских волостей еще задолго до образования на Двине сколь-нибудь значительных монастырских вотчин. Монастыри, захватывая земли крестьян, усвоили вервление своих вотчин, как форму учета деревенских земель, привычную для крестьян. Так как в Подвинье доминировало черносошное крестьянское землевладение (монастырские вотчины в середине XVI в. составляли едва 5%, а к началу XVIII в. — 10% земель

⁴ Черносошные волости Никольская, Коскошинская, Взвозская и Березник расположены в самой южной части уезда (см. табл. 1, № 13), вотчина Антониево-Сийского монастыря — по р. Емце и по течению р. Двины (№ 1, 3—10, 12, 15, 19), в устье р. Кулоя (№ 11), вотчины Николо-Карельского монастыря (№ 14, 17) и Архангельского монастыря (№ 18) на нижнем течении р. Двины, волость черносошная Паниловская (№ 2, 16) к югу от г. Холмогор.

⁵ От первых десятилетий XVII в. сохранилось 2 веревные книги, от 40-х годов — 2, от 60-х годов — 5, от 70-х — 7, от 80-х — 2.

Т а б л и ц а 1
Список веревных книг XVII в.

№ п/п	Дата	Какие земли веревны	Чья инициатива	Кто вервил	Окладчики	Мера	Как описываются	Хранилище
1	1600 г.	Земли по р. Емце Сийского монастыря	монастыря	старцы монастыря	свед. нет	нет	1) Количество вервей в разных деревьях	БАН СССР, Рукописный отдел (далее — БАН, РО), Арх. Д. 382*, лл. 244—247
2	1612 г.	Паниловская черносошная волость	волости	Гаврил Васильев Пономарев	два крестьянина	веревка 64 сажени	1) Каждый двор. 2) В каждом куске земли указывается ее полная мера и в тягло положенная. 3) Общий итог тяглой земли по двору	Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО), ф. №1408, оп. 2, № 3, лл. 1—17
3	1646 г.	Владения Сийского монастыря на р. Ваймуге в Ровдогорах, в Койдокурье	свед. нет, крестьян	так как начало веревной сами себя обложили и измерили	отсутствует	отсутствует	1) Указывается количество вервей в деревне и выть в 16 вервей	БАН, РО, Арх. Д. 382, лл. 90—107
4	1646 г.	Деревня Исаковская гора и другие Сийского монастыря	крестьян	сами себя обложили и измерили	60 сажень (сажень в 3 аршина)	60 сажень (сажень в 3 аршина)	1) Каждый двор. 2) В каждом куске указывается полная мера и сколько «снято» от тягла. 3) Итого по двору тяглой земли	БАН, РО, Арх. Д. 378**, лл. 1—31 об.
5	1662 г.	Деревни Бахтасково, Ракульская, Голочная, Сийского монастыря	свед. нет, монастыря	так как нет начала веревной	60 сажень (сажень в 3 аршина)	60 сажень (сажень в 3 аршина)	1) Каждый двор. 2) В каждом куске земли указывается ее полная мера и в тягло положенная	БАН, РО, Арх. Д. 382, лл. 146—150
6	1665 г.	Деревни Исаковой горы Сийского монастыря	монастыря	Осип Гаврилов Щопов	четыре крестьянина	64 сажени (сажень в 3 аршина)	1) Каждый двор. 2) В каждом куске земли указывается ее полная мера, что обвешено и сколько положено в тягло. 3) Итого всей тяглой земли по двору	БАН, РО, Арх. Д. 382, лл. 46—62
7	1666 г.	Ляблинская пустошь Сийского монастыря	монастыря	Никита Рудалев Матигорец	представители монастыря	64 сажени (сажень в 3 аршина)	1) Каждый двор (церковный, затем крестьянский). 2) В каждом куске указывается для пашни размер в сажнях, для сена в кушах. 3) Указываются повинности в пользу монастыря	БАН, РО, Арх. Д. 382, лл. 64—71

* «Исторические сборники XV—XVII вв.». Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, стр. 282—285.

** Там же, стр. 301—302. Книга опубликована нами в «Материалах по истории Европейского севера СССР», вып. III (Вологда, 1973, стр. 380—401).

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

№ п/п	Дата	Какие земли верлены	Чья инициатива	Кто вервил	Окладчики	Мера	Как описываются	Хранилище
8	1667 г.	Деревня Барановская Сийского монастыря	монастыря	Митрофан Семенов	свед. нет	свед. нет	1) Каждый двор. 2) В каком куске указывается полная мера. 3) Пашни и сенокосные земли отдельно. 4) Общий итог (сено в копнах)	БАН, РО, Арх. Д. 378, лл. 32—34 об.
9	1668 г.	Деревня Горная Сийского монастыря	свед. нет,	так как заглавия вервенная не имеет			1) Каждый двор. 2) В каком куске земли указывается полный размер, иногда качество земли (на рощицах). 3) Итог по двору	БАН, РО, Арх. Д. 382 лл. 72—79
10	1672 г.	Деревня Леуновская Сийского монастыря	по приказу монастыря, но по челобитной Десятского	«отец игумен сам»	три крестьянина	6¼ сажени в (сажень в 3 аршина)	1) Каждый двор. 2) В каком куске земли указывается полная мера. 3) Итог по двору с указанием, сколько земли положено в тягло, сколько сбавлено	БАН, РО, Арх. Д. 382 лл. 33—45
11	1677 г.	Долгощельская волость Сийского монастыря	свед. нет,	так как отсутствует начало книги			1) Каждый двор. 2) Каждый кусок земли определяется мерой в длину и в ширину. 3) Сennie покосы выражаются в кучах. 4) Итогола итог по двору в веревках	БАН, РО, Арх. Д. 382, лл. 212—235
12	1677 г.	Деревни Леуновская, Горочная, Чурская; Сийского монастыря	монастыря	Архип Фадеев	два крестьянина, четыре крестьянина	64 сажени (сажень в 3 аршина)	1) Каждый двор. 2) В каком куске земли указывается полная мера и качество земли	БАН, РО, Арх. Д. 382, лл. 1—29
13	1679 г.	Никольско-Коскопшинская, Вязоская, Березник, червошные волости	волости	Иван Анисимов	три крестьянина	80 сажень (сажень в 3 аршина)	1) Деревня, в которой назван один крестьянин и бавлено «со складниками». 2) В каждом куске земли указывается полная мера и положенная в тягло. 3) Итог тяглых земель по деревне	ГПБ, Рукоп. отд., ф. №4074, № 23/26.

Таблица 1 (окончание)

№ п/п	Дата	Какие земли вервлены	4-я инициатива	Кто вервил	Оклад-чики	Мера	Как описываются	Хранилище
14	70-е годы XVII в.	Вотчина Карельского монастыря	свед. нет,	так как начало вервеной утрачено			1) Каждый двор. 2) В каждом куске указывается количество земли без вычета «на увал». 3) Пашни и сенокос разделены	ГААО, ф. 1408, оп. 2, № 3, лл. 18—142
15	70-е годы XVII в.	Деревни Сийского монастыря в разных волостях	свед. нет,	так как книга представляет собой «досмотр» деревьев по старым веревным книгам			1) Каждый двор. 2) В каждом куске указывается полная мера, описываются пучки сенокосы. 3) Общий итог по двору	БАН, РО, Арх. Д., 378, лл. 35—75
16	70-е годы XVII в.	Паниловская черно-сошная волость	свед. нет,	так как начало вервеной утрачено			1) Каждый двор. 2) В каждом куске земли полная мера и в тягло положенная. 3) Итог по двору	ГААО, ф. 1408, оп. 2, № 3, лл. 152—179
17	1686 г.	Вотчины Карельского монастыря	монастыря	Семен Орехов	два пред- ставителя монастыря	Мера длины — 56 сажень в 3 аршина В ней 64 ос- манных круглых са- жней в 2 1/2 аршина и 2 вершка	1) Каждый двор. 2) В каждом куске указывается полная мера и умет. 3) Итог по двору и по всей вотчине	БАН, РО, Арх. И. Ко- рел. № 7*
18	1690 г.	Вотчина Архангельского монастыря	Архлепи- скопа Афанасия	Василий Дурасов	два пред- ставителя монастыря, четыре крестья- нина	Длинник и попережник 98 сажень (са- жень в 3 арши- на). В веревке 150 круглиц	1) Каждый двор. 2) В каждом куске указывается полная мера и качество земли. 3) Пашня и сенокос отдель- но. 4) Общий итог по дво- ру, земли сложенной в умет, положенной в тягло	БАН, РО, Арх. Д., 388**, лл. 25—60
19	XVII в.	Вотчина Сийского монастыря	свед. нет				1) Количество вервей в де- ревнях	БАН, РО, Арх. Д., 382, лл. 256—262

* Исторические сборники XV—XVII вв.». Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 2, стр. 314—315.
** Там же, стр. 317—318.

уезда), то очевидно, что подавляющее количество некогда существовавших веревных книг были книги черносошных волостей, подобные книгам Паниловской волости (см. табл. 1, № 2 и 16) и Никольско-Коскошинской волостей (см. табл. 1, № 13). Из этих книг мы и будем брать основной материал для наших рассуждений.

Вервление волости начиналось по ее инициативе. Крестьяне волости составляли «излюбленную запись», которая выражала не только их согласие на вервление земель, но и согласие с составом комиссии, выбранной для вервления (веревщик, окладчики). Иногда волость определяла характер вервления и всегда меру. Рассмотрим отдельные постановления «излюбленных записей» по их изложению во вводной части, предшествующей каждой веревной книге.

Веревщик избирался волостью, чаще всего из жителей других волостей, окладчики, называемые иногда целовальниками, — всегда из состава своей волости. Крестьяне Паниловской волости в 1612 г. «излюбили» веревщиком пекоего Пономарева и двух окладчиков, а Никольско-Коскошинской волостей в 1679 г. — пинешанина (т. е. из другой волости) Ивана Анисимова и трех целовальников-окладчиков. Монастыри также прибегали к найму веревщиков. В таблице 1 лишь в двух случаях есть указания, что вервили сами монахи (№ 1, 10), а указаний на нанятого монастырем веревщика шесть (№ 6—8, 12, 17, 18). Но окладчиками здесь были свои крестьяне, иногда приказные люди монастыря. Лишь в одном случае монастырские крестьяне Исаковской горы «сами себя обложили и измерили». Такое доверие монастыря к «измерениям» крестьян — исключение.

Итак, веревщик и окладчики, избираемые свободными волостянами и назначаемые монастырями, составляли комиссию по вервлению. Есть сведения о выплате веревщикам и окладчикам определенного содержания⁶. Волость им выделяла помощников, которые «с веревкой ходили». Центральной фигурой был веревщик — он знал приемы измерения земли и фиксации результатов в книге. Как специалист он был известен в уезде, именем веревщика называли составленную комиссией книгу. Например, в 1572 г. на р. Емце назван «новый веревный список» веревщика Бастанова⁷, в 60-х годах на р. Пинеге известны книги веревщика Юрия Маркова⁸, в 1592 г. в Веркольской волости — книги Фили Евдокимова⁹, а в Кевроле — Афанасья Онаньина¹⁰,

⁶ Так, в ноябре 1583 г. в Куростровской волости собирались деньги «веревщикам наем Григорью Резанову с товарищи» (А. И. Копанев. Куростровские столбы XVI в. Материалы по истории Европейского Севера СССР, вып. 1. Вологда, 1970, стр. 413).

⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 1, № 546.

⁸ ГИМ, ОПИ, ф. 229, № 2, сст. 24, 25.

⁹ Там же, сст. 26.

¹⁰ Там же.

в 1593 г. в Челмохотской волости — Афанасия Боровикова¹¹. Окладчики как представители волости клали измеренную веревщиком землю в тягло в зависимости от ее качества и доходности. Хотя папиловские волощане предписывали, чтобы «излюбленные целовальники Василей Евсеев да Иван Митрофанов окладывали по своему домыслу, в божью правду», однако не «домысел» и «божья правда», а хозяйственный опыт волости был руководством для окладчиков. Так как деятельность окладчиков имела результатом установление тяглоспособности каждого хозяйства, то несомненно она была под контролем волощан.

Волость определяла общую программу вервления, устанавливая категории деревенских земель, подлежащих вервлению. Например, крестьяне Никольско-Коскошинской волости предписали веревщику и окладчикам «вервить... горные и луговые орамые земли, и горные покосы, и причисти, и новые роспаши, и на отъезжих реках». Комиссия Паниловской волости, видимо, в отношении подлежащих вервлению земель должна была руководствоваться сотной грамотой и книгами писца Василия Звенигородского, так как сотная и писцовые книги упомянуты в предисловии к веревой книге как исходные документы. Такие же определяющие указания делали монастыри своим веревщикам, иногда они касались и самой техники вервления: как записывать результаты измерений, как производить «смет» и т. д. Всего этого мы коснемся подробнее ниже.

Наконец, перед началом вервления волость устанавливала меру — величину веревки, которой должно производиться измерение. «А в ровностной верви по 64 сажени», — отмечает Паниловская веревная книга; «а мера веревки 80 сажен, а сажень 3 аршина», — говорится в Никольско-Коскошинской книге; «А мера веревки 60 сажен, а в сажени по 3 аршина печатаных», — определяют монастырские крестьяне Исаковы горы, вервившие землю сами. Из таблицы 1 видно, что преобладает веревка в 64 сажени, а сажень — трехаршинная (№ 2, 6, 7, 10, 12). То же впечатление создается из данных о веревках в 30 двинских волостях, взятых нами из Двинских переписных книг 1711 г., — в 19 волостях указана веревка в 64 сажени, а в 11 — в 80 сажен при разных вариациях аршин в веревке¹². Мы предполагаем, что указанные цифры саженей в веревке означали и квадратную и линейную меру (см. ниже, стр. 202). Говоря о веревке как линейной мере, следует отметить, что вряд ли веревщики пользовались для измерений лишь веревкой в 60, 64 или 80 сажен, а вероятно, пользовались и более короткими линейными мерами — сажениями,

¹¹ Архив ЛОНИ СССР, ф. 5, оп. 1, № 826.

¹² А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в. — В сб.: «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 148. В этой работе мы привели некоторый материал о веревках Куростровской волости.

аршинами. Это очевидно из степени точности их измерений земельных участков иногда в локтях и пядях.

Как же производилось вервление?

Сохранившиеся веревные книги XVII в. и всевозможные разрубные списки XVI в., составленные на основе веревных книг, свидетельствуют, что измерение земли всегда производилось подворно. Описание земельных владений каждого двора деревни порознь мы находим во всех полных веревных книгах. Те книги, в которых указывается лишь общее число веревок в деревне (см. табл. 1, № 1, 3, 19), представляют собой, по нашему мнению, лишь сводку материала полных книг, произведенную монастырями для своих целей. Принцип подворного описания сочетается с чрезвычайной подробностью описания. Земельные владения двора описываются по участкам (полосам, лоскутам, пожням, гонам и т. д.), составляющим владение. Каждый такой участок, точно топографически обозначенный, измеряется с занесением результатов в книгу, по каждому двору обычно подводится итог. О степени точности измерений каждого участка можно судить по тому, что в книгах фигурируют «сажени», «половины» и «четверти саженей» (Паниловская книга). Иногда «сажени», «локти» (4 локтя в сажени) и «пяди» (2 пяди в локте). Так, например, измерена земля в 1665 г. в монастырской вотчине Исаковой горы (см. табл. 1, № 6). В Долгощельской волости для каждого участка даны измерения в длину и в ширину, что позволяет высчитать площадь каждого куска, порой очень мелкого — в 300—250 кв. сажен (см. табл. 1, № 11). Помимо точного измерения, веревщик с окладчиками производят оценку качества земли в каждом участке. Иногда это прямо фиксируется в книге, иногда о земле низкого качества можно судить по «смету». При оценке качества земли комиссия проявляет большую точность, в некоторых случаях земля оценивается по четырем оценкам: «добрая», «средняя», «худая» и «самая худая», причем во многих участках указывается земля двух-трех оценок. Например, в веревной книге Леуновской деревни 1677 г. можно читать, что за таким-то крестьянином в поле Кутном доброй земли $5\frac{1}{2}$ сажени и $\frac{1}{4}$ сажени, того же поля средней земли $5\frac{1}{2}$ сажени и $\frac{1}{4}$ сажени, или в другом участке 5 саженей средней земли, 9 — «худой» и 10 — «самой худой» (см. табл. 1, № 12). На росчистях почти всюду обозначается «худая земля» или «самая худая»: «причисти новой самой худой земли с пельем: 2 сажени» или «новой росчисти с пельем и ключем самой худой земли три сажени».

Оценка качества земли (или хозяйственной пригодности — например, в росчистях) имела важное значение при определении тяглоспособности хозяйства. Окладчики полностью в тягло клали лишь добрую землю, а с остальных земель делали «сбавку», или «умет». В веревной книге 1665 г. Исаковы горы сказано: «Добрые земли кладено в полно без убытка, а с средней земли и с плохия збавлено и окладено по розмотру, чево которая земля стои-

на» (см. табл. 1, № 6). Но были случаи, когда не только добрая, но и средняя земля клалась «в полно». Так веревщики вотчины Архангельского монастыря заявили: «добрые и средние земли писали все налицо без умету, а плохие земли писали из 10 сажень в жило 6, а в умет 4 сажени» (см. табл. 1, № 18)¹³. Но, видимо, это редкое явление. Практический ум крестьянина-окладчика вряд ли мог уравнивать столь разные по доходности земли. (В приведенном случае уравнивание было предписано архиепископом Афанасием.)

Умет по веревой книге легко установить, так как в ней или прямо указывается «сбавлено столько-то», или он может быть высчитан путем вычета цифры земли, положенной в тягло из общего количества земли. Первый случай представлен веревой книгой 1665 г. (см. табл. 1, № 6), по которой было «сбавлено в умет» 29,6% от общего количества земли, второй — книгами Паниловской волости 1612 г. (см. табл. 1, № 2), где умет составлял около 9%, и Никольско-Коскошинской волости 1679 г. (см. табл. 1, № 13) с уметом около 40%.

При определении «умета» в любом участке любого двора окладчики принимали во внимание не только качество земли (эталонном в данном случае была «добрая» земля), но и хозяйственные возможности его эксплуатации. Например, умет делался «на дорогу» (если по участку шла дорога), «на уваль» (если по участку шел овраг), на «безугодное место» (необработываемое почему-либо), на «плошину», на «подморину» (т. е. сырое место), на «озадой» (наносы песка на пашню) и даже на удаленность участка от селения («место удалено»). В сенокосных угодьях смет делался на: «кочья», или «клочья» (неровности), «мокрые места», «горбыли», «увалы», «на осоту» (плохой травостой) и т. д.¹⁴ Мотивировка «умета», «смета» или «сбавки» свидетельствует, что при описании каждого участка окладчики должны были собрать сведения о нем¹⁵. Эти сведения могли дать лишь жители деревни и дворохозяин. Поэтому архиепископ Афанасий предписывал производить вервление «при владельцах». Вообще вервление в волости касалось всех и несомненно происходило не без борьбы. Коллективная заинтересованность в результатах вер-

¹³ В действительности по этой книге смет с плохой земли был больше, достигая по некоторым хозяйствам до 50—60%. Окладчики совсем не клали в тягло «самые худые земли».

¹⁴ В веревой книге 1686 г. Николо-Карельского монастыря (№ 17) имеются указания на умет: «на гумно 1 сажень», «на мокроту и на клочье», «на заморину», «на уваль и на смой», «на смой на закрапны», «на здор и на посыпь», «на здор и на снос», «на увал от реки и на здор и на посыпь», «на подморину и на осоту», «на борозды, водой унесло», «на горб», «на дор и плошину», «на клок и на подморину».

¹⁵ Об объеме необходимой информации можно судить по работе окладчиков Паниловской волости в 1612 г., которые определили окладную тяглою землю в 328 участках, произведя при этом смет в 204 участках.

вления является, нам кажется, надежной гарантией точности фиксации данных измерения в веревных книгах.

Результаты вервления записываются в веревную книгу по каждому земельному участку в сажених и в долях сажени ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{4}$ и т. д.). Это сажени квадратные. Они составляют веревку — определенную квадратную меру. Каков же размер веревки?

В литературе нет единого мнения о величине веревки. В. Крестинин в 80-х годах XVIII в. писал, что веревка есть четвероугольник, имеющий «в длину и в ширину по 64 веревочных сажен». «А веревочная сажень, — продолжал он, — в Двинской здешней стороне имеет различные меры: в некоторых деревнях считается таковая сажень из 3-х, 4-х, 5-ти и 6-ти квадратных аршин, но по большей части состоит она из 16 квадратных 5-аршинных сажен». Трудность понимания этого текста состоит в том, что указанные в начале 64 веревочные сажени (линейные) разъясняются через квадратные аршины и сажени. Вычислить размер веревки по данным Крестинина невозможно. Но в его представлении веревка — крупная мера площади. Об этом можно заключить из его слов о земельных владениях Вахоновых, составивших в 1623 г. 3 веревки 10 сажен и 2 чети, как о крупнейших на Двине, равных которым в XVIII в. («теперь») нет «ни единого земледельца»¹⁶.

Более определенно размер веревки определила А. Ефименко. Признавая, что «величину верви, или веревки, точно определить теперь едва ли возможно», так как ее величина «не была ... совершенно неподвижная», Ефименко все же называет цифры, характеризующие веревку. «Можно принять приблизительно, — пишет Ефименко, — что она была несколько больше 16 000 кв. сажен, т. е. заключала в себе около 7 десятин». Этот результат получился из двух посылок, что вервь «заключала 64 веревных сажени», а величину веревной сажени составляли 252 или 256 кв. сажен. Ефименко не ссылается здесь на источник. Можно догадаться, что первая цифра взята ею из веревных книг, скажем из Паниловской, бывшей в ее руках, происхождение вторых цифр — о размере веревной сажени — неизвестно. «Величина веревной сажени определялась не одинаково в разных местностях. Мы знаем два ее определения: в 252 и 256 кв. сажен. Но может быть были и другие», — пишет Ефименко¹⁷.

Данные Ефименко, видимо, определили толкование термина «веревка» в известном словаре Подвысоцкого. Вслед за Ефименко здесь веревная сажень определяется в 256 кв. сажен, а далее, в полном противоречии с Ефименко, говорится, что веревная сажень «делится на 4 части (четы), или веревки (веревка), каждая

¹⁶ В. Крестинин. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1785, стр. 18—19.

¹⁷ А. Ефименко. Исследования народной жизни. стр. 249.

по 64 сажени»¹⁸. Итак, размер веревки, по словарю, ничтожен, но вред ли в данном случае показание словаря можно считать заслуживающими внимания¹⁹. Он отразил лишь полное забвение веревного счета на Двине в 80-х годах XIX в., когда автор собирал там материалы для словаря.

Последняя по времени попытка определить веревку принадлежит П. И. Иванову. Основываясь на Перемской веревной книге, Иванов принимает веревку равной по площади 1,92 десятины²⁰, т. е. почти в 4 раза меньшей, чем у Ефименко. В новейшей метрологической литературе вопрос о веревке, бытовавшей в среде крестьян Подвинья, вообще не ставился.

Обзор мнений о размере веревки показывает большие различия между авторами (между Ефименко и Ивановым) и выявляет неопределенность источниковедческой базы их суждений.

Нам кажется, привлечение более широкого круга веревных книг поможет найти новые решения вопроса. На наш взгляд, первостепенное значение имеют те случаи, когда в веревной упоминаются две меры: линейная и квадратная. Вот, например, в веревной книге Николо-Карельского монастыря говорится: «В книгу писали по статьям в цель и в умет и в пусто именно, мера длинника и поперечника 56 сажен 3-х аршинных. А в ней веревка 64 сажени осминных круглых, а сажени мера полтретья аршина 2 вершка». Здесь ясно, что первая мера (56 сажен) — мера линейная, вторая мера — мера площади. Итак, мы видим, что участок в 3136 кв. сажен (56×56) равен веревке в 64 «сажени осминных», а осминная сажень, следовательно, — 49 кв. саженим. Но одновременно цифру 64 сажени можно рассматривать и как линейную меру, ибо участок земли в длину и в ширину в 64 сажени при величине ее в $2\frac{1}{2}$ аршина и 2 вершка будет равен также 3136 кв. саженим.

Другой пример. В 1690 г. по инициативе архиепископа Афанасия происходит вервление земель Архангельского монастыря. Мера в веревной книге определена так: «а веревки мера длинник и поперечник 98 сажен, а сажени мера 3 аршина, а круглых осминных в той веревки 150 сажен». В данном случае площадь веревки определяется умножением длины на ширину (98×98), что дает 9604 кв. сажени. Но здесь дана и та квадратная мера, в которой должны выразить веревщики измеренную землю, — «круглая осминная сажень». 150 этих сажен и составят веревку. Легко рассчитать, что в данном случае эта круглая осминная сажень будет не 49 кв. сажен, а уже 64 кв. сажени ($9604 : 150$). В обеих книгах фиксация измеренной земли по участкам произ-

¹⁸ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 16.

¹⁹ Тем не менее это толкование повторено в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

²⁰ П. И. Иванов. Перемская веревная книга 1751 г., стр. 16.

водится этими круглыми осминными (т. е. квадратными 7×7 и 8×8) саженьями, причем в первом случае веревку составляют 64 сажени, а во втором — 150. По этим книгам определяется и размер веревки — в Николо-Карельском монастыре она равнялась 1,3 десятины (3160 : 2400), а в Архангельском монастыре — 4 десятины (9604 : 2400). Отметим, что большая веревка была «указной архиепископской», т. е. установлена не самими крестьянами, а феодалом²¹.

Менее уверенно о размере веревки можно говорить по тем веревным книгам, в которых не указано двойных мер, как в двух приведенных примерах. Хотя в таблице 1 меры указаны, однако приведем здесь полностью соответствующие формулы: веревная 1612 г. (№ 2) — «А в ревностной верви по 64 сажени»; 1646 г. (№ 4) — «а мера веревки 60 сажен, а в сажени по 3 аршина»; 1662 г. (№ 5) — «а мера веревки 60 сажен, а в сажени по 3 аршина»; 1665 г. (№ 6) — «а вервь 64 сажени, а промер сажени 3 аршина»; 1666 г. (№ 7) — «веревки мера 64 сажени, сажень 3 аршина печатных»; 1672 г. (№ 10) — «вервь 64 сажени, троюаршинных»; 1677 г. (№ 12) — «веревки длина 64 сажени, а сажени мера 3 аршина»; 1679 г. (№ 13) — «а мера веревки 80 сажен, а сажень 3 аршина».

Приведенные определения веревки даны в линейных мерах, это несомненно, так как в каждом случае определяется длина сажени в 3 аршина, а в одном случае прямо говорится «веревки длина 64 сажени». А так как веревка земли — мера квадратная (только в квадратных мерах может быть выражен участок земли), то и выходит, что веревка представляла собой четвероугольник с размером сторон, определенным для веревчика волостью, монастырем и т. д. Этот размер — как исходные данные — заносился веревщиком в начале его книги. Следовательно, он был и линейной мерой и мерой площади. Площадь выражалась веревщиком в круглых осминных саженьях. «Круглой» она называлась потому, что ее все стороны были равны. В наших примерах, приведенных выше, одна была 7, другая 8 сажен²².

Если наши соображения верны, то мы можем считать веревку в 60 сажен равной 1,5 десятины, в 64 сажени — 1,7 десятины, в 80 сажен — 2,65 десятины (во всех случаях веревка трехаршинная).

²¹ Размер веревки возможно определить также и по веревной книге Долгощельской волости 1677 г. (№ 11). По ней владения одного из крестьян в 2 веревки и 45 сажен состояли из четырех участков с размерами в длину по ширину соответственно: 1) 50 и 28 сажен; 2) 30 и 22; 3) 65 и 29; 4) 90 и 11, т. е. состояли из 4830 кв. сажен, что в пересчете на десятины дает не многим более двух десятин. Следовательно, веревка в Долгощельской волости была немногим более десятины.

²² Такое толкование понятия круглая сажень подкрепляется разъяснением «Книги сошного письма 7137 года» относительно «круглой десятины»: «Десятна в длину 80 сажен, а поперег 30 сажен, итого 110 сажен, и ты раздели надвое пополам по 55 сажен длиннику и поперег ровно, и то станет круглая десятна» («Временник МОИДР», кн. 17, стлб. 56—57).

Таблица 2

Соотношение выти с вервью в Двинских волостях в начале XVII в.

Волость	Число вервей в выти	Число сажень в верви	Число аршин в сажени	Десятин в верви	Десятин в выти	Выть по писцовой книге 1622/23 г. (четвертей в одном поле)
Хаврогорская	8	80	2,5 аршина 2 вершка	2,04	16,4	14,9
Калеская	8	80	3 аршина	2,66	21,3	15,5
Шукозерская	6	80	4	4,73	28	17
Сийская	5,5	64	5	4,73	26	14,7
Паниловская	6	64	5	4,73	28	18,3
Ступинская	7,5*	64	5	4,73	35	15
Ровдогорская	12,5	64	5	4,73	58	15

* Соотношение 7,5 верви в выти подтверждает разруб Матигорской волости 1640 г., по которому было обложено по 30 алтын на веревку — «а на выть доведется по 6 рублей 28 алтын 3 деньги» (ГААО, ф. 1406, оп. 1, № 2, сст. 1).

Правильность этих расчетов подтверждается, как нам кажется, нижеследующей таблицей, показывающей соотношение выти с вервью (см. табл. 2).

Таблица составлена на основе переписной книги Двинского уезда 1710 г., где дано соотношение верви (с разным количеством сажень в них) с вытью и наших вычислений размеров тех и других в десятинах. Важно совпадение, хотя и с отклонениями, размеров выти в десятинах с вытью, указанной в писцовой книге 1622/23 г. Это совпадение подтверждает правильность приемов вычисления верви, предложенных нами выше. Несовпадение по двум волостям — Ступинской и Ровдогорской (а таких волостей по книге 1710 г. 8 из 30) пока необъяснимо²³: может быть, это ошибка писца в цифрах, может быть, связано с какими-то особенностями вервления.

Итак, наши наблюдения подтверждают положение А. Ефименко о неодинаковости верви в разных волостях.

До сих пор речь шла о верви XVII в. Но у нас есть данные о размерах верви в XVI в., правда, они разрозненны, но привести их здесь целесообразно. Из разрубного списка Куростровской волости от 16 марта 1575 г. узнаем, что здесь было 596 веревок земли. В платежной книге Двинского уезда 1560 г. земля Куростровской волости выражена цифрой в 57 сошек²⁴, из которых 27 1/2 было «живущих». Сопоставляя цифры, можно заключить,

²³ А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в., стр. 148.

²⁴ По документам середины XVI в. обжа на Двине равнялась 7,5 десятины в 3 полях, а сошка (трехобожная), следовательно, — 22,5 десятины в 3 полях.

что если в 1575 г. 595 веревок выражали 57 сошек, то веревка равнялась 4,3 четверти, или 2,15 десятины, если только «живущие» — около 30 сошек, то 2,3 четверти, или 1,15 десятины²⁵. Надо, однако, отметить, что за 15 лет (с 1560 по 1575 г.) «живущее» на Двине неуклонно возрастало, так что ближе к истине, видимо, первая цифра, чем вторая²⁶.

В 1531 г. продается за 20 руб. земля; в купчей²⁷ помечено: «а все тое земли 30 веревок, 5 обеж». Соотношение 5 обеж равны 30 веревкам позволяет высчитать величину последней в 1,25 десятины. Стоимость веревки по этой купчей в 1 руб. позволяет предполагать, что проданные в 1535 г. 28 веревок за 27 руб. на Мотигорах примерно одного и того же размера²⁸. Правда, уверенности в этом быть не может, так как годом раньше, в 1534 г.²⁹, была продана в двух деревнях треть — в 40 веревок за 15 руб., т. е. почти в 2 раза дешевле, чем в вышеуказанных сделках³⁰.

В 1535 г. в волости Уйме по решению суда производилось вервление земли братьев Шуиговых, причем выяснилось, что их 132 веревки составили 27 обеж. Из расчета 27 обеж равны 132 веревкам можно вычислить размер веревки в 1,5 десятины³¹. В отступной 1542 г. идет речь о веревке земли, «а веревка 70 сажен». По нашим расчетам веревка в данном случае равна была 2,04 десятины³². Вот интересный пример живучести измерений веревки и устойчивости веревки. В отступной 1537 г. говорится о «поступке» веревки земли — «а веревка шестьдесят сажен да четыре сажени Ивановою сажению Есипова». По нашим расчетам, веревка в 64 сажени (при трех аршинах) равна 1,7 десятины³³. Почти через 30 лет — в 1566 г. — эта же самая земля стала предметом новой сделки. В отступной грамоте сказано: «Отступился есми веревки земли, а веревка старая ... 64 сажени Ивановою сажению Есипова», но вместе с тем проданный участок ограничен линейными размерами: «то поле в длину полтеры веревки да 7 сажен, а поперег один конец пол веревки, другой пол веревки и 2¹/₂ сажени». Исходя из веревки в 64 сажени определяем длину в 103 сажени, а ширину — один конец — в 32, другой — в 34¹/₂ сажени.

²⁵ А. И. Копанев. Куростровские столбцы XVI в. Материалы по истории Европейского Севера СССР, вып. 1, стр. 406—407, 428. На последней странице определение верви ошибочно дано в десятинах, следует — в четвертях.

²⁶ А. И. Копанев. Платежная книга Двинского уезда 1560 г.— «Аграрная история Европейского Севера СССР». Вологда, 1970, табл. 9, 16.

²⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 1, № 98.

²⁸ Там же, № 134.

²⁹ Там же, № 123.

³⁰ Цена веревки вообще не была устойчива. Так, в 1566 г. была продана пожня в ¹/₄ веревки за 1¹/₂ руб. (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 1, № 471), а 5¹/₂ веревки за 5 руб. (там же, № 466).

³¹ «Сборник грамот Коллегии экономии», т. 1. Пб., № 76, стлб. 78—79.

³² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 1, № 205.

³³ Там же, № 143.

Выходит, что площадь, проданная в данном случае, равнялась 3425 кв. саженим, или 1,41 десятины, т. е. меньше веревки, вычитанной нами для 64-саженной веревки. Но в грамоте как раз и предусматривается недостача: «а не будет в том лоскуте веревки и мне ему довервити», т. е. добавить 0,29 десятины в другом месте³⁴. Из отступной 1590 г. узнаем, что «довервление» так и не произошло. Участок в этом году переходит другому владельцу в тех же размерах, по той же 64-саженной веревке Есипова, с тем же обязательством добавить, но с более низкой ценой — не в 1 руб., а в 4 гривны³⁵. Три сохранившиеся сделки на одну и ту же землю на протяжении свыше 60 лет свидетельствуют, как упорно держался крестьянин за старый веревный счет, который отмечен был в предшествующей грамоте, хотя в волости были уже новые веревные книги, но Есиповы книги называются «старыми».

Приведенные данные актов XVI в. о размерах веревки, выраженных в десятинах, не противоречат выводам, сделанным на основе веревных книг XVII в. Налицо колебания веревки по волостям, что отмечено было Ефименко. Но наш материал позволяет сделать вывод об укрупнении веревки во времени. Веревка в 4,7 десятины в документах XVI в. не встретилась, тогда как в XVII в. она, видимо, преобладает. Это косвенно подтверждает и приведенную оценку Крестинина в отношении земельных владений Вахонинных.

Перейдем теперь к вопросу об истории веревного письма. Веревные книги имеют строго определенный ареал их распространения — Двинский уезд. Ни в литературе, ни в просмотренных нами источниках упоминаний о веревных книгах для других уездов нет. В наиболее близком к Двинскому Важскому уезде крестьяне, зная о веревном счете двинян, говорили: «веревками мы не считаемся, а считаемся сохами».

Наличие веревных книг только на Двине мы склонны объяснить историей этого края. Первые упоминания о «веревлении», о «веревках» содержатся в актах конца XV в. В купчей 10 мая 1499 г. продается па Ваймуге «Климовские деревни четверть веревки земли и пожни, а лес и со всеми угодыи с водяными и лешими, куда ходила соха, коса и топор», чем владел муж продающей «что исстари потягло» и с прикупленными землями³⁶. Это указание драгоценно тем, что веревка выступает здесь как «исконное», старинное явление. Упоминание вервьи А. Ефименко нашла в одном платежном документе конца XV в., она считает это упоминание «первым»³⁷. В XVI в., как видно из приведенных выше материалов, веревление было обычным явлением, при-

³⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 1, № 474.

³⁵ Там же, № 779.

³⁶ Там же, № 2.

³⁷ А. Ефименко. Исследования народной жизни, стр. 249.

чем упоминания в актах XVI в. о вервлении или о веревке можно было бы значительно расширить.

Следы существования вервлений в актах конца XV в. и полное отсутствие их в двинских актах новгородского времени позволяет предполагать, что вервление земли вошло в практику на Двине со времени ее присоединения к Москве. Так как Двина впервые описывается Тимофеем Афанасьевым в самом конце XV или начале XVI в., то несомненно, что вервить землю двиняне начали еще до московского писца. Когда же измерение земли на Двине стало потребностью для Московского правительства? Судя по основной территории Новгорода, учет земли проводился Москвой в период или после главных земельных конфискации («старое письмо»). На Двине «старого письма», видимо, не было, вероятно, потому, что правительство не намеревалось раздавать конфискованную землю в поместья. Так как конфискованная у новгородских землевладельцев земля переходила в руки крестьян и становилась черносошной, то она и была измерена крестьянами и зафиксирована в новый для Двины документ — веревные книги. Может быть, это делалось по инициативе правительства, может быть, по инициативе крестьян, но одно ясно — и для правительства, и для крестьян оно было нужно. Таково наше предположение о происхождении веревных книг. Что двинские крестьяне создали первые веревные документы, доказывается более чем трехвековой традицией их бытования здесь именно в крестьянской волости.

Чем же ценны веревные книги как источник?

Веревные книги, фиксирующие точно распределение земли между волостными крестьянами, являются первоклассным массовым источником для изучения крестьянского землевладения и хозяйства. Данные веревных книг значительно богаче и всестороннее, чем данные писцовых книг. Для сравнения мы приводим здесь в виде таблицы результаты описания пяти деревень Паниловской волости в веревой книге 1612 г. и в писцовой книге 1622/23 г. писца Вельяминова (см. табл. 3).

Из таблицы видно, что подворное описание веревой книги по сравнению с поддеревенским описанием писцовой дает точный, а не усредненный размер крестьянского надела. Это имеет первостепенное значение для изучения земельного неравенства в волости, а следовательно, и экономического развития разных категорий крестьянства. Так, по Паниловской волости семь крестьянских хозяйств с наделом в 250 и свыше сажен (т. е. свыше 18 десятин земли) обладали 50% всей земли волости, тогда как другой половиной владели 22 хозяйства. Веревная книга показывает, как распределялась земля крестьянина в деревне, а именно выявляет огромную чересполосность крестьянских владений. Представленная схема распределения земель в деревне Власовской дает яркую картину деревни начала XVII в. Земли крестьян деревни располагались по полям небольшими чересполосными

Таблица 3

Результаты хозяйственного описания по веревной и писцовой книге *

Деревня	По веревной книге						Всего дворов
	Всего дворов	1-й двор	2-й двор	3-й двор	4-й двор	5-й двор	
Новинки	2	10/85	10/85	—	—	—	2
Власовская	5	22/286	27/288	31/271	31/249	1/20	5
Вороновская	4	23/200	17/90	1/6	1/16	—	2
Деревня	5	15/115	12/109	1/37	14/35	14/35	3
Орлецы	5	23/308	21/150	21/150	2/72	3/19	4

Таблица 3 (окончание)

Деревня	По писцовой книге						
	Всего земли в четвертях						
	средней	худой	перелог	водой отмыло	лесом поросло	лес непашенный	сено
Новинки	2 ^{1/8} 1/8	1/2	5	1	—	1	5
Власовская	7	8 ^{1/2}	5 ^{1/2}	2	—	5	25
Вороновская	1/3	1/2	5	1	—	1	5
Деревня	1 ^{1/6}	3 ^{2/3}	5 ^{2/3}	2	1 ^{1/3}	3	10
Орлецы	5 ^{1/4}	3 ^{1/3}	4 ^{1/2}	4	—	4	20

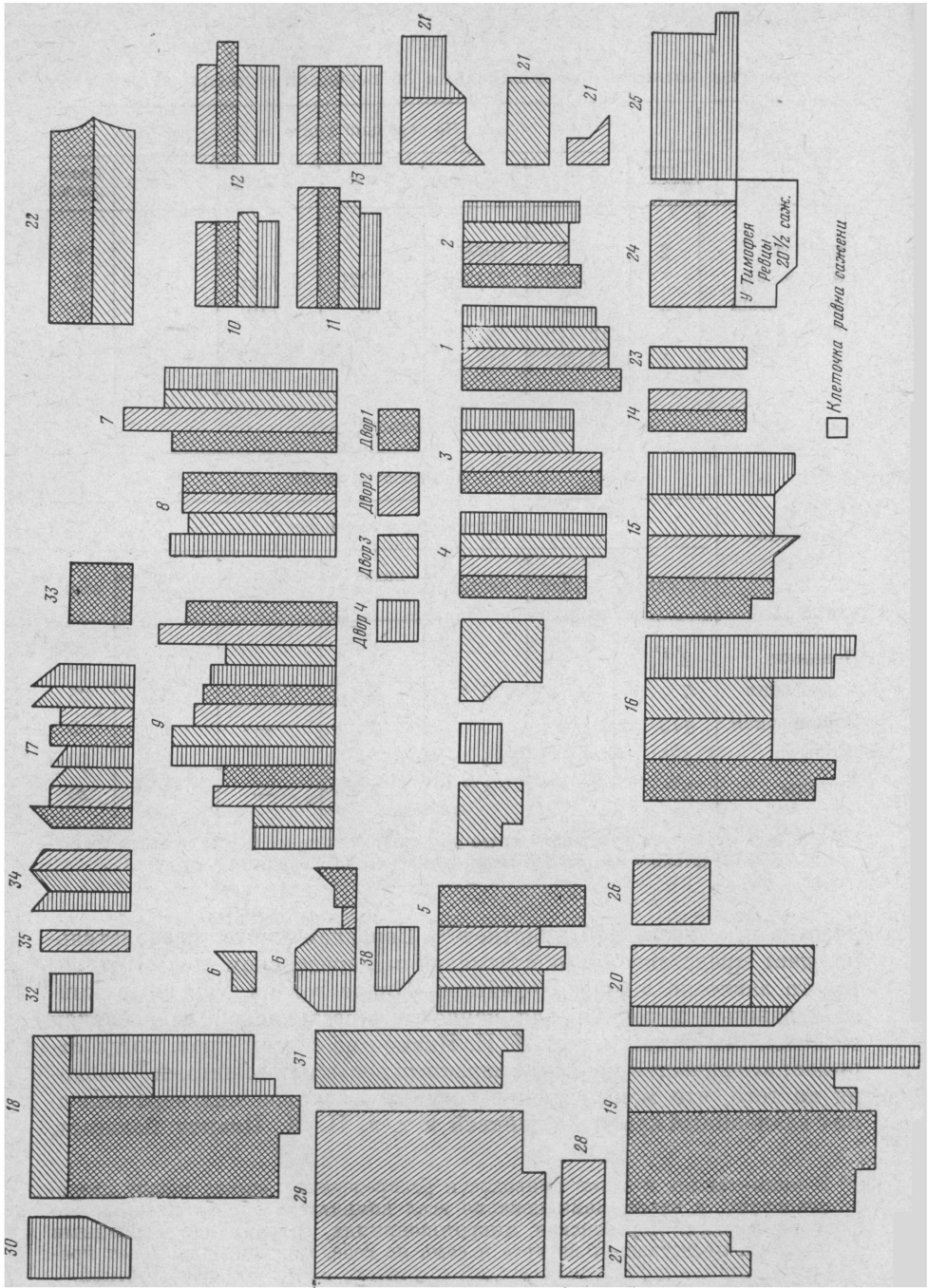
* Числитель дроби указывает количество участков, из которых владение двора составлялось; знаменатель — количество земли в веревных сажнях.

участками — всего 114 участков³⁸. Веревная книга, следовательно, дает представление о поземельном деревенском союзе, от которого зависело каждое хозяйство. Иначе говоря, веревные книги — важный источник для изучения крестьянской деревенской общины. Мы считаем, что П. И. Иванов не совсем прав, когда отрицает это качество за монастырскими веревными книгами³⁹. Исходя из того, что монастырские вотчины расположены чересполосно с владениями крестьян, церковей и т. д., П. И. Иванов полагает,

³⁸ В примечаниях к схеме приводится распределение земель между дворохозяевами, а также наименование всех комплексов обрабатываемых земель деревни. Деревенская микротопонимика, сохраняемая веревными книгами, представляет интерес и сама по себе, так как показывает процесс развития деревенских угодий и участие в нем отдельных семей.

³⁹ П. И. Иванов. Пермская веревная книга 1751 года (к вопросу о крестьянском податном отложении в XVIII в.), стр. 10.

что при вервлении монастырских вотчин описываются лишь «крестьянские жеребьи», а «не поземельные крестьянские союзы». Расширение круга веревных книг позволяет наблюдать поземельные союзы и у монастырских крестьян. Описание целой монастырской деревни в веревной книге показывает всегда ту же сложность поземельных отношений в ней, что и в чернососшной деревне. Например, земли деревни Чуга Антониева-Сийского монастыря были разбросаны в 44 участках и три двора, составляющие эту деревню, владели землей чересполосно: все трое — в 10 полях, по двое — в 10 и по одному в остальных 24 участках (см. табл. 1, № 12).

Кроме утилитарного значения веревных книг их следует рассматривать и как памятники общественной жизни волости.

Вервление — важнейший момент общинного действия, выявлявшего интересы отдельных групп волостного крестьянства.

Хотя веревные книги дошли до нас лишь начиная с первых десятилетий XVII в., результаты их изучения могут быть «опрокинуты» в прошлое, так как вервление в XVI в. (а значит веревные книги) бытовало на Двине постоянно и велось регулярно.

←

Схема распределения земель в дер. Власовской по веревной книге 1612 г.

Примечания к плану

1-й двор имеет фактически 286½ сажени, в окладе — 260; 2-й двор — 288¼ сажени, в окладе — 278; 3-й двор — 249½ сажени, в окладе — 238; 4-й двор — 271 сажень, в окладе — 251. Посторонние имеют фактически 20⅓ сажени, в окладе — 20½.

Размещение полей и участков

1. От Олживца поле;	18. Зимничная пожня и с осотою;
2. Кичиговское поле;	19. Пожня Горки от озера;
3. Давыдовское поле;	20. Узкий межник;
4. Давыдовское поле, горные полосы;	21. Репище, Новое репище;
5. Давыдовское поле, за ручьем полосы;	22. Заорлецкая пожня;
6. Давыдовское поле, полянки;	23. Банное польце;
7. Дворное поле, задворные полосы;	24. Ступинский луг;
8. Дворное поле с огородцем и капустником;	25. Долгушинская пожня с хвощем;
9. Березничное поле, полосы гуменные; полосы подлещие, полосы середние;	26. Добриха пожня;
10. Кутное польце;	27. Осотная пожня от Копанца;
11. Ельничная перемена Кутного польца;	28. Кругличная полоса;
12. Ельничная перемена Задворного поля;	29. Круглица пожня;
13. Ельника полоски;	30. Пожня у Копанца;
14. Нижнее польце;	31. Кулига пожня;
15. Нижний лог от Олживца;	32. Голосная пожня;
16. Лугового пару;	33. Ившина новинка;
17. В большой новинке полосы;	34. Горная полоса;
	35. Полоска в верхнем;
	36. Подуличная полоска;
	37. Против дворных двух полос;
	38. Пожня от озера.

О ПРИЕМАХ СОСТАВЛЕНИЯ И ДОСТОВЕРНОСТИ ЭСТЛЯНДСКИХ ГАКОВЫХ РЕВИЗИЙ XVIII В.

Х. М. Лиги

После присоединения Эстонии к России в ходе Северной войны в Эстляндской губернии (северная половина Эстонии) была введена новая система государственного обложения. Налоги платили по-прежнему помещики в зависимости от количества так называемых ревизионных гаков¹ их имений. Но основой их теперь служили не повинности крестьян, а количество трудоспособных крепостных мужчин: ревизионным гаком считали 5 (в рыбацких деревнях 10) трудоспособных мужчин в возрасте от 15 до 60 лет.

С целью установления количества ревизионных гаков был проведен ряд так называемых гаковых (или земельных) ревизий в 1712, 1726, 1732, 1739, 1744, 1750, 1757, 1765, 1774 гг. Их материалы в составе примерно 35 тыс. листов полного формата (на немецком языке) почти полностью сохранились².

До 1950-х годов этими материалами историки не пользовались. В последнее время некоторые эстонские исследователи (Я. Конкс, И. Сильдмяе, Х. Лиги) обратили внимание на этот источник. И. Сильдмяе в своей монографии дал очерк истории проведения гаковых ревизий, но вопрос о достоверности их материалов им затронут лишь бегло. Ссылаясь на то, что комиссии, которые проводили ревизии на местах, состояли не из государственных чиновников, а из местных эстляндских дворян, которые не были заинтересованы в поступлении точных данных, И. Сильдмяе склонен к весьма пессимистической оценке их³. Но вряд

¹ Так, или адрамаа (дословно «земля сохп»), — старая, очень непостоянная во времени и в пространстве единица обложения и землепользования в Прибалтике. Ревизионный гак, который служил основой государственного обложения, был введен шведскими властями в XVII в.; его оценивали по количеству тяговых дней, которые крестьяне отработали в течение недели. В конце XVII в. 6 еженедельных барщинных дней считали одним ревизионным гаком.

² ЦГИА ЭССР, ф. 3 (Канцелярия таллинского генерал-губернатора). Лишь протоколы гаковой ревизии 1757 г. хранятся в ЦГАДА, ф. 274 (Камер-контора Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел).

³ J. Sildmäe. Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil. — «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 122. Тарту, 1962.

ли можно без подробного источниковедческого анализа столь отрицательно оценивать этот источник.

Первая ревизия после присоединения Эстляндии к России была проведена в 1712 г. Порядок ее проведения, а также характер собранных данных значительно отличаются от последующих гаковых ревизий. Протоколы этой ревизии, за редкими исключениями, содержат только данные о количестве жителей. Ревизия 1712 г. в Эстляндии предшествовала чрезвычайно опустошительная чума 1710—1711 гг. Из многих имений удалось получить лишь поверхностные и неопределенные сведения. Ненадежность последних видна уже из того факта, что по данным следующей ревизии 1725—1726 гг. число взрослых жителей (15 лет и старше, т. е. родившихся до ревизии 1712 г.) эстонского происхождения было в 1,5 раза больше числа *всех* жителей (как взрослых, так и детей) в эстляндской деревне по данным ревизии 1712 г.⁴ Поэтому при изучении динамики численности крестьянского населения Эстляндии никак нельзя оперировать данными ревизии 1712 г., как до сих пор поступают отдельные исследователи.

От остальных гаковых ревизий отличается и ревизия 1725—1726 гг., проводимая на основе решения Сената от 18 января 1725 г. Подробные предписания о порядке проведения ревизии содержатся в плакате⁵ эстляндского генерал-губернатора от 15 сентября 1725 г. Из него явствует, что все владельцы имений должны были представить сведения согласно формуляру вакенбуха, который отличался от формуляра вакенбухов последующих ревизий (см. стр. 213) тем, что в нем отсутствовали графы о лошадях, скоте и крестьянских повинностях. Но самое главное отличие состоит в том, что проверка представленных данных проводилась не на местах, а в Таллине, куда из каждого имения требовали управляющего, кубьяса и 2—3 крестьян. В ходе инквизиции (допроса) они должны были подтвердить или уточнить данные вакенбухов.

Основой следующей ревизии служила инструкция губернского правления от начала июля 1732 г.⁶ Поскольку она в существенной мере повлияла на порядок проведения всех дальнейших ревизий, то рассмотрим ее содержание подробнее.

Ревизия проводилась в кихелькондах⁷ утвержденными губернским правлением и уездными инквизиционными комиссиями (по всей губернии четыре комиссии). Каждая из них состояла

⁴ Подробнее см.: *H. Ligi. Talurahva arvu dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil (adramaarevisjonide andmeil)*. Резюме на русском языке: «Динамика крестьянского населения в Эстляндии в XVIII в. (по материалам гаковых ревизий)». — «*Studia historica in honorem Hans Kruus*». Tallinn, 1971, lk. 231.

⁵ Плакат — публичное извещение, или объявление, эстляндского генерал-губернатора.

⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 3, оп. 1, д. 469, лл. 113—118.

⁷ Кихельконд — приход в Эстонии, который имел не только церковное, но и административное значение.

из четырех членов (два ландрата⁸ и два дворянина соответствующего уезда) и из секретаря, который должен был составлять протокол и заносить полученные в ходе инквизиции данные в чистый экземпляр вакенбуха (так называемый комиссионный вакенбух).

Уездная комиссия должна была сообщить владельцам имений о времени, когда те вместе с кубьясами и всеми дворохозяевами должны были явиться в назначенное место. Одновременно владельцы имений обязаны были представить комиссии в двух экземплярах составленные по соответствующему формуляру подтвержденные подписью и печатью вакенбухи о состоянии и имуществе всех крестьянских дворов, а также их повинностях и податях. Явившиеся в предусмотренное время управляющие, кубьясы и некоторые «старые и наиболее почтенные дворохозяева», которые могли бы дать о состоянии и имуществе мызы и крестьянских хозяйств наиболее ценные сведения, приводились к присяге. Эти «присяжные люди» должны были давать сведения о величине и качестве старопахотных и лесных полей мызы и подмызков, о том, как они удобряются и обрабатываются, а также о среднем ежегодном урожае. Затем запрашивались сведения о мельницах, корчмах, сенокосах и пастбищах, рыбной ловле, лесах и других доходных статьях. Крестьян запрашивали также о количестве трудоспособных мужчин и женщин, престарелых и инвалидов, мальчиков и девочек моложе 15 лет в каждом крестьянском хозяйстве. Далее требовались сведения о количестве скота и лошадей, «земель и гаков» и о том, какая часть из них обрабатывается и какая пустует, сколько барщины должен каждый крестьянский двор отбывать и какие подати вносить, а также о повинностях, которые он в момент опроса в состоянии фактически отбывать. Запрашивались также сведения о проживающих в пределах имения крепостных других помещиков («чужих людях») и вольных людях. При ревизии государственных имений крестьяне должны были ответить еще на ряд вопросов о хозяйственном состоянии имения.

18 июля 1739 г. был опубликован за подписью эстляндского генерал-губернатора плакат о проведении новой гаковой ревизии. В нем всех владельцев имений обязывали давать «краткие, но правдивые сведения о состоянии имения, крестьян, их имуществе, землях и повинностях. Инквизицию предполагалось провести в Таллине: помещики должны были представить вакенбухи в двух экземплярах в камер-контору генерал-губернатора к середине сентября, когда ревизионная комиссия должна была приступить к работе в Таллине⁹. Однако вскоре пришлось отказаться от этого плана. И эта ревизия, как и предыдущая, была про-

⁸ Ландрат — член ландратской коллегии, высшего исполнительного органа Эстляндского рыцарства. Все 12 ландратов избирались пожизненно.

⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, лл. 246—247.

ведена уездными инквизиционными комиссиями на местах. В одном экземпляре плаката была сделана соответствующая поправка¹⁰.

К плакату 18 июля был приложен также формуляр вакенбуха. Поскольку формуляры вакенбухов всех позднейших ревизий были точно такими же, то приводим его, полагая, что он дает точное представление о характере сведений, собираемых в ходе ревизий о крестьянском хозяйстве¹¹. Формуляр 1732 г.¹² отличался лишь тем, что хозяева были занесены в одну графу с сыновьями и батраками, хозяйки же в одну графу вместе с дочерьми, служанками и женами батраков.

Формуляр вакенбуха 1739 г.

Гаки	Названия деревень и крестьянских дворов	Хозяйственное состояние дворов				Повинности и подати крестьян	
		Трудоспособные люди в возрасте 15—60 лет	Престарелые и инвалиды	Дети моложе 15 лет	Скот	Ежегодная барщина	Натуральные и денежные подати
Заселенные							
Пустующие							
		Хозяйева					
		Сыновья и батраки					
		Хозяйки					
		Дочери, батрачки и жены батраков					
		Мужчины					
		Женщины					
		Мальчики					
		Девочки					
		Лошади					
		Жеребята					
		Волы					
		Коровы					
		Молодняк					
		Весь год с упрыжкой					
		Пешая барщина на лето					
		Деньги					
		Рожь					
		Ячмень					
		Овес					
		Овцы					
		Куры					
		И т. д.					

Порядок ревизии определялся инструкцией от 8 сентября 1739 г. Удалось обнаружить лишь один черновой экземпляр инструкции со множеством поправок. Однако инструкция от 8 сентября 1739 г. легла в основу инструкции всех последующих ревизий, поэтому приведем ее основные пункты.

В инструкции предписывалось уездным инквизиционным комиссиям строго следить за тем, чтобы представляемые им вакенбухи были подписаны и закреплены присягой самих помещиков, а не управляющих или иных уполномоченных. Один экземпляр вакенбуха должен был быть заполнен, во второй помещики должны были внести только имена дворохозяев. Секретари уездных комиссий вносили во второй вакенбух установленные во время инквизиции сведения. До начала опроса пастор прихода должен был предупредить всех крестьян об ответственности за

¹⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 3, оп. 1, д. 472, л. 21.

¹¹ Там же, д. 465, л. 356.

¹² Там же, д. 472, л. 131.

дачу ложных показаний, а затем все дворохозяева приносили присягу. В ходе инквизиции требовалось опросить каждого дворохозяина в присутствии других о достоверности сведений в заполненных помещиком вакенбухах. Уездные комиссии должны были особенно следить за тем, чтобы ни один трудоспособный мужчина моложе 60 лет не попал в графу престарелых и инвалидов, а ни один подросток старше 15 лет — в графу детей.

Затем перед комиссией должны были пройти все крестьяне мужского пола ревизуемого имения, чтобы избежать дачи ложных показаний; местный пастор представлял уездной комиссии церковную метрическую книгу, по которой можно было справиться о возрасте каждого человека. Комиссия фиксировала все расхождения, обнаруженные между данными, представленными помещиком и полученными в ходе инквизиции. В случае обнаружения сознательного искажения числа трудоспособных мужчин виновных ожидало наказание.

В последующих ревизиях в основном повторяются положения инструкции 1739 г.

И. Сильдмяэ считает, что самые достоверные данные дала ревизия 1726 г., так как метод сбора сведений ревизии 1732 г. не позволял, по его мнению, получить такие достоверные данные, как то предусматривалось порядком проведения предыдущей ревизии¹³. Поскольку и при последующих ревизиях использовался тот же метод, И. Сильдмяэ эту оценку относит и к их данным. Попытаемся сравнить методы сбора сведений ревизий 1726 и 1732 гг.

Как при ревизии 1726 г., так и при ревизии 1732 г. (и при последующих ревизиях) исходили из представленных помещиками вакенбухов. Данные вакенбухов помещиков проверялись и исправлялись путем опроса крестьян. Однако, в отличие от позднейших, ревизия 1726 г. проводилась не на местах, в кихелькондах, а в Таллине, причем из отправленных сюда помещиками уполномоченных крестьян были опрошены далеко не все. Нет оснований сомневаться в том, что сами хозяева крестьянских дворов могли дать о составе своих семейств, а также о количестве скота и т. д. более правдивые и точные сведения, чем вызванные в Таллин крестьяне, не знавшие подробности о всех хозяйствах имения. Кроме того, во время ревизии 1726 г. для проверки сведений, представленных помещиками, не прибегали к поголовному опросу крестьян на месте или к метрическим книгам. Нужно также добавить, что помещику (или управляющему) было гораздо легче склонить к даче ложных показаний опрошенных в 1726 г. отдельных ими самими выбранных крестьян, чем всех дворохозяев при позднейших ревизиях.

Обоснованность этих соображений подтверждается протоколами ревизий: как раз во время ревизии 1726 г. количество исп-

¹³ *J. Sildmäe*. Указ. соч., стр. 24 и 34.

равлений, сделанных уездными комиссиями, было весьма невелико. Если в последующих ревизиях имения, в вакенбухах которых комиссия не делала никаких исправлений, встречаются очень редко, то в 1726 г. замечание «Никаких расхождений нет» вполне обычно¹⁴.

Таким образом, методика проведения ревизии, впервые примененная в 1732 г., позволяла получить более объективные данные, чем она выгодно отличалась от методики, использованной в 1726 г.

Практическую деятельность уездных комиссий освещают прежде всего циркуляры, разосланные комиссиями приглашенным на инквизицию помещикам. Так, Ярвамааская уездная комиссия сообщает в своем письме от 11 сентября 1732 г., что в соответствии с ордером генерал-губернатора от 3 июля комиссия начинает 12 сентября ревизию имения Амблаского кихельконда в мызе Кяравете. Владельцы имений Кяравете, Рака, Липнапэа и Кукевере ($\frac{1}{5}$ от всех имений этого кихельконда) должны рано утром 12 сентября представить комиссии вакенбухи в двух экземплярах и послать для опроса в Кяравете своих управляющих, кубьясов, проживающих в пределах названных имений немцев и «людей других национальностей», всех дворохозяев, бобылей, стариков и инвалидов, а также «всех чужих и вольных людей». Угощение, содержание членов комиссии возлагалось на названные мызы.

Примерно те же требования содержал циркуляр новой Ярвамааской уездной комиссии от 17 сентября 1739 г. В нем составлен точный график, по которому комиссия собирается провести свою работу через два месяца. В отличие от правил 1732 г. перед комиссией должны были являться не только управляющий, кубьясы и дворохозяева, но и все души мужского пола данного имения, а также все дети, пригодные хоть в некоторой мере для вспомогательной барщины¹⁵.

Протоколы уездных комиссий показывают, что начиная с 1739 г. во всех уездах требовали отправки на опрос по меньшей мере всех трудоспособных мужчин. Встречались случаи, когда ревизия какого-либо имения откладывалась вследствие того,

¹⁴ О меньшей достоверности данных 1726 г. по сравнению с данными последующих ревизий свидетельствует и тот факт, что количество крестьянского населения увеличивается именно между ревизиями 1726 и 1732 гг. особенно быстрыми темпами. Ежегодный прирост числа крепостных (в среднем по губернии 3,1%, по уездам 1,9—4,2%) слишком велик даже для такого периода. Судя по данным гаковских ревизий, ежегодный прирост количества крестьян в 1732—1739 гг. (исключительно благоприятный в демографическом отношении период) был 2,1%, 1739—1744 гг.—0,8%, 1744—1750 гг.—1,8%, 1750—1757 гг.—1,1%, 1757—1765 гг.—0,6%, 1765—1774 гг.—1,2%, 1774—1782 гг. (благоприятные годы)—1,9%. *H. Ligi. Указ. соч.*, стр. 235—246.

¹⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 3, оп. 1, д. 472, л. 113. Вирумааская уездная комиссия обязывает уже в 1732 г. отправить на место для осмотра всех мужских душ, кроме грудных младенцев (ЦГИА ЭССР, ф. 3, оп. 1, д. 465, л. 113).

что на место не были приведены мальчики¹⁶. При этом, как мы уже видели по содержанию циркуляров, возрастная граница не была достаточно определена. Насколько достоверные данные позволяла получить государственным властям подобная организация ревизий и, что особенно важно, насколько достоверны данные ревизий относительно экономического потенциала крестьянских хозяйств и их повинностей?

Несомненно, что в одном вопросе у помещиков было весьма достаточно оснований представлять неправильные данные. Поскольку по числу 15—60-летних трудоспособных мужчин определялось число ревизионных гаков, а от этого зависели размеры государственных налогов, то в интересах помещиков было показывать число крестьян этого возраста как можно меньшим. В то же время число женщин, престарелых или увечных мужчин и мальчиков моложе 15 лет, а также количество скота и размер крестьянских повинностей у помещиков не было причин показывать меньше действительного, так как эти данные не влияли на государственные налоги имений. Мало того, ошибки, обнаружившиеся при их проверке, могли вызвать у уездной комиссии сомнения относительно правильности данных о трудоспособных мужчинах. Следовательно, здесь могут быть, вероятно, только случайные ошибки, вызванные небрежностью или неопытностью.

Теперь об инквизиционных комиссиях. Объективность деятельности последних ставится И. Сильдмье под сомнение потому, что они не состояли из беспристрастных и верноподанных государственных чиновников, а из местных прибалтийских помещиков. Если, однако, сравнить заполненные помещиками вакенбухи с вакенбухами уездных комиссий, то обнаружатся иногда очень серьезные расхождения, в первую очередь в отношении числа трудоспособных мужчин. В подавляющем большинстве случаев в вакенбухе комиссии трудоспособных мужчин больше, чем данным помещика. Случаи, когда число трудоспособных мужчин увеличено на 10—15 и даже более процентов, были далеко не редки. Представленные помещиками данные и данные, занесенные в вакенбухи комиссий, проверены автором по всем крестьянским хозяйствам относительно Мярмааского кихельконда (см. табл.)¹⁷.

Как видно из таблицы, количество обнаруженных ревизионной комиссией упущений невелико: только в 1739 г. их больше 1% от общего количества мужчин. Зато перенесенных по решению комиссии из графы стариков и инвалидов (и в меньшей мере из графы мальчиков) в графу трудоспособных мужчин значительно больше — от 1,5% (в 1757 г.) до 5% (в 1774 г.) По-

¹⁶ Так случилось, например, в 1744 г. в мызах Тюрп-Аллику, Кирна, Лаупа и Локута.

¹⁷ Мярмааский приход выбран потому, что здесь имеются материалы ревизий по всем именьям. Единственным исключением является маленькая мыза Мырасте, где в 1774 г. ревизия не проводилась.

Т а б л и ц а

**Расхождения в данных о численности крепостных мужчин
в помещичьих и комиссионных вакебухах Мярмааского кихельконда**

Год ревизии	Число мужчин									
	по помещичьим вакебухам			по комиссионным вакебухам			упущенных в помещичьих вакебухах		перенесенных в графу трудоспо- собных по реше- нию комиссии	
	трудо- способ- ных (15— 60 лет)	престаре- лых и ин- валидов	мальчи- ков (до 15 лет)	трудо- способ- ных (15— 60 лет)	престаре- лых и ин- валидов	мальчи- ков	всего	из них трудоспо- собных	из графы стариков и инвали- дов	из графы мальчи- ков (до 15 лет)
1732	196	58	276	209	52	271	2	1	10	5
1739	285	81	272	314	72	260	8	2	9	18
1744	290	89	299	325	78	281	6	1	15	19
1750	340	104	348	382	77	339	6	4	26	12
1757	474	83	402	456	95	399	9	3	12	3
1765	473	88	361	492	72	362	4	2	15	2
1774	466	140	420	518	97	415	6	2	44	6

смотрим по протоколу ревизии 1750 г., при каких обстоятель-
ствах такие перенесения имели место.

В Мярмааском кихельконде из представленных в графе детей-
мальчиков к трудоспособным мужчинам было отнесено в ходе ре-
визии 12 мальчиков (3,5% от общего их количества). В 10 слу-
чаях секретарь ревизионной комиссии ссылается на дату рожде-
ния в церковной метрической книге. В остальных двух случаях,
по которым в церковных книгах данных не обнаружилось, по
свидетельству отца один достиг уже восемнадцати, другой же был
признан старше пятнадцати лет, поскольку его младший брат,
проживающий в другой деревне, был уже, по представленному по-
мещиком вакебуху, признан трудоспособным. Из отнесенных по-
мещиками к престарелым и инвалидам комиссия признала почти
 $\frac{1}{4}$ (26 человек) часть трудоспособными. Из них в девяти слу-
чаях основой служило признание самого крестьянина о том, что
ему не исполнилось 60 лет. В отношении восьми инвалидов уезд-
ная комиссия после осмотра на месте решила, что они все-таки
трудоспособны. Трое из отмеченных инвалидами были признаны
трудоспособными, так как во время предыдущей ревизии они чис-
лились трудоспособными, несмотря на увечье.

Мы видим, что в данном случае были использованы в равной
мере три вида проверки: метрические книги, показание самих
крестьян, осмотр на месте. При этом каждый из этих видов про-
верки использовался обычно в сомнительных случаях: метриче-
ская книга, если вопрос шел о нижней возрастной границе
(15 лет), свидетельство самого крестьянина в случае уточнения

старшей возрастной границы (60 лет), осмотр на месте — когда решался вопрос о состоянии здоровья.

Рассмотрим все эти виды проверки подробнее.

Начиная с 1739 г. в работе уездной комиссии должен был участвовать и пастор данного кихельконда. Он должен был иметь при себе метрические книги, которые служили основой при определении возраста крестьян. Однако на практике при определении возраста пожилого крестьянина лишь очень редко можно было опираться на метрическую книгу. Ведь старые метрические книги, уходящие в начало XVIII в. и еще в более раннее время, сохранились только в отдельных кихелькондах. К тому же даже в тех случаях, когда подобная метрическая книга и существовала, далеко не всегда удавалось найти сведения о каждом взрослом крестьянине. Зато при определении возраста мальчиков метрические книги почти всегда служили надежной опорой.

Особенно существенным является для нас вопрос о достоверности показаний самих крестьян: ведь при проверке числа женщин, детей и скота, а также величины повинностей приходилось опираться только на показания крестьян.

Протоколы заседаний уездных комиссий были по своему характеру весьма различны. Один секретарь ограничивался несколькими фразами о месте и времени опроса, другой же давал обстоятельный обзор всех перипетий работы комиссии. Особенно ценны для нас протоколы Ляэнемааской уездной комиссии 1774 г., так как они содержат данные о достоверности показаний крестьян и о медицинском осмотре. Секретарь этой комиссии отличался особой старательностью и основательностью: он подробно запротоколировал ход каждого рабочего дня комиссии. Благодаря этому можно установить, почему тот или иной крестьянин занесен помещиком в графу престарелых и инвалидов, мы узнаем также о решении комиссии относительно трудоспособности крестьянина, и, что для нашей темы особенно важно, вышеуказанный секретарь записал и то, что именно послужило основой для решения комиссии.

В 13 имениях Мярьямааского кихельконда было, по представленным помещиками данным, в 1744 г. 466 трудоспособных крепостных крестьян мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет, 140 стариков или инвалидов и 420 мальчиков моложе 15 лет. Ревизионная комиссия внесла в эти цифры существенные поправки: количество трудоспособных увеличилось на 11% (52), число престарелых и инвалидов уменьшилось на 31% (43), а мальчиков — на 1% (5)¹⁸. Из 97 занесенных комиссией в графу престарелых и инвалидов трое же были помещиками занесены в

¹⁸ Количество мальчиков в данном случае сравнительно устойчивое: только 6 мальчиков, занесенных помещиками в графу детей, были признаны трудоспособными. По-видимому, помещики не решались представлять фальшивые данные относительно мальчиков потому, что в распоряжении комиссии имелись находящиеся в хорошем состоянии метрические книги.

вакенбухи. Из остальных 94 человек старше 60 лет были признаны 35 крестьян, а нетрудоспособными вследствие различных болезней и увечий — 59 человек. 43 крестьянина, занесенные первоначально в графу престарелых и инвалидов, были признаны трудоспособными. Относительно 8 из них не ясно, по каким мотивам помещики считали их старыми или увечными. В протоколе уездной комиссии лаконично отмечено, что они в действительности трудоспособны. Относительно трех отмечается, что они «еще трудоспособны»; совершенно ясно, что под вопросом находился их возраст. 22 крестьянина были признаны моложе 60 лет; у пяти комиссия не обнаружила грижи, у двоих, считавших себя больными, не было обнаружено никакой болезни, у остальных троих нашли болезнь излечимую, выленную или же слишком незначительную, чтобы их признать нетрудоспособными.

Если попытаться проанализировать эти цифры, то сразу бросится в глаза, что большое количество крестьян, занесенных помещиками в графу престарелых и инвалидов, комиссия признала трудоспособными (почти $\frac{1}{3}$). По данным комиссии, из 1030 крестьян мужского пола Мярьямааского уезда 35 были старше 60 лет, что составляет только 3,2% от общего их количества. По ревизским сказкам таких крестьян было от 3 до 5%¹⁹. Ясно, что в данном случае нельзя говорить о сознательном искажении действительного положения в пользу мярьямааских помещиков со стороны комиссии. Возраст пожилого крестьянина, как правило, приходилось выяснять у него самого²⁰. Если же и сам крестьянин этого не знал, вопрос решался исходя из того, как он выглядит, или же пытались найти какие-либо косвенные сведения в метрической книге (крещение детей, женитьба и т. д.).

Из вышесказанного следует, что в таком существенном с точки зрения государственного обложения вопросе, как превышение критической возрастной границы, крестьяне говорили комиссии часто невыгодную для помещика правду, которая и была зафиксирована в вакенбухах комиссии. При оценке достоверности данных таковой ревизии XVIII в. этот факт имеет очень большое значение.

Сомнения в объективности данных ревизии может вызывать сравнительно высокий процент нетрудоспособных из-за болезни или увечья. Так, в 1774 г. в Мярьямаа на 518 трудоспособных крестьян в возрасте от 15 до 60 лет приходится 59 увечных того же возраста, т. е. каждый десятый должен был быть нетрудо-

¹⁹ В протоколе ревизии 1774 г. в Мярьямаа обычно лаконично отмечено, что крестьянин считается старше или же моложе 60 лет. Только в четырех случаях прямо сказано, что, по свидетельству самого крестьянина, ему еще нет 60 лет. Однако за обычной формулировкой «считается», по-видимому, кроется также показание самого крестьянина.

²⁰ *S. Vahtra*. *Talurahva vanuselisest koostisest Eestis hingeloenduste andmeil*. (О возрастной структуре эстонских крестьян по данным подушных ревизий).— «*Studia historica in honorem Hans Krüss*». Tallinn, 1971, lk. 257—272.

способным по состоянию здоровья. В разряд инвалидов комиссия занесла 13 крестьян, у которых была обнаружена грыжа, 4 эпилептика, 2 слепых, 1 немой, 1 горбатый, 20 хромых и 5 с увечьем руки; 2 были признаны нетрудоспособными из-за желудочных заболеваний, 5 были просто «бессильны» и 6 увечны без подробной характеристики болезни.

Как мы видим, имеется значительное количество таких заболеваний, которые не влияют в существенной мере на трудоспособность крестьянина: глухой или хромой может работать не хуже здорового, полной инвалидности не несет с собой также эпилепсия или грыжа. Как раз при квалификации таких крестьян с физическими недостатками комиссия имела относительно большую свободу действий. Здесь от ее строгости, а возможно, и от отношения членов комиссии к тому или иному помещику зависело в какую графу занести свидетельствуемого крестьянина. Возможность произвола скрывалась в самом понятии «трудоспособного мужчины» — это ведь не какая-нибудь ясно определяемая категория. Добавим, что превышение границы 60 лет не делало крестьянина непригодным к труду: до тех пор, пока позволяло здоровье (и оно часто позволяло до смертного часа), крестьянин работал. Поэтому «трудоспособный мужчина» и фактически в крестьянском хозяйстве работающий мужчина не являются идентичными понятиями.

В данной связи важно констатировать, что крестьяне не давали перед комиссией ложных показаний в пользу помещика относительно своего состояния: приводимые физические недостатки и болезни у этих крестьян действительно существовали (или существовали ранее), и не дело крестьянина было судить о том, в какую графу вакенбуха нужно его по этому признаку внести.

Остается еще вопрос о пропуске отдельных крестьян или целых хозяйств. Намеренного невнесения целых хозяйств со стороны помещиков ревизионные комиссии почти не обнаружили; случаи невнесения детей и стариков имели место чаще. Если на весь Мярмааский кихельконд ревизионная комиссия 1774 г. определила пропуск только двух трудоспособных крестьян, невнесенных стариков и инвалидов было обнаружено четыре.

До сих пор мы пытались установить достоверность данных гаковых ревизий, исходя из порядка их проведения. Но последнее слово при их источниковедческой критике должно принадлежать сопоставлению данных ревизий с другими современными и независимыми от них источниками.

Относительно повинностей такое сопоставление легко провести, так как в ЦГИА ЭССР имеются списки повинностей многих эстляндских имений того периода. Как правило, их данные полностью совпадают с зафиксированными в протоколах гаковых ревизий повинностями²¹.

²¹ Для исследователя феодальной ренты те и другие имеют большой недо-

Сопоставление числа людей осуществимо лишь косвенно, и оно является весьма трудоемким делом. Самыми перспективными в этом отношении являются церковные метрические книги, которые имеются со второй половины XVIII в. по большинству эстляндских кихелькондов. Оказывается, что по их данным общее количество населения Ярваского уезда увеличилось в период 1765—1774 гг. на 3100 человек, а по данным гаковых ревизий — на 2800 крепостных крестьян. В период 1774—1782 гг. соответствующие цифры — 3000 и 2800²². Напомним, что в гаковых ревизиях в отличие от метрических книг не учтены некоторые категории населения (мызная прислуга, вольные люди, помещики), которые, вместе взятые, составляли примерно 10% деревенского населения. Таким образом, совпадение данных двух независимых друг от друга видов источников просто поразительное.

В то же время приведенные выше цифры показывают, что данные последней гаковой ревизии и данные 1782 г. прекрасно согласуются друг с другом. Благодаря этому можно без особых затруднений «построить мост» между двумя в основном однотипными массовыми источниками, что очень важно для выявления динамики многих процессов и явлений в эстляндской деревне. В данном случае важно установить, что материалы гаковых ревизий начиная с ревизии 1732 г. следует признать вполне достоверными и весьма точными.

Мало того, тартуский историк С. Вахтре пришел недавно к выводу, что из данных трех первых ревизий, проведенных в Эстляндии, самыми точными являются данные первой (IV всероссийской 1782 г.) ревизии²³. Думается, что особая точность ревизских сказок 1782 г. объясняется в значительной мере влиянием гаковых ревизий. В 1762 г. эстляндские помещики еще хорошо помнили использованную во время гаковых ревизий весьма строгую контрольную систему (последняя из ревизий была проведена лишь за 8 лет до того — в 1774 г.). В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что тогда как во время ревизий 1795 и 1811 гг. в Лифляндии обнаружено было очень много пропущенных в 1782 г. душ, то в эстляндских ревизских сказках такого почти не встречалось.

Таким образом, степень достоверности материалов гаковых ревизий XVIII в. весьма высокая; вакенбухи ревизионных комиссий являются важным источником для изучения многих проблем социально-экономического развития Эстляндии в XVIII в.

статок: сведения о вспомогательной барщине неполные или совсем отсутствуют.

²² Данные 1782 г. из ревизских сказок (мызная прислуга и вольные люди исключены).

²³ С. Вахтре. Подушные ревизии в Эстляндской губернии (1782—1858 гг.) и их данные как источник истории крестьянства. Автореферат докт. дисс. Тарту, 1970, стр. 15.

**ИЗ ОПЫТА
РЕКОНСТРУКЦИИ УТРАЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ
(на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева)**

Р. В. Овчинников

Отечественная текстология, выделившаяся в специальную отрасль источниковедения, достигла значительных успехов в разработке теоретических и прикладных проблем реконструкции не дошедших до нас в первоизданном виде памятников древнерусской письменности¹. Опираясь на опыт дореволюционной науки в изучении летописей, и прежде всего на труды А. А. Шахматова и предложенную им методику сравнительно-текстологического исследования летописных сводов, критически используя и развивая научные традиции в этой области, советские историки выработали принципиально новый подход к проблеме реконструкции текстов утраченных исторических источников. Подход этот, определенный ныне как сравнительно-исторический метод, строится на сочетании двух важнейших направлений в исследовании и реконструкции текстов.

Во-первых, исследование должно вестись путем сравнительного изучения всех сохранившихся списков искомого памятника, а также свидетельств других источников, исторически связанных с ним. В результате исследования должна быть выявлена и объяснена генетическая связь между всеми изучаемыми списками и установлен текст, наиболее близкий к архетипу памятника. Обнаруженный таким образом текст-основа служит базой для последующего восстановления утраченного архетипа памятника, его реально существовавшего в свое время текста (пра-текста).

Во-вторых, текстологическое исследование памятника должно сочетаться с изучением исторической среды, в которой был создан искомый текст памятника. Историческое исследование должно воссоздать фон общественной жизни соответствующего времени, собрать по возможности все данные об авторе памятника, его мировоззрении и психологии, его идейных и политических позициях, о литературной манере его письма. В исследовании должна быть раскрыта роль заказчиков памятника, его редакто-

¹ Новейшая сводка данных о работах в этой области дана в книге: А. П. *Пронштейн*, Методика исторического исследования. Ростов, 1971, стр. 119—143.

ров и переписчиков, показаны требования «канцелярии», учтено назначение памятника, его место в реальных событиях своего времени, а также его последующая судьба. Все эти исторические «реалии» являются, наряду с текстологическими наблюдениями, основным «строительным материалом», необходимым для восстановления утраченного текста источника.

Тесная взаимосвязь двух направлений изучений памятника письменности — сочетание текстологического и исторического исследований — составляет сердцевину современной текстологии, определяет существо принципиальных положений сравнительно-исторического метода этой дисциплины².

Метод текстологии, разработанный и сформулированный преимущественно на базе изучения летописного материала, в равной степени распространяется и находит успешное применение в исследованиях текстов всех иных классов исторических источников как повествовательного, так и документального (актового) характера. В зависимости от состава и надежности источников, используемых для реконструкции памятника, результат этой операции может быть достигнут с различной степенью полноты и гипотетичности восстановленного текста. Основываясь на опыте отечественных историков, можно выделить следующие виды реконструкций текста:

1. Полное воссоздание утраченного текста исторического источника. Текст восстанавливается в полном объеме и виде, сближающим его по форме (для документальных источников — по формуляру) и по внутренней структуре (содержание, язык и др.) с реально бытовавшим некогда текстом памятника.

2. Частичное восстановление (реставрация) текста. Реставрируются несохранившиеся (вследствие повреждений) фрагменты текста памятника, дошедшего до нас в подлинном виде или в списках. При реставрации используются сходные по назначению, формуляру и структуре источники.

3. Предварительная реконструкция текста. Устанавливаются реальные следы бытования утраченного ныне текста памятника в составе поздних его редакций или в составе источников иного происхождения. Следы утраченного текста могут обнаруживать себя либо пересказом его содержания, либо частичной его цитацией, либо другими видами его переработки (со стороны содержания, идейной направленности, стиля, языка и др.), либо, наконец, указаниями на отдельные его атрибуты (автор, дата, аннотированное обозначение содержания). При отсутствии надежных

² Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 225—267; А. А. Зимин. О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.— «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 136—139; Д. С. Лихачев. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов.— «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 155—166; С. Н. Азбелев. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина.— «История СССР», 1966, № 4, стр. 81—89.

источников, позволяющих вести работу по воссозданию утраченного текста памятника в полном его объеме и виде, работа останавливается на этом начальном этапе. А сам результат подобной реконструкции выражается в установлении данных, позволяющих получить представление о составе и содержании утраченного текста лишь в описательной форме, в виде эскиза.

Каждый из названных выше видов реконструкции³⁻⁴ восстанавливает, в конечном счете, не доподлинный, реально существовавший некогда текст памятника, а лишь гипотетическое подобие его⁵. Реконструированные тексты имеют, как известно, большое значение в научной интерпретации источников и с этой позиции могут быть использованы (в обязательном сопровождении с разобранными и аргументированными обоснованиями) в различного рода исторических построениях.

Утвердившийся в отечественной текстологии метод сравнительно-исторического изучения памятников письменности не исключает, а предполагает возможность применения самых различных приемов научной реконструкции текстов. Указывая на многообразие существующих методических подходов в прикладных разделах текстологии, Д. С. Лихачев пишет, что «способов и видов реконструкций столько, сколько существует ученых, занимающихся ими»⁶. Выбор того или иного приема реконструкции зависит от характера исследуемых памятников, от полноты и надежности источников, привлекаемых исследователем для своих реконструкций, от конкретных целей, которые он преследует, и от особенностей его профессионального мастерства. В особо сложных случаях (например, при восстановлении навсегда утраченных памятников, которые не оставили пространных следов текста в каких-либо других источниках) требуется комбинированное применение различных текстологических и источниковедческих приемов исследования.

В текстологии, равно как и в любой другой отрасли научного знания, практический опыт изучения конкретных объектов и проблем предшествовал теоретическому обобщению накопленных наблюдений. Еще до того, как были сформулированы принципиальные положения текстологии и появились обобщающие теоретические труды в этой области, советские ученые достигли значительных успехов в конкретных текстологических исследованиях памятников древнерусской письменности (летописи, произ-

³⁻⁴ Различные виды реконструкции утраченных текстов рассмотрены в статье А. А. Зиминой «О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.» («Исторический архив», 1956, № 6, стр. 133 и сл.).

⁵ Д. С. Лихачев. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов.— «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 157.

⁶ Там же, стр. 166. Из последующего текста статьи Д. С. Лихачева видно, что он говорит именно о многообразии способов реконструкции, а не их видов (число которых не столь уж велико и может быть сведено к трем указанным нами выше наименованиям).

ведения литературы и публицистики, законодательные установления, актовые источники). В ходе изучения конкретных памятников были выработаны самые разнообразные индивидуальные приемы реконструкции текстов⁷.

Проблемы реконструкции текстов исторических источников нуждаются в дальнейшей разработке как в теоретическом плане, так и со стороны расширения фронта прикладных изучений. Необходимо, в частности, учесть опыт текстологических исследований последнего десятилетия (со времени выхода в свет теоретических работ в этой области). В практических разысканиях следует, наряду с совершенствованием известных уже методов, идти по пути поиска новых приемов реконструкции исторических источников.

До последнего времени основными объектами текстологических исследований являлись уникальные памятники русской письменности X—XVII вв., — того периода отечественной истории, по которому сохранилось относительно небольшое число источников. Учитывая потребности науки, текстология должна перейти за рубеж XVII в., заняв соответствующее место среди других вспомогательных исторических дисциплин, изучающих источники нового и новейшего времени.

Опираясь на изложенные выше теоретические положения советской текстологии и на практические достижения историков и литературоведов в области реконструкции текстов, автор данной статьи попытался выработать приемы восстановления утраченных манифестов и указов Е. И. Пугачева, учитывая их первостепенное значение для изучения генеральных проблем истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России. Ведь именно в этих источниках зафиксирована важнейшая информация о политических, социальных, национальных и экономических мероприятиях ставки Пугачева, в этих документах запечатлены административные, военно-оперативные и иные решения предводителя восстания.

Из свидетельств самого Пугачева и лиц из ближайшего окружения известно, что с середины сентября 1773 г. по август 1774 г. из главной ставки восстания (из пугачевского секретариата, а с ноября 1773 г. из повстанческой Военной коллегии) было разослано множество воззваний и распоряжений. В показаниях Пугачева на допросе 16 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената отмечено, что он свои манифесты «как сам для разсеваения оных раздавал, так и Творогову таковые же раздавать и в разные места для возмущения народа, — кто только попросит, — приказывал; но сколько оных разсеяно, — он не помнит»⁸. Допрошенный тогда же илецкий казак И. А. Творогов, бывший судья Военной коллегии, заявил, что во всех местах, где нахо-

⁷ А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 119—143.

⁸ «Следствие и суд над Е. И. Пугачевым. III. Документы о следствии над Е. И. Пугачевым в Москве». — «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 99.

дились повстанческие отряды, «возмутительные указы,— лишь кто... одно слово вымолвит, чтоб ему дать указ, то тем людям и давали, с тем чтоб оные они разседали повсюду и приклоняли бы людей» в ряды восставших, «ибо Пугачев почасту о сем приказывал»⁹. Аналогичные сведения о массовом распространении пугачевских воззваний и об их воздействии приведены в показаниях А. И. Дубровского (мценского купца И. С. Трофимова) — секретаря повстанческой Военной коллегии, человека, непосредственно причастного к изготовлению манифестов и указов Пугачева за июнь — август 1774 г. Из материалов его допроса явствует, что Пугачев повсюду рассылал указы «со объявлением народу, что когда всех можно будет перевести помещиков, то тогда будет всем вольность и избавятся от крестьянства; подушных и протчих податей, рекрутского набору, продажи вина и соли не будет. В таком случае народ, как несведущей и несмысленная чернь, почитали и утверждали за самую истинну, и думали то подлинно получить, друг друга склоняли» к поддержке Пугачева¹⁰. Сходные данные о массовой рассылке манифестов и повелений под именем «императора Петра Федоровича» привели в показаниях на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии казаки И. Я. Почиталин и М. Д. Горшков, служившие секретарями при Пугачеве в сентябре 1773 — марте 1774 г.¹¹

Однако уже с первых недель восстания местные военные и гражданские власти Екатерины II приступили к систематическому уничтожению перехваченных манифестов Пугачева и воззваний его атаманов, стремясь положить конец дальнейшему распространению антикрепостнических идей среди народа. При этом, однако, копии некоторых документов (преимущественно деловые бумаги повстанцев) оставались для сыскных целей в качестве улики против определенных участников восстания. Многие манифесты и указы Пугачева пропали при разгроме отдельных очагов повстанческого движения. Кроме того, держатели этих преступных в глазах правительства документов часто уничтожали их из соображений личной безопасности. По указанным, видимо, мотивам Пугачев, оберегая своих сторонников от возможных репрессий, приказал сжечь архив повстанческой Военной коллегии после разгрома его отрядов в битве под Тагичево¹² в марте 1774 г. Много документов было утрачено в условиях походной жизни главной ставки Пугачева и его отрядов¹².

В результате всех этих утрат из множества бытовавших манифестов и указов (а число их документов достигало, вероятно, не одну сотню наименований) до нас дошло всего лишь 46 указов и манифестов Пугачева. Сохранились они в подлинниках

⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. I, л. 220.

¹⁰ «Пугачевщина», т. II. М.—Л., 1929, стр. 223.

¹¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. II, лл. 75 об.—76; «Пугачевщина», т. II, стр. 113.

¹² Р. В. Овчинников. Документы штаба Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений.— «Советские архивы», 1973, № 4, стр. 68—69.

(их меньше) и в копиях, причем некоторые дошли в нескольких экземплярах (в подлинниках, в повстанческих и правительственных копиях). Из 46 сохранившихся манифестов и указов Пугачева только 28 были напечатаны в I томе «Пугачевщины» (М.— Л., 1926), остальные рассеяны по различным журнальным и газетным публикациям, напечатаны в монографиях, а некоторые вообще еще не изданы.

Корпус сохранившихся манифестов и указов Пугачева невелик и не дает полного представления о характере и объеме деятельности повстанческого центра. Имеющиеся пробелы можно восполнить путем реконструкции утраченных документов, опираясь на источники иного происхождения (следственные показания руководителей восстания и рядовых повстанцев, деловая переписка пугачевских атаманов, переписка властей и учреждений екатерининской администрации, мемуары и записки современников), словом, все те материалы, в которых можно выявить реальные следы бытовавших в дни восстания, но не дошедших до нас пугачевских воззваний и распоряжений.

Исследования в этой области только начинаются. В литературе известна пока лишь одна работа по данной теме — статья Л. Д. Рысляева, посвященная реконструкции текста (или, как говорит автор, восстановлению содержания) именного указа Пугачева от 6 августа 1774 г., адресованного жителям г. Саратова¹³. Посылка пугачевского указа в атакованный повстанцами Саратов — факт совершенно бесспорный, отраженный в следственных показаниях самого Е. И. Пугачева¹⁴, секретаря его Военной коллегии А. И. Дубровского¹⁵, саратовских купцов, бургомистра М. Д. Протопопова¹⁶ и Ф. Ф. Кобякова¹⁷, а также в донесениях саратовского коменданта полковника И. К. Бошняка¹⁸ и капитана местного гарнизона И. Сапожникова¹⁹. Из свидетельств Протопопова, Кобякова, Сапожникова и Бошняка известно также, что пугачевский указ не был оглашен жителям Саратова и что комендант Бошняк, получив указ из рук Кобякова, тотчас по прочтении «изодрал» его и, бросив на землю, «ногами топтал»²⁰.

¹³ Л. Д. Рысляев. Восстановление содержания саратовского указа Пугачева и датировка двух его указов к донским казакам.— «Ученые записки Псковского гос. педагогического института им. С. М. Кирова», вып. 23. Кафедра истории. Псков, 1964, стр. 72—87.

¹⁴ «Красный архив», 1935, № 69—70, стр. 218.

¹⁵ «Пугачевщина», т. II, стр. 222.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. I, л. 183.

¹⁷ Там же, л. 172 об. Кобяков сам ездил в стан Пугачева, находившийся в трех верстах от Саратова в зимовье колониста Паллсова, и привез оттуда пугачевский указ в запечатанном конверте, вручив его коменданту И. К. Бошняку.

¹⁸ «Пугачевщина», т. II, стр. 192; ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 543.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 490, ч. I, л. 255—255 об.

²⁰ Так писал Бошняк в рапорте астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову от 8 августа 1774 г. («Пугачевщина», т. II, стр. 192). Сапожников же доносил, что Бошняк разорвал указ, вовсе не читая его. Кобяков и

Мобилизовав для реконструкции пугачевского указа источники различного происхождения (сходные по назначению указы ставки Пугачева, адресованные в августе 1774 г. в другие поволжские города, протоколы допросов повстанцев и др.), Рысляев пытался установить примерное содержание документа. По его мнению, саратовский указ Пугачева должен был состоять из следующих компонентов:

1. «Преамбула», в которой сообщается о том, что «почти уже вся Россия» склонилась в подданство «императору Петру III».

2. Утверждение признания народом предводителя прибывшего под Саратов войска подлинным «государем Петром Федоровичем».

3. Формула об освобождении крестьян от крепостной зависимости дворянам, объявление крестьян «рабами собственной нашей короне» и пожалование их волей, свободой от платежа податей и от рекрутских наборов, наделение землей со всеми ее угодьями и др.

4. Формула о пожаловании купцов вольностью, свободой от платежа податей и от рекрутской повинности, предоставление купечеству льготных условий промысловых занятий.

5. Формула о пожаловании саратовских, донских и волжских казаков вольностью и награждением в случае вступления их на службу «императору Петру Федоровичу».

6. Формула, объявляющая дворян злодеями и призывающая к их повсеместному беспощадному уничтожению.

7. Формула, призывающая иностранных колонистов Поволжья вступить на службу «императору Петру Федоровичу»²¹.

Реконструированный Л. Д. Рысляевым документ отражает, как видно, существо политики Пугачева по отношению к различным социальным группам населения Поволжского края. Но имел ли саратовский указ Пугачева такое именно конкретное содержание? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть использованные Л. Д. Рысляевым источники и оценить его аргументацию. К важнейшим источникам реконструкции утраченного указа автор отнес группу документов ставки Пугачева от июля — августа 1774 г.: манифест 31 июля, объявленный в Пензе и провозгласивший основные положения крестьянской вольности и содержащий призыв к истреблению дворян²²; именной указ 3 августа о назначении секунд-майора Г. Г. Герасимова управителем Пензы, производстве его в полковники и об определении в товарищи ему пензенского купца А. Я. Кознова²³; указ повстанческой Военной коллегии 18 августа вновь назначенному атаману Волжского ка-

Протопопов в своих показаниях сообщили лишь о том, что указ был разорван Бошняком, умолчав о факте его прочтения.

²¹ Л. Д. Рысляев. Указ, соч., стр. 78—79.

²² «Пугачевщина», т. I, док. № 19.

²³ ЦГАДА, ф. 6, д. 453, л. 17; см. публикацию этого документа в газете «Пензенская правда», 16 февраля 1958 г.

зачьего войска А. И. Венеровскому о приготовлении казаков к походу с армией Пугачева и о пожаловании их за верную службу²⁴. Л. Д. Рысляев усматривает близкое сходство этих документов между собой (и по отношению к утраченному указу Пугачева в Саратов) в общности их содержания, назначения и даже формы. Они, как считает автор, «исходят из одного и того же органа повстанческой армии и написаны, может быть, одними и теми же лицами», близки («идентичны») по времени написания и по месту назначения, преследуют одни и те же цели, идентичны по обращению от имени «императора Петра Федоровича» к крестьянам, казакам и другим социальным группам трудового населения Поволжья, одинаковы по отношению к дворянству и офицерству. Л. Д. Рысляев находит, что установление близости этих документов по их форме и содержанию «не требует иного доказательства, кроме прочтения их»²⁵.

Однако «прочтение» и внимательный анализ этих документов не подтверждают категорического утверждения Л. Д. Рысляева, дискредитируя предложенный им прием реконструкции утраченного указа Пугачева. Прежде всего о каком сходстве в форме и назначении документов может идти речь, если первый из них (манифест Пугачева от 31 июля) является нормативным актом, объявленным «во всенародное известие», второй (именной указ Пугачева от 3 августа) — распоряжением верховной власти о назначении конкретных лиц на командные посты в городском управлении г. Пензы, третий (указ Военной коллегии от 18 августа) — предписанием военно-оперативного характера? Каждый из этих документов обладает соответствующей его назначению строго определенной формой (формуляром), предназначен определенному адресату.

Принципиальные различия наблюдаются и в содержании рассматриваемых источников. Если манифест Е. И. Пугачева от 31 июля провозглашает основные положения крестьянской вольности (освобождение крестьян от крепостной зависимости, перевод их в разряд казачества, предоставление в безвозмездное пользование земли со всеми ее угодьями, освобождение от налогов, податей, рекрутских наборов и др.), то именной указ Пугачева от 3 августа и указ Военной коллегии от 18 августа имеют более ограниченное содержание и, по существу, касаются конкретных распоряжений по руководству повстанческим движением в определенных пунктах Поволжья. Отмеченные Л. Д. Рысляевым некоторые черты общности в происхождении, оформлении и содержании этих источников, в частности общая канцелярия (Военная коллегия, которая одновременно исполняла и роль личного секретариата Пугачева), хронологическая близость в рамках од-

²⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 490, ч. I, л. 272; см. публикацию этого документа в журнале «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 138.

²⁵ Л. Д. Рысляев. Указ. соч., стр. 72—74.

ного этапа Крестьянской войны (июль — август 1774 г.), общая формула об истинности «Петра III» и о покорении ему обширных районов Юго-Востока России, общая антидворянская направленность и единая цель, подчиненная задачам вовлечения в восстание различных сословий трудового народа Поволжья и другие черты, пригодны лишь для выявления ведущих тенденций в политике ставки Пугачева на данном этапе движения, т. е. для решения исторической проблемы большого масштаба. Но такого рода наблюдения и аналогии не могут иметь определяющего значения для текстологических разысканий, для реконструкции конкретного документа, в данном случае для восстановления саратовского указа Пугачева. Аргументация Л. Д. Рысляева сводится, по существу, к предположению того, что в этом документе обязательно должны были быть отражены важнейшие положения, запечатленные в манифесте Пугачева от 31 июля, его указе от 3 августа и в указе Военной коллегии от 18 августа 1774 г. Однако научная реконструкция утраченного памятника строится не на предположениях и допущениях, а на реальных следах текста этого памятника, сохранившихся в том или ином объеме и виде в свидетельствах иных источников.

К числу источников реконструкции саратовского указа Пугачева Л. Д. Рысляев относит также документ, оформленный в виде именного указа Пугачева (а точнее в виде жалованной грамоты) и сохранившийся в следственном деле пензенских пугачевцев — секунд-майора Г. Г. Герасимова, купца А. Я. Кознова и секретаря Т. Андреева²⁶. В нем сказано: «Божиею милостию, мы, Петр III, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Всемиловитейше жалуем нашего города Пензы городского товарища Андрея Кознова жительствоующим у него семейством крестьянина Тихона Федосеева и женою Акусьею и з детьми Натальею, Андреем, Акулиною и Агафьею, да Евсея Ермолаева жену Марью Петрову в вечное и потомственное владение. Августа ... дня 1774 года»²⁷. Л. Д. Рысляев всерьез считает, что это — подлинный указ Пугачева. Справедливости ради следует заметить, что Л. Д. Рысляева смутило содержание этого «жалованного указа», передающего «в вечное и потомственное владение» купцу Кознову живущих у него по найму крестьян, что находится в разительном противоречии с антикрепостническим пафосом пугачевских манифестов. Но, преодолев возникшие сомнения доводами малоубедительного свойства, Л. Д. Рысляев далее уже без колебаний рассматривает эту бумагу в качестве подлинного документа ставки Пугачева, раскрывающего будто бы существо политики предводителя Крестьянской войны по отношению не только к пензенскому, но и вообще ко всему поволжскому купечеству, что и дает ему основание использовать это наблюде-

²⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 453.

²⁷ Там же, л. 16.

ние для реконструкции саратовского указа в той его части, где речь идет о пожалованиях саратовскому купечеству за верную службу «Петру III».

Однако при обращении к архивному оригиналу выясняется, что «жалованная грамота» Кознову — не подлинный документ, а всего лишь его черновая заготовка. Документ не скреплен ни подписью «Петра III», ни его печатью, как обычно оформлялись подлинные пугачевские указы того времени; не обозначена и точная дата документа (не указано число). Обращение к материалам следственного дела, в составе которого хранится заготовка «жалованной грамоты» Кознову, свидетельствует о том, что она была составлена не в ставке Пугачева, а по приказанию самого Кознова. В протоколе Казанской секретной комиссии от октября 1774 г. зафиксировано показание Кознова о том, что 3 августа 1774 г. в Пензенскую провинциальную канцелярию, где в то время находились Герасимов, секретарь Андреев и сам Кознов, приехали от Пугачева казаки и в числе других распоряжений велели Кознову, чтоб он «на людей тех, которых я при себе имею во услужении из найму, написал бы указ, который де наш батюшка подпишет» и что «тогда же просил я секретаря Андреева, чтоб он написал от имени самозванца указ о имении мне находящихся у меня из найму крестьян в вечном услужении. Почему Андреев оной и написал, но имяна тех людей вписаны в нем моею рукою»²⁸. Уточняющие коррективы в это показание внес секретарь Пензенской провинциальной канцелярии Андреев на допросе 9 декабря 1774 г. в Тайной экспедиции Сената, сообщив, что Кознов действительно велел ему написать указ о пожаловании во владение крестьян, но сам Андреев не писал его, а поручил это сделать находившемуся в канцелярии «неведомому подъячому», а по написании отдал его Кознову, «а оной, взяв, вписывал еще имена тех людей своею рукою; а сам он, Андреев, такого ложного указа не писывал»²⁹. Эти показания (не учтенные Л. Д. Рыслеевым) раскрывают истинное происхождение «жалованной грамоты» Кознову и бесспорно свидетельствуют о том, что она не может рассматриваться в качестве документа, исходившего из ставки Пугачева, и не может, следовательно, быть использована при изучении политики повстанческого центра в отношении купечества, а тем более для решения конкретной задачи по реконструкции содержания саратовского указа Пугачева³⁰.

²⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 453, лл. 26 об.— 27.

²⁹ Там же, л. 48—48 об.

³⁰ К сожалению, ошибочные наблюдения Л. Д. Рыслеева относительно значения «жалованной грамоты» Кознову вошли в литературу, а сама эта «грамота» используется в качестве подлинного документа Пугачева. Так, например, В. В. Мавродин при характеристике существа социальной политики Пугачева, опираясь на названный документ, заявляет, что «идеология крепостников оказывала известное влияние» на повстанцев, в том числе и на самого Пугачева, который пожаловал «города Пензы городско-

Из числа привлеченных Л. Д. Рысляевым источников лишь в одном документе сохранились реальные следы текста саратовского указа Пугачева от 6 августа 1774 г. Речь идет о рапорте саратовского коменданта И. К. Бошняка астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову от 8 августа 1774 г.³¹, где сообщается, что в пугачевском указе «написано было, что все купечество, бобыли и пахотные³² будут защищены и ото всех податей избавлены, а вольность дана будет; а штап-обер-афицеров и дворян всех хотел перевешать»³³. Комендант Бошняк был единственным лицом из саратовцев, ознакомившимся с содержанием пугачевского указа, и его свидетельство о нем, сообщенное к тому же всего лишь два дня спустя после совершившегося события, является единственным реальным следом текста утраченного документа, пригодным для его реконструкции или восстановления его содержания. Все же прочие привлеченные Л. Д. Рысляевым источники, не имеющие прямого отношения к событиям, происшедшим 6 августа 1774 г. в Саратове, и не содержащие в себе реальных следов текста саратовского указа Пугачева, не могут быть использованы в названных целях. Не имеют под собой документальной почвы и предположения Л. Д. Рысляева относительно того, что в саратовском указе Пугачева должны были содержаться обращения предводителя Крестьянской войны к крестьянам, казакам и иностранным колонистам. Эти группы жителей не упомянуты в рапорте Бошняка в качестве адресатов пугачевского указа. К тому же сами по себе они были малочисленны и малозаметны среди других, более представительных сословий торгово-ремесленного населения Саратова. Следует указать и на то, что среди указов и манифестов Пугачева от июля — августа 1774 г. нельзя найти такого указа, который содержал бы в себе одновременно обращение к различным сословным группам населения какого-либо поволжского города и индивидуально учитывал бы требования каждой такой группы. Попытка Л. Д. Рысляева искусственно сконструировать подобного рода сводный, многоаспектный документ, отдельно учитывающий интересы каждой со-

го товарища Андрея Кознова жительствоющим у него семейством крестьянина Тихона Федосеева и з женою Аксиньей и з детьми Натальей, Андреем, Акулиной и Агафьей в вечное и потомственное владение» (В. В. Маеродин. Основные проблемы Крестьянской войны в России в 1773—1775 годах.— «Вопросы истории», 1964, № 8, стр. 66; «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева», т. II, Л., 1966, стр. 12; Ю. А. Кизилов. Некоторые спорные вопросы истории Крестьянской войны в России.— «Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева». Тезисы докладов. Казань, 1974, стр. 27).

³¹ Л. Д. Рысляев принимает этот документ за протокол допроса саратовского купца Ф. Ф. Кобыкова.

³² Имеются в виду отставные солдаты, поселенные для пропитания на пашни.

³³ «Пугачевщина», т. II, стр. 192.

словной группы населения Саратова и его округа, оказалась несостоятельной из-за неверного подбора источников и недоказанности выдвинутых им предположений. Короче говоря, исследователем не были соблюдены основные требования относительно чистоты текстологического эксперимента.

Как отмечалось выше, в работе по реконструкции утраченного документа истинную цену и определяющее значение имеют лишь реальные следы его текста, запечатленные в сообщениях других источников. Сама же реконструкция того или иного утраченного рескрипта Пугачева, не воссоздавая в полном объеме и форме всего его текста, сводится к установлению важнейших его атрибутов, в частности, его назначения, адресата, даты, содержания, а также к выявлению реальной исторической среды его создания и бытования.

В данной связи вполне уместен вопрос о степени достоверности такого рода эскизных реконструкций утраченных источников и правомерности их вообще в практике работы исследователя. Вопрос этот положительно решается экспериментальным путем, когда какой-либо из сохранившихся указов Пугачева сопоставляется с показаниями о нем, извлеченными из источников иного происхождения.

Вот один из таких примеров. Соборный протопоп в Самаре Андрей Иванов на допросе в Казанской секретной комиссии показал, что 25 декабря 1773 г. после вступления в город повстанческого отряда атамана И. Ф. Арапова его помощник, отставной солдат И. Жилкин, вручил протопопу «бумагу, сказывая, что де его манифест Петра Третьяго. А как он, развернув оной и смотря на подпись руки, усмотрел, что подписано не русскими литерами, то не зная сам, показал оное другим священникам, кои учились в семинарии, которые смотря, сказали ему, што де подписано по латыни: «Петр». А в манифесте, как припомнить может, писано, што он, будучи лишен от завистников престола, вступил напоследок на оной и увещевает, признав его за государя, служить ему верно»³⁴. Перед нами реальный след текста пугачевского манифеста, сообщающий данные о его содержании, особенности оформления (подпись латинскими литерами имени «Петр»), а также объявления жительства его объявления жителям покоренной Самары. Достоверность показания протопопа Иванова подтверждается при обращении к обнаруженному в другом архивном деле оригиналу манифеста Пугачева от 18 декабря 1773 г., скрепленному латинской подписью «Petr» и объявляющему «во всенародное известие», что «небезызвестно есть каждому верноподданному рабу каким образом мы от недоброжелателей и зависцов общаго покоя Всероссийскаго и по всем правам принадлежащаго престола лишены были» и что ныне «господь неизреченным и своими праведными судьбами, а молением и усерднейшим желанием наших

³⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 431, лл. 10 об, 11.

верноподданных рабов, паки возвести нас созволяит на престол», почему верноподданные и призываются «власти нашей усердно покориться и во всеподданнческой должности быть повиннитись», за что «всякою вольностию отеческою» будут пожалованы³⁵. Налицо совпадение реального следа текста пугачевского манифеста, извлеченного из показаний протопопа Иванова, с важнейшими положениями оригинала этого документа.

Другой пример. В ноябре 1774 г. каратели разгромили в Пензенской провинции отряд атамана И. И. Родионова. Сам атаман и ближайшие его сподвижники оказались в плену. На допросе И. И. Родионов показал, что в начале августа 1774 г. он посетил ставку Пугачева в селе Иссах под Пензой, где получил указ, «в котором написано: Божьею де милостию, мы, Петр III, император и самодержец Всероссийской, жалуюм де сим имянным нашим указом с монаршеским и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне»³⁶. Брат атамана, повстанец Е. И. Родионов, дополнил это показание сообщением, что названный указ написан «именем государя Петра Федоровича, и крестьянам от помещиков делает вольность, и от платежа подушных денег и от рекрутской отдачи увольняет, и жалует соляными озерами безошлинно»³⁷. Сопоставление показаний братьев Родионовых с сохранившимися указами и манифестами Пугачева того времени позволяет установить, что И. И. Родионов располагал одним из экземпляров июльского манифеста 1774 г.³⁸ Отдельные части текста этого документа почти дословно воспроизведены в цитированных показаниях пугачевцев Родионовых³⁹.

Приведенные примеры (а число их можно было бы увеличить) убеждают в правомерности реконструкции утраченных рескриптов Пугачева по свидетельствам параллельных источников. Непременным условием реконструкционной работы является предварительный критический анализ самих источников реконструкции: установление обстоятельств их происхождения, степени достоверности и полноты сообщаемых ими показаний о недошедших до нас документах. Лишь опираясь на результаты предварительных источниковедческих разысканий, располагая аргументи-

³⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. I, л. 279—279 об. Манифест был отобран у пугачевских агитаторов В. Иванова и М. Родионова в деревне Осиповке под Сызранью, куда они были посланы из Самары атаманом И. Ф. Араповым (см. там же, лл. 275—276, 281—285).

³⁶ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 390 об.

³⁷ Там же, л. 394 об.

³⁸ «Пугачевщина», т. I, док. № 19.

³⁹ На текстуальную близость этих показаний к июльскому манифесту Пугачева впервые указала Л. С. Прокофьева в статье «О действиях повстанцев Правобережья в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева» («Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века». М., 1969, стр. 333).

рованными обоснованиями, исследователь может использовать выявленные реальные следы текста для реконструкции соответствующего утраченного документа и последующего включения его в историческое построение.

Предложенный прием реконструкции восстанавливает респириты Пугачева лишь в предварительном, эскизном виде, преимущественно в форме описаний их назначения и содержания с сообщением некоторых данных о происхождении этих документов и условиях их бытования в событиях Крестьянской войны. Результат реконструкционной работы находится в прямой зависимости от числа и авторитетности используемых для этой цели источников. Надежность реконструкции повышается в тех случаях, когда она построена на использовании показаний независимых друг от друга источников (показания сообщены различными лицами и учреждениями, даны в разных временных и пространственных ситуациях и т. п.).

Обратимся к некоторым примерам эскизной реконструкции утраченных указов Пугачева.

Атаман казаков-повстанцев Яицкого войска Н. А. Каргин на допросе 14 мая 1774 г. а Оренбургской секретной комиссии дал показание об указе Пугачева, обнародованном в начале февраля 1774 г. в Яицком городке. Каргин рассказал, в частности, что сразу же после свадьбы Пугачева с Устиньей Кузнецовой (1 февраля) казаки просили Пугачева дать указ на их привилегии. «А как потом тот указ составлен был», то Пугачев «приказал всему войску на площади сделать круг» и велел «яицкому казаку Ивану Герасимову означенной указ прочитать, в котором написано,— сколько ему помнитца,— следующее: што жалует Яицкое войско с крестом и бороною, рекою Яиком с вершины и до устья и впадшими в нее реками и протоками, землю, травами и лесом, и всеми теми обрядами, какие прежде между ими бывали, тож и вольностью в выборе старшин и атамана. А как скоро сей указ прочитали, то все войско и закричало: «Благодарствуем, надежа-государь»⁴⁰. Показание Каргина не только передает реальный след текста утраченного указа Пугачева, но и сообщает сведения о его происхождении, обнародовании и восторженном восприятии казаками этого акта, восстановившего былые казачьи вольности и привилегии Яицкого войска. Четыре месяца спустя другой участник этого события пугачевский полковник А. П. Перфильев на допросе 12 сентября 1774 г. в Яицкой отделенной секретной комиссии дал сходные показания о том же самом указе, сообщив, что когда Пугачев «намерен был из городка возвратиться в Берду, то собравши из казаков круг, велел читать пред всеми именной свой указ, которым жаловал Яицкое войско: рекою Яиком с вершины до устья и всеми впадающими в оную протоками, всеми выгодами, вольностью, свинцом, поро-

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. XIII, лл. 128 об., 129 об.

хом, крестом и бороною. Тем же указом повелел выбрать им в кругу общим советом кого сами захотят для их управления войскового атамана и двух старшин⁴¹ с тем, что естли выбранные ими атаман и старшины не станут делать войску удобность, и казаки будут ими недовольны, то отдает на их волю хоть чрез три дни старого атамана и старшин сменить, а на их места выбрать других в кругу по общему совету». По прочтении указа Пугачев всему кругу говорил: «Извольте, Яицкое войско, выбирать себе атамана и старшин по прежнему вашему обыкновению кого хотите: отдаю на вашу волю». Тогда казаки все закричали: «Довольны, батюшка, надежа-государь, вашею царскою милостью!» И пошли в кругу переговоры в похвалу Пугачева «такия: «То та отец-ат, посмотри-ка, отдает на нашу волю выбор атамана, он старинной наш обычай по-прежнему хочет возстановить!»⁴² Совершенно независимые друг от друга и одновременные показания Каргина и Перфильева воссоздают сходное, иногда даже близкое по тексту, содержание утраченного указа Пугачева от февраля 1774 г. Этот реконструированный документ в сочетании с сохранившимся указом Пугачева Яицкому войску от 17 сентября 1773 г.⁴³ и показаниями о двух других утраченных его же указах от начала октября⁴⁴ и середины декабря 1773 г.⁴⁵ воссоздает политику повстанческого центра по отношению к яицкому казачеству — застрельщику Крестьянской войны и самой боеспособной силе в рядах войска восставших.

Вот еще один пример выявления реальных следов текста и восстановления по ним утраченного указа Пугачева. На допросе 31 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии сотник Волжского казачьего войска депутат Уложенной комиссии В. В. Горский сообщил следователям, что 24 августа 1774 г. Пугачев объявил ближайшим своим соратникам указ о пожаловании их чинами. Документ этот, как вспоминал в своих показаниях Горский, был зачитан секретарем Военной коллегии А. И. Дубровским и содержал следующие слова: «Божиею милостью, мы, Петр Третий, император и самодержец Всероссийский. Жалуем мы от армии нашей в генерал-фельдмаршалы и всех орденов кавалеры атамана Андрея Овчинникова, в генерал-аншефы и, — не упомяю во сколько орденов, — в кавалеры Афанасия Перфильева, в генерал-фельдцейхмейстеры и обоих орденов в кавалеры Федора Чумакова, в генерал-порутчики и обоих орденов в кавалеры и Государственной военной коллегии в члены Ивана Творогова, в камергеры и обоих орденов в кавалеры, — не упомяю

⁴¹ В казачьем кругу атаманом Яицкого войска был выбран Н. А. Каргин, старшинами А. П. Перфильев и Т. Фофанов.

⁴² ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 374—374 об.

⁴³ «Пугачевщина», т. I, док. № 1.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, лл. 155, 450 об.; ЦГАДА, ф. 1100, д. 4, л. 4 и др.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. XIII, л. 135; д. 512, ч. I, л. 270; ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 420; «Пугачевщина», т. II, стр. 108, 125, 164—165 и др.

кого ⁴⁶, — в Военную ж коллегию полковника Алексея Дубровского обер-секретарем, в секретари, — не упомяну, писаря ⁴⁷ какого-то» ⁴⁸. Показание Горского об этом указе подтверждается совершенно независимым от него свидетельством пугачевского «генерал-поручика» И. А. Творогова на допросе 27 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии о том, что когда Пугачев «был между Царицыным и Черным Яром, то, — не знаю, по научению ли чьему или сам собою, — вздумал старшин своих назвать генералами, на которых указ от имени его сочинил вышесказанной секретарь Дубровской. И сей указ, накануне разбития нашей толпы», Пугачев, «по собрании к полатке своей всех назначенных в чины старшин, вышед из оной, сказал: «Бог и я, великой государь, жалую вас чинами. Послужите вы мне за ето верою и правдою». А посему мы, став пред ним на колени, благодарили». Потом Пугачев приказал Дубровскому «читать о том свой указ. Из сего указа понял я имена только пожалованных, кои были сии: дежурной Давилин, атаман Овчинников, полковники: Перфильев, Федулев, я, Чумаков, а других не упомяну. Но я ни одного из тех чинов назвать не знаю, хотя я и сам в числе тех пожалованных находился, потому что прежде оных не слыхивал» ⁴⁹. Из цитированных показаний видно, что Горский и Творогов с различной степенью точности и полноты, взаимно дополняя друг друга, воссоздали содержание последнего из пугачевских указов. Эти их показания следует рассматривать в качестве реальных следов текста утраченного документа, вполне пригодных для его эскизной реконструкции.

Приведенные выше примеры показывают, что важнейшими источниками реконструкции утраченных рескриптов Пугачева являются следственные показания руководителей и рядовых участников Крестьянской войны. Это и понятно: ведь большинство повелений и распоряжений Пугачева не выходили за пределы повстанческого лагеря и были известны только повстанцам. И все же отдельные манифесты и указы Пугачева могут быть реконструированы по свидетельствам документов администрации Екатерины II. При этом такие реконструкции бывают особенно надежными в тех случаях, когда показания источников правительственного происхождения об утраченных указах и манифестах Пугачева подкрепляются соответствующими свидетельствами пугачевцев. Так, например, у нас есть серьезные основания не сомневаться в истинности сообщения журнала Яицкой комендантской канцелярии («Журнал подполковника И. Д. Симонова») относительно присылки Пугачевым 19 января 1774 г. указа в осажденную крепость Яицкого городка: «Пугачев, наконец, не удержался

⁴⁶ Я. В. Давилин.

⁴⁷ Г. Степанов.

⁴⁸ «Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов». Сб. документов. Ростов, 1961, стр. 208.

⁴⁹ «Пугачевщина», т. II, стр. 161.

опасность свою на письмо [изъявлять], запрещая оные [вылазки] чинить впредь, с великим угрожением»⁵⁰. Сообщение это подтверждается показанием самого Пугачева на допросе в Яицком городке, в котором он сообщил, что в середине января 1774 г. разуверившись в возможности завладеть осажденной крепостью штурмом, он отправил к коменданту Яицкого «кремля» угрожающий указ и одновременно приступил к устройству минных подкопов под крепость⁵¹. В данном случае взаимодополняющие друг друга свидетельства лиц, стоявших на позициях двух противоборствующих сторон, служат надежным основанием для восстановления содержания несохранившегося указа Пугачева. Апалогичным образом может быть реконструировано содержание указа Пугачева от 19 июня 1774 г. в осажденный город Осу на Каме с предписанием о капитуляции его гарнизона и сдаче города войскам «Петра III», сведения о котором содержатся в показаниях осинского воеводы Ф. Д. Пироговского⁵², подпоручика местного гарнизона Ф. Д. Минеева⁵³, а также в подкрепляющих их свидетельствах самого Пугачева⁵⁴.

Реконструкция содержания несохранившегося указа Пугачева может быть выполнена и по единственному сохранившемуся реальному следу его текста в тех случаях, когда содержащий его источник не вызывает сомнений в отношении подлинности, а его свидетельства согласуются с реальной исторической обстановкой соответствующего места и времени. Сошлемся на примеры. В приложении к «Журналу» коменданта Яицкого городка подполковника И. Д. Симонова⁵⁵ помещен «Экстракт», составленный по текстам двух указов Пугачева, подброшенных 17 февраля и 14 марта 1774 г. в осажденную повстанцами крепость внутри Яицкого городка. В указе от 17 февраля, подкинутом в тот же день на лед р. Старицы, Пугачев, обращаясь «к находящимся в воинском ретранжаменте разного звания людям», пишет, судя по «Экстракту»: «злоковарной свой воровской соблазн, и потому требует покорения со изъявлением всем прощения, а в случае непослушания угрожал варварским и бесчеловечным наказанием»⁵⁶. Сквозь пелену враждебно-тенденциозной фразеологии «Экстракта» проступает содержание утраченного указа Пугачева, сходного с другими его воззваниями того периода, в частности с основными положениями манифеста 2 декабря 1773 г.⁵⁷ «Экстракт» сооб-

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 170.

⁵¹ «Следствие и суд над Пугачевым». — «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 118.

⁵² ЦГАДА, ф. 6, д. 440, л. 4 об.

⁵³ ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. III, л. 206. Минеев впоследствии служил полковником в войсках Пугачева.

⁵⁴ «Следствие и суд над Пугачевым», стр. 121.

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, лл. 169—174 об. «Журнал действиям обретающейся воинской команде в Яицком ретранжаменте».

⁵⁶ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 130.

⁵⁷ «Пугачевщина», т. I, док. № 14.

щает также, что подброшенный повстанцами указ вызвал ожесточенную артиллерийскую дуэль сторон. Защитники крепости, подобрав указ, заметили, что Пугачев, взобравшись с группой повстанцев на батарею, установленную на возвышенности у Куренной стороны, «с коей весь ретранжамент открывался», «прилежно» смотрел «на прием и исполнение того письма». Но, «к тщетному ево ожиданию, соответствовано изо всех того фасу пушек по нем выстрелами, чем с той батареей, хотя и з бывшими с ним он, Пугачев, был согнат, но по таковому случаю брошено было от них в ретранжамент несколько пудовых бомб, однакож без дальнейшего вреда нам»⁵⁸.

Приведем доводы в пользу достоверности сообщения «Экстракта» об указе Пугачева от 17 февраля 1774 г. Несомненно, что указ мог быть объявлен лишь во время пребывания Пугачева в Яицком городке, а он, как известно, находился здесь с конца января по 19 февраля 1774 г.⁵⁹ Идея посылки указа самым прямым образом была связана с завершением 17 февраля работ по устройству минного подкопа под цитадель обороны осажденной крепости — колокольню соборной церкви⁶⁰. Стремясь избежать излишнего кровопролития, Пугачев и решил, видимо, склонить гарнизон крепости к капитуляции, обратившись к нему с именным указом. Но, поскольку он не возымел желаемого действия, Пугачев под утро 19 февраля приказал взорвать подкоп, обрушивший часть укреплений неприятеля и колокольню. К доказательствам сообщения «Экстракта» об указе Пугачева может быть отнесен и сам характер описания событий 17 февраля, исполненного путем точной характеристики деталей: топографии соответствующего района с обозначением укреплений и батарей обеих сторон, динамики боевых эпизодов и т. п. Составителю «Экстракта» подполковнику И. Д. Симонову не было нужды специально придумывать все эти детали, он воссоздал с натуры всю картину события. При этом следует учитывать то, что «Экстракт» (равно как и «Журнал») имел сугубо служебное назначение, так как он в качестве отчетного документа был направлен в Военную коллегию при рапорте Симонова от 19 мая 1774 г.⁶¹

Последние соображения должны быть приняты во внимание при оценке достоверности другого сообщения «Экстракта» об указе Пугачева, подброшенном в Яицкий «ретранжамент» 14 марта 1774 г. Указ был доставлен в осажденную крепость весьма оригинальным путем. Конверт с запечатанным в нем указом был привязан к хвосту воздушного бумажного змея, который запустили с Чагапской стороны. Нить змея обрезали точно в тот мо-

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 130.

⁵⁹ «Оборона крепости Яика от партии мятежников» (анонимные записки офицера-очевидца, опубликованные в кн.: *А. С. Пушкин. Полн. собр. соч.*, т. 9, ч. II. М.—Л., 1940, стр. 540—543).

⁶⁰ Там же, стр. 541—543.

⁶¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 129.

мент, когда он находился над центром крепости. При вскрытии конверта защитники крепости обнаружили указ Пугачева, которым он «подполковнику Симонову и команде от всяких коварных умыслов велит удержаться и вылазок из крепости днем и ночью, а также и напрасного кровопролития не чинить, ублажая притом всех к покорению со обещанием от него прощения. А в случае несклонения угрожал зверояростною своею проклятою злобою. И заключал уведомлением, что ими, ворами, посланные от нас в Оренбург на лыжах с почтою Шестой полевой команды мушкетеры Тимофей Деякин и Иван Потехин, в степи без хлеба десять дней блудящие, пойманы и сюда доставлены»⁶². В ответ на полученный указ осажденные сделали несколько выстрелов гранатами из единорога по укреплениям повстанцев на Чаганской стороне. Указ 14 марта был послан накануне отъезда Пугачева из Яицкого городка под Оренбург, куда одновременно отправлялась значительная группа местных казаков-повстанцев и вывозились крупные партии боеприпасов. Повстанческие силы в Яицком городке заметно ослаблялись, и этим, видимо, обстоятельством можно объяснить обращенное к командиру осажденного гарнизона требование указа о прекращении дневных и ночных вылазок из крепости во избежание напрасного кровопролития. Доказательством достоверности сообщения «Экстракта» о содержании указа Пугачева от 14 марта 1774 г. может служить подробность его описания (вплоть до обозначения имен солдат-курьеров), а также детальное изображение необычных обстоятельств доставки этого документа в Яицкий «ретранжамент».

Подобными же приемами эскизно реконструируются тексты некоторых других несохранившихся указов Пугачева по единичным свидетельствам косвенных источников. Автором данной статьи учтены по различным источникам сведения о 108 несохранившихся документах Пугачева, что в 2 с лишним раза превышает число дошедших до нас манифестов и указов предводителя восстания, причем о большинстве утраченных документов сведения извлечены из двух и более источников, взаимно дополняющих и корректирующих друг друга.

Для отдельных документов Пугачева возможен, однако, и иной вид их реконструкции, при котором утраченный текст заново воссоздается в полном его объеме. Его можно воспроизвести со всеми теми атрибутами формуляра и внутренней структуры, какими обладал подлинный текст документа до его утраты. В таких реконструкциях реальные следы текста утраченного памятника, выявленные в источниках иного происхождения, накладываются на формуляр другого документа, сходного по назначению и содержанию с восстанавливаемым памятником и хронологически близким к нему по времени создания. Аналогичный прием использования сходных формуляров, предложенный в свое время

⁶² ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 130.

Л. В. Черепниным⁶³, широко применяется для паучной реставрации поврежденных (утраченных, испорченных) фрагментов текста актовых источников. В отношении же документов Пугачева прием этот может быть использован для решения более ответственной текстологической задачи, а именно, для полного воссоздания целиком утраченных текстов.

Правомерность такого усовершенствования приема обосновывается знанием особенностей делопроизводства секретариата Пугачева и его Военной коллегии. Его секретари при составлении сходных по назначению документов довольно часто использовали стереотипные образцы соответствующих текстов. Так, например, манифест Пугачева от 2 декабря 1773 г.⁶⁴ дошел до нас в 35 списках с диапазоном датировок от 2 декабря 1773 г. по 23 июня 1774 г.⁶⁵ При этом каждый отдельный экземпляр имел свое особое назначение, посылался определенному адресату (коллективному, индивидуальному) и, следовательно, в каждом отдельном случае выступал в качестве самостоятельного документа. Один из списков этого манифеста, датированный 18 декабря 1773 г. и предназначенный атаману И. Ф. Арапову, использовался им в агитационных целях среди населения Самары и ее окрестностей⁶⁶, другой был послан 19 января 1774 г. Салаватом Юлаевым в осажденный Кунгур⁶⁷, третий (от 14 апреля 1774 г.) был отправлен с казаком И. Шибяевым по селениям Исецкой провинции⁶⁸, четвертый (от 23 июня 1774 г.) был вручен полковнику Канзафару Усаеву, отправленному Пугачевым под Уфу для организации повстанческого движения в башкирских селениях Уфимского уезда⁶⁹ и т. д. Этот же манифест был оформлен в виде именного указа Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу и в двух экземплярах (на русском и немецком языке) был сброшен 20 декабря 1773 г. в осажденный Оренбург⁷⁰.

Для более раннего периода можно указать на стереотипный текст, выработанный для именных указов Пугачева его секретарем И. Я. Почиталиным. Этот стереотип, разработанный путем отделки текстов некоторых предшествующих обращений Пугачева от сентября 1773 г.⁷¹, лег в основу именных указов, адресованных: оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу 1 октября

⁶³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV всков, ч. I. М.—Л., 1948, стр. 291—293, 323—333.

⁶⁴ «Пугачевщина», т. I, док. № 14.

⁶⁵ Там же, стр. 228—229.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. I, л. 279 об.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 20, д. 1235, л. 264.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 51—51 об. (см. также указ И. Шибяеву от Военной коллегии 14 апреля 1774 г.—«Пугачевщина», т. I, док. № 30).

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 45—45 об.

⁷⁰ Р. В. Овчинников. «Немецкий» указ Е. И. Пугачева.—«Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 136—137.

⁷¹ «Пугачевщина», т. I, док. № 1, 2, 7.

1773 г., коменданту Красногорской крепости и сакмарским казакам 4 октября 1773 г., атаману Верхне-Озерской крепости И. В. Немецову 6 октября 1773 г., приказчикам Авзяно-Петровского завода М. О. Копылову, Д. Федорову и заводским крестьянам 17 октября 1773 г., казаку Л. Травкину и крестьянам деревни Михайловой Ставропольского уезда 23 октября 1773 г., атаману яицких казаков в осажденном Оренбурге М. М. Бородину 5 ноября 1773 г.⁷² Стереотипный в основной своей части текст названных именных указов дополнялся лишь такими индивидуальными их реквизитами, как адресат и дата.

Можно было бы указать также на группы других документов ставки Пугачева, в которых использовались стереотипные тексты.

Практика использования стереотипных образцов текста при составлении новых документов, сложившаяся в дни секретарства И. Я. Почиталина и М. Д. Горшкова, применялась и другими секретарями Военной коллегии в последующие месяцы восстания. Даже такой высокоподготовленный сотрудник Пугачева, как А. И. Дубровский, вступивший на пост секретаря Военной коллегии в конце мая 1774 г., не изменял этим традициям и наряду с созданием новых текстов воззваний и распоряжений «Петра III» использовал стереотипные образцы не очень грамотных текстов прежних секретарей. На допросе в Царицыне 27 сентября 1774 г. он вспоминал, что при вступлении в должность секретаря Военной коллегии «приказано мне было переписывать старые, сочиненные прежними секретарями указы, и писать вновь»⁷³. Такой же порядок ввел он и в отношении употребления стереотипных текстов сочиненных им же самим указов и манифестов Пугачева при написании новых документов.

Указанная особенность практики делопроизводства пугачевского секретариата и Военной коллегии дает возможность использовать при реконструкции утраченных документов Пугачева сходные по назначению стереотипные образцы текстов. Работа эта должна начинаться с выявления реальных следов утраченного текста в составе других источников. И лишь после того как комплекс этих сведений будет критически изучен и бесспорно установлен сам факт бытования искомого указа, обстоятельства его создания и последующая его история, следует переходить к подбору соответствующего ему стереотипа текста. При этом необходимо, оперируя собранными сведениями, доказать, что восстанавливаемому тексту документа точно соответствует подобранный стереотип его, выявленный среди сохранившихся источников.

Вот как, например, проводилась работа по воссозданию текста утраченного указа Пугачева от 1 октября 1773 г., адресованного атаману оренбургских казаков подполковнику В. И. Могутову.

⁷² ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 71; «Пугачевщина», т. I, док. № 8; ЦГАДА, ф. 6, л. 415, л. 23—23 об.; «Пугачевщина», т. I, док. № 10; ЦГАДА, ф. 6, л. 415, л. 21; ЦГВИА, ф. 20, л. 1230, л. 178.

⁷³ ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. II, л. 149.

7 октября 1773 г. оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп, донося петербургской Военной коллегии о начавшейся осаде Оренбурга повстанцами, писал, что Пугачев «рассеявая листы свои, всех к себе преклоняет и, приводя к своей присяге, утверждает. Каковы листы и сюда ко мне и оренбургских легких войск к атаману прислал ... и вышеописанные ко мне и к Могутову подосланные представляются»⁷⁴. Приложенный к рапорту указ Пугачева Рейнсдорпу сохранился в том же архивном деле⁷⁵, а указ к Могутову исчез при неизвестных обстоятельствах. Однако в других источниках сохранились реальные следы утраченного указа. Секретарь Пугачева — И. Я. Почиталин на допросе в секретной комиссии сообщил, что, находясь еще в Сакмарском городке, он, по приказанию Пугачева, написал указы в Оренбург о сдаче города без сопротивления войскам «Петра III» и отправил те указы «с двумя казаками, — не упомяну, с какими, — но те казаки более в толпу нашу не возвратились»⁷⁶. Имена этих казаков устанавливаются по Генеральному реестру колодников, содержащихся в оренбургской тюрьме, где записано, что 1 октября 1773 г. в Оренбург явились местные казаки Петр Мякутин и Данила Кадошников, которые доставили указы «от самозванца на имя здешнего господина губернатора и подполковника Могутова под титулом бывшего императора Петра Третьего»⁷⁷. Подробности присылки этих указов ясны из показания П. Мякутина на допросе в секретной комиссии, где он сообщил, что «по приходе под Оренбург самозванец остановился в лагере, и из оного послал двух оренбургских казаков его, Мякутина, и другого, Данилу Кадошникова, в город с двумя запечатанными конвертами, сказав, что «Ето де мои указы, одно к губернатору, другое к атаману Могутову, и вы де отдайте их в городе»⁷⁸. Факт присылки этих указов от Пугачева зафиксирован также в журнале Оренбургской губернской канцелярии⁷⁹ и в записках оренбургского священника И. Осипова⁸⁰. Другой мемуарист, П. И. Рычков, сообщил наиболее, пожалуй, интересные сведения о содержании указа Пугачева к Могутову: «Приблизившись к Оренбургу, самозванец Пугачев прислал в город письма, названные указами, из коих одно следовало к губернатору, а другое к оренбургскому атаману подполковнику Могутову. Содержание их состояло в том, чтоб город Оренбург ему, злодею, сдать, ожидая от него милости, а в противном случае его гнева. Но оба оные письма сочинены были в самых глупейших выражениях, писаны и подписаны письмом самым худым и ребячьим, а особливо, в надлежащем к Могутову,

⁷⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 69.

⁷⁵ Там же, л. 71.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 508, т. II, л. 80.

⁷⁷ Там же, д. 510, л. 17.

⁷⁸ Там же, д. 467, ч. XIII, л. 140.

⁷⁹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 183.

⁸⁰ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9, ч. II, стр. 554.

смеха достойно было обладеживание тем, что он за верность и службу награждать будет кафтанами, реками и озерами и морями, бородами и крестами»⁸¹.

Приведенные свидетельства источников сообщают данные о составителе указа (Почиталине), о его дате (1 октября 1773 г.), о его содержании, а также о лицах, доставивших указ в Оренбург. Этих данных вполне достаточно для предварительной реконструкции документа. Для воссоздания же его текста в полном виде необходимо найти соответствующий ему стереотип указа, применявшийся в практике делопроизводства секретариата Пугачева данного времени. Выше уже отмечалось, что в октябре — начале ноября 1773 г. пугачевский секретарь Почиталин пользовался стереотипным текстом именного указа Пугачева, который известен нам в шести сходных по содержанию и назначению указах, адресованных Рейнсдорпу, коменданту Красногорской крепости, атаману Верхне-Озерной крепости, приказчикам и крестьянам Авзяно-Петровского завода, казаку Л. Травкину, атаману М. М. Бородину⁸². Самый ранний из этих стереотипов — именной указ Рейнсдорпу от 1 октября 1773 г., который и по дате совпадает с восстанавливаемым указом оренбургскому атаману Могутову. Следовательно, пугачевский указ Рейнсдорпу может быть избран основанием для воссоздания текста указа Могутову, опираясь на реальные следы последнего документа в цитированных выше источниках. Ниже приводятся в параллельном ряду два текста: в левой колонке сохранившийся указ Рейнсдорпу, а в правой колонке воссозданный текст утраченного указа Могутову.

Именной указ Е. И. Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу

1 октября 1773 г.

Самодержавного императора Петра Федоровича Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Сей мой именной указ Оренбургской губернской канцелярии и господину губернатору Рейнсдорпу и рядовым казакам и всякого звания людям.

Имянное мое повеления.

Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови.

А как я к Оренбургу к городу прибуду, так все с усердием могли соответствовать, достойно лицу моему.

Именной указ Е. И. Пугачева атаману оренбургских казаков подполковнику В. И. Могутову

1 октября 1773 г.

Самодержавного императора Петра Федоровича Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Сей мой именной указ атаману Василью Могутову и всем старшинам и рядовым казакам.

Имянное мое повеления.

Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови.

А как я к Оренбургу к городу прибуду, так все с усердием могли соответствовать, достойно лицу моему.

⁸¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9, ч. I, стр. 221.

⁸² См. выше, прим. 72.

Второе: когда вы исполните мое имянное повеления, и за то будите жалованы чинами и на претки ваши рекою и землею, и травами, и морями, и денежным жалованьям, и хлебным правиянтом, и свинцом, и порохом, и вечною вольностию.

И повеление мое исполняйти, со усердностию меня, государя, встречайти, то совершенно меня за оное приобрести можети к себе мою монаршескую милость.

А ежели вы моему указу противитца будити, то повскорости и восчувствовати на себя праведный гнев мой и власти всевышняго создателя нашего и гнева моего избегнуть ни может никто, тебя от сильных нашея руки защитить не может.

Великий государь Петр Третий Всероссийскаго ⁸³

Второе: когда вы исполните мое имянное повеления, и за то будите пожалованы чинами и на претки ваши рекою и землею, и травами, и морями, и денежным жалованьям, и хлебным правиянтом, и свинцом, и порохом, и вечною вольностию.

И повеление мое исполняйти, со усердностию меня, государя, встречайти, то совершенно меня за оное приобрести можети к себе мою монаршескую милость.

А ежели вы моему указу противитца будити, то повскорости и восчувствовати на себя праведный гнев мой, и власти всевышняго создателя нашего избегнуть ни может никто, тебя от сильных нашея руки защитить не может.

Великий государь Петр Третий Всероссийскаго

При воссоздании текста пугачевского указа В. И. Могутову были исключены содержащиеся в сообщении П. И. Рычкова свидетельства о пожаловании атамана, старшин и казаков Оренбургского войска «кафтанами», «озерами», «бородами и крестами», поскольку такая номенклатура пожалований не встречается в стереотипном тексте именных указов Пугачева в октябре — начале ноября 1773 г., а появилась в документах предводителя восстания значительно позднее — в июле — августе 1774 г.⁸⁴

Аналогичным приемом может быть воссоздан текст несохранившегося указа Пугачева о производстве Салавата Юлаева в чин главного полковника, что имело место в начале июня 1774 г. Реальные следы текста этого указа сохранились в следственных показаниях самого Салавата Юлаева⁸⁵, в протоколах допросов видных пугачевцев А. П. Перфильева⁸⁶, П. А. Пустобаева⁸⁷ и Канзафара Усаева⁸⁸. Все они независимо друг от друга заявили на допросах, что в начале июня 1774 г. Пугачев, находясь со своим войском в верховьях реки Ай, пожаловал прибывших к нему с конными отрядами десятерых башкирских старшин, в том числе и Салавата Юлаева, чинами полковников и главных полковников (бригадиров). Воссоздать же текст указа о производстве Салавата Юлаева в чин главного полковника можно лишь при обнаружении хотя бы одного из десятка тех указов, которыми Пугачев пожаловал башкирских старшин полковничьими чинами,

⁸³ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 71. Подлинник рукою И. Я. Почитална.

⁸⁴ «Пугачевщина», т. I, док. № 19, 21.

⁸⁵ ЦГАДА, ф. 6, л. 593, л. 329 об.

⁸⁶ Там же, д. 506, л. 376.

⁸⁷ Там же, д. 505, л. 391.

⁸⁸ Там же, д. 428, л. 9 об.

т. е. найти стереотипный образец такого текста. Подлинный экземпляр такого именно документа сохранился в Оренбургском краеведческом музее (пнв. № 3315). Это именной указ Пугачева от 5 июня 1774 г. о производстве башкирского старшины Дуваиской волости Медета Миндиарова в чин полковника⁸⁹. Опроясь на текст этого документа как на стереотипный образец аналогичного происхождения указов 5 июня 1774 г., можно воспроизвести указ Пугачева Салавату Юлаеву, используя всю совокупность сохранившихся реальных следов его текста. Сама по себе эта реконструкция сводится к включению в текст указа фактических данных о Салавате Юлаеве.

Вот как мог выглядеть реконструированный текст указа Пугачева Салавату Юлаеву: «Божиею милостию, мы Петр Третий, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Известно и ведомо да будет каждому, что Шайтан-Кудейской волости старшинской сын Салават Юлаев служил нам полковником, а тысяща семьсот семдесят четвертаго года июня пятаго дня за оказанную ево к службе ревпость и прилежность главным полковником пожалован. Того ради мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим верноподданым онаго Юлаева нашим главным полковником надлежащим образом признавать и почитать.

Напротив чего и мы надеемся, что он в том ему всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму рабу надлежит.

Во свидетельство того мы собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить соизволили.

Дан июня 5 дня 1774 года.

Петр»⁹⁰

Воссозданный здесь указ Пугачева Салавату Юлаеву гипотетичен, как и любой реконструированный текст утраченного памятника. Но в данном случае степень гипотетичности весьма незначительна, ибо реконструкция выполнена на базе изучения комплекса авторитетных источников (документы Военной коллегии восставших, свидетельства лиц, непосредственно причастных к описываемому событию) и опирается на стереотипный текст документа, сходного по назначению к восстанавливаемому указу. Аналогичным путем может быть восстановлен и указ Пугачева о пожаловании Канзафара Усаева чином главного полковника, выданный в тот же день 5 июня 1774 г.

Опыт воссоздания текстов утраченных именных указов Пугачева В. И. Могутову и Салавату Юлаеву показывает, что при

⁸⁹ С. А. Попов. Указ Емельяна Пугачева.— «Советские архивы», 1966, № 2, стр. 73—75.

⁹⁰ Ср. С. А. Попов. Указ. соч., стр. 73—75.

реконструкциях подобного вида совокупность реальных следов текста, выявленных в составе источников иного происхождения, служит «фундаментом» и основным «строительным материалом» реконструкции, а сходные по назначению, формуляру и содержанию документы — «стереотипы» служат «каркасами» или «скелетами» реконструкции.

Используя подобный прием и аналогичные по надежности исходные материалы («следы текста» и «стереотипы»), можно было бы воссоздать в полном виде тексты некоторых других утраченных воззваний и повелений Пугачева. Но даже самым убедительным образом доказанная близость восстановленных текстов к их несохранившимся оригиналам не дает права на опубликование первых из них в общем составе дошедших до нас указов и манифестов Пугачева. Воссозданный текст источника может быть опубликован отдельно от основного корпуса сохранившихся документов (подлинников, отпусков, копий, списков) в составе приложений или комментариев к публикации как результат исследовательского труда, как гипотетический макет некогда бытовавшего источника.

Работа по реконструкции документов Пугачева, восстанавливающая утраченные тексты либо в их полном виде либо в эскизной форме на стадии предварительной реконструкции, должна восполнять имеющиеся лакуны в составе этой ценнейшей группы источников по истории Крестьянской войны 1773—1775 гг.⁹¹

⁹¹ Автором данной статьи проделана работа по эскизной реконструкции текстов 18 утраченных указов Военной коллегии Пугачева (*Р. В. Овчинников*. Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева. В кн.: «Крестьянские войны XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения». М., 1974, стр. 72—97).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ XIX — НАЧАЛА XX В.

Л. Е. Шепелев

XIX и начало XX века — особый период в истории государственных учреждений царской России, а вместе с тем и в эволюции их делопроизводства¹. На смену коллегиям XVIII в. в 1802 г. приходит система министерств, просуществовавшая до Октябрьской революции. Это период дальнейшего усложнения и крайней бюрократизации государственного управления. Делопроизводству придается громадное значение; оно рассматривается как особая важная область государственной деятельности. Система же делопроизводства как совокупность технических приемов получает в XIX в. высшее развитие. При этом так называемое «коллегиальное» делопроизводство XVIII в. не исчезает, а лишь модифицируется и сосуществует с новой системой делопроизводства министерств и других учреждений, действовавших на основе единоначалия.

Документы, образовавшиеся в процессе деятельности государственных учреждений, являются основным источником при изучении большинства проблем истории XIX — начала XX в. Обращающегося к ним исследователя поражает прежде всего их обилие, и, что нас в данном случае специально интересует, — многообразие. Даже по одному вопросу, как правило, имеется несколько разных видов документов (предписание, донесение, протокол заседания, указ и т. п.). Нередко один и тот же документ существует в нескольких различных экземплярах — вариантах (рукописный черновик, машинописный отпуск, типографский подлинник и т. п.). Естественно, что в этих условиях исследовательские возможности историка расширяются. Но вместе с тем перед ним встают некоторые задачи. Прежде всего он должен распознать и правильно обозначить любой из видов и вариантов документа. Но, кроме того, он должен быть осведомлен об их свойствах и отли-

¹ Термин «делопроизводство» имеет в литературе множество толкований (Я. Э. Лившиц, Д. И. Сольский. Некоторые вопросы терминологии в области документоведения. — «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 40—41). Мы понимаем под делопроизводством регламентированный процесс создания документов, их перемещение в информационных целях и организацию их размещения относительно друг друга для хранения.

чительных особенностях, для того чтобы правильно понять значение каждого из них и наилучшим образом его использовать.

Знакомство с историческими работами последних лет убеждает, что, решая эти задачи «походя», исследователи далеко не всегда делают это успешно. Между тем специальные источниковедческие исследования ограничиваются примерно десятком статей, посвященных отдельным видам делопроизводственных документов². Учебно-методическая источниковедческая литература тоже не содержит достаточно полных и определенных рекомендаций³.

Цель настоящей работы — обратить внимание на важность в источниковедческом отношении видовых и вариантных различий делопроизводственных документов XIX — начала XX в., выяснить степень их изученности, наметить основные перспективные направления и методы дальнейшего их изучения и предложить решение некоторых назревших проблем. При этом мы исходим из того, что источниковедение лишь исследует и использует видовые и вариантные особенности документа, приданные ему в делопроизводстве. Поэтому это исследование следует основывать на изучении прежде всего истории делопроизводства⁴. Необходимыми пособиями в этом будут, во-первых, справочные издания по делопроизводству, во множестве появившиеся в XIX в., во-вторых, учебники по истории делопроизводства и отчасти руководства по современному делопроизводству и, в-третьих, архивоведческая учебная и нормативная литература, поскольку архивное дело опирается на особенности делопроизводства и как бы закрепляет их в системе хранения и описания документов.

Из первых особенно важна изданная в 1857 г. обширная работа начальника одного из отделений хозяйственного департамента Министерства внутренних дел доктора законовения Н. В. Варадинова, которая не только дает систематическое изложение законодательства и канцелярских традиций, но и является своеобразным исследованием по теории делопроизводства⁵.

Н. В. Варадинов определяет делопроизводство «в теоретическом отношении» как «науку, излагающую правила составления

² Подробнее см.: *Л. Е. Шепелев. Изучение делопроизводственных документов XIX — начала XX в.* — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1968 г. Со времени появления этой работы положение существенно не изменилось.

³ Сошлемся здесь на изданные в последние годы работы: «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.» М., 1970; *Л. Е. Шепелев. Архивные разыскания и исследования.* М., 1971.

⁴ Изучение истории делопроизводства имеет и эвристическое значение, давая исследователю возможность ориентироваться во всей массе документов и обнаружить необходимые.

⁵ *Н. Варадинов. Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одиночному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел, с приложением к оным образцов и форм.* СПб., 1857 (в 2-х частях, всего 550 стр.). Н. В. Варадинов известен также как автор многотомной «Истории Министерства внутренних дел».

деловых бумаг, актов и самих дел». В практическом же отношении под делопроизводством он понимает «общий порядок производства дел в присутственных местах ... по данным законами формам и по установившимся образцам деловых бумаг».

Работа Н. В. Варадинова получила широкое распространение. В 1873 г. он предпринимает второе, расширенное ее издание⁶. Наконец, в 1881 г. выходит в свет третье «исключительно практическое издание» в двух частях⁷.

Н. В. Варадинов выступает ярким приверженцем сохранения делопроизводственных традиций. Для нас важно его указание на возможность установления авторства, времени составления и других атрибутов документов на основе устойчивых особенностей делопроизводства. «Зная, к какому роду или виду принадлежит бумага,— пишет он,— легко определить ... наружные ее свойства, легко заметить отступления от общих правил, встречающиеся иногда в бумагах присутственных мест, легко подметить особенности письмоводства известной канцелярии, так как почти в каждом присутственном месте есть свой обычай, свои формы для некоторых письменных изложений». Он даже рекомендует начинающему службу чиновнику «больше всего заботиться о том, чтобы его изложения ничем не отступали от принятого в том месте порядка», даже если «этот порядок не всегда удобен, не всегда сходствует с порядком письмоводства в других присутственных местах, ибо усовершенствование письмоводства ... лежит на обязанности начальника канцелярии», а «начинающий служить должен думать лишь о том, чтобы составляемые им бумаги были принимаемы и одобряемы».

Несомненной заслугой Н. В. Варадинова является то, что он впервые наметил основной общие элементы делопроизводственных документов XIX в. и дал общую классификацию этих документов, с одной стороны, в отношении их места в делопроизводстве, а с другой,— по их родам и видам. Он знакомит нас также с принятой в делопроизводстве XIX в. терминологией, которая не всегда закреплялась законодательством. Наконец, он характеризует несколько десятков видов важнейших делопроизводственных документов.

Поскольку порядок делопроизводства государственных учреждений XIX — начала XX в. оставался стабильным, труды Варадинова сохранили свое справочное значение до наших дней. В 1911 г.

⁶ *Н. Варадинов*. Делопроизводство. Руководство к составлению всех родов деловых бумаг и актов, по данным формам и образцам. Второе, по современному законодательству измененное издание. СПб., 1873 (ч. 1. «Теоретическое делопроизводство»; ч. 2. «Практическое общее делопроизводство», ч. 3. «Делопроизводство судебных учреждений нового устройства» и ч. 4. «Нотариальное, вообще актовое делопроизводство»).

⁷ *Н. Варадинов*. Делопроизводство. Руководство к составлению всех родов деловых бумаг по данным формам и образцам. Третье, исключительно практическое издание. СПб., 1881 (ч. 1. «Общее делопроизводство» и ч. 2. «Судебное делопроизводство»).

они были дополнены лишь «Положением о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве».

В послереволюционные годы основные работы по истории делопроизводства (а также теории делопроизводства советских учреждений) связаны с именем К. Г. Митяева.

Обратимся к рассмотрению, в интересующем нас плане, содержания трудов Н. В. Варадинова и К. Г. Митяева. Особый раздел Н. В. Варадинов посвящает «наружным свойствам деловых бумаг», а в одной из глав рассматривает «части деловой бумаги относительно наружной формы». Таких основных частей он выделяет шесть: «заглавие», «расположение обстоятельств дела», подпись, скрепу, бланковые надписи и конвертные (кувертные) надписи.

Под «заглавием» (часть документа впереди «глав») он имеет в виду наименование учреждения («места») либо должностного лица («власти»), которым документ адресовался, официальное обращение к адресату, обозначение названия вида документа, а также места и власти, от которых он исходит. Первоначально к заглавию относились и пометы типа: конфиденциально, срочно, циркулярно. Но во втором издании своей работы Н. В. Варадинов рассматривает их в качестве самостоятельной (седьмой) части документа.

В основном тексте документа — изложении содержания (Н. В. Варадинов называет его «расположением обстоятельств дела») — различаются «приступ», «изложение обстоятельств» и «заключение». В зависимости от вида документа содержание могло излагаться тремя способами: слитно, по пунктам и по графам. Различались также исторический и логический порядок изложения существа вопроса.

Подпись определяется Н. В. Варадиновым в общем виде, как «означение имени членов присутственного места или лица, от которого отправляется деловая бумага, с предшествующими приличными и делу соответствующими выражениями».

Под скрепой имелась в виду подпись лица, отвечавшего за «верность... составления» документа и докладывавшего его. Скрепка могла помещаться либо в конце документа за подписью, либо по всем листам документа (на поле или внизу); в последнем случае обозначение служебного положения и фамилии лица, скрепившего документ, подразделялось на слоги и могло повторяться, чтобы захватить все листы документа.

К бланковым надписям относились угловой штамп учреждения, составившего документ (с названием учреждения, датой, исходящим номером и т. д.), обозначение краткого содержания документа, адресата и других надписей на левом поле документа (ранде) или реже в его конце.

Заметим, что Н. В. Варадинов рассматривает документ как бы в пределах делопроизводства учреждения — автора и игнорирует возможность появления на нем индексов, помет и резолюций. ког-

да исходящий документ оказывался в делопроизводстве адресата.

К. Г. Митяев в свою очередь сделал попытки выделить устойчивые элементы текста документов. Но при этом он объединяет совершенно разные вещи — «элементы» и «признаки» документа.

В работе 1946 г. он называет следующие «элементы, составляющие так называемый формуляр письменного документа»⁸;

«а) разновидность документа...

б) автор (авторы) документа и состав бланка, если документ написан на бланке;

в) адресат (получатель) — для внешних документов;

г) содержание (текст) документа...;

д) состав удостоверения документа (подпись, скрепа, печать);

е) даты;

ж) место составления и получения (для внешних документов);

з) состав и значение отметок и индексов (шифров), имеющих на документе;

и) украшения (миниатюры и пр.)⁹.

В учебном пособии 1959 г., специально посвященном истории и организации делопроизводства, К. Г. Митяев дает примерно этот же перечень, но толкует его как перечень «наиболее существенных признаков отдельного документа». Пункт «и» здесь дан в другой редакции; кроме того, добавлен пункт «к»:

«и) внешние особенности документа, в том числе в отдельных случаях указание¹⁰ на материал, на котором написан документ, на украшение (например, миниатюры), на материалы, которыми написан документ (чернила, карандаш и т. п.);

к) подлинником или копией является документ».

Двумя абзацами ниже К. Г. Митяев толкует названные «признаки» как «элементы формуляров» документов¹¹.

Наконец, в работе по делопроизводству, вышедшей в 1968 г., К. Г. Митяев и Е. К. Митяева уже прямо объединяют «обязательные признаки и элементы документов», которые они называют «реквизитами»¹². «К реквизитам большинства документов, — продолжают авторы, — относят: обозначение названия разновидности, указание автора, содержание (текст), дата, подпись (под-

⁸ «Краткий словарь архивной терминологии» (М.—Л., 1968) определяет «формуляр документа» довольно широко, как простую «совокупность элементов документа» (конечно, точнее было бы сказать «элементов текста документа»). Отсутствие указания на устойчивые в редакционном отношении формулы текста нам представляется правильным.

⁹ К. Г. Митяев. Теория и практика архивного дела. М., 1946, стр. 24.

¹⁰ Здесь дефект редакции текста К. Г. Митяева, так как в каких случаях и где дается это «указание», остается неясным.

¹¹ К. Г. Митяев. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959, стр. 19—20.

¹² Государственным стандартом «реквизит документа» определяется как «обязательный элемент, присущий определенному виду документа» («Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». М., 1971, стр. 2). См. также следующее примечание.

писи)»¹³. Поскольку авторы имеют в виду делопроизводственные документы советской эпохи, изменение перечня реквизитов представляется, возможно, оправданным. Но ничем не объяснимо и вызывает возражение исключение из числа реквизитов обозначения адресата (обращения).

Как видно, «части» документа, выделяемые Н. В. Варадиновым, и «элементы и признаки», называемые К. Г. Митяевым, — не одно и то же. Не касаясь вопроса о признаках, как совершенно ясного, а для нас в данном случае не существенного, обратим внимание на рациональные аспекты предложений этих авторов. Нам представляется полезным намеченное Н. В. Варадиновым выделение четырех основных частей, как бы «зон» документа: заглавной части, изложения содержания, концовки и бланковой части (левое поле документа). Каждая из них содержит определенные элементы текста. В зависимости от вида документа эти элементы могут перемещаться, но для каждого данного вида они будут в одних и тех же частях. К существенным устойчивым элементам текста делопроизводственных документов XIX — начала XX в., по нашему мнению, относятся: обозначения разновидности документа, содержания (т. е. заголовков), даты, автора, адресата, места составления и места назначения документа; обращение, изложение содержания, которое тоже может иметь сложную структуру, заключительная формула и подписи; скрепа, особые отметки, исходящий и входящий штампы, а также резолюции. Способ воспроизведения текста документа, его «подлинность» и т. п. не являются элементами текста или реквизитами документа, но могут быть отнесены среди других к числу отличительных его признаков.

Элементы текста данного документа в присущих ему составе и последовательности образуют его формуляр. Для делопроизводственных документов XIX — начала XX в. в целом и особенно для «изложения содержания», как правило, не свойственно применение единых в редакционном отношении формул, тем более формул, обязательных в юридическом отношении. Однако у же

¹³ К. Г. Митяев, Е. К. Митяева. Административная документация (делопроизводство) в советских учреждениях. Ташкент, 1968, стр. 52. На той же странице авторы перечисляют следующие «признаки, присущие каждому документу, которые обязательно входят в формуляр всех документов: ...разновидности документа, автор, содержание, дата, оригинал или копия». Очевидно редакционное несовершенство этой формулировки. Явные несообразности при перечислении элементов делопроизводственных документов содержатся и в «Кратком словаре архивной терминологии» (М.—Л., 1968, «Формуляр документа»). К числу этих элементов здесь относятся автор, адрес, разновидность, дата, заголовок, содержание и т. п. Конечно, ни разновидность, ни содержание документа не являются элементами его формуляра; имеются в виду, видимо, *обозначение разновидности и текст документа*. Кстати, сказать, в словаре не дается понятие «реквизит документа» (мы считаем это правильным), но поясняются «реквизиты учреждения» («данные об авторе документа, его адресе, телефоне и т. п., отраженные в бланке документа»).

Н. В. Варадинов отмечает, что формулировки отдельных элементов текста документов (обращения, подписей, начальной и заключительной частей изложения содержания и др.), должны были следовать прямому требованию закона или канцелярской традиции. При этом можно различить два случая: когда редакционная формула предписывалась как обязательная и когда рекомендовалось несколько формулировок на выбор лишь для того, чтобы облегчить составление документа и последующее ознакомление с ним. Для менее сложных документов предлагался даже трафарет текста.

Закон и делопроизводственный обычай в мельчайших подробностях регламентировали порядок оформления каждого элемента текста документов в строгом соответствии с родом и видом последних.

Под видом документа Н. В. Варадинов справедливо понимает документы одинакового назначения, с единым формуляром и обычно общим самоназванием, например протоколы, предписания, прошения, купчие крепости¹⁴. Близкие виды документов объединяются им в род, например сношения или переписка.

Н. В. Варадинов разделяет всю совокупность делопроизводственных документов на четыре группы (рода): «а) дела и бумаги, составляющие внутреннее письмоводство присутственных мест — *канцелярские дела и бумаги*; б) дела и бумаги, употребляемые во взаимной переписке присутственных мест и властей — *сношения*; в) дела и бумаги, подаваемые частными лицами в присутственные места и властям — *просительные дела и бумаги*; г) дела и бумаги, составляемые по добровольному соглашению частными лицами между собой для определения и установления взаимных прав, как личных, так и по имуществу, — *акты, договоры и обязательства*»¹⁵. Выделение трех последних групп вряд ли может вызвать возражение. Наоборот, первая группа (а) объединяет все остальные, не вошедшие в группы б — г, документы, и ее состав не вполне ясен. Запутывает дело разделение первой группы на четыре части: «1) входящие дела и бумаги; 2) докладные дела и бумаги; 3) заключительные или определительные бумаги и акты;

¹⁴ В последние годы высказана мысль о необходимости различать понятия «вид» и «разновидность» документа (Я. З. Лившиц, Д. И. Сольский. Некоторые вопросы терминологии в области документоведения, стр. 43). К одному виду предлагается относить документы «одного наименования», например протоколы. Под разновидностью же понимаются документы, имеющие, кроме того, «одинаковое целевое назначение и соответственно одинаковый формуляр», например протоколы заседаний в отличие от протоколов допроса. Таким образом, под «разновидностью» понимается, в сущности, традиционный «вид», а понятие «вид документа» фактически совпадает с понятием «наименование документа». Учитывая это обстоятельство, а также неправомерность противопоставления слов «вид» и «разновидность», целесообразно отказаться от новшества и вернуться к традиционному толкованию понятия «вид документа».

¹⁵ В редакции издания 1873 г. В первом издании, видимо ошибочно, говорится: «... акты и договоры обязательные».

4) исходящие дела и бумаги». Во втором издании своей работы автор выделяет еще одну, пятую часть: «3) бумаги производства самого дела», понимая под ними, как разъясняется затем, разного рода протоколы и журналы. Получается, что «сношения», будучи входящими и исходящими документами, разделяются на две группы («а» и «б»).

К. Г. Митяев в учебном пособии по архивному делу предложил усовершенствование этой схемы. Он отнес к группе «а» все документы, образуемые в данном делопроизводстве (т. е. не являвшиеся входящими) и в нем остающиеся (т. е. не являвшиеся исходящими). Все эти документы группы «а» он называет документами внутреннего делопроизводства, противопоставляя их сношениям, т. е. входящим и исходящим¹⁶.

Всю массу документации обычно делят на документы общего делопроизводства (делопроизводства по управлению) и документы специальных делопроизводств (бухгалтерского, судебного, военного и т. п.), которым присущ ряд особенностей¹⁷.

Как мы уже отмечали, Н. В. Варадинов характеризует несколько десятков важнейших видов делопроизводственных документов. Во втором издании его работы упоминаются новые виды документов, возникшие вследствие реформ 1860 — начала 1870-х годов. Все же некоторые виды документов, например, Сената и других высших органов власти оказались обойденными. Конечно, характеристики Н. В. Варадинова имеют сугубо делопроизводственное назначение. Но в них содержится и много важного в источниковедческом отношении.

К. Г. Митяев повторяет систематический перечень упоминаемых Варадиновым видов документов¹⁸. Позднее, с учетом вышедших в советское время статей, посвященных источниковедческому анализу отдельных видов документов, такой перечень вместе с характеристикой важнейших из этих видов был дан в наших работах по архивной эвристике¹⁹ и учебном пособии по источниковедению²⁰. Наконец, недавно был издан предварительный вари-

¹⁶ К. Г. Митяев. Теория и практика архивного дела. М., 1946, стр. 23. В другой своей работе («История и организация делопроизводства в СССР». М., 1959, стр. 15) К. Г. Митяев исходящие документы относит к внутренней документации, а к внешней — лишь сношения, поступившие в данное делопроизводство извне. В конце 1960-х годов при подготовке «Словаря архивной терминологии» была сделана попытка отказаться от термина «внешние» документы, заменив его терминами «входящие» и «исходящие» документы («Советские архивы», 1969, № 1, стр. 43).

¹⁷ См., например: К. Г. Митяев. Теория и практика архивного дела. М. 1946, стр. 23 и др.

¹⁸ К. Г. Митяев. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959 стр. 65—73.

¹⁹ Л. Е. Шенелев. Работа исследователя с архивными документами. Л. 1966, стр. 66—76; он же. Архивные разыскания и исследования. М., 1971 стр. 76—87.

²⁰ «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.». М., 1970, стр. 77—89.

ант словаря наименований видов документов, в том числе делопроизводственных XIX — начала XX в.²¹

Обычно делопроизводственные документы подразделяют на внешние (сношения или переписка) и внутренние. Сношения представлены исходящими и входящими документами. Виды сношений различались в зависимости от того, в каких служебных отношениях находились корреспонденты (могли сноситься корреспонденты: вышестоящие с подчиненными, равные или не подчиненные друг другу, и нижестоящие с вышестоящими) и к каким ведомствам они относились. Например, равные учреждения сносились *отношениями*, а равные должностные лица, кроме того, *официальными письмами*; в военном ведомстве отношения в 1911 г. были заменены *сношениями*; Сенат с Синодом и их департаменты между собой сносились *ведениями и известиями*. В соответствии с иерархией взаимоотношений корреспондентов изменялась форма наименования адресата. Так, при обращении высших учреждений к низшим требовался дательный падеж (Калужскому губернскому правлению); в остальных случаях — винительный падеж (в Калужское губернское правление); обращение к должностным лицам зависело от их служебного положения, чина и титула по происхождению; кроме того, оно различалось по ведомствам и видоизменялось со временем. Документы внутреннего делопроизводства пока не классифицированы. Важнейшие среди них: отчеты, доклады (в частности, «всеподданнейшие» доклады министров) и справки, уставы и другие нормативные документы, протоколы (а также журналы и стенограммы), приказы, формулярные списки, статистические ведомости, регистрационные документы делопроизводства. Особые группы в составе служебной документации составляют личные документы — «просительные» и акты.

В источниковедческом отношении важно отметить, что подобно тому, как назначение и формуляр документа определяют его вид, так, в свою очередь, вид документа указывает на его назначение и особенности его формуляра, а вместе с тем на особенности создания, движения и рассмотрения документа в делопроизводстве, наконец, — особенности организации его хранения относительно всех других видов (как в делопроизводстве, так и в архиве).

Другая основная делопроизводственная и источниковедческая характеристика документа — указание на вариант. Если документ не уникален, он существует в нескольких тождественных или различных по оформлению экземплярах. Под тождественными экземплярами мы имеем в виду, например, типографские оттиски или полученные под копирку машинописные экземпляры документа. К различным экземплярам относят черновик, беловик, подлинник, оригинал, копию, отпуск документа и т. п. Обычно в качестве общего наименования для этих понятий пользуются сло-

²¹ «Словарь видов и разновидностей документов». М., 1971 (тираж 200 экз.).

вом «подлинность» или, наоборот, «копийность». Последние термины явно неудовлетворительны: они совпадают с терминами, обозначающими частные понятия, а в качестве общих терминов не вполне выражают сущность и разнообразие всех объединяемых частных понятий²². Между тем перечисленные частные термины являются не чем иным, как обозначениями делопроизводственной функции различных экземпляров документов (или, короче, просто функции). Вместе с тем тексты экземпляров документа могут быть переданы любыми технически возможными способами: написаны от руки, напечатаны на пишущей машинке (дактилография), типографским или другим путем, воспроизведены в виде фотографии, электрографии или иным образом. В последнее время число этих способов передачи текста значительно возросло. На практике оба эти признака документа (функция и способ воспроизведения) неразрывно связаны и в значительной мере предопределяют друг друга. Экземпляр документа, отличный от других своей делопроизводственной функцией или способом воспроизведения, представляет собой особый вариант документа. В соответствии с этим обозначение варианта складывается из указания на функцию данного экземпляра документа и способ воспроизведения его текста.

Такие указания особенно часто встречаются в источниковедческих работах, а также при публикации документов и ссылках на них в общеисторических исследованиях. При этом практика опирается на рекомендации учебных пособий, специальных словарей и правил.

Н. В. Варадинов различает входящие и исходящие документы, подлинники (хотя не называет их этим термином) и копии. Но никаких определений в связи с этим он не дает. Попытка перечислить и охарактеризовать различные по делопроизводственной функции варианты документов впервые, насколько нам известно²³, была сделана К. Г. Митяевым в 1946 г., а затем в 1959 г.²⁴ В обеих работах автор противопоставляет подлинные документы подложным (фальшивым). В учебнике 1946 г. он пишет затем: «Подлинные документы делятся на подлинники (оригиналы) и копии. Подлинником является первое, обычно в окончательной редакции, воспроизведение документа». В издании же 1959 г. ход рассуждений автора несколько иной. «Документы, создаваемые в первый раз, уникальные, представляющие единственные экземпляры, первоисточники, принято рассматривать как подлинники

²² Иногда все эти понятия обобщаются еще менее удачным термином «характер документа».

²³ В руководстве Г. А. Князева «Теория и техника архивного дела» (Л., 1935) об этих понятиях не упоминается, хотя специальная глава посвящается «делопроизводству и архивной части учреждений».

²⁴ К. Г. Митяев. Теория и практика архивного дела. Учебное пособие. М., 1946, стр. 21—23; *он же*. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959, стр. 15—19.

(оригиналы). Повторные воспроизведения подлинников, в целях их размножения, являются копиями». «Из подлинников служебных документов принято выделять аутентичные (достоверные) подлинники, достоверность которых гарантируется той или иной установленной формальностью (обычно подписью, печатью, регистрацией)... Подлинники документов могут быть в виде беловиков, т. е. являться последней, переписанной, перепечатанной «набело» редакцией документа. Для служебных документов оригиналом является беловик, подписанный должностными лицами, с приложением в ряде случаев печати. Могут быть подлинниками и черновики, представляющие первоначальную редакцию, иногда в нескольких вариантах».

Впоследствии К. Г. Митяев значительно изменил свои взгляды на этот счет. Во втором издании учебного пособия, написанного им совместно с Е. К. Митяевой (1968 г.)²⁵, авторы прежде всего утверждают, что «по стадиям создания документы делят на оригиналы (подлинники) и копии». Оригиналы же в свою очередь «могут быть черновиками (первоначальный текст редакций и вариантов с исправлениями, поправками и т. п.) и «беловиками», т. е. переписанными... «набело»».

Затем в качестве частного случая оригинала авторы рассматривают подлинник: подлинник, особенно служебного документа, «должен быть составлен по форме и подписан соответствующим должностным лицом, в ряде случаев иметь печать, индекс или быть выполненным на бланке». Вместе с тем они отмечают, что термин «подлинник» употребляется также «в качестве синонима понятия «оригинал»..., хотя по своему смыслу слово «подлинник» («достоверный», «действительный») имеет иное значение...»²⁶

Таким образом, и на этот раз К. Г. Митяев отождествляет подлинник с оригиналом, но ведет рассуждение уже не от подлинника, а от оригинала. Причем термин «подлинник» употребляется, кроме того, в узком смысле для обозначения утвержденного беловика.

В книге 1968 г. К. Г. и Е. К. Митяевы впервые предпринимают попытку классификации копий. Они подразделяют их (пользуясь не вполне удачной терминологией) на «автоматические (факсимильные)» копии, «получаемые автоматически вместе с подлинником и вполне идентичные с ним», и «ручные». Под первыми имеются в виду копии, получаемые под копирку при самом изготовлении оригинала; под вторыми — «получаемые путем переписки оригинала от руки или на пишущей машинке». В качестве особых видов факсимильных копий называются фотокопии, светокпии и др.

²⁵ К. Г. Митяев, Е. К. Митяева. Административная документация (делопроизводство) в советских учреждениях, стр. 48.

²⁶ В рецензии на первое издание книги К. Г. и Е. К. Митяевых (1964 г.) отмечалось недостаточно четкое различие терминов «подлинник» и «оригинал» («Вопросы архивоведения», 1965, № 2, стр. 117).

Весьма полный состав интересующих нас терминов включает «Краткий словарь архивной терминологии». Составители поясняют во введении, что в словаре термины трактуются лишь «в том значении, какое они получили в архивном деле». Вот основные из этих терминов и их определения (в словаре они приведены в алфавитном порядке):

«Черновик — первоначальный текст документа в предварительной редакции с внесенными в него исправлениями».

Термин «беловик» рассматривается в качестве разговорного²⁷ и трактуется как «документ в окончательной редакции, переписанный начисто».

«Подлинник» поясняется, во-первых, как «документ официального происхождения в окончательной редакции, удостоверенный соответствующим образом», и, во-вторых, просто как «рукопись».

«Копия документа — воспроизведение текста (изображения, звука) документа». При этом различаются и отдельно поясняются авторизованная и факсимильная копии, также фото- и светокопии.

«Отпуск документа — копия исходящего документа, остающаяся в учреждении».

Оригинал документа трактуется в двух смыслах: как «первоначальный экземпляр документа» (что не вполне ясно) и как «экземпляр документа, являющийся исходным материалом для копирования»²⁸.

В ныне действующих «Правилах издания исторических документов в СССР»²⁹, в § 156, озаглавленном «Подлинность документа», говорится: «В легенде указывается, является ли документ подлинником, отпуском, заверенной копией, копией, беловым или черновым автографом и т. п. В научных изданиях при публикации копии следует, если это известно, указывать степень близости к подлиннику: копия с копии, копия с заверенной копии и т. д.» Таким образом, самые разные по делопроизводственной функции варианты документа перечисляются здесь в одном ряду, причем последовательность перечисления не ясна. Термин «оригинал» в этом случае не называется, и это естественно. Но мы не находим его и в тех параграфах, где, казалось бы, обращение к нему необходимо. Так, в § 96 поясняется, что погрешности текста документов при публикации последних «оговариваются в текстуальных примечаниях словами: «Так в тексте». Затем приводится

²⁷ Между тем, в дореволюционном делопроизводстве термин «беловик» и выражение «перебелить» употреблялись совершенно официально.

²⁸ В статье группы составителей «Краткого словаря архивной терминологии», опубликованной в журнале «Советские архивы» (1969, № 1, стр. 36), дано другое, еще менее удачное определение оригинала: «Оригинал — это экземпляр документа, положивший начало всем другим вариантам, редакциям данного документа». Под это определение, по-видимому, подходит, например, черновик.

²⁹ «Правила издания исторических документов в СССР». М., 1969.

пример такого примечания, но в иной редакции: «Так в подлиннике». Такая подмена неизбежна, поскольку формулировка «Так в тексте» неудачна. И в архивном оригинале публикуемого документа, и в публикации текст документа один и тот же. Поэтому не ясно, о каком «тексте» идет речь. Но формулировка «Так в подлиннике» применима только к тем случаям, когда публикуется именно подлинник. В других случаях, по-видимому, она должна заменяться на «Так в отпуске», «Так в копии» и т. д. Естественно было бы предусмотреть формулировку «Так в оригинале» (или «Так в архивном оригинале»), но, как указывалось, это не сделано. Хотя в § 81 оговаривается, что «римские и арабские цифры воспроизводятся... в соответствии с оригиналом документа».

В вышедшем в 1971 г. учебном пособии по делопроизводству советских учреждений³⁰ его авторы не без логики указывают, что «все документы могут быть в виде подлинников и копий. Подлинники подразделяются на оригиналы и дубликаты (вторичные). Оригинал — это первый, окончательно отредактированный, соответствующим образом оформленный и подписанный документ». Здесь мы видим прямую подмену терминов «подлинник» и «оригинал».

Наконец, в 1971 г. были официально утверждены в качестве государственного стандарта и опубликованы некоторые важнейшие термины и определения из области делопроизводства и архивного дела³¹. В пояснительной части стандарта оговорено, что установленные им термины «обязательны для применения в документации всех видов, учебниках, учебных пособиях, технической и справочной литературе». «Применение терминов-синонимов стандартизированного термина запрещается», — указывается далее. Из интересующих нас в данном случае терминов приведены, в частности, три: подлинник, черновик и копия. К сожалению, трактовка их не во всех случаях удачна. Подлинник определяется как «документ в окончательной редакции, соответствующим образом оформленный и подписанный». В переводе на немецкий, английский и французский языки этот термин трактуется как original, между тем точнее было бы перевести его как подписанный оригинал. Черновик определяется как «документ в предварительной редакции», что конечно, не точно. Прежде всего, черновик в конечном итоге (после всех исправлений текста) приобретает окончательную редакцию. Затем, под такое определение черновика может быть подведен и проект документа, даже в белом варианте. Термин «копия» толкуется как «воспроизведение всех реквизитов документа», а реквизиты в свою очередь — как «обязательные элементы, присущие определенному виду докумен-

³⁰ В. А. Бухарев, Г. Н. Корякин. Корреспонденция и делопроизводство. М., 1971, стр. 13.

³¹ «Государственный стандарт Союза ССР. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». М., 1971.

та», или, в другом случае, как элементы формуляра документа. Определение «копии» несовершенно по той причине, что слово «воспроизведение» отнюдь не обязательно говорит о повторности действия и, следовательно, определение «копии» может быть отнесено и к оригиналу.

Итак, изучение совокупности различных по делопроизводственной функции вариантов документов как их *системы* не привело к должным результатам. Попытки классификации понятий либо не завершены, либо не безупречны в логическом отношении. Существует разноречивая терминология.

Само собой разумеется, что при всей важности упорядоченности понятий и логической стройности соответствующих им терминов всякие новшества в этом отношении должны вводиться с крайней осторожностью и непререкаемым учетом сложившегося на практике (как в сфере делопроизводства, так и в сфере источниковедения) положения вещей и в первую очередь словоупотребления. С учетом этого рассмотрим еще раз совокупность различных по делопроизводственной функции вариантов документов под углом зрения того, как они образуются и существуют в самом делопроизводстве.

Черновик возникал, по-видимому, при составлении большинства документов. Но сохранялся в делопроизводстве он только либо как отпуск, либо специально для «истории» дела, как один из проектов. Весьма часто его авторами были два должностных лица: первоначальный составитель и лицо, правившее текст. А иногда бывали более сложные пути создания черновика: в качестве основы отпечатывался первоначальный проект текста, затем разные его экземпляры правились разными лицами (при этом возникали проекты с правкой — черновики), чья правка затем сводилась на один экземпляр (сводный черновик). Наоборот, *беловик* — в некотором роде стадия в развитии документа. В большинстве случаев, будучи соответствующим образом засвидетельствован, он превращался в подлинник и «исчезал». В тех случаях, когда беловик был размножен (например, напечатан типографским способом), его экземпляры, за исключением ставшего подлинником, выступают как копии. Беловик сохраняется в делопроизводстве в своем первоначальном виде, лишь не став подлинником, будучи отвергнут. Иначе говоря, беловик сохраняется в делопроизводстве лишь как *проект* отвергнутого документа. Иногда он подвергался правке и становился вторым черновиком. Лишь в немногих случаях, когда документ не требовал удостоверения, он в белой форме получал вполне законченный вид. Итак, в большинстве случаев в делопроизводстве беловик существует либо как проект отвергнутого документа, либо как копия беловика, ставшего подлинником. Таким образом, не беловик противостоит подлиннику — официально оформленному окончательному варианту документа, а именно проект — беловик, не получивший засвидетельствования.

В делопроизводстве была нередкой ситуация, когда черновик оформлялся набело, но затем беловик или его дублетный экземпляр вновь подвергался правке, превращаясь во второй черновик или даже несколько параллельных или последовательных черновиков, из которых один становился беловиком и подлинником, а остальные оставались черновиками проектов.

Термин *подлинник* при ближайшем рассмотрении оказывается не вполне точным, так как логически он, конечно, противостоит термину *подложный*. Однако необходимо считаться с тем, что термин *подлинник* прочно вошел в жизнь именно для обозначения окончательного, надлежащим образом засвидетельствованного варианта документа. Вряд ли стоит заменять его термином *оригинал*, как это предлагается авторами учебного пособия «Корреспонденция и делопроизводство» (1971 г.). Наоборот, целесообразно принять предложение К. Г. Митяева и для обозначения понятия, противоположного понятию *подложный*, пользоваться термином *подлинный*. Термин же *подлинник* можно толковать как противостоящий термину *проект* (обозначающему вариант документа, не принятый, не засвидетельствованный официально). Подлинник мог возникать и не в единственном экземпляре (подписанные циркуляры с тилковым обращением; тождественные донесения с поля боя, для верности доставки посланные разными путями).

Нам представляется необходимым параллельно с термином *подлинник* использовать и термин *оригинал*, также давно известный делопроизводственной и источниковедческой практике, но не получивший до сих пор общего толкования. Еще в 1966 г. мы предложили использовать термин *оригинал* (от латинского *originalis* — первоначальный) для обозначения любых вариантов документов, не являющихся копиями, и тех, с которых сняты копии, иначе говоря противопоставить термины *оригинал* и *копия*³².

Наконец, известно, что в делопроизводстве различаются документы *входящие* и *исходящие*. Для сохранения целостности комплекса документов взамен исходящих документов (как правило, подлинников) принято оставлять в делопроизводстве так называемые *отпуска*, которыми обычно становятся копии или черновики этих документов.

Основываясь на изложенном выше, можно предложить следующую простейшую классификацию понятий, обозначающих делопроизводственную функцию документа:

черновик — беловик;
проект — подлинник;
оригинал — копия;

входящий — исходящий
в виде отпуска;
подлинный — подложный.

Предлагаемая классификация отражает то реальное положение, что всякий экземпляр документа может одновременно ха-

³² Л. Е. Шепелев. Работа исследователя с архивными документами. М.— Л., 1966, стр. 70.

рактизоваться одним из каждой пары названных выше понятий. Например, письмо может существовать в виде проекта, тот в виде черновика и отпуска, черновик в виде копии, ну а копия может быть подложной. Вместе с тем изменение хотя бы одной из названных характеристик дает особый вариант документа.

В силу своей природы *копии* могут быть весьма различны. Очевидно, что копия всегда есть копия конкретного оригинала, т. е. копия подлинника, копия черновика и т. п. Нередки случаи, когда вследствие отсутствия первоначального оригинала копия снимается с копии (вновь получаемая копия называется кратной), и в этом случае исходная копия становится суб-оригиналом относительно кратной (в рассматриваемой ситуации — повторной) копии³³. Все копии призваны заменить оригиналы. Но некоторым из них это особенно свойственно. Таков *отпуск* — копия, оставляемая в делопроизводстве взамен исходящего оригинала. Таков и *дубликат* — копия, назначение которой восполнить утрату оригинала (со всеми вытекающими из этого юридическими и другими последствиями).

Необходимо различать копии одновременные (возникшие одновременно с оригиналом, например при его написании через копировальную бумагу) и позднейшие. Среди последних выделяются графически тождественные (факсимильные), частично тождественные и не тождественные. Первые — фотографические (с изменяемым масштабом изображения), гектографические, стеклографические и т. п. копии. Ко вторым относятся так называемые пресс-копии и копии, изготовленные под копирку вместе с оригиналом (ни в том, ни в другом случае на копии не остается отпечатка типографских элементов бланка документа). Третьи, графически не тождественные копии — это копии, снятые от руки машинописным или типографским способом.

Наконец, могут быть авторизованные, т. е. удостоверенные автором, просто заверенные (нотариальным или иным порядком) и не заверенные копии. Удостоверение правильности (тождественности оригиналу) особенно важно для всех нефаксимильных копий. Естественно, что для суждения о типе копии необходимо учитывать все эти возможные особенности копирования.

Что касается оригиналов, то возможны следующие основные способы воспроизведения их текста: рукописный, машинописный и типографский (во втором и особенно в третьем случаях возникает промежуточный оригинал для перепечатки или набора, которым мог быть и черновик, и беловик-проект, и подлинник).

³³ «Правила издания исторических документов в СССР» (М., 1969, § 156) рекомендуют «в научных изданиях при публикации копии... указывать степень близости к подлиннику: копия с копии, копия с заверенной копии и т. д.». Однако нередко копии бывают сделаны не с подлинника, а с проекта — беловика, черновика или с отпуска документа. Естественно, что и в этих случаях представляется важным выяснение (и указание при публикации документа) того, что собой представлял оригинал.

Рукописи обычно подразделяются на авторские (собственно-ручные — автографы) и писарские (последних в делопроизводстве было большинство). Оригиналом может быть не только первый, но в некоторых случаях и второй написанный через копирку рукописный или машинописный экземпляр подлинника, например, одно из донесений командования партизанского соединения в два адреса было написано и подписано от руки в двух экземплярах через копирку, причем второй был направлен в качестве подлинника одному из адресатов, а потому не может рассматриваться как копия. Появление пишущих машинок относится к 1890-м годам. Известно, что по особенностям шрифта можно отличать разные пишущие машинки и наоборот — определять тексты одной машинки. Это иногда оказывается необходимо для установления автора документа. Воспроизведение документов типографским способом практиковалось и до, и после появления машинки. До этого момента типографское воспроизведение текста как бы восполняло отсутствие машинописи: типографский набор применялся для придания документам компактности и более совершенного внешнего вида. Но главным образом напечатание документов типографским способом в нескольких десятках экземпляров вызывалось необходимостью их рассылки на предварительное заключение другим ведомствам (или просто в целях их ознакомления) и для раздачи членам тех коллегиальных органов, к рассмотрению которых документ предназначался. В виде пометы в конце документа обычно указывалась типография, в которой он был отпечатан. Кроме того, в низу некоторых листов-оттисков обозначался номер заказа. Выяснение делопроизводственной функции документов, напечатанных типографским способом, нередко вызывает дополнительные трудности. Прежде всего оказывается необходимым различать корректурные экземпляры документа, которые обычно бывают представлены собственно корректурой и «сверкой». Затем необходимо отличать типографские экземпляры, воспроизведенные с подлинника (т. е. являющиеся копиями нетипографского подлинника, хотя пометы «копия» на них обычно не проставляются), и напечатанные с проекта — беловика (включая угловой штамп и обозначение должностей лиц, которые должны подписать и скрепить документ). В последнем случае один из экземпляров подписывался и становился подлинником (так называемый подписной экземпляр), другой мог быть использован в качестве отпуска. Прочие же экземпляры после проставления на них отметок о подписании документа иногда превращались в копии подлинника. В противном случае они могут быть ошибочно приняты исследователем за нереализованный проект ³⁴.

³⁴ Сказанное выше о возможной делопроизводственной функции документов, воспроизведенных типографским способом, тем более относится к документам стеклографированным и гектографированным, а также напечатанным путем пресс-копирования, которые сохраняют все внешние

Вообще, как отмечалось, способ воспроизведения текста как оригиналов, так и копий — второй, вслед за делопроизводственной функцией, существенный признак варианта документа.

Для историка важно, что каждый вариант документа обладает как исторический источник некоторой особой информационной ценностью. Так, черновик и проект могут содержать разночтения относительно текста подлинника; только последний (будучи входящим документом) был действительно прочтен адресатом и содержит отметки о времени его получения, а может быть, и о реакции адресата; наличие позднейшей копии с несомненностью указывает на факт повторного обращения к документу в делопроизводстве и т. д. Точно так же и способ воспроизведения текста определяет не только внешний вид документа и примерное число его экземпляров, а вместе с тем и возможное их распространение, но и позволяет некоторым образом судить об истории создания документа, степени его готовности и месте данного экземпляра среди других. Например, типографский экземпляр представления министра в Государственный совет с датой, исходящим номером и удостоверительной надписью «Подписал: управляющий Министерством финансов И. Вышнеградский» является одной из нескольких десятков копий с не типографского подлинника, изготовленных для раздачи членам Государственного совета (следовательно, до рассмотрения представления).

Изложенное выше дает, в общем, представление об уровне наших познаний относительно видовых и вариантных различий делопроизводственных документов государственных учреждений России XIX—начала XX в. В ходе их изучения наметились, как нам представляется, основные направления дальнейшего исследования. В особенности важны уточнения общей классификации делопроизводственных документов по видам и вариантам, а также состава частей (зон) и элементов формуляра документов. Вместе с тем необходим критический пересмотр и закрепление терминологии. Желательно, естественно, чтобы классификация, состав частей и элементов текста документов и терминология были общими для источниковедения и делопроизводства. По-видимому, соответствующие предложения Н. В. Варадинова относительно делопроизводственных документов дореволюционного времени могут быть взяты за основу. Наконец, полезно, с одной стороны, выяснение особенностей делопроизводства отдельных учреждений,

особенности текста оригинала. С учетом этого нельзя признать применимой к делопроизводственным документам рекомендацию «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1969, § 156), о том, что «при публикации типографских, стеклографированных, гектографированных и тому подобных экземпляров документов подлинность обычно не указывается». Мало того, при публикации подобных документов необходимо оговаривать, являются ли они типографской (или другой) копией с подлинника или типографским (или другим) экземпляром документа-беловика, подписанным и ставшим подлинником.

существенных для понимания и вариантных особенностей документов, а с другой, — детальное источниковедческое изучение важнейших видов документов.

Проблематика источниковедческого изучения отдельных видов делопроизводственных документов нуждается еще в разработке. Однако ясно, что основными направлениями такого изучения должны быть, во-первых, установление особенностей создания данного вида документа, его движения и рассмотрения в делопроизводстве; во-вторых, установление его роли и значения, в частности, относительно всех других по тому же вопросу; и, в-третьих, выяснение состава формуляра вида документа (в частности, структуры его текста).

Изучение делопроизводственных документов может опираться на прочную базу источников, прежде всего законодательных. Процесс делопроизводства государственных учреждений в течение всего интересующего нас периода тщательно регламентировался законодательством в тех же самых актах, которыми определялось внутреннее устройство этих учреждений вообще. Делопроизводственная практика строго следовала требованиям закона. Отсутствие же указаний закона восполняла внимательно поддерживаемая делопроизводственная традиция. В результате формуляр документов нередко оставался почти неизменным с момента образования министерской системы учреждений и до ее ликвидации в 1917 г. Однако при всех условиях требования закона должны сверяться с практикой делопроизводства. Это важно, в частности, для выяснения того, как именно понимался закон и реализовывались его требования в конкретных случаях.

Совершенно необходимым дополнением этих источников (законодательных актов и делопроизводственной практики) являются частные свидетельства лиц, близко знакомых с системой делопроизводства, получившие отражение в их переписке, дневниках и воспоминаниях. Нередко они помогают выяснить, что в действительности скрывалось за формальным следованием требованиям закона относительно делопроизводственной процедуры. Ценные свидетельства этого рода мы находим, например, в воспоминаниях управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина и дневниках государственных секретарей Е. А. Перетца и А. А. Половцова³⁵.

Практика исторических исследований дает довольно много примеров того, как внимание к видовым особенностям делопроизводственных документов XIX — начала XX в. позволяет успешно использовать их в качестве исторических источников. Наоборот, незнание или игнорирование этих особенностей нередко приводит к опасным ошибкам в интерпретации названных источни-

³⁵ Л. Е. Шепелев. К вопросу о методах и источниках изучения истории государственных учреждений России XIX — начала XX в. — «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971.

ков и в конечном итоге — в самих исторических построениях. Продемонстрируем это на примере использования в литературе одного из журналов заседаний Комитета министров.

Природа журналов, как особого вида делопроизводственных документов, в общем известна. Из трех видов документов, которыми могли фиксироваться прения (стенограмма, протокол, журнал) журналы отражали их в наиболее обобщенном виде. Собственно текст их обычно распадается на три основные части³⁶. В первой части излагается содержание документа, послужившего причиной и предметом прений. Во второй — в суммарном виде приводятся мнения участников обсуждения. В третьей части формулируются проект решения (в зависимости от учреждения «мнение», «положение», «заключение» или «резолуция»), а если мнения разделились, — проекты двух решений³⁷.

Такова структура текста интересующих нас в данном случае особых журналов высших органов власти — Государственного совета и Комитета министров. Первая часть текста журналов, как правило, лишь повторяла основные положения инициативного документа (обычно — представления министра). Однако в некоторых случаях, например в журнале Комитета министров от 1 июня 1899 г., о котором далее будет идти речь, эта часть содержала дополнительные соображения, изложенные при обсуждении дела автором инициативного документа. Вторая часть представляет собой изложение мнений одной или двух (очень редко — более) групп участников прений. Кто из них персонально принимал активное участие в обсуждении, остается не ясным. Индивидуальные суждения их нивелированы и определены лишь по результатам голосования за то или другое мнение. Третья часть, после утверждения журнала императором, дополнительно оформлялась в виде самостоятельного документа («мнения», «положения» или «указа»), который либо получал силу закона, либо в качестве административного распоряжения направлялся нижестоящим учреждениям. При этом, если дело заключалось в установлении каких-нибудь новых правил, текст этих правил (заключительной части журналов) брался из инициативного документа, т. е. давался в основном в том виде, в каком он предлагался в этом документе.

Подлинники журналов высших органов власти, как правило, печатались типографским способом и оформлялись в наряды, т. е. хранились обособленно ото всех прочих документов по тем

³⁶ Закон выделял в формуляре журналов Государственного совета четыре части: 1) «содержание дела» (т. е. заголовок); 2) главные предметы рассуждения; 3) причины, уваженные Советом; 4) заключение» («Свод законов», т. I, СПб., 1832, стр. 35, ст. 139). Никаких других указаний относительно составления журналов в законе не содержалось.

³⁷ Иначе оформлялись так называемые общие журналы Комитета министров: на листах, разграфленных вдоль, слева записывалось содержание обсуждавшегося вопроса, справа — решение.

же вопросам. В делах же в конечном итоге сохранялись обычно лишь копии с подлинников. Всякого рода черновики и проекты журналов, как правило, уничтожались. Таким образом, обращаясь к материалам высших органов власти, исследователи могут судить лишь о результатах прений. Понятно, что это обстоятельство весьма существенно для понимания журналов.

Из дневников государственных секретарей Е. А. Перетца и А. А. Половцова нам известно, что журналы создавались в канцелярии Государственного совета после обсуждения соответствующих вопросов в присутствиях департаментов и Общим собранием. Поскольку изложение мнений участников обсуждения в значительной мере определяло аргументацию и влияло на суждение царя при утверждении журналов, роль канцелярии была очень значительной. В связи с идеей сделать заседания Государственного совета публичными Е. А. Перетц записал в дневнике, подчеркивая тем самым значение канцелярского оформления журналов: «В сущности, дела рассматриваются у нас (насколько возможно для людей преимущественно кабинетных) очень основательно, а читая наши отчеты и мотивированные мнения Государственного совета, можно предположить, что в Совете сидят чуть ли не Солоны. При публичности заседаний иллюзия совершенно исчезнет, а это было бы, конечно, нежелательно»³⁸. Управляющий делами Комитета министров А. Н. Куломзин указывает в своих воспоминаниях, что изложение мнений участников обсуждения считалось весьма сложным делом. «Тут соблюдаются особые приемы, — отмечает он. — Надо, чтобы в одном мнении было рассмотрено совершенно с другой стороны на одно и то же дело, чем в другом. Не должно быть ни одного повторения; не должно быть противоречий»³⁹. На подготовку журналов по особо сложным делам уходило до четырех недель⁴⁰.

В связи с изучением экономической политики царского правительства видный советский историк И. Ф. Гиндин в 1959 г. опубликовал и прокомментировал несколько документов, в том числе журнал заседания Комитета министров⁴¹. В официальном письме от 29 марта 1899 г. министр финансов С. Ю. Витте ставил Комитет министров (в лице управляющего делами Комитета А. Н. Куломзина) в известность о необходимости изменить существовавший в то время порядок, согласно которому акционерным компаниям разрешалось иметь в составе своей администрации в большинстве или исключительно лишь русских подданных

³⁸ «Дневник Е. А. Перетца (1880—1883)». М.—Л., 1927, стр. 19. Запись от 5 января 1881 г.

³⁹ ГБЛ, РО, ф. 178 (А. Н. Куломзин), Муз. 9803, д. 4, стр. 50—51.

⁴⁰ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, М., 1966, стр. 206.

⁴¹ И. Ф. Гиндин. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX — начале XX в.— В сб.: «Материалы по истории СССР», т. VI. М., 1959, стр. 170—171, 212—216, 221—222.

православного исповедания. Причин приводилось две. Во-первых, необходимость облегчить прилив в акционерное дело России капиталов иностранных подданных и лиц иудейского вероисповедания. Во-вторых, то обстоятельство, что названное ограничение на практике обходилось путем введения в состав администрации компаний подставных лиц. С. Ю. Витте рекомендовал «с особою осторожностью предъявлять требование об обязательном назначении русских подданных в состав администрации промышленных обществ». При обсуждении вопроса в Комитете министров 1 июня 1899 г., как это записано в журнале заседания, министр обратил внимание на отсутствие единообразия в ограничении состава администрации разных акционерных компаний и на постепенное складывание слоя подставных администраторов. В заключение он указал «на крайнюю желательность установления надлежащих мер к устранению на будущее время всех описанных неблагоприятных явлений».

Комитет министров признал «продолжение указанного порядка вещей крайне нежелательным» и поручил министру финансов «выработать относительно состава администрации акционерных обществ общие правила, которые подлежали бы внесению во все уставы в установленной раз навсегда редакции вместо отдельных, включаемых ныне для каждой компании постановлений». В постановляющей же части журнала было записано: «Предоставить министру финансов, по соглашению с подлежащими министрами..., обсудить вопрос о тех необходимых ограничениях личного состава администрации акционерных компаний, которые вызываются требованиями закона..., и свои по сему предмету предположения представить на утверждение в установленном порядке». В таком виде журнал был утвержден Николаем II.

Как видно, между приведенными частями журнала существует очевидная несогласованность. В первой говорится лишь об известной унификации уже применяемых ограничений; во второй же, т. е. в постановляющей, речь идет о большем — об установлении пределов «необходимых ограничений».

Сравнив рекомендацию С. Ю. Витте, содержащуюся в его письме от 29 марта, о необходимости «с особою осторожностью предъявлять требования...» и т. д. с формулировкой журнала Комитета министров («продолжение указанного порядка вещей крайне нежелательно»), И. Ф. Гиндин пришел к выводу о том, во-первых, что журнал приписывает С. Ю. Витте совершенно другую мысль и, во-вторых, что «словесное совпадение формулировок в журнале (Витте признает сложившийся порядок «ненормальным», а Комитет «нежелательным») носит, по существу, издательский характер».

Делая первый вывод, И. Ф. Гиндин не принял во внимание, что С. Ю. Витте обратился в Комитет министров не с представлением, как того требовал обычай, а с официальным письмом (в журнале оно не вполне точно было названо отношением) на

имя А. Н. Куломзина. Поэтому при слушании дела Комитетом особое значение было придано не документу, а устным объяснениям министра финансов. Как видно из журнала, С. Ю. Витте в своем выступлении несколько изменил постановку вопроса по сравнению с письмом от 29 марта 1899 г. и сам выделил мысль об унификации ограничений. Поэтому нет основания считать, что «авторы журнала приписывают Витте совершенно другую мысль». Мало того, А. Н. Куломзин (под чьим руководством составлялся журнал) не имел бы возможности подменить мысль Витте, который являлся влиятельным членом Комитета министров и подписал подлинник журнала, не заявив возражений.

Что касается наблюдения И. Ф. Гиндина над формулировками Комитета министров и С. Ю. Витте, то, как видно, они не совпадают буквально, причем формулировка Комитета имеет тот же смысл, но по редакции даже более определенна и решительна.

И. Ф. Гиндин не обратил внимания на несогласованность в тексте журнала Комитета министров. Он трактует журнал в том смысле, что «вместо частичной отмены ограничений для иностранных капиталистов Витте было предложено заняться кодификацией действующих для них ограничений». Как было показано, к этому сводится смысл лишь одной части журнала.

И. Ф. Гиндин не учел, по крайней мере, двух особенностей журналов. Во-первых, того, что журналы не отражали хода прений, а лишь *post factum* фиксировали их общий итог; во-вторых, структуры текста журналов, в частности, наличия в них двух разных частей: изложения мнения участников прений и постановляющей части. Вследствие этого И. Ф. Гиндин рассматривал текст журналов как нечто цельное и точно отражающее ход и результат прений. Не заметив этих особенностей текста, он, естественно, не задался целью их объяснения.

Вместе с тем И. Ф. Гиндин не принял во внимание возможности существования еще одного вида документов делопроизводства Комитета министров, который в данном деле сыграл важную роль. Мы имеем в виду «Проект заключения по делу об участии иностранцев в управлении делами акционерных компаний», сохранившийся в виде типографского оттиска в архивном фонде А. Н. Куломзина⁴². Проект этот, будь известен И. Ф. Гиндину, неизбежно натолкнул бы его на выяснение делопроизводственной истории текста журнала. Проект излагает первоначальную редакцию постановляющей части журнала Комитета министров, которая вполне соответствовала содержанию предшествующего текста документа. В частности, в проекте содержалась унифицированная

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 86, лл. 95—97. Подобные документы не были обязательны для делопроизводства канцелярии Комитета министров (и вообще высших органов власти). Но, как видно, в некоторых наиболее важных случаях составление таких документов практиковалось.

формулировка ограничений по составу администрации акционерных компаний, которая отныне должна была включаться в уставы компаний.

Следовательно, несогласованность в журнале есть в некотором роде последствие по крайней мере частичной победы С. Ю. Витте. Победа эта состояла в том, что, поставив перед Комитетом министров вопрос о необходимости более осторожного применения ограничений, С. Ю. Витте, несмотря на попытку Комитета свести все дело к унификации ограничений, сумел добиться не только решения об обсуждении вопроса относительно меры этих ограничений, но и того, что инициатива и руководство таким обсуждением были поручены именно ему.

В результате учета изложенных обстоятельств возникает иная трактовка всего дела.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (Постановка темы и проблематика)

С. С. Дмитриев

Историки и литературоведы постоянно обращаются к журналам и газетам. Труды их редко обходятся без многочисленных ссылок на разные периодические издания. Особо богаты такими ссылками труды по новой и новейшей истории, истории литературы и вообще культуры, начиная для западноевропейского исторического процесса с XVII в., для отечественного — с XVIII в., что связано с появлением первых печатных газет и журналов в Западной Европе в XVII в., а в России — с начала XVIII в.

Частота обращения исследователей, занимающихся историей двух-трех ближайших к нашему времени столетий, к периодическим изданиям прежде всего объясняется чрезвычайно важным местом, которое заняла периодика в социальной, политической и культурной жизни этих веков. В новое и новейшее время повременная печать стала главным средством и главной формой массового выражения общественно-политических и идеологических интересов, ареной выявления, представительства и отстаивания разноречивых классовых, сословных, профессиональных и иных общественно-групповых интересов, надежд, чаяний и противоречий.

Огромное значение и могучее влияние повременной печати в это время было признано мировой общественностью.

В Англии в конце XVIII — начале XIX в. появилось и распространилось выражение «четвертое сословие», означавшее представителей литературы, но чаще всего журналистики. Представители прессы, репортеры в английском парламенте, по словам Томаса Маколея, относящимся к 1828 г., были людьми этого «четвертого сословия» Британской империи.

Полвека спустя в общественно-литературном обиходе России начало получать широкое хождение подобное английскому устойчивое словосочетание «шестая держава». Оно быстро стало крылатым словом. Афористическое речение «печать — шестая держава», распространившееся в русском литературном языке со второй половины XIX в., выразительно свидетельствовало о признании современниками огромного значения периодики¹.

¹ Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1955, стр. 609—614.

Отлично зная стесненные условия бытия повременной печати в царской России, М. Е. Салтыков-Щедрин создал в параллель крылатому речению о «печати — шестой державе» свое ироническое выражение — «седьмая держава». Таковой для сатирика представлялась тогдашняя цензура: «Я объяснил, что в недавнее время возникла шестая великая держава, называемая прессою, которая, стремясь к украшению столбцов и страниц, повсюду завела корреспондентов. <...> Писания свои корреспонденты отправляют в газеты для напечатания, но бабушка еще на-двое сказала, увидят ли они свет, потому что существует еще седьмая великая держава, которая вообще смотрит на корреспондентов, как на лиц неблагонадежных, и допускает или прекращает их деятельность по усмотрению»². О «шестой и седьмой великих державах», «которые народились в наших глазах»³, Салтыков писал в очерках «В среде умеренности и аккуратности»; выражение «о шестой и седьмой великих державах», как и вся приведенная выше цитата, появились в печати в августе 1877 г. в журнале «Отечественные записки».

Но еще тридцатью годами ранее П. А. Плетнев в кристаллической форме выразил понимание русской общественностью необыкновенно важного значения периодики в жизни общества. В письме к С. П. Шевыреву от 9 августа 1846 г. Плетнев писал: «Ужели не разделяете вы со мной убеждения, что мы живем в эпоху, в которую последовало что-то равное изобретению письмен и книгопечатания? Это открытие силы повременных изданий. Итак, мыслящему человеку, стремящемуся утвердить в обществе убеждения свои, необходимо обладать каким-нибудь из этих изданий: иначе он принужден будет задушить в себе то, что составляет действительную жизнь его»⁴.

Приведенные наблюдения, относящиеся к 1828, 1846, 1877 гг., наглядно свидетельствуют о понимании современниками огромного значения периодики. Количество сходных наблюдений можно без особого труда увеличить, но в этом нет нужды. Напомним лишь что наши примеры имеют сто-полуторастолетнюю давность, а в конце XIX в. и в истекающие три четверти XX в. значение и влияние периодики многократно возросло. Главным массовым средством и главной формой общественной информации и выражения социальных и политических противоречий, всех проявлений культурной и идейной жизни общества периодика была примерно до второй четверти нашего века. Последующее распространение радио, затем телевидения, в какой-то мере успехи кинематографии начали несколько ограничивать монопольное положение периодической печати в общественно-культурной и политической жизни.

² *Н. Щедрин (М. Е. Салтыков)*. Полное собрание сочинений, т. 12. М., 1938, стр. 489—490.

³ Там же, стр. 480.

⁴ «П. В. Гоголь». Материалы и исследования, т. I. М.—Л., 1936, стр. 162.

Постоянное, широкое обращение историков к периодической печати делает необходимым привлечение внимания к историко-ведческим проблемам ее научного использования. Такое привлечение тем более необходимо, что, так сказать, классическое историческое источниковедение сложилось и разрабатывалось преимущественно на исследовании материалов древних и средневековых, материалов рукописных, на изучении документов, эпиграфических памятников. Значительно позднее стали накапливаться историко-ведческие наблюдения в области изучения истории отдельных печатных книг. Представляется назревшим и неотложным делом включение журналов и газет — этих ведущих форм периодической печати XVII — начала XX в. — в число предметов изучения исторического источниковедения.

В досоветское время в России специальный научный интерес к периодическим изданиям проявляли историки литературы и отчасти библиографы, но старая библиография сосредоточивалась главным образом на регистрации органов периодики и реже — на росписи их содержания. Накопление историко-ведческих наблюдений в отношении этих изданий происходило почти исключительно в историко-литературной среде. Поскольку для историков литературы первостепенный интерес имели журналы широкого профиля, преимущественно общественно-литературные, в которых прежде всего печатались художественные, критические и публицистические тексты, то именно этого рода издания общего типа и попадали в сферу внимания ученых.

Собственно же историки изучением периодики занимались меньше. В известной мере это объясняется тем, что такая наиболее часто обращающаяся к периодике отрасль исторической науки, как история общественной мысли и общественного движения, сложилась в России довольно поздно. Первые обобщающие труды широкого хронологического охвата, посвященные истории общественной мысли, стали появляться в нашей историографии главным образом после 1905 г.⁵ Да и то, надо сказать, авторами этих трудов были вначале обычно историки литературы и критики — А. Н. Пыпин, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Р. В. Иванов-Разумник, в известной мере и Г. В. Плеханов.

Вследствие сказанного, кроме изданий общего профиля, вся остальная журналистика, особенно отраслевая и официально-ведомственная, так же как и вся масса газет (за редкими исключениями, например, «Литературная газета» А. И. Дельвига, «Северная пчела», «Московские ведомости», «Новое время»), почти не находилась в поле зрения историко-литературной науки.

⁵ Д. Н. Овсянко-Куликовский. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в., тт. 1, 2, М., 1906—1907; Р. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века, тт. 1, 2. СПб., 1907; Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, тт. 1—3. М., 1914—1917; т. 4. Пг., 1918.

Такое положение решающе сказалось и продолжает сказываться на содержании и характере общего источниковедения периодических изданий, как оно представлено в советской научной литературе (литературоведческой и в собственно исторической). Общее источниковедение периодики, история журналистики рассматривают, как правило, только журналы широкого профиля (общественно-литературные) и крайне небольшое число газет. Отраслевая периодическая печать, как это было и ранее, продолжает оставаться вне сферы изучения.

При постановке проблем источниковедения периодики в целом, а следовательно, и исторической журналистики, необходимо также учитывать, что самый термин «периодическое издание» как в дореволюционной, так и в советской литературе по библиографии, истории литературы и журналистики (А. Н. Неустроев, Н. М. Лисовский, Л. К. Ильинский, Н. М. Сомов, Ю. М. Бочаров, Е. И. Шамурин, К. Д. Муратова, П. Н. Берков, А. В. Запатов, А. Г. Фомин, В. С. Спиридонов)⁶ недостаточно прояснен. Так же обстоит дело и в мировой научной литературе.

В историко-библиографической практике нет устойчивости в вопросе о том, какие издания следует учитывать как «периодические». Одни (например, Н. М. Лисовский, Е. И. Шамурин) относят к таким изданиям только «периодику чистого типа», т. е. журналы и газеты. В большинстве библиографических трудов к периодическим изданиям относят и такие издания, как ежегодники, сборники, альманахи, бюллетени, циркуляры, информационно-инструктивные письма; продолжающиеся или серийные издания типа «Трудов», «Записок», «Известий» учреждений и обществ. Наконец, к периодическим изданиям в практике историко-библиографической работы иногда причисляли и такие, которые издавались регулярно под одним и тем же наименованием (или с незначительным его изменением) более или менее длительное время, например календари, справочно-адресные книги, путеводители. Видный теоретик советской библиографии Е. И. Шамурин прямо указывал на крайнюю трудность дать точное определение понятия «периодическое издание». Он утверждал, что ни одно из предложенных определений нельзя признать удовлетворительным и исчерпывающим. В то же время, видимо, именно Е. И. Шамури-

⁶ Назову некоторые, наиболее важные, работы названных авторов: А. Н. Неустроев. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874 (его же «Указатель» к этим изданиям и к разысканию о них. СПб., 1898); Н. М. Лисовский. Периодическая печать в России 1703—1903 гг.— «Литературный вестник», 1902, № 8; Л. К. Ильинский. Что такое «повременная печать»? — «Литературно-библиологический сборник». Пг., 1918; Н. М. Сомов. Что такое периодика, газета, журнал? — «Журналист», 1926, № 1; он же. Критическая библиография. Очерк газетной и журнальной библиографии. М., 1928; [Ю. М. Бочаров]. Методология истории периодической печати. — «Журналист», 1927, № 7—8; Е. И. Шамурин. Методика библиографической работы. М., 1933.

ну принадлежат слова, приведенные выше в кавычках, о «периодике чистого типа», к которой он относил только журналы и газеты⁷.

Не могут быть признаны удовлетворительными и не являются общепризнанными многочисленные попытки точного определения таких понятий, как «журнал», «газета». Неудовлетворительность таких попыток, на наш взгляд, объясняется двумя главными причинами: а) чрезвычайным разнообразием изданий, появляющихся более или менее повременно; б) абстрактно-логическим, антиисторическим подходом, обычным для таких попыток.

Между тем именно историкам хорошо известно, что самое содержание общественных представлений о том, что такое «повременная печать», «пресса», «журналистика», «журнал», «газета», исторически многократно менялось.

Определение этих понятий должно вырабатываться не при помощи абстрактно-логических категорий, а на основе конкретно-исторического изучения реально существовавших в данное время соответствующих изданий. Дать научное определение таких понятий «для всех времен и народов» невозможно.

О необходимости исторического подхода к подобным понятиям и к соответствующим словам 130 лет назад писал В. Г. Белинский. В наше время на то же обращал внимание П. Н. Берков.

В статье «Русская литература в 1842 году» Белинский заметил: «Было время, когда журналы в Европе по преимуществу назывались «зрителями»; теперь имя «обзрений» (revues) осталось за ними исключительно и значит то же самое, что у нас, на Руси, слово «журнал», а журналами называются там газеты. В этих названиях столько же основательности и толку, сколько у нас неосновательности и бестолковости. Большая часть журналов у нас выходит один раз в месяц, тогда как иностранное слово «журнал» совершенно равнозначительно русскому «дневник» или «ежедневник». Слово «газета», оставшееся у нас преимущественно за теми периодическими изданиями, которые за границей называются «журналами», не выражает никакого смысла, почему почти и оставлено в Европе»⁸.

Характеризуя историю библиографических трудов по русской периодической печати, П. Н. Берков отмечал, что, хотя периодические издания (уже печатные, заметим в скобках) появились в России с первых лет XVIII в. и до конца этого века возникло и действовало с разной длительностью до 120 журналов и газет, особое понятие о периодических изданиях сложилось в русском литературном языке много позднее, только в последней трети этого века⁹. Тогда появились устойчивые типы печатных произ-

⁷ *Е. И. Шамурин*. Указ. соч., стр. 166 и предисловие.

⁸ *В. Г. Белинский*. Полное собрание сочинений, т. 6. М., 1955, стр. 512.

⁹ *П. Н. Берков*. О библиографических трудах по русской периодической печати.— В кн.: *М. В. Машкова и М. В. Сокурова*. Общие библиографии русских периодических изданий 1703—1954, Л., 1956, стр. 7 и след.

ведений, которые начали определять как «ежемесячное издание», «ежемесячное сочинение», «периодическое сочинение». И эти печатные произведения XVIII в. имели особенности, отличающие их от тех, подобных по содержанию и характеру произведений, какие в исходе XVIII и в начале XIX вв. обозначались словосочетанием «ежемесячное и периодическое сочинение». А последнее, т. е. «ежемесячное и периодическое сочинение», в то время обозначало более разнообразные типы изданий, чем вошедшее в широкий обиход примерно во второй четверти XIX в. слово «журнал».

Заметим, что слово «журнал» вошло и в Вейсманнов лексикон 1731 г. и в Российский целлариус Ф. Гелтергофа 1771 г. в смысле «дневник», «поденная записка». В начале XIX в. в словари попадает слово «журналист» («Новый словотолкователь» Н. Яновского 1803 г.), а к середине века в них появляется и «журналистика» («Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук», 1847 г.).

С начала XIX в. возникают новые типы повременных изданий — «альманахи», «альбомы». Особенно характерны эти типы изданий для 20—50-х годов XIX в. Были такие издания и исторического содержания. С середины XIX в. множатся повременные издания типа «сборник».

Слова «журнал» и «журналистика» только в капиталистический период русской истории приобретают примерно то содержание, которое с начала XX в. стало с ними связываться. Уже в 60-х годах XIX в. в статье «Схоластика XIX века» Д. И. Писарев имел основание писать: «Развитие русской журналистики с каждым годом становится шире; возникают новые журналы и в короткое время приобретают себе значительный круг читателей; между тем старые журналы продолжают свое существование, и число их подписчиков нисколько не уменьшается. Периодические издания расходятся по всем концам России. <...> Большинство публики читает одни журналы, это факт, в котором мог наглядно убедиться всякий, кто жил в провинции и бывал в обществе какого-нибудь уездного города»¹⁰.

Написанное позволяет считать назревшей для источниковедения задачу изучения и установления характерных признаков главных типов исторических повременных изданий в России в XVIII, XIX и XX веках.

В дореволюционной русской исторической науке периодические издания как особый разряд источников не рассматривались.

В первом большом обзоре исторических источников, относящихся к истории России до 1825 г., К. Н. Бестужев-Рюмин, крупный историк-источниковед, не выделял особо периодические

¹⁰ Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах, т. I. М., 1955, стр. 97.

издания. О них только упоминалось в массе разного рода источников, объединенных под рубрикой «памятники словесности». Одним из разрядов литературных произведений названный историк считал произведения публицистические. К ним он относил «все то, что входит в настоящее время в область журналистики, все, что касается текущих вопросов и практических интересов; другого названия мы не могли прибрать, хотя древняя Русь и не знала журнальной литературы, а между тем от нее дошло до нас известное количество произведений этого разряда»¹¹. Бестужев-Рюмин останавливался особо на таких разрядах источников, весьма заметных и весомых для XVIII — начала XIX в., как мемуары (записки), описания путешествий, частная переписка. Но хотя в XVIII — начале XIX в. существовало немало периодических изданий и они уже занимали в общественно-политической и культурной жизни России довольно заметное место, историк их не рассматривал. Так обстояло дело и в других более поздних общих обзорах исторических источников, какие были в русской научно-исторической литературе до 1917 г.

Наше историческое источниковедение применительно к отечественной периодике до 1917 г. существует недавно, примерно три десятилетия. Впервые в советской печати периодические издания как исторические источники были выделены и специально охарактеризованы в 1940 г. С. А. Никитиным¹².

В последнее время периодическая печать как исторический источник рассматривалась на материалах 1801—1917 гг. С. С. Дмитриевым¹³, В. А. Вдовиным¹⁴ и С. И. Антоновой¹⁵ и на материалах 1702—1917 гг. С. С. Дмитриевым¹⁶

* * *

Отраслевая журналистика в России существует по крайней мере с начала второй половины XVIII в. По нашему мнению, есть серьезные основания считать первым устойчивым изданием отраслевой печати «Труды Вольного Экономического общества» (с 1765 до 1915 г.). Отраслевая пресса и в настоящее время представлена очень богато и имеет весьма важные задачи, о ко-

¹¹ К. Бестужев-Рюмин. Русская история, I. СПб., 1872, стр. 119.

¹² С. А. Никитин. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов). Курс источниковедения истории СССР, т. 2. М., 1940.

¹³ «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.». М., 1970 (раздел V, глава 11. Периодическая печать дореволюционной России (1801—1860).

¹⁴ Там же, глава 12. Периодическая печать 1861—1895 гг.

¹⁵ Там же, глава 13. Периодическая печать периода империализма. Большевицские листовки как исторический источник. (Текст о листовках написан Л. И. Лесковой).

¹⁶ «Источниковедение истории СССР». Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973, стр. 257—273, 373—392.

торых не так давно писала «Правда»¹⁷. К сожалению, отраслевая периодика до сих пор ничтожно малое место занимает в общей научной литературе по истории журналистики.

Существует некоторое количество научной литературы, посвященной отдельным группам отечественной отраслевой журналистики. Такова литература по сельскохозяйственной периодике¹⁸, медицинской¹⁹, театральной и музыкальной периодике²⁰. Имеется литература по истории таких ветвей отраслевой периодики, как военная, педагогическая, детская и некоторые другие. Литература, касающаяся отдельных групп отраслевой журналистики, как правило, имеет преимущественно характер описательно-

¹⁷ «Отраслевой журнал» (передовая статья).— «Правда» от 19 сентября 1973 г.

¹⁸ *Я. А. Линовский*. Обзорение современного состояния сельскохозяйственной литературы в России.— «Москвитянин», 1845, № 5, 6; *Б. Усовский*. Сельский хозяин и книга (Русская периодическая печать).— «Вестник сельского хозяйства», 1912, № 43, 45; *Е. Богородицкий*. Повременная сельскохозяйственная печать в России.— «Земледельческая газета», 1913, № 7; 1914, № 1; *К. Д. Корсаков*. Предшественники «Вестника сельского хозяйства» и его комитетов с 1821 по 1925 год. Историко-библиографические заметки.— «Вестник сельского хозяйства», 1925, № 1, 2, 4; *В. П. Таранович*. К истории развития русской лесной периодической печати.— В кн. «Лес, его изучение и использование. Лесной сборник», вып. 3. Л., 1928. Богатые указания на материалы по истории сельскохозяйственной периодики в дореволюционной России и в СССР см. в кн.: *Н. М. Михеев*. Библиографические указатели сельскохозяйственной литературы. 1783—1954 годы. М., 1956, особенно стр. 43—48, 93—114. Для источниковедения периодики значительный интерес представляют специальные работы историков на материалах сельскохозяйственной прессы: *Б. В. Тихонов*. Официальные журналы второй половины 20—50-х годов XIX в. как источник для изучения истории русской промышленности.— «Проблемы источниковедения». VII. М., 1959, стр. 150—204; *он же*. Обзор «Записок» местных сельскохозяйственных обществ 30—50-х годов XIX в.— «Проблемы источниковедения». IX. М., 1961, стр. 92—162; *С. В. Климова*. Журнальная литература как источник по истории тонкорунного овцеводства и производства сырья для шерстяной промышленности крепостной России XIX в.— «Проблемы источниковедения». IX, стр. 56—94.

¹⁹ *Я. А. Чистович*. Исторический очерк русской медицинской журналистики.— «Медицинский вестник», 1861, № 1—4; *А. П. Жук*. Из истории русской медицинской печати. (К столетию «Московской медицинской газеты», 1858—1958).— «Труды Института организации здравоохранения и истории медицины им. Н. А. Семашко», вып. 5. М., 1959.

²⁰ *Е. Некрасова*. Первый русский журнал, посвященный театру.— «Артист», 1890, № 6; *А. Н. Сиротинин*. Первый театральный журнал в России.— «Артист», 1890, № 7; *А. М. Брянский*. «Репертуар» и «Пантеон» (1839—1856). Художественные приложения.— «Русский библиофил», 1916, № 2; *Л. К. Ильинский*. Театральная пресса за 1917—1919 гг.— «Бирюч». Сборник петроградских государственных театров, вып. 2. Пг., 1920—1921; *Вен. Е. Вишневецкий*. Театральная периодика. Библиографический указатель, ч. 1. 1774—1917, ч. 2. 1917—1940. М.—Л., 1941. *Т. Н. Ливанова*. Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века, вып. I. 1801—1825. М., 1960; вып. II. 1826—1840, М., 1963; вып. 3, 1841—1850. М., 1966.

библиографический. Для разработки проблем исторического источниковедения периодики она, однако, может дать немало отдельных любопытных наблюдений.

Все названные выше группы отраслевой журналистики главным образом представлены журналами; затем серийными и продолжающимися изданиями, сборниками и альманахами, издававшимися более или менее регулярно в определенные периодические сроки и, наконец, газетами.

Историческая журналистика как особый разряд отраслевой печати почти не имеет подобной обобщающей научной литературы. Первая попытка библиографического выявления органов русской исторической периодики относится, насколько мне известно, к 1940 г., когда в связи с практическими нуждами незадолго до того созданной Государственной публичной исторической библиотеки, а также в связи с разрабатываемым им курсом лекций по истории русской библиографии Н. В. Здобнов сделал в Исторической библиотеке два доклада — первый весной, второй в ноябре, заключающие в себе короткие библиографические обзоры русских исторических журналов XVIII и XIX вв.²¹ Специальные работы советских историков по этой тематике начали появляться только в последние полтора десятилетия²². В недавние годы стали интенсивно публиковаться статьи, посвященные некоторым отдельным органам отечественной исторической периодики, архивам этих органов, источниковедческому анализу научных публикаций в этих органах²³. Появление таких работ

²¹ Текста доклада Н. В. Здобнова, сделанного весной 1940 г. в ГПИБ по содержащему обзор исторических журналов XVIII в., не удалось разыскать. Стенограмма доклада Н. В. Здобнова 27 ноября 1940 г. в ГПИБ на тему «Библиографический обзор русских исторических журналов XIX в.» (30 стр. машинописи) хранится в Научно-библиографическом отделе ГПИБ.

²² С. С. Дмитриев. Русский исторические журналы по истории СССР.— В кн.: С. С. Дмитриев, В. А. Федоров, В. И. Бовыкин. История СССР периода капитализма. М., 1961, стр. 167—190; *он же*. Историческая периодика в России.— «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стлб. 530—532; *он же*. Именословие русских исторических журналов.— «Русская литература», 1967, № 1, стр. 73—83; *он же*. Периодическая печать дореформенной России (1801—1860 гг.).— В кн.: «Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в.» М., 1970, стр. 243—268, особенно стр. 264—265; *он же*. Периодическая печать [источники по истории СССР XVIII—первой половины XIX в.] и Периодическая печать [источники по истории СССР эпохи капитализма].— В кн.: «Источниковедение истории СССР». Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973. См. также: С. С. Дмитриев. Сотрудничество Л. Н. Трефолева в исторических журналах.— В кн.: «Ярославский край», сб. II. Ярославль, 1929, стр. 142—165; В. А. Дунаевский, Г. З. Иоффе. Историческая периодика зарубежная.— «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стлб. 523—530.

²³ А. А. Формозов. Первый русский историко-археологический журнал.— «Вопросы истории», 1967, № 4, стр. 208—212; *он же*. Тиражи исторических изданий первой половины XIX в. в России.— «Вопросы истории», 1970, № 2, стр. 192—196; А. И. Алаторцева. Журнал «Историк-марксист» — орган Общества историков-марксистов в Институте истории Комкадемп.—

свидетельствует о возникновении устойчивого интереса среди советских историков к отечественной исторической периодике.

Сопоставительное изучение литературы по общему источниковедению периодики, по истории и теории общей и отраслевой периодики приводит к выводу: вопросы теории и истории каждой особой группы отраслевой журналистики подлежат в их общих закономерностях, так сказать, ведению общей истории периодической печати того или иного времени, но одновременно глубокое, специальное изучение и использование органов каждой такой особой группы отраслевой журналистики должно относиться к кругу ведения той науки или наук, к которым по своему содержанию данная группа принадлежит. Источниковедение исторической журналистики с этой точки зрения есть прежде всего область, подлежащая ведению исторической науки.

Периодические издания, используемые историками, следует разделить на две группы.

Первая группа. Издания, специально посвященные истории, предназначенные прежде всего для историков и читателей, осябно интересующихся историей. Издания эти, представленные главным образом журналами, состоят из научно-исследовательских и научно-популярных сочинений по истории, из разных публикуемых в них исторических источников, наконец, из самого разнообразного, преимущественно информационного и критико-библиографического содержания материала, относящегося к текущей жизни исторической науки, ее учреждений, организаций и отдельных деятелей.

Вторая группа. Все прочие периодические издания.

Издания второй группы и сами по себе, в целом, служат источниками для историков, кроме того, в изданиях этой группы

«История и историки. Историографический ежегодник, 1971». М., 1973, стр. 45—90; она же. Структура и основные направления деятельности журнала «Историк-марксист» (1926—1941 гг.).— «История и историки. Историографический ежегодник. 1972». М., 1973, стр. 57—77; она же. А. В. Шестаков — первый редактор журнала «Историк-марксист», 1973, № 3, стр. 206—210; Г. Н. Моисеева. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова.— «Памятники древнерусской литературы XI—XVII вв.». М.—Л., 1970; Н. Г. Сими́на. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70—80-х годах XIX в.— «Исследования по отечественному источниковедению», 1964, стр. 197—203; Ю. И. Штакельберг. Архив «Русской старины».— «К 100-летию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». М., 1964, стр. 292—350; Н. В. Комаренко. Журнал «Літопис революції», Київ, 1970; И. А. Желвакова. Исторические сборники А. И. Герцена. Опыт источниковедческого и историографического изучения. Автореферат канд. дисс. М., 1972; Ю. М. Крицкий. Вопросы истории русской общественной мысли и революционного движения в России XVIII — начала XX в. в журнале «Голос мнущего» в 1913—1923 гг.— «История и историки. Историографический ежегодник. 1972». М., 1973, стр. 78—106; Г. П. Мазнова. К истории журнала «Красный архив».— «История и историки. Историографический ежегодник. 1973». М., 1975, стр. 70—84.

всегда имелся (и в настоящее время имеются) в более или менее значительном количестве разного рода «исторические тексты» (воспоминания, документы, письма и другие источники; сочинения по истории и пр.), которые в разных случаях также служат источниками для историков.

Издания первой группы представляют для историков особый, так сказать, профессиональный интерес. Ведь это — издания, обыкновенно осуществляемые и направляемые историческими учреждениями и организациями, отдельными историками. Сами по себе они являются для историков одновременно и памятниками историографии и часто богатыми запасниками материалов по всей истории исторической науки.

Совокупность изданий первой группы является одной из разновидностей отраслевой журналистики — исторической журналистикой. Разработка проблем этой разновидности отраслевой журналистики — важная задача советского исторического источниковедения.

Последующие источниковедческие наблюдения касаются почти исключительно только соответствующих изданий первой группы, выходявших в России на русском языке до 1917 г.

Разумеется, источниковедческие проблемы, которые возникают при изучении памятников дореволюционной русской исторической журналистики, будут небесполезными и для выяснения вопросов истории советской исторической периодики, для выработки методики работы с материалами этой периодики, научного анализа и использования их.

Далее остановимся на следующих проблемах: 1) основные этапы развития русских исторических повременных изданий; 2) типология русских исторических повременных изданий; 3) понятие «текст-источник», применительно к материалам этих изданий; 4) общественно-идейная направленность исторической периодики; 5) историографические и археографические вопросы применительно к исторической периодике.

* * *

В истории русских повременных исторических изданий можно предложить различать три периода:

- а) примерно с 1772/73 г. по 1862 г.;
- б) примерно с 1863 г. по 1917 г.;
- в) примерно с 1918 г. до нашего времени.

Заметим, что начиная с 70-х годов XVIII в. и до 1917 г. было издано более 100 органов отраслевой исторической периодики. После 1917 г. появилось еще несколько десятков новых изданий.

В пределах каждого из этих периодов были свои внутренние грани. В пределах первого примерно такие: 1) 1772/73 — 1818/19 г.; 2) 1820—1844 гг.; 3) 1845—1862 гг. В пределах вто-

рого примерно такие: 1) 1863 — рубеж XIX—XX вв.; 2) рубеж XIX—XX вв.— 1917 г. В третьем периоде можно наметить примерно следующие внутренние грани: 1) 1918—1921 гг.; 2) 1921—1941 гг.; 3) 1941—1954 гг.; 4) с 1955 г.

Сжато характеризуем главные черты трех крупных периодов в истории русских повременных исторических изданий, укажем наиболее существенные факты, послужившие основаниями для намеченных внутренних граней в этих периодах. Устанавливая более или менее точные даты в нашей периодизации, уместно напомнить ленинскую мысль о подвижности и условности всех исторических граней.

Период примерно с 1772/73 г. по 1862 г. Первые специальные исторические повременные издания на русском языке появились в России в последней четверти XVIII в. («Древняя российская вивлиофика», 1773—1775, новое издание — 1788—1791; «Повествователь древностей российских», 1776; «Российский магазин», 1792—1794; в известной мере «Старина и новизна», 1772—1773).

Предшественниками этих изданий, несомненно, были по крайней мере два учено-литературных органа, связанных главным образом с именем Г. Ф. Миллера — «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1728—1742) и «Sammlung Russischer Geschichte» (1732—1737, 1758—1764). Первый из этих органов положил начало научно-литературным журналам в России; исторические сведения представлены в нем довольно богато, но история не составляла главного его содержания. Второй — являлся, по мнению Н. Л. Рубинштейна, «немецким историческим журналом»²⁴, посвященным материалам по русской истории и издававшимся в России. Этот орган был, конечно, немецким изданием (хотя бы по языку), но вряд ли основательно это издание называть журналом. Это не журнал, а сборник материалов и исследований. Таковым его считал и сам Г. Ф. Миллер, и специально его изучавший П. П. Пекарский²⁵.

Начало специальным историческим повременным изданиям на русском языке положил Н. И. Новиков своей «Древней российской вивлиофикой». В издании Ф. О. Туманского «Российский магазин» есть основания видеть первый русский исторический журнал²⁶.

Для 1772/73—1819 гг. преимущественно характерен переходный смешанный тип повременного исторического издания — «сборник-журнал».

²⁴ Н. Л. Рубинштейн. Русская исторпография. М., 1941, стр. 100.

²⁵ П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, стр. 319, 404; там же, на стр. 318 и 319, приведены суждения Миллера о «Sammlung» как сборнике.

²⁶ Н. А. Белозерская. Исторический журнал XVIII века. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1898, № 1, отд. 2, стр. 64—84.

С 1820 г. возникает в лице «Отечественных записок» (1820—1830) П. П. Свиньина новый тип устойчивого, преимущественно исторического журнала²⁷.

Для 1820—1844 гг. характерно появление и распространение изданий типа исторических альманахов и альбомов. Примерами таких изданий могут служить: «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного» (1824, 1825) А. О. Корниловича; «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности» (1829, 1832) В. Н. Олина; «Альманах исторический, или Красоты российской истории, изданный Кнѣцм», (1832, псевдоним Кнѣцм принадлежал М. Л. Магницкому); «Запорожская старина» (1833—1838) И. И. Срезневского; «Киевлянин» (1840, 1841, 1850) М. А. Максимовича. Смешанным типом альманаха-журнала были книжки «Воспоминания на 1832 год, издаваемые С. Руссовым» (1832). Исторические альманахи и альбомы, выпускавшиеся более или менее периодически, просуществовали примерно до середины 40-х годов, после чего сравнительно быстро уступили свое место другим изданиям.

С 1845 г. возникает первое прочное и долговременное издание русских научно-исторических обществ в лице «Чтений в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (1845—1848, 1858—1916).

В это же время в виде особого отдела «Материалы для русской истории и истории русской словесности» в «Москвитянине» (1841—1856) М. П. Погодина сложился прообраз нового типа наиболее солидных и долговременных пореформенных русских исторических журналов — «Русского архива» и «Русской старины».

В самом конце этого периода появился первенец вольной русской исторической периодики — «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне» (1859, 1861) А. И. Герцена и Н. П. Огарева²⁸. Издание это следует признать самым ранним предшественником будущей русской историко-революционной журналистики.

В целом для периода 1772/73—1862 гг. историческая тематика и печатание исторических источников еще не вполне стали преимущественным делом специально исторических повременных изданий. Публикация исторических источников, научных и научно-популярных статей по истории, рецензирование исторических трудов и материалов в течение всего этого периода были очень широко представлены в общей периодике широкого профиля,

²⁷ А. А. Формозов. Первый русский историко-археологический журнал.— «Вопросы истории», 1967, № 4, стр. 208—212. Дореволюционный исследователь назвал этот же орган «дедушкой русских исторических журналов» (В. В. Данилов. Дедушка русских исторических журналов.— «Исторический вестник», 1915, № 7, стр. 109—129).

²⁸ См. факсимильное издание: «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева», кн. 1, 1859; кн. 2, 1861; кн. 3. Комментарии и указатели. М., 1971.

главным образом, в литературно-общественных журналах. Общее число специальных исторических повременных изданий, выпущенных в течение этого периода, невелико; существование их было очень краткосрочным, в среднем от года — трех лет — максимум до десяти.

Период примерно с 1863 г. по 1917 г. С января 1863 г. в Москве под редакцией, а потом и в издании П. И. Бартенева стал выходить журнал «Русский архив» (1863—1917). Издание имело часто подзаголовок «Историко-литературный сборник». Но по содержанию, по структуре, по периодичности выпуска, по условиям и характеру подписки, наконец, по роли, которую играл в нем его редактор, а с 1873 г. редактор и издатель П. И. Бартенев, «Русский архив» явился журналом нового типа в русской исторической периодике.

С появлением этого журнала начался новый период в развитии этой периодики. Именно в нем историческая повременная печать определилась в качестве одной из ветвей отраслевой периодики капиталистической России.

Журнал Бартенева издавался непрерывно в течение 54 лет; под его прямым руководством журнал выходил 49 лет. Подобно «Русскому архиву», несколько повременных исторических изданий оказались очень устойчивыми и длительными — «Русская старина», основанная М. И. Семевским в 1870 г., издавалась по 1918 г., т. е. в течение 48 лет; «Сборник Русского Исторического общества» — в течение 49 лет (1867—1916); «Исторический вестник» С. Н. Шубинского и А. С. Суворина — в течение 37 лет (1880—1917); «Киевская старина» — в течение четверти века (1882—1906), таким же долгожителем оказался и первый русский историко-этнографический журнал «Живая старина» (1890—1916).

На рубеже XIX—XX вв., наряду с продолжавшими издаваться помянутыми выше устойчивыми органами, стали появляться в большом количестве новые издания отраслевой исторической периодики. Для них характерными были более узкая тематика, большая специализация, определенные прямые связи с разными отраслями историографии, с отдельными специальными или вспомогательными дисциплинами исторической науки. С конца 80-х — начала 90-х годов XIX в. начинают выходить специальные историко-этнографические журналы — «Этнографическое обозрение» (1889—1916), «Живая старина» (1890—1916) и другие.

С 1900 г. возникает в лице «Былого» за рубежом, а с 1906 г. в России новая важная разновидность исторической периодики — историко-революционная журналистика.

Появляются многочисленные органы, посвященные так называемой «церковной археологии», истории «религиозного искусства», памятникам церковной старины, — «Калужская старина» 1901—1904, 1910—1911), «Минская старина» (1909—1913), «Светильник» (1913—1915) с подзаголовком «Религиозное искусство в прошлом и настоящем».

Среди таких специализированных органов исторической отраслевой журналистики этого периода укажем еще для примера на следующие: нумизматический журнал «Старая монета» (1910—1912); «Журнал Русского военно-исторического общества» (1910—1914); «Известия Русского генеалогического общества» (1900—1911), «Летопись Историко-родословного общества в Москве» (1905—1915), «Родовой листок» (1914—1916); журналы коллекционеров памятников старины и искусства, периодические издания по антикварному делу — «Антиквар» (1902—1903), «Старые годы» (1907—1916) с подзаголовком «Ежемесячник любителей искусства и старины», «Русский библиофил» (1911—1916) в первые два года издания с подзаголовком «Иллюстрированный вестник для собирателей книг и гравюр».

Наконец, нужно отметить очень значительное количество неустойчивых, кратковременных изданий, посвященных истории отдельных регионов и народов (например, «Сибирский архив», 1911—1916; «Еврейская старина», 1909—1916; «Костромская старина», 1890—1911; «Смоленская старина», 1909—1916).

Число специальных исторических повременных изданий в этот период становится весьма значительным и начиная с 60-х годов все время возрастает, по крайней мере до 1914 г. — начала первой мировой войны. В середине 60-х годов одновременно ежегодно в России издавалось 4—5 исторических повременных издания (не считая археологических). В начале второго десятилетия XX в. число таких изданий, одновременно выходявших, достигало 35—40.

Многочисленность органов отраслевой исторической печати периода 1862—1917 гг. свидетельствует о возникновении в это время в России весьма обширного контингента читателей, проявлявших устойчивый интерес к истории.

Период примерно с 1918 г. до нашего времени, взятый в целом, является периодом становления и развития советской исторической науки, основывающейся на принципах исторического материализма, на научном истолковании закономерностей исторического процесса, данном К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. В этот период возникает принципиально новая по отношению к дореволюционной советская историческая печать. Развитие ее за более чем полувековое существование прошло через несколько этапов.

1918—1920 годы были временем постепенного угасания старой (предреволюционной) исторической периодики. Подавляющее большинство ее органов прекратило свое существование к исходу 1917 г. Немногие издания (например, «Голос минувшего», «Былое») продлили свое бытие примерно до середины 20-х годов. Но не пожелав или не сумев найти себе место в молодой действительности революционной Советской России, они прекратились.

Появлявшиеся в эти трудные годы гражданской войны и иностранной военной интервенции исторические периодические изда-

ния существовали относительно недолгое время. Научно-идеологически такие издания пытались в новых условиях советской действительности продолжать традиции буржуазной дореволюционной историографии, например «Русский исторический журнал» (1917—1921), «Дела и дни» (1920).

1921—1941 годы представляются первым этапом в истории советской отраслевой исторической периодики. Начиная с 1921—1922 гг. возникают советские исторические журналы — «Архив истории труда в России», «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», «Красный архив».

В это десятилетие формируются некоторые важные типы исторической повременной печати — «головные» журналы — «Историк-марксист» (1926—1941), «Пролетарская революция» (1921—1941); научно-исследовательские органы — «Исторические записки» (с 1937 г.); научно-публикаторские — «Красный архив» (1922—1941), «Литературное наследство» (с 1931 г.), печатающее много памятников по истории общественной мысли и публицистических произведений; научно-популярные — «Борьба классов» (1931—1936), «Исторический журнал» (1937—1945). Серьезной внутренней вехой в жизни исторической периодики этого времени было опубликование в ноябре 1931 г. письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», озаглавленного «О некоторых вопросах истории большевизма». Большая часть исторических органов, существовавших в 20—30-х годах, перестала выходить в связи с началом Великой Отечественной войны в июне 1941 г., и многие из них не возобновились по окончании войны.

Годы войны (1941—1945) и примерно первое послевоенное десятилетие (1941—1955) не внесли чего-либо существенно нового в развитие советской исторической печати. В трудных условиях военных лет, затем общенародных героических усилий по восстановлению хозяйства и быта в послевоенные годы историческая журналистика среди других ветвей отраслевой периодики была довольно скромно представлена.

Новый этап в жизни исторической печати определился приблизительно с середины 50-х годов. Очень большое, глубоко положительное значение для дальнейшего развития советской науки, и особенно исторической науки, имел XX съезд КПСС. Начиная примерно с 1955—1957 гг. заметно оживилась и историческая повременная печать. Возникли новые важные научно-исследовательские и публикаторские исторические журналы — «История СССР» (с 1957 г.), «Вопросы истории КПСС» (с 1957 г.), «Новая и новейшая история» (с 1957 г.), «Исторический архив» (1955—1962), «Исторические науки. Доклады и сообщения высшей школы» (1957—1960), «Вестник истории мировой культуры» (1957—1961). Возобновлено было с 1959 г. издание «Военно-исторического журнала», начатое еще в 1939 г. и прекратившееся с началом войны.

В настоящее время только на русском языке в нашей стране издается одновременно ежегодно несколько десятков исторических повременных изданий и много солидных продолжающихся изданий главным образом типа тематических сборников, например «Средние века», «Византийский временник», «Палестинский сборник», «Нумизматика и эпиграфика», «Археографический ежегодник», «История и историки. Историографический ежегодник».

Таковы в кратком изложении важнейшие периоды истории русских исторических повременных изданий. В постановке и освещении проблем источниковедения отечественных исторических журналов эти периоды должны быть внимательно учитываемы.

* * *

Обратимся к вопросам типологии русских исторических журналов.

На основании чего можно отнести то или иное конкретное повременное издание к группе органов отраслевой исторической журналистики?

Важное значение для источниковеда при ответе на такой вопрос может иметь изучение следующих данных:

- а) название издания,
- б) определительный подзаголовок титульного листа,
- в) объявления об этом издании (обычные при появлении всякого нового издания),
- г) программно-вступительные статьи ко всему изданию,
- д) редакционные и издательские заявления и обращения к читателям, напечатанные в этом издании, а иногда в других изданиях, но относящиеся к данному изданию по их содержанию,
- е) личность издателя и редактора. Название и характер учреждения или организации, от имени которых данный орган издавался.

Однако ни один из этих элементов, отдельно взятый, ни даже совокупность их в иных случаях все же не дают возможности составить вполне определенный и точный ответ на поставленный выше кардинальный вопрос.

Название может в себе иметь слова: история, исторический, древний, прошлое, бывшее и т. п., но они могут в нем и отсутствовать.

Известно, как произвольно суженным оказался репертуар отраслевой периодики по литературе и искусству, когда К. Д. Муратова в 1933 г. взяла чисто формальный принцип определения органов такой периодики, относя к ней только такие издания, в самом названии или заголовке которых употреблялись слова «литература», «искусство»²⁹.

²⁹ И. В. Владиславлев. Из библиографии по литературоведению последнего времени.— «Советская библиография», III (11). М., 1935, стр. 128—131.

Проделанный опыт изучения названий органов русской отраслевой исторической периодики показал очень важную, но далеко не всегда решающую роль таких названий³⁰ для источниковеда при отнесении того или другого издания к числу органов отраслевой исторической печати.

Можно привести примеры повременных изданий, названия которых прямо объявляло их историческими, тогда как в действительности эти издания к отраслевой исторической печати не принадлежали. Таков, к примеру, первый русский журнал, прямо в самом названии заявлявший о своем историзме: «Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света» (1809—1830). На деле этот журнал неосновательно считать историческим. Он начал выходить еще с 1790 г., тогда он имел другое название: «Политический журнал, с показанием ученых и других вещей». Орган этот все 40 лет своего довольно бледного существования являлся политическо-хроникальным, но не историческим повременным изданием. Даже «современная история света» на страницах этого органа представлена была главным образом сухими и краткими хроникерского характера заметками о встречах, восшествиях на престол, браках, кончинах разных коронованных и титулованных особ, о договорах и сражениях. Большинство таких заметок были переводами из иностранной прессы.

Так же в ряде случаев обстоит дело и с определительными подзаголовками титульных листов. Так, к названию «Гений времен» (1807—1809) издателями Ф. Шредером, И. Делакруа, Н. И. Гречем был дан титульный подзаголовок: «Исторический и политический журнал». В действительности это политическая газета-журнал. Журнал «Экскурсионный вестник» (1914—1916), редактируемый С. И. Гинтовтом и И. Н. Бороздиным (историк и археолог), имел подзаголовок: «Культурно-исторический журнал для семьи и школы». Посвящен он был практике экскурсионно-го дела.

То же следует иметь в виду и в отношении специальности и профессиональной принадлежности издателя или редактора.

Историк М. П. Погодин редактировал и издавал такие журналы, например, как «Московский вестник» (1827—1830) и «Москвитянин» (1841—1856); первый был преимущественно философско-эстетическим и литературным; второй — литературно-публицистическим и ученым, один (и весьма содержательный) отдел «Москвитянина», правда, состоял исключительно из исторических материалов.

Историк М. М. Стасюлевич основал и вел несколько десятилетий «Вестник Европы» (1866—1908). Первые два года издания «Вестник Европы» в подзаголовке был представлен как «Журнал историко-политических наук». С третьего года там же он был ат-

³⁰ С. Дмитриев. Именословие русских исторических журналов, стр. 73—83.

тестовац как «Журнал исторический, политический и литературный». С пятого года там же он был рекомендован как «Журнал истории, политики и литературы». Последний подзаголовок удержался на четыре десятилетия (с января 1870 г. до марта 1910 г.). Только в течение восьми лет (март 1910 г.— март 1918 г.), завершающих историю этого органа, в его подзаголовке отсутствовали слова «история», «исторический»; в эти годы он именовался «журналом науки, политики, литературы». «Вестник Европы» (1866—1918 гг.), строго говоря, не может быть отнесен к органам отраслевой исторической печати. Даже в первые два года (1866—1867) новый журнал, хотя он и был назван в программно-вступительном обращении «От редакции» к читателям «новым историческим журналом», на самом деле таковым не был. Правда, статьи историков и об истории, особый отдел «Историческая хроника» занимали в «Вестнике Европы» тех двух лет много места. Но очень живо в нем освещались совсем не исторические, а остро злободневные в то время вопросы текущей жизни России (пути сообщения, новые линии и проектируемые направления железных дорог; экономический быт; деятельность земских и городских учреждений и т. д.)³¹.

Изучение перечисленных выше элементов все же надо считать в процессе источниковедческого исследования данного повременного издания совершенно необходимым. В подавляющем большинстве случаев оно приближает к получению искомого ответа, а часто и прямо к нему приводит.

Но решающим при выработке ответа на интересующий нас вопрос нужно признать непосредственное изучение всего содержания данного издания. В конечном счете только анализ реального содержания данного органа позволит или воспрепятствует отнести его к отраслевой исторической периодике.

Ясна необходимость выяснения конкретно-исторической типологии всей совокупности повременных изданий на русском языке по части истории. За двухсотлетнее (1772/73—1975 гг.) существование исторической периодики в нашей стране возникали и сменялись издания разных типов. Назовем главные типы в исторической последовательности их появления.

Наиболее распространенными и отчетливо выраженными формами повременных изданий по истории следует признать: а) журнал, б) сборник.

Особую форму таких изданий являют чрезвычайно многочисленные продолжающиеся и серийные органы. Как правило, такие органы не имеют заранее установленной и точной периодичности для своего появления. Обыкновенно не имела ме-

³¹ В связи с изложенными наблюдениями нельзя признать верными встречающиеся в некоторых справочных изданиях определения «Вестника Европы» 1866 и 1867 гг. как «научного исторического журнала» (см., например, «Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник». М., 1959, стр. 470; «Краткая литературная энциклопедия», т. 1. М., 1962, стлб. 947).

ста и предварительная подписка на право получения таких органов. В массе эти органы являлись изданиями разных ведомств, учреждений, обществ, учебных заведений.

Насколько мне известно, отраслевая историческая печать не знала газет.

Укажу на некоторые отдельные типы исторических изданий: «Сборник-журнал» был характерен для 1772/73—1819 гг.

«Альманахи», «альбомы», «карманные книжки» исторического содержания были в большом ходу в 20—40-х годах XIX в.

Формы «журнала» и «сборника» примерно во второй четверти XIX в. приобретают более четкое выражение. Обычным для «журнала» становится размещение материалов по отделам.

Для 1863—1917 гг. наиболее характерным был тип «толстого», ежемесячного исторического журнала «долгожителя». Такие журналы издавались в течение нескольких десятилетий. Они имели значительные тиражи; устойчивые контингенты подписчиков; приобретали, как правило, определенное, признанное научно-литературной общественностью место и репутацию во всей периодике своего времени. Обычно во главе таких журналов длительное время в качестве редакторов, нередко одновременно редакторов и издателей, стояли одни и те же лица (П. И. Бартенев в «Русском архиве» с 1863 по 1912 г.; М. И. Семевский в «Русской старине» с 1870 по 1892 г.; В. Ф. Миллер в «Этнографическом обозрении» с 1889 по 1913 г.) и др.

Среди устойчивых разновидностей исторической печати этого периода нужно выделить по содержанию:

а) издания, посвященные только отечественной истории (например, «Русский архив», «Русская старина», «Древняя и новая Россия»);

б) издания по всемирной и отечественной истории (например, «Исторический вестник», «Вестник всемирной истории»);

в) издания, посвященные истории отдельных регионов и народов России (например, «Киевская старина», «Сибирский архив», «Еврейская старина»);

г) издания историко-археологические;

д) историко-этнографические;

е) историко-нумизматические;

ж) историко-генеалогические;

з) историко-библиографические;

и) историко-искусствоведческие;

к) военно-исторические издания;

л) историко-археологические издания церковного ведомства.

Таковы некоторые основные типы дореволюционных русских временных исторических изданий. Каждый из этих типов за время своего существования пережил определенную эволюцию.

Знание типа каждого отдельного издания исторической печати и конкретной истории этого издания является необходимой предпосылкой для источникововедческого использования как данного из-

дания в целом, так и отдельных материалов и документов, в нем помещенных.

Базой для выявления этих основных типов служил нам сопоставительный анализ содержания и формы соответствующих изданий, наиболее распространенных и характерных в определенное время.

Необходимо прибавить еще одно соображение. При работе по установлению конкретно-исторической типологии русской отраслевой исторической печати должно постоянно учитывать соотношение отдельных типов и органов этой печати со всем состоянием исторической науки в России, с историографией соответствующего времени.

* * *

Полифонизм органически свойствен любому повременному историческому изданию. Практически ни одно из таких изданий никак не ограничено ни в тематике, ни в формах выражения тематики, ни в хронологическом диапазоне материалов.

Так обстоит дело для подавляющего большинства органов отраслевой исторической русской печати, в первую очередь именно журналистики. Каждое такое издание представляется с точки зрения историка-источниковеда крайне сложным. Издания являют собой синкретическое сосуществование множества тематически и идеологически разнородных текстов самых разных форм и жанров, крайне отличающихся между собою по происхождению и времени возникновения.

Весьма целесообразно и перспективно предложить для пользования при источниковедческой работе с материалами органов повременной исторической печати термин «текст-источник». Позволю себе процитировать в связи с этим предложением следующее очень важное замечание советского автора, занимающегося теорией познания: «даже и сегодня введение в обиход нового слова или термина имеет определенное методологическое значение. Раз появился термин, значит возникла необходимость привлечь внимание к какому-то явлению; это явление стало важным для какой-то области человеческой деятельности — политики, науки, искусства»³².

«Текстом-источником» в области отраслевой исторической периодики следует считать всякий (разумеется, нужный и интересный для данного исследователя при изучении определенной темы) внутренне и формально целостный текст, находящийся в данном журнале. «Текстом-источником», в определенном значении целостным внутренне и формально, должно признать не только тексты вполне завершённые и полностью воспроизведенные в издании, но и опубликованные частично, приведенные в отрывках.

³² В. Н. Тростников. Человек и информация. М., 1970, стр. 12.

Прежде чем дать сжатый перечень самых основных, наиболее часто встречающихся видов или групп «текстов-источников», имеющих в отраслевой исторической печати, несколько соображений по вопросу о том, что следует принимать, так сказать, за «единицу» исторического источника применительно к этой печати.

Очевидно, признание той или иной величины за «единицу» исторического источника в области исторической периодики практически зависит более всего от общего подхода исследователя в отношении к данному журналу, взятому в целом или к отдельным «текстам-источникам» этого журнала. Так как все многообразие проявлений такого подхода просто необозримо, да и вряд ли нуждается в какой-либо регламентации, то нет практического смысла в поисках какого-то всеобщего определения величины такой условной «единицы». Ограничимся лишь несколькими беглыми замечками. Они могут оказаться небезынттересными по крайней мере молодым историкам-источниковедам.

Нам приходилось писать о существовании в практике работы историков и литературоведов с повременными изданиями двух основных подходов.

Первый — целостное, всестороннее изучение данного журнала (или нескольких журналов) за данное (определенное) время. Предметом изучения является сам этот орган (органы), его (их) история.

Второй — обращение исследователя к данному журналу (журналам) для отыскания в нем отдельных материалов (источников) нужных в процессе исследования темы, которая сама по себе вовсе не является темой о данном органе³³.

При первом подходе (например, работы В. Е. Евгеньева-Максимова о «Современнике», Б. П. Козьмина об отдельных органах 60-х годов, Ф. Кузнецова о «Русском слове») условной «единицей» исторического источника должен быть признан предельно полный комплект (отличной сохранности) исследуемого издания по крайней мере за все те годы его существования, которые входят в тему исследования.

Хотя ограничение в данном случае исследования некоторыми определенными годами этого издания и заставляет практически считать именно комплекты данных лет «единицей» исторического источника, все же, на наш взгляд, подход, который здесь рассматривается, теоретически требует от исследователя обязательно внимания не только к указанным комплектам, но и ко всему корпусу данного издания за все время его существования. Следовательно, при таком подходе за источниковедческую условную «единицу» исторического журнала следует считать полный ком-

³³ С. С. Дмитриев. Периодическая печать дореформенной России (1801—1860 гг.). В кн.: «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.». М., 1970, стр. 246.

плект всего данного издания за все время его существования (например, «Голос минувшего» за 1913—1923 гг., «Былое» за 1900—1926 гг., с перерывами за отдельные годы).

При втором подходе (нет смысла приводить примеры научно-исторических сочинений, в которых характерно выражен этот подход: имя им легион) условной «единицей» исторического источника в органе отраслевой исторической печати может быть признан каждый отдельный «текст-источник».

Виды или группы таких отдельных «текстов-источников», имеющих в изданиях исторической периодики, многообразны.

В них прежде всего имеются все виды письменных источников, известных источниковедам для отечественной истории: акты, грамоты, указы, законы; приказы, инструкции, распоряжения; протоколы, отчеты, донесения, челобитные; воззвания, листовки, прокламации и т. д.; мемуары; дневники; частные письма; художественно-литературные произведения и многие другие.

Далее необходимо указать разного рода статьи — научно-исследовательские, публицистические, историографические, критико-библиографические и др.; открытые письма и письма в редакцию; некрологи; хроникальные материалы; разные исправления и дополнения; объявления.

Наконец, «тексты-источники» формально-вспомогательного назначения, относящиеся к данному изданию, например оглавления, указатели собственных имен, географических названий и пр.; перечни подписчиков и отчетно-справочные обзорные сообщения от редакторов, редакций, издателей.

Среди последних имеются «тексты-источники» высокой ценности, например годовые редакционные обзоры «Русской старины» начиная с 1870 г., печатавшиеся под названием «Русская старина в таком-то году»; «Ведомость числа статей и материалов, поступивших в редакцию «Русской старины» в 1870—1883 гг. (по 1 декабря 1883 г.)»; «Список лиц, сообщивших «Русской старине» исторические и историко-литературные статьи и материалы в 1870—1883 гг.»; «Материалы журнальной статистики» того же журнала за разные годы; «Имена особ и мест, которым доставлялся «Русский архив» в таком-то году» (тексты, характерные для 60-х годов в журнале «Русский архив»); «Сведение (так!) о количестве экземпляров Русского архива, пересланных через частную экспедицию Московского почтамта в 1883—1907 гг., и о внесенной за то плате»; «Десятилетие «Исторического вестника» 1880—1890» (особое приложение).

Своеобразной группой источников в некоторых изданиях являются объявления. По их содержанию и присущему обычно им рекламному назначению такие объявления как будто бы мало что могут дать для познания органа исторической печати. Однако самый состав, подбор объявлений говорит о многом. Объявления же о подписке на разные другие периодические органы, помещаемые порой систематически, из года в год, в данном жур-

нале, несомненно, косвенно могут помочь при изучении «лица» самого этого журнала.

Кроме письменных источников, к которым принадлежит все множество отдельных «текстов-источников», в составе многих органов отраслевой исторической печати имеется значительное количество графических источников: рисунки, чертежи, планы, карты, факсимиле, гравюры, фотографии. В некоторых исторических журналах давались перечни и списки рисунков. Отдельные библиографы-составители указателей содержания журналов особо учитывали рисунки, например Б. М. Городецкий, И. Ф. Масанов.

Для источниковеда и историографа среди графических источников исторической повременной печати в особую группу должно выделить обложки, фронтисписы и титульные листы в виде иногда очень сложных композиций (рисованных, гравированных, литографированных и т. п.). Такие композиции, как правило, имеют программный характер, они часто зримо представляют научно-идейную и общественно-политическую направленность издания, например обложки «Русской старины», «Древней и новой России», «Вестника всемирной истории».

Конечно, количественно все графические источники исторической печати в сравнении с необозримым количеством письменных «текстов-источников», имеющихся в этой печати, представляют гораздо меньшую величину.

Выявление, учет, источниковедческая методика изучения таких графических материалов исторической периодики подлежат особому рассмотрению. Здесь мы ими не занимаемся. Заметим только, что, как правило, графические источники периодической печати историками используются крайне редко, а в нашем историческом источниковедении методика их изучения не разработана.

Приемы и методика источниковедческого изучения разных видов отдельных «текстов-источников», примеры которых перечислены выше, относятся к конкретному источниковедению.

При работе со всеми «текстами-источниками» исторической периодики основополагающим для источниковедения является отнесение каждого отдельного «текста-источника» по его временным показателям к одной из двух групп:

1) «Тексты-источники» асинхронные, возникшие в историческом процессе хронологически более или менее ранее возникновения того органа, где эти тексты были опубликованы, и той издательской единицы (тома, номера, части, книги), в которой непосредственно данный «текст-источник» появился.

Все такие «тексты-источники» в своем возникновении и происхождении, как правило, совершенно независимы от того органа, где они напечатаны, и прямо с ним в своем возникновении и происхождении не связаны.

2) «Тексты-источники», синхронные по своему возникновению данному органу; прежде всего синхронные времени подготовки,

редактирования, прохождения через учреждения цензуры и печатания данной издательской единицы (номера, тома, части и пр.) этого органа.

Такие тексты обычно связаны прямо или опосредствованно с данным органом, очень часто такие тексты при самом их создании предназначались для напечатания в данном органе.

Условно, например, можно предложить считать синхронными все такие «тексты-источники», какие были созданы в течение времени подготовки, печатания и выхода в свет издательской единицы (тома, номера, части, книги) того органа, где они были напечатаны.

Источниковедческая методика изучения этих двух групп «текстов-источников» существенно различна. Забвение этого различия, пренебрежение им может повести к серьезным ошибкам и даже искажениям.

Синхронные «тексты-источники» для правильного изучения и истолкования их в первую очередь требуют от исследователя обязательного знания общего характера и направления того временного исторического издания, в котором они напечатаны. Далее, синхронные «тексты-источники» при источниковедческом изучении их непременно должны быть соотносимы и анализированы в неразрывной связи с общественно-политическими и идеологическими обстоятельствами и явлениями того времени и места, по отношению к которым они являются синхронными и, если так можно выразиться, синрегиональными.

Наконец, методика источниковедческой работы с синхронными «текстами-источниками» исторической периодики должна предусматривать в каждом конкретном случае определение жанра данного синхронного «текста-источника».

Историческая повременная печать имела свои жанры, различавшиеся характером их «исторического письма». Жанры эти были связаны с жанрами всей периодики и литературно-стилистической практики соответствующего времени. Особенности разных жанров часто определительно сказывались на качестве (ценность, достоверность, возможность проверки, например) отдельных «текстов-источников».

В разные периоды истории этой печати для ее органов характерными были то одни, то другие жанры. Например, для периода 1772/73—1862 гг. видное место занимали такие жанры, как «рассказ», «путевые записки», «письмо к редактору» (или издателю), «анекдот». А для периода 1863—1917 гг.— «научно-популярная статья», «критико-историографическая статья», «публицистическая статья», «рецензия», «некролог».

Асинхронные «тексты-источники» прежде всего нуждаются в соотношении их со временем их возникновения и всеми соответствующими обстоятельствами и условиями того времени. Но, конечно, такое соотношение не освобождает исследователя от необходимости знакомства с общим характером и направлением тех

изданий, в которых находятся интересующие его асинхронные «тексты-источники».

Стоит особо остановиться на следующем соображении, которое ни в коем случае не должно остаться вне поля зрения историка-источниковеда. Соотнесение асинхронного «текста-источника» с другими «текстами-источниками» одного и того же времени и места его и их возникновения и пр., конечно, не исключает, а, наоборот, предполагает параллельное изучение данного асинхронного «текста-источника», взятого из органа отраслевой исторической повременной печати, в аспекте археографическом.

Здесь во всех случаях научного использования асинхронного «текста-источника» такого происхождения необходим анализ эдичионно-археографических принципов и приемов того издания, где этот «текст-источник» опубликован. Археография не стояла на месте; приемы подготовки текстов к опубликованию изменялись; у отдельных редакторов и издателей органов отраслевой исторической печати были свои индивидуальные особенности в деле публикации «текстов-источников». Такие редакторы и издатели, отчетливо понимая «асинхронную» уже для них природу печатаемого источника, приносили все же личные свои особенности (скажем, к примеру, профессиональный уровень их подготовки к публикаторской работе) в деле обнародования этого источника.

Такой анализ особенно важен в тех случаях, когда до нашего времени не сохранился оригинал (подлинник) соответствующего асинхронного «текста-источника» и мы можем им пользоваться только по публикации. Заметим, что в этих случаях сама первая публикация данного «текста-источника» и становится для исследователя оригиналом (источником).

Чисто текстологические и археографическо-эдиционные принципы и особенности публикаций асинхронных «текстов-источников» в исторической повременной печати заслуживают специального исследования.

Но большой круг археографических вопросов, касающихся асинхронных «текстов-источников» в исторической журналистике, здесь не место рассматривать во всем их объеме.

* * *

В советской литературе последних десятилетий деятельно разрабатываются вопросы методологии и методики изучения периодических изданий. Литература теории и истории отечественной журналистики выработала немало твердых принципов. В советское время история русской журналистики сложилась в научную дисциплину. В ней довольно точно установлены границы объекта исследования, линии соприкосновения со смежными дисциплинами (история литературы и художественно-эстетической критики, история философии и наук, главным образом гуманитарных). Изучаются формы и жанры журнальной и газетной печати, сти-

листика и язык периодики, историческая типология повременной прессы, фигуры главных ее деятелей — издателей, редакторов, сотрудников, деятельность цензуры и других средств воздействия царского правительства на печать.

Журналы и газеты в дореволюционной России были выразителями идеологии и практики определенных общественных групп, взаимоотношений этих групп между собою и полемики между ними. Характер и содержание классовой и политической борьбы, общественно-идейные противоречия, конкретные исторические условия существования печати при царизме в конечном итоге определяющим образом сказывались на судьбах периодики.

Важнейшие принципы литературы по теории и истории журналистики должно принять во внимание при разработке проблем источниковедения русских исторических журналов. Историк-источниковед должен ясно представлять, что отраслевая журналистика при несомненной специфике ее отдельных ветвей является частью всей периодики данной страны.

В. И. Ленин выдвинул принцип партийности печати. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», — заявил он в статье «Партийная организация и партийная литература»³⁴.

Любой орган печати предреволюционной России имел более или менее отчетливо выраженное политическое лицо, в конечном итоге принадлежал к тому или иному общественно-идейному направлению. В. И. Ленину принадлежат слова: «Журнал без направления — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная»³⁵.

Историку-источниковеду стоит отметить отдельные примеры приближения к пониманию необходимости для периодических изданий иметь свое идеологическое лицо. Примеры относятся к истории журналистики еще первой половины XIX в. Н. А. Полевой напечатал в 1831 г. в своем «Московском телеграфе» такие суждения: «Тот не должен и думать об издании литературного журнала в наше время, кто полагает, что его делом будет сбор занимательных статей. Журнал должен составить нечто целое, полное; он должен иметь в себе душу, которую можно назвать его целью»³⁶. Такие и другие подобные же суждения Полевого, слова этого же литератора о журналисте, который «должен быть в своем кругу колонновожатым», который призван «возбудить деятельность в умах», будить Россию «от пошлой, растительной бездеятельности», позволили не без оснований В. Н. Орлову утверждать, что Полевой подчеркивал партийность своего журнала³⁷.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 4.

³⁶ «Московский телеграф», 1831, № 1, стр. 78.

³⁷ В. Орлов. Николай Полевой — литератор 30-х годов. — В кн.: Н. Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, стр. 42.

Несколько позднее, именно в 1847 г., Ю. Ф. Самарин напечатал следующие строки: «Одно из двух: или журнал не должен иметь своего образа мыслей, и тогда он не журнал, а неизвестно что такое; или он должен иметь его, и тогда не мешает участвующим в нем согласиться предварительно между собою»³⁸.

В целом взятые органы отраслевой исторической журналистики России, подавляющее большинство исторических русских журналов имели довольно ясную общественно-идейную и политическую направленность. Они совсем не стояли вне политики, вовсе не были какими-то «объективными», бесстрастными, узкоспециальными органами «чистой науки». Более того, большинство русских исторических журналов были открыто публицистическими, откровенно полемическими.

Все, например, крупные дореволюционные исторические журналы имели своих присяжных историков-публицистов. Таковыми были, например, в «Русском архиве» Н. М. Павлов, Д. И. Иловайский; в «Историческом вестнике» — Б. Б. Глинский.

Остановимся, например, на некоторых ярких публицистических произведениях «Русского архива», относящихся только к трем годам издания этого журнала — 1874, 1878 и 1888. Публицистическими произведениями были статьи Д. И. Иловайского «Взгляд на русскую печать за последние 18 лет»³⁹ и как бы ее продолжение и развитие — «Уроки истории»⁴⁰. Типичной злободневной публицистикой в том же журнале выглядела для современников статья Д. А. Столыпина «Наши земледельческие порядки до и после упразднения крепостного права»⁴¹. Автор ее отпирывался от рассуждений, которые «в настоящее время слышатся в обществе и литературе» о действии упразднения крепостного права на быт крестьян; «некоторые находят быт крестьян неудовлетворительным. Сам автор на основе личных наблюдений и того, что приходилось ему слышать о прежнем состоянии деревни, приходит к выводу, что настоящий (1874 г.) быт крестьян в сравнении с тем, что было в начале XIX в. действительно неудовлетворителен. Две причины привели к неудовлетворительности современного деревенского быта: а) сохранившиеся переделы и дробление земли, б) истощение чернозема. Чтобы поправить дело и улучшить быт крестьян, статья предлагает «устройство в России крестьянских хуторских хозяйств, чрез что упрочатся и возвысятся наши урожаи и общее богатство государства». Искать выход Столыпин советовал в следующих мерах: «наделение земледельца достаточным участком земли и устройство на этих уча-

³⁸ Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. I. М., 1877, стр. 78. Прочитываемая фраза была впервые напечатана в журнале «Москвитянин», 1847, № 2 в статье Самарина «О мнениях «Современника», исторических и литературных».

³⁹ «Русский архив», 1874, кн. I, стлб. 223—246.

⁴⁰ Там же, стлб. 0549—0577, 801—825.

⁴¹ Там же, тетрадь 5-я, стлб. 1369—1374.

стках хуторов для сдачи в аренду на года». Подобной же чистой публицистикой являлся «исторический очерк» в том же журнале «Возмутительные воззвания»⁴². К 25-летию «Русского архива» его редактор и издатель П. И. Бартнев выпустил в виде приложения к журналу объемистый том статей «Наше переходное время»⁴³. На обороте обложки этого тома, являвшегося сборником статей Н. М. Павлова, Бартнев заявил, что «сборник его (т. е. Павлова.—С. Д.) есть как бы передовая статья ко всем двадцати пяти годам «Русского архива»». Сборник публицистических газетных (из газет «День», «Москва», «Русь», «Московские ведомости») статей Павлова призван был, по словам Бартнева, при помощи обсуждения «наших внутренних и бытовых вопросов» помочь читателям в уяснении своеобразия положения «Русского архива» среди других органов московской печати того времени, «переходного времени». Публицистическая направленность такого приложения к научно-историческому, главным образом публикаторскому, журналу не требует комментариев.

Идейно-политическая ориентация, позиция органов отраслевой исторической печати сильнее и определеннее проявлялась, конечно, в синхронных «текстах-источниках».

Но общественно-идейная направленность таких журналов вполне определенно проявлялась и на материалах асинхронных «текстов-источников» — в их отборе, редакционной подготовке к опубликованию, в комментариях и примечаниях.

Прибавим, что многочисленные наблюдения позволяют утверждать, что при подборе (принятии к печати или отклонении) тех или иных асинхронных «текстов-источников» наряду с соображениями идеологического и историографического порядка иногда действовали и иные соображения, так сказать, внешние, «механические». Например, объем (величина) оригинала (рукописи) «текста-источника», наличие в типографии, где данный орган печатался, соответствующих шрифтов и т. д.

Современники ясно представляли себе направление отдельных исторических журналов. Свой «дух» был в «Историческом вестнике». Совсем иной «дух» веял со страниц «Русской старины» при М. И. Семевском (1870—1892). Весьма отличными были, казалось бы, историографическо не столь уже отличные между собою «Былое» и «Голос минувшего».

Публицист Г. К. Градовский писал в 1895 г. о том, что каждая новая книжка «Русской старины», редактируемой М. И. Семевским, «наводила общественное мнение на такие события в

⁴² «Русский архив», 1878, кн. III, стр. 369—373. Автор очерка не обозначен, таким образом очерк шел как редакционный текст. По некоторым признакам полагаем, что очерк составил сам П. И. Бартнев.

⁴³ Н. М. Павлов. Наше переходное время. (Сборник статей, помещавшихся преимущественно в газетах: «День», «Москва» и «Русь»). Приложение к «Русскому архиву» 1888 года. М., 1888, III, 496 стр.

прошлом, которые представляли *живейший интерес* для всех современников, освещая настоящие события, помогая правильному обсуждению и разрешению тех или иных вопросов. Вот почему «Русская старина» при М. И. Семевском не только не отдавала архивной затхлостью, но обыкновенно называлась живой «Русской стариной» (курсив Градовского.— С. Д.). В живом разговорном языке 70-х — начала 90-х годов, свидетельствует Градовский, встречались такие выражения: «Ну, об этом мы узнаем разве на страницах «Русской старины»»; «Погодите, «Русская старина» отомстит за нас»; «Существовало даже выражение попасть в «Русскую старину» — лестное для одних, страшное для других. Выражение это напоминало, что есть *суд потомства*»⁴⁴.

Много ранее М. Е. Салтыков-Щедрин одобрительно отзывался в печати о «воспитательном значении» «Русской старины», публиковавшей разные материалы, до поры до времени заботливо скрываемые, в частности о «подвигах» Шешковских и Аракчеевых. Сатирик писал в первой же главе цикла очерков «В среде умеренности и аккуратности» (впервые эта глава появилась в журнале «Отечественные записки», 1874, № 9): «Даже наша скромная история, олицетворяемая «Русскою стариною» и «Русским архивом», уклоняется от выдачи похвального аттестата его (С. И. Шешковского.— С. Д.) громкой деятельности!» Публикации подобных материалов в исторических журналах, по мнению Салтыкова-Щедрина, были свидетельствами и доказательствами «существования истории и ее суда»⁴⁵.

Понимание характера, «духа», классово-политического лица одного из влиятельных общих «толстых» русских журналов — «Вестника Европы», в котором всегда проявлялся живой интерес к истории,— понимание, присущее самым передовым, революционным кругам демократической общественности России, с предельной ясностью выразил в 1910 г. В. И. Ленин, когда написал такие строки: «Есть направление у «Вестника Европы» — плохое, жидкое, бездарное, но направление, служащее определенному элементу, известным слоям буржуазии, объединяющее тоже определенные круги профессорской, чиновничьей и так называемой интеллигенции из «приличных» (желающих быть приличными, вернее) либералов»⁴⁶.

Эти строки В. И. Ленина написаны еще при жизни основателя, издателя и редактора «Вестника Европы» историка-медиевиста М. М. Стасюлевича. Через год после их появления крупные русские историки, стоявшие на позициях буржуазного либерализма, В. П. Бузескул, И. М. Гревс, Н. И. Кареев в некро-

⁴⁴ Г. К. Градовский. Суд потомства. Памяти М. И. Семевского.— «Новости и Биржевая газета», от 10 марта 1895 г.

⁴⁵ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 12. М., 1938, стр. 285, 286.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 3—4.

логических статьях, посвященных М. М. Стасюлевичу, статьях, напечатанных в том же «Вестнике Европы»⁴⁷, дали иную характеристику этому журналу — любимому детищу покойного Стасюлевича. Она и должна была быть иной — либералы 1911 г. писали об органе либерализма, авторы из «профессорских кругов» отслужили в печати панихиду по профессору Стасюлевичу.

Выяснение и учет общественно-идейного направления органов исторической периодики — главнейшая неперемнная предпосылка и условие источниковедческого анализа и последующего использования в научных целях всех «текстов-источников» этих органов.

* * *

В заключение кратко укажем на большое значение, которое, по нашему мнению, имели и имеют органы отраслевой исторической повременной печати в развитии исторической науки.

Органы этой печати являются в течение последних двух столетий истории исторической науки в нашей стране видными организующими центрами исторической литературы (монографическо-исследовательской; научно-популярной; информационно-хроникальной; справочно-библиографической). Главным образом в этих органах отражалась вся текущая жизнь исторической науки, ее учреждений и организаций, «трудов и дней» ее деятелей, историографическая мысль эпохи. Все важнейшие органы этой печати связаны с определенными направлениями в движении историографической мысли. Некоторые из таких органов тесно связаны с деятельностью известных русских историков, с их взглядами, концепциями, например «Историческое обозрение», «Научный исторический журнал» — с Н. И. Каревым, «Голос минувшего» — с В. И. Семевским, «Древняя и новая Россия» — с К. Н. Бестужевым-Рюминым.

Особый интерес для истории отечественной исторической науки могут представить такие группы материалов в исторической повременной печати, как:

1) Собственно историографические статьи широкой тематики. Такие статьи нередко принадлежали крупным ученым. Имена таких ученых были желательными для редакторов и издателей органа, так как привлекали к органу внимание читателей, содействовали его авторитетности, могли повлиять на подписку. Образчиками подобных статей могут служить: С. М. Соловьев «Писатели русской истории XVIII века» в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России» Н. В. Калачова; К. Н. Бестужев-Рюмин «Василий Никитич Татищев» в «Древней и новой России»; М. С. Грушевский «Древняя Русь в новых курсах» в «Голосе минувшего»; статьи в «Историческом вестнике»:

⁴⁷ «Памяти М. М. Стасюлевича». — «Вестник Европы», 1911, № 3 (статья В. Бузескула, И. Гревса, Н. Кареева).

Н. Я. Аристов «Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855—1880)», Н. М. Гутьяр «Как объясняют русские историки происхождение у нас крепостного права»; статьи в «Архиве истории труда в России»: А. Е. Пресняков «Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения», И. М. Кулинер «Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореволюционное время), постановка их в нашей исторической литературе», С. И. Тхоржевский «Из литературы по истории рабочего класса в России».

Подобные же статьи печатались и в журналах, которые не могут быть отнесены к органам отраслевой исторической печати, однако главным образом только в тех журналах, где интерес к истории был явственно выражен. Снова обратимся за примерами к «Вестнику Европы» (1866—1918 гг.), к таким статьям в нем, как: Н. И. Костомаров «Историческая наука в «Вестнике Европы» от 1802 до 1830 г.», М. М. Стасюлевич «Средневековый историк и его отношение к своему обществу», С. М. Соловьев «Наблюдения над исторической жизнью народов», Н. И. Кареев «Итальянский гуманизм и новый его исследователь».

2) Критико-историографические и полемические статьи и заметки в данном органе, касающиеся других органов исторической печати, например соответствующие материалы постоянной «войны», которую вел «Голос минувшего» в 1913—1917 гг. против «Исторического вестника». Историографически высоко ценными памятниками этой «войны» являются такие синхронные «тексты-источники», как статья М. М. Клевенского «Освободительное движение в освещении «Исторического вестника», С. П. Мельгунова «Независимые русские писатели», его же некролог С. Н. Шубинского (автор подписал некролог только двумя своими инициалами.—С. М.). Подобные же материалы, свидетельствующие о весьма натянутых отношениях между двумя главными историческими журналами 70—80-х годов XIX в. «Русским архивом» и «Русской стариной», обильно публиковались тогда же в этих органах.

Из разнообразных полемическо-историографических материалов особо стоит выделить нередко возникавшие между отдельными авторами литературные стычки в виде обмена открытыми письмами, содержащими критику и контркритику, обращений в редакцию журнала, редакционных ответов на такие обращения. Таковы, например, литературные стычки М. Н. Покровского на страницах «Голоса минувшего» с А. А. Корниловым⁴⁸ и

⁴⁸ М. Н. Покровский. Значение эпохи Отечественной войны. (По поводу статьи г. Корнилова).— «Голос минувшего», 1913, № 1, стр. 257—264; А. А. Корнилов. По личному вопросу (По поводу заметки М. Н. Покровского в № 1).— Там же, 1913, № 3, стр. 248—249; Редакция. «Разъяснение по поводу поправок А. А. Корнилова к заметке М. Н. Покровского».— Там же, стр. 249—250.

М. В. Довнар-Запольским⁴⁹. Любопытную информацию о фактах, в свое время довольно тщательно укрываемых заинтересованными лицами, фактах, относящихся, например, к истолкованию и преподаванию истории, часто содержат полемические стычки авторов, которые сотрудничали в «родственных» периодических изданиях. Так, Д. И. Иловайский поместил в суворинском «Новом времени» фельетон «Нечто об исторических руководствах». В фельетоне говорилось о неблагоприятном поступке некоего И. И. Беллярмина — составителя (совместно с Рождественским) учебников по истории для средней школы. Учебники одобрило Министерство народного просвещения, а Беллярминов и состоял членом Ученого комитета этого министерства. Постоянный сотрудник «Исторического вестника» Ф. И. Булгаков искусно использовал фельетон. По словам Булгакова, Иловайский показал неприглядную картину того, как «одни и те же лица составляли программы, изготовляли учебники, писали на них рецензии и официально их одобряли». От себя же, нимало не отрицая полной несостоятельности упомянутых учебников, Булгаков привлек внимание читателей к «личным мотивам» обличительного пыла Иловайского: критикуемые последним руководства мешали успешному продвижению его собственных учебников по истории... Булгаков с позиций либерально-оппозиционной благонамеренности в заключение своей едкой статьи утверждал, что именно порядки, введенные графом Д. А. Толстым в бытность его на посту министра народного просвещения и остававшиеся в полной силе и после ухода Толстого с этого поста, и обеспечивали монополию и рутину в преподавании истории⁵⁰.

3) Целые «отделы критики и библиографии». Такие отделы имелись во всех сколько-либо крупных исторических повременных изданиях начиная с 70—80-х годов XIX в. В них помещались материалы разного удельного веса. Преобладали мелкие рецензии, в особом изобилии печатались информационно-библиографические заметки об отдельных книгах, журналах, сборниках. Публиковались простые перечни регистрационного характера «новых книг» по истории, материалов исторического содержания во вновь появившихся номерах журналов (общих и исторических). Масса подобного материала приготавливалась в самих редакциях. Печатали такой материал часто без указания его составителей, без подписей. Но в составе этих же отделов шли и научно-критические статьи известных авторов. Такие статьи, как правило,

⁴⁹ М. Н. Покровский. Новый труд по экономической истории России. (Проф. М. В. Довнар-Запольский. «История русского народного хозяйства», т. 1, Киев, 1911). — «Голос минувшего», 1913, № 6; М. В. Довнар-Запольский. Ответ М. Н. Покровскому. (Письмо в редакцию). — Там же, № 10; М. Н. Покровский. Письмо в редакцию по поводу «ответа» М. В. Довнар-Запольского. — Там же, № 12, стр. 305.

⁵⁰ Ф. И. Булгаков. Фабрикация учебников истории. — «Исторический вестник», 1882, № 5, стр. 417—420.

сопровождались полной подписью автора либо его инициалами. Так, вышеназванная статья М. М. Клевенского «Освободительное движение в освещении «Исторического вестника»» появилась в «Голосе минувшего» в отделе «Обзор журналов».

При множестве анонимных текстов в этих отделах крайне редко употреблялись псевдонимы. Весьма не часто, но встречаются целые такие отделы, полностью составившиеся и подписываемые одним автором: такой, к примеру, отдел, как «Новости истории. Обзорные журналы», который целиком изготовлялся для «Исторического вестника» А. А. Измайловым⁵¹.

Рецензия была наиболее распространенной малой формой в этих отделах. В роли рецензентов, наряду с обладателями безвестных инициалов, довольно часто фигурировали и весьма квалифицированные авторы, профессиональные историки — В. О. Ключевский, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, С. П. Мельгунов, М. Н. Покровский, К. В. Сивков, А. К. Бороздин, П. В. Знаменский. Историческая рецензия как своеобразный жанр, малая разновидность историографического письма заслуживает изучения, давно ждет внимания со стороны историков нашей науки.

Наконец, совокупность материалов этих отделов является поистине необозримой по богатству кладовой для составления и разработки русской исторической библиографии.

4) Отделы «Хроники исторической жизни», «Летописи занятий и заседаний» исторических организаций и учреждений.

5) Некрологи и некрологические статьи, посвященные историкам.

К сожалению, весь этот богатейший материал еще очень мало изучен, в обобщающих трудах по истории исторической науки в нашей стране об органах отраслевой исторической периодики редко и очень кратко упоминается. В курсах лекций по историографии в высшей школе о них обыкновенно ничего не говорится.

Рассмотренные проблемы источниковедения русских исторических журналов, отдельные наблюдения и методические приемы, равно как и соответствующая предложенная терминология, основаны на анализе печатных текстов изданий исторической периодики преимущественно дореволюционной России. Комплекты этих изданий в данном случае и являются сами по себе тем, что именуется обычно в источниковедении первоисточниками.

Понятно, что всестороннее изучение и научное использование этих печатных первоисточников необходимо предполагает обращение исследователя-источниковеда и к неизданным, находящимся в архивах материалам, относящимся к истории этих изданий. В настоящей статье богатства архивохранилищ не были предметом рассмотрения.

⁵¹ А. А. Измайлов. Новости истории. Обзорные журналы.— «Исторический вестник», 1914, № 1—6, 8—11; 1915, № 1—3, 5—6, 8—10, 12.

О РАНИХ ПРОГРАММАХ ЖУРНАЛА «ВПЕРЕД»

Г. М. Лифшиц

Сложность источниковедческих проблем истории революционного народничества является следствием прежде всего необычных условий возникновения и дальнейшей судьбы документов революционного подполья. Не раз в прошлом даже опытные исследователи впадали в ошибки, имея дело со столь оригинальными по своему происхождению источниками. И до сих пор мы во многих случаях бессильны перед сложными и запутанными вопросами, которые нам остались в наследство. Разве неудивительно, например, что не найдены еще удовлетворительные решения многих вопросов, связанных с уставом «Земли и воли», хотя он опубликован более 40 лет назад и прочно вошел в историческую литературу. Сколько-нибудь обоснованного источниковедческого анализа устав первой централизованной революционной организации народников не получил. Подобные примеры (их, кстати, не так уж мало) обнаруживают особые трудности исследования программных документов.

Как правило, теоретическая и тактическая платформа определенной революционной группы разрабатывалась узким кругом лиц, и подлинный текст программы по конспиративным условиям становился известным лишь немногим, наиболее доверенным участникам самого кружка. Между тем устное переложение программ на диспутах, в дружеских беседах и спорах вызывало в революционном подполье массу слухов и домыслов, которые тогда же находили отражение в письмах и позднее закреплялись в мемуарах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что противоречивые сведения, содержащиеся в воспоминаниях и эпистолярном наследии, нередко подводили исследователей, особенно в тех случаях, когда искаженная информация становилась единственным источником представлений о какой-либо программе. Напомним, что эти искажения возникали также из-за тенденциозности, проявляемой иногда мемуаристами, стремившимися сохранить преданность своей революционной группе или по старой привычке дать критическую оценку своим бывшим идейным противникам. В тех случаях, когда в мемуарах и письмах проявляются кружковые симпатии или антипатии, нужно особенно осторожно подходить к специфической терминологии, которой

пользовались в свое время люди революционного подполья, ибо она нередко затемняла смысл самих свидетельств. Разумеется, какими бы ни были эти показания, все они подлежат изучению. Обнаружив их общность и объяснив их особенности конкретными фактами и условиями времени, можно найти те нити, которые соединят различные свидетельства в один осмысленный комплекс. В настоящей работе, посвященной ранним платформам журнала «Вперед», используя главным образом метод сопоставления программных документов с откликами на них в переписке и мемуарах, автор пытается установить логическую связь источников, понять смысловое значение наслоений, которыми обросли исходные факты — подготовка и выпуск П. Л. Лавровым двух вариантов программы революционного журнала. Такая постановка задачи обусловлена тем, что история этих документов противоречива и вызывает различные толкования.

* * *

До последнего времени две первые программы П. Л. Лаврова не были известны. (Сам Лавров опубликовал только третью программу¹.) В 1957 г. в журнале «International Review of Social History» (1957, т. II) был напечатан один из неопубликованных вариантов программы «Вперед». Автор предисловия к этому документу Б. Сапир утверждал, что публикуемая им программа — первая из трех, написанных П. Л. Лавровым. Кроме этой рукописи в распоряжении Б. Сапира находился еще один вариант программы, и вопрос о том, что является первой программой П. Л. Лаврова, был сведен к установлению более раннего из этих двух документов.

Но можно ли поручиться, что у автора столь сложного документа, как политическая программа, не было какого-либо чернового или рабочего варианта, который случайно сохранился в бумагах? Известно, что П. Л. Лавров исправлял программу «Вперед» несколько раз. Разве не может быть, что до варианта, который Б. Сапир представил как первую программу, П. Л. Лавров имел в качестве действительной первоосновы еще более ранний документ. В издании архива В. Н. Смирнова публикация двух первых программ журнала «Вперед» сопровождается историческим очерком Б. Сапира². Но обоснованного ответа на вопрос, те ли это программы, которые были известны народническому подполью, в очерке нет. Б. Сапир не сопоставляет содержание публикуемых им источников со многими отзывами, которые были вызваны в революционной среде появлением первой программы.

¹ «Вперед», 1873, т. I, стр. 1—2; П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 2. М., 1934, стр. 23.

² ««Вперед». 1873—1877 гг. Материалы из архива В. Н. Смирнова», т. I—II. Амстердам, 1970.

К тому же по своему содержанию документ, изданный Б. Сапиром, как будто бы противоречит свидетельствам народников. Известно, что программы П. Л. Лаврова сильно отличались друг от друга, хотя и были написаны в течение одного года (с марта 1872 г. по февраль 1873 г.). Это обстоятельство стало признаком неустойчивости взглядов Лаврова, тем более что первый вариант программы в отличие от остальных — социалистических был, по отзывам многих, либеральным. На конституционном характере этого документа настаивают современники П. Л. Лаврова — авторы воспоминаний³. Из их рассказов и складывались у историков представления о двух первых проектах «Вперед». Оценки их были перенесены из мемуаров в исследовательскую литературу. Например, в одной из ранних работ Б. П. Козьмина первая программа характеризуется как либеральная и «чисто конституционная», вторая как социалистическая, но менее революционная, чем третья — тоже социалистическая⁴. Б. Сапир, кстати, также утверждает, что первая программа не без оснований прослыла земско-конституционной, что она не производит впечатления революционного документа, а сам Лавров как революционер выступает только в третьей программе⁵. Имея в своих руках варианты программы, Б. Сапир не решается пересмотреть мемуарные свидетельства идейных противников Лаврова.

Автор настоящей статьи в своей предшествующей работе о программах «Вперед»⁶, характеризуя идейную платформу Лаврова, не углублялся в источниковедческий анализ, поскольку ставил перед собой иные задачи. Однако мы исходили из того, что так называемый второй вариант был скорее незавершенной, чем окончательно сложившейся программой. Некоторые упоминания о второй литографированной программе в письмах революционеров не противоречили такому представлению, поскольку автору было известно, что во второй раз литографирована была третья программа (кстати, один ее редчайший экземпляр хранится в отделе рукописей ГБЛ). Отзывы о второй литографированной программе можно было отнести на счет последней, третьей программы, которую П. Л. Лавров в 1873 г. послал в Россию. После первого варианта революционеры обсуждали в Петербурге именно эту третью программу, которая, однако, была им известна как вторая.

³ *З. Ралли*. Из моих воспоминаний о М. А. Бакунине. — «О минувшем». СПб., 1909, стр. 294; *П. Витязев*. П. Л. Лавров в воспоминаниях современников. — «Голос минувшего», 1915, № 10, стр. 130; *Г. А. Лопатин*. К рассказам о Лаврове. — «П. Л. Лавров». Пг., 1922, стр. 436—439; *Н. А. Чарушин*. О далеком прошлом, ч. I. М., 1926, стр. 123; *П. А. Кропоткин*. Записки революционера, т. 2. М., 1929, стр. 25; *В. Н. Фигнер*. Полн. собр. соч., т. V. М., 1929, стр. 64—65.

⁴ *Б. П. Козьмин*. От девятнадцатого февраля до первого марта. М., 1933, стр. 118.

⁵ «Вперед». 1873—1877 гг. Материалы из архива В. Н. Смирнова, т. I, стр. 49, 51.

⁶ *Г. М. Лифшиц*. О трех вариантах программы журнала «Вперед». — «Общественное движение в пореформенной России». М., 1965, стр. 241—274.

Нам представлялось, что слухи о существовании трех вариантов программы П. Л. Лаврова распространились в народническом подполье позже. Данное предположение должно быть подвергнуто специальной проверке.

Обратимся к источникам. Один из последователей М. А. Бакунина М. П. Сажин в своих мемуарах рассказывает, что П. Л. Лавров в конце 1872 г. решил «спасти» русскую молодежь от революционного влияния и с этой целью задумал издавать журнал по «радикально-либеральной программе»⁷. Намерения П. Л. Лаврова были ему известны из личных бесед с ним. П. Л. Лавров будто бы говорил, что он будет воевать с бакунистами, поскольку они «отрицают государство», хотят устроить «пугачевщину» и вообще совращают молодежь революционной пропагандой «в то время как она должна работать научно и учиться»⁸. И действительно, утверждает М. П. Сажин, первая программа «Вперед» была чужда настроению и мыслям бакунистов⁹. К сожалению, он не пишет, в чем выражался ее конституционализм. Намек на ее либеральный характер содержит только переданная им шутка по поводу каких-то выраженных в этой программе мыслей о Соединенных Штатах Европы. Кто-то из чайковцев назвал будущий орган заграничным «Вестником Европы»¹⁰. Этот каламбур довольно точно передает отношение некоторых чайковцев к первой программе П. Л. Лаврова. П. А. Кропоткин утверждает, что она была конституционной¹¹.

О том же свидетельствует В. Н. Фигнер. С ее точки зрения, эта программа «отличалась полнейшей умеренностью: требуя культурной подготовки молодежи перед началом какой-либо пропаганды в народе, эта программа признавала, что и прокурор, и следователь могут быть полезны для служения народу»¹². В таких же выражениях передает свои впечатления от этого документа З. К. Ралли¹³. Он привел даже письмо М. А. Бакунина, в котором выражено недоумение по поводу призыва программы ко всем, кто становится на революционный путь, предвзительно овладеть достижениями науки.

Поскольку это письмо относится ко времени становления программы, приведем его: «Друзья мои, получил и прочел присланную мне программу; воля ваша — ее принять никак невозможно, так как я не могу представить себе, как это мы будем вместе работать и с молодым администратором, и даже с прокурором, и с прочими людьми, носящими кокарду. Ведь это значит итти

⁷ М. П. Сажин (Арман Росс). Воспоминания. М., 1925, стр. 14.

⁸ Там же, стр. 37.

⁹ П. Витязев. Указ. соч., стр. 130.

¹⁰ Там же.

¹¹ П. А. Кропоткин. Воспоминания о Лаврове.— «П. Л. Лавров». Сб. статей. Пг., 1922, стр. 437.

¹² В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 64.

¹³ З. Ралли. Указ. соч., стр. 291.

рука в руку с чиновниками, которых народ ненавидит наравне с дворянами; таким же образом в программе говорится слишком много о необходимости серьезной научной подготовки, необходимой для революционера. Что ж это, неужели мы задумали устроить за границей университет?»¹⁴

М. Р. Ланганс также помнит, что первая программа содержала «бесконечную лестницу приготовления себя к деятельности в народе», а это, по его мнению, отодвигало «чуть ли не на целое десятилетие» осуществление революционных планов¹⁵. Однако его оценка первого варианта программы «Вперед» имеет некоторую особенность. М. Р. Ланганс — чайковец, он получил программу от Н. А. Чарушина, товарища по кружку. Позднее в мемуарах Н. А. Чарушин весьма пренебрежительно отозвался об этом документе, назвав его земско-конституционным¹⁶. М. Р. Ланганс пишет о программе П. Л. Лаврова иначе. Он сообщает, что она была воспринята благожелательно, несмотря на выраженные в ней призывы к молодежи подготовиться к революционной деятельности научно¹⁷.

Таковы свидетельства современников о первой программе «Вперед». К сожалению, в этих воспоминаниях нет ни слова о целях революционного движения, социальных вопросах, крестьянской общине, политической борьбе партий. Без конкретных сведений о том, как решал эти проблемы П. Л. Лавров, приведенные выше характеристики его программы звучат неубедительно. К тому же общие оценки исходят в данном случае от идейных противников Лаврова или от авторов, воспоминания которых критически повторяют их.

После выхода М. А. Бакунина из редакции «Народного дела» он и его сторонники думали о создании собственного органа. Поэтому проект журнала «Вперед» вызвал у них недовольство. Идеиные разногласия между П. Л. Лавровым и М. А. Бакуниным рано или поздно должны были привести к борьбе за влияние на революционную молодежь. Это было ясно даже нейтральным представителям эмиграции. Будущий редактор «Вперед» В. Н. Смирнов, тогда еще мечтавший об издании органа «общими усилиями», писал, что хлопоты о двух журналах «производят безотрадное впечатление». В. Н. Смирнов понимал, что если возникнут два таких органа революционной печати, как бакунистский и лавристский, то они «будут враждовать друг с другом, топить друг друга»¹⁸.

Бакунисты пошли на переговоры об издании совместного журнала после того, как П. Л. Лавров согласился исправить со-

¹⁴ *З. Ралли*. Указ. соч., стр. 291.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 62, д. 16. Воспоминания М. Р. Ланганса.

¹⁶ *Н. А. Чарушин*. Указ. соч., стр. 123.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 62, д. 16. Воспоминания М. Р. Ланганса.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1737 (В. Н. Смирнов), д. 26, л. 4—4 об. Письмо В. Н. Смирнова к А. Бутурлину от 13 августа 1872 г.

ставленную им программу. З. К. Ралли, например, сообщает, что тогда были изменены положения первого варианта «Вперед» о легальной деятельности на благо народа¹⁹. М. П. Сажин утверждает, что по его замечаниям Лавров исправлял программу несколько раз²⁰. Несмотря на это, соглашения не последовало, и переговоры были прерваны. Поскольку бакунисты осудили программу будущего журнала, возникло впечатление, что окончательный разрыв произошел по идейным соображениям из-за того, что П. Л. Лавров был «философом, а не революционером»²¹. В действительности это не совсем так.

Свидетельства самого П. Л. Лаврова о создании журнала «Вперед» во многом противоречат показаниям бакунистов. Согласно его воспоминаниям, редактировать журнал он был приглашен лицами, которых не знал. П. Л. Лавров думал, что они представляли образовавшуюся в России литературно-радикальную оппозицию²². Это предположение было для П. Л. Лаврова естественно, поскольку сохранившиеся у него в России связи вели к демократическим кругам русской литературы. К тому же незадолго до этого, в январе 1872 г., Г. З. Елисеев писал ему: «Что делать? остается вечным вопросом и каждый день новым... Вот хорошая тема: наша литература, очень слабая по силам, тратит много напрасно сил от того, между прочим, что у ней нет никакой программы. Горячо бьется она часто за самые пустые вопросы и почти совершенно молчит о самых важных. Не хотите ли написать программу для нашей литературы, выяснив по нашим состояниям относительную важность ряда вопросов. Это был бы труд капитальный»²³ (курсив наш.— Г. Л.). Предложение Г. З. Елисеева почти совпало с приездом к П. Л. Лаврову П. Ф. Байдаковского и супругов А. А. и С. Н. Крилей, которые обратились к нему с просьбой об организации за границей революционного органа²⁴. П. Л. Лавров «дал им программу, свое

¹⁹ З. Ралли. Указ. соч., стр. 291.

²⁰ П. Вигязев. Указ. соч., стр. 131.

²¹ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 118.

²² П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. 1873—1878 гг. Л., 1926, стр. 51—52.

²³ «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 264.

²⁴ По мнению Б. Сапра («Вперед». 1873—1877. Материалы из архива В. Н. Смирнова», т. 1, стр. 151), предложение Г. З. Елисеева не имело последствий, и П. Л. Лавров написал программу только по просьбе внезапно явившихся к нему молодых людей. Нам же представляется, что именно письмо Г. З. Елисеева повлияло на П. Л. Лаврова, который решил написать программу в известном расчете на литературно-радикальную оппозицию. В программе можно увидеть отражение этого влияния в частности, в характеристике земской деятельности, напоминающей о «земщине» — излюбленной теме Г. З. Елисеева. Позднее Г. З. Елисеев критически отнесся к намерениям П. Л. Лаврова создать за границей журнал, но это обстоятельство не опровергает того, что предложение самого Г. З. Елисеева могло определить направление мысли П. Л. Лаврова, когда к нему приехали неизвестно кого представлявшие Крили и Байдаковский.

согласие работать, горячо отозвался на это предложение»²⁵. По словам П. Л. Лаврова, программа должна была выразить радикализм, проявившийся в русской литературе 1860-х годов. К участию в будущем журнале он хотел привлечь лучшие силы демократической интеллигенции. С этой целью первая программа была литографирована и переправлена в Россию²⁶.

Долгое время П. Л. Лавров не представлял, как можно вести журнал без помощи писателей. Может быть, в его наивных предложениях о сотрудничестве с литературно-радикальной оппозицией и выражался «чистый» конституционализм? Писал же С. А. Подолинский П. Л. Лаврову, что лучшие сотрудники либерального «Вестника Европы» дали согласие поддержать журнал на основе первой программы²⁷. А это сообщение перекликается с воспоминаниями М. П. Сажина о шутке чайковцев по поводу предстоящего издания Лавровым заграничного «Вестника Европы».

Позднее сам Лавров в своих воспоминаниях писал, что в демократической литературе он видел путь для распространения социалистических идей²⁸. С этим обстоятельством он связывал особенность зарождения социализма в России²⁹. С его точки зрения, оригинальность русской социалистической мысли выражалась прежде всего в утверждении реализма в философии, нравственности, искренности и свободы в чувствах, непримиримости к самодержавию и либералам в политике. Это демократическое направление было, однако, в глазах П. Л. Лаврова односторонним. Ему не хватало достаточного интереса к политической экономике и социализму в собственном смысле слова. Поэтому П. Л. Лавров хотел привить русской социалистической мысли «черту европейского социализма» — глубокое внимание к научно-экономическим проблемам, выдвигающим социальные требования³⁰. (Само собой разумеется, что социализм П. Л. Лаврова был в сущности формой для революционно-демократического содержания, как это было у народников-революционеров вообще.) Издание «Вперед» П. Л. Лавров связывал не с либеральным направлением «Вестника Европы», а с традициями «Современника» и наследием органа Русской секции I Интернационала «Народно-го дела».

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, III эксп., 1872 г., д. 71, ч. 1, л. 38, Перлюстрация письма Петрова (псевдоним) по адресу А. М. Сытиной, не позднее 18 апреля 1872 г.

²⁶ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. 1873—1878 гг., стр. 51—55.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1762 (П. Л. Лаврова), оп. 4, д. 360, л. 45 об. Письмо С. А. Подолинского к П. Л. Лаврову от 11 ноября 1872 г.

²⁸ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. 1873—1878 гг., стр. 13.

²⁹ Там же, стр. 20.

³⁰ Там же, стр. 16—20.

Конечно, свидетельства П. Л. Лаврова имели бы большее значение, если бы они относились ко времени организации журнала. Такие источники имеются. В декабре 1872 г. П. Л. Лавров писал Г. Юнгу: «Начиная с первого номера я даю подробную программу точки зрения, на которую становится редакция журнала во всех больших социальных и политических вопросах, общих и специально русских. Я думаю, что пункт, наиболее интересный для вас, это моя позиция в спорах Интернационала. Принимая цель Интернационала и его общественный идеал, я оставляю открытым вопрос о большей централизации и децентрализации и допускаю полемику по этому вопросу в самом журнале, решительно устраняя всякие личные нападки с той и с другой стороны. Я принимаю тот же метод по спорному вопросу: легальная мирная революция при помощи существующих учреждений или же радикальная и разрушительная. Соображения о сотрудничестве в России, как и мои личные убеждения, заставили меня принять этот метод по последнему пункту»³¹.

Эта характеристика программы может относиться не к первому ее варианту, а ко второму, который сами бакунисты называли социалистическим. Уточнить, о каком из ранних проектов программы «Вперед» здесь сообщает П. Л. Лавров, помогает один из его корреспондентов, который сожалел, что не нашел в третьей программе каких-то положений о I Интернационале, известных ему по первоначальному ее варианту. Он писал В. Н. Смирнову: «Там (т. е. в третьей программе.— Г. Л.) говорится в неопределенных выражениях о союзе большинства рабочих в свободную ассоциацию, но ассоциация эта не названа своим именем, между тем как прежде прямо говорилось об Интернационале»³². Это свидетельство подтверждает, что П. Л. Лавров по крайней мере в одной из ранних программ поддерживал I Интернационал. Однако вторая программа, как мы увидим в дальнейшем, не была завершена и не могла попасть в Россию, откуда писал П. Л. Лаврову неизвестный нам критик программы. Следовательно, «говорилось об Интернационале» именно в первой программе. Подтверждение этого факта мы находим в письме М. С. Цебриковой к П. Л. Лаврову: «Перечтя несколько раз программу Вашу, я, как оказалось, увидела, что в ней слишком много места отведено журавлю в небе и слишком мало синице — разработке насущных вопросов русской жизни, а для того, чтобы журнал стал прочно, необходимо последнее... Еще мне кажется, что не лучше ли было бы не ставить точки над *i*, чтобы не запугать наше общество Интернациона-

³¹ «Летопись марксизма», т. II (XII), 1930, стр. 160.

³² ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 629, лл. 11—12. Письмо неизвестного к В. Н. Смирнову от 8 апреля 1873 г.

лом и Соединенными Штатами Европы»³³. Итак, если П. Л. Лавров ждал помощи от литераторов, то, конечно, только от тех, которых он считал «способными участвовать в радикальном социалистическом органе»³⁴. Поэтому, между прочим, в письмах Н. К. Михайловского к П. Л. Лаврову говорится не о либеральной, а о «радикально-социалистической оппозиции»³⁵.

Обвинение П. Л. Лаврова в излишней умеренности, проявленной им при составлении первой программы, относится к его постановке вопроса о революции. Однако мысль о революционном пути социального прогресса России была все же выражена им в программе достаточно четко. Недаром же Н. К. Михайловский отказывался от участия в журнале потому, что он не считал себя революционером³⁶. По той же причине он советовал П. Л. Лаврову готовить молодежь к революции так, чтобы она встретила этот переломный момент истории «не с игрушечными коммунарами, а с действительным знанием русского народа и с полным умением различать добро и зло европейской цивилизации»³⁷.

Лавров не отрицал также в своей программе возможности применения мирных средств социальной борьбы. В связи с этим С. А. Подолинский передавал ему просьбу читавших первую программу «Вперед» сократить «изложение легального пути и возможно расширить изложение пути революционного». Нечего говорить о том, добавлял С. А. Подолинский, что П. Л. Лавров «с радостью исполнит это желание»³⁸.

Ясное свидетельство о демократическом характере первого проекта платформы «Вперед» содержит замечание неизвестного корреспондента В. Н. Смирнова о том, что из третьей программы «выпущена прекрасная характеристика современных русских партий, особенно славянофилов, и, как противоположение всем им вообще, а славянофилам в особенности, характеристика народной партии, долженствующей группироваться вокруг журнала»³⁹. Сравнение третьей программы «Вперед» с ее первым вариантом, которое раскрыло автору письма характер внесенных П. Л. Лавровым изменений, а также замечания, сделанные им о каких-то выпущенных местах, свидетельствуют о том, что третья программа была создана на основе самого раннего проекта путем его исправления. Автор письма приводит даже точную формулировку, которую П. Л. Лавров удалил из раннего варианта «Вперед»,

³³ «Вперед». 1873—1877 гг. Материалы из архива В. Н. Смирнова, т. II, стр. 104. Письмо послано П. Л. Лаврову в августе 1872 г.

³⁴ «Летопись марксизма», т. II (XII), 1930, стр. 160.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 313, л. 5. Письмо Н. К. Михайловского к П. Л. Лаврову, без даты.

³⁶ Там же, л. 2.

³⁷ Там же, л. 5 об.

³⁸ Там же, д. 112, л. 37.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 629, л. 11. Письмо неизвестного к В. Н. Смирнову от 8 апреля 1873 г.

создавая третью программу: «Самое выражение «партия светской общины» было удачным, и я крайне жалею, что я его не нашел в исправленной программе. Оно не в многих словах выражало суть специально русской деятельности партии, а по своей краткости, по своей выразительности оно заслуживало a la lettre быть написанным на знамени»⁴⁰.

Возможно, что первая программа «Вперед» была встречена в революционных кругах не только критическими замечаниями, но и вполне доброжелательными откликами. Об этом, в частности, свидетельствует шифрованное письмо, посланное из-за границы чайковцами через Г. Эльсница. В этом письме программа названа социалистической⁴¹. И все же, когда П. Л. Лавров убедился в том, что его предположения о радикальной оппозиции среди писателей не встречаются достаточных подтверждений, он, естественно, вынужден был во многом изменить платформу будущего органа. Для него это было не трудным делом, поскольку первая программа выражала его собственные взгляды не в полной мере и, можно сказать, что ее демократическое и социалистическое содержание было смягчено ради тактических целей. Впрочем, второй вариант программы «Вперед» он также писал под влиянием тактических соображений. На этот раз П. Л. Лавров хотел устранить «всякую явную враждебность» в революционном лагере⁴².

С этой целью он создает проект программы, который, по его мнению, мог лечь в основу соглашения революционных кружков разных направлений. Однако новым вариантом программы бакунисты также не были удовлетворены. Возможно, что Лавров внес в него какие-то дополнительные исправления по замечаниям М. П. Сажина и его товарищей, но, вообще говоря, бакунисты вступили в переговоры, не думая об уступках. Они задумали использовать организующийся журнал в своих собственных целях. Им нужны были средства, которыми располагал П. Л. Лавров, и его связи с Россией. Бакунисты надеялись изменить направление журнала «Вперед» в будущем⁴³. Возможно, что им удалось бы этого добиться, если бы они могли играть более заметную роль в издании журнала. Но Лавров, разгадав замысел Альянса, предложил такие правила ведения журнала «Вперед», которые не оставляли его соперникам никаких надежд на благожелательные для них перемены⁴⁴. Этот устав журнала был подготовлен П. Л. Лавровым непосредственно перед совещанием с бакунистами. П. Л. Лавров объявил, что определение материала номеров «Вперед», редактирование статей, «сношение с Россией

⁴⁰ Там же, л. 12.

⁴¹ Там же, ф. 109, III эксп., 1872 г., д. 71, ч. 1, л. 40. Перлюстрация письма Петрова (псевдоним) по адресу А. М. Сытиной, не позднее 18 апреля 1872 г.

⁴² П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. 1873—1878 гг., стр. 53—54.

⁴³ П. Вигяев. Указ. соч., стр. 132—133.

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, лл. 1—7.

по получению... корреспонденций, по распространению журнала и по получению денег»⁴⁵, словом, вся власть в журнале безраздельно принадлежит ему. Он, правда, соглашался создать при себе совет, но, судя по уставу, значение этого института не могло быть велико. Совет мог бы высказывать свои рекомендации, в частности, по оценке статей. И в таких случаях редактор брал «нравственное обязательство по возможности сообразоваться с мнением большинства членов совета», однако он оставлял за собой «право решающего голоса»⁴⁶. В члены совета П. Л. Лавров хотел привлечь расположенных к нему В. Н. Смирнова и С. А. Подольского, а также двух бакунистов — А. Л. Эльсница и В. А. Гольштейна. Из главаря цюрихских анархистов М. П. Сажина Лавров намеревался сделать распорядителя типографии⁴⁷.

Естественно, что совещание с последователями М. А. Бакунина ни к чему не привело. М. П. Сажин и А. Эльсниц потребовали для своего кружка равных прав. П. Л. Лавров, конечно, отказал им в этом, и «результатом переговоров было полное разделение на партии»⁴⁸. «Принципиальная сторона издания вовсе не была обсуждаема»⁴⁹. Проект новой программы так и остался незавершенным. Недаром В. Н. Фигнер, которая была в курсе переговоров П. Л. Лаврова с бакунистами, нпкогда не видела второго варианта программы «Вперед» и называла его «промежуточным»⁵⁰. Да и не только В. Н. Фигнер. Во всех письмах революционеров того времени (до осени 1873 г.) речь шла о двух программах. Вот, например, что В. Н. Смирнов писал А. Бутурлину: «Относительно двух программ. Этого нападения всего менее боимся. 1) Программы нисколько не противоречат друг другу. 2) Первая программа была послана в Россию не для распространения, а для того, чтобы ее просмотрели лица и кружки, сочувствующие идее революционного журнала, чтобы они затем сделали замечания, разбор программы, согласно которым ее можно было бы изменить, исправить и т. п. Отлитографировали ее не только вопреки желанию Петра Лавровича, но даже вопреки запрещению, вопреки данному слову»⁵¹. Из этого письма следует, что первая программа была написана в расчете на кружки, сочувствующие идее *революционного* журнала. Кроме того, выясняется, что в самой редакции «Вперед» самостоятельное значение придавали только двум программам (первой и третьей), между которыми больших противоречий не видели. Не «боясь нападе-

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, лл. 1—7.

⁴⁶ Там же, л. 6.

⁴⁷ Там же, л. 7.

⁴⁸ Там же, ф. 1737, д. 26, л. 29. Письмо В. Н. Смирнова к А. Бутурлину от 16 декабря 1872 г.

⁴⁹ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. 1873—1878 гг., стр. 54.

⁵⁰ В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 64.

⁵¹ «Вперед». 1873—1877 гг. Материалы из архива В. Н. Смирнова», т. II, 1970, стр. 93.

ния», В. Н. Смирнов сам хотел перейти в наступление и поднять в журнале вопрос о слухах, которые распространяли бакунисты о программах. Он писал А. Бутурлину 12 октября 1872 г.: «Не напишите ли Вы в редакцию «Вперед» письма, в котором Вы изложили бы обстоятельным образом противоречия двух или 100 программ, попросили бы у редакции объяснения на счет этого пассажа, насчет легкости в перемене убеждений по востребованию и т. п. ... Нужно же положить конец этой болтовне, тем более что она началась чуть ли не четыре месяца тому назад»⁵².

Такова вкратце история программ журнала «Вперед». В фонде П. Л. Лаврова в ЦГАОР СССР хранятся два их варианта⁵³, которые совпадают с текстом документов, опубликованных Б. Сапиром. Это обстоятельство облегчает доказательство того, что мы располагаем теперь программами Лаврова, которые были известны в революционном подполье. Здесь важно установить связь этих документов с программами, вызвавшими отклик в письмах и мемуарах.

Рукопись, содержащая варианты «Вперед» (так называет их П. Л. Лавров), написана фиолетовыми чернилами на 10 двойных листах рукой В. Н. Смирнова с большими вставками самого П. Л. Лаврова. Сначала она переписывалась набело: буквы написаны четко, разборчиво, без перечеркиваний. Однако двойные листы (6—9) написаны П. Л. Лавровым бегло, хотя все же четко, как остальные. Последние оборотные страницы двойных листов 5 и 9 не дописаны, и чистые их места перечеркнуты. Очевидно, двойные листы 6—9 были написаны позднее, чем все остальные, и вставлены в общий текст вместо каких-то других листов. Логической связи между текстом 5-го и началом 10-го листа нет. Следовательно, первоначальный вариант рукописи еще до своего завершения подвергался предварительной переработке. П. Л. Лавров дважды (может быть, и более) переписывал листы 6—9, на которых изложены задачи революционного движения в России. Уже после переделок этой части программы первоначальный вариант представлял собой законченное целое и был скреплен единой пагинацией. Этот вариант и совпадает с текстом программы, опубликованной Б. Сапиром.

В дальнейшем работа над рукописью была возобновлена. Ее текст был изменен и подвергнут редактированию — появляется новый вариант документа. Черными чернилами Лавров написал несколько вставок: некоторые строки белого текста были зачеркнуты. Почерк вставок типичен для Лаврова: беглый, неразборчивый текст изобилует перечеркиваниями. Пагинация двойных листов уничтожена, каждый лист рукописи, за исключением вставок, написанных на маленьких листочках, получил номер. Встав-

⁵² Там же, стр. 97.

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, лл. 4—27.

ные листы 13 и 14 (по новой пагинации), очевидно, были удалены Лавровым при последующей переработке второго варианта или не сохранились. В двух местах рукопись перечеркнута карандашом. Возможно, эти зачеркивания изменили первый вариант. Однако более вероятно, что они окончательно не исключали зачеркнутый текст из второй программы, а лишь ставили его под сомнение. Иначе Лавров вычеркнул бы эти места чернилами. Условность этих зачеркиваний подтверждается включением части зачеркнутого текста в третью программу «Вперед».

Это обстоятельство свидетельствует о том, что второй вариант рукописи окончательно завершен не был. Сопоставим этот вывод с известными нам фактами о второй программе П. Л. Лаврова. М. П. Сажин утверждает, что Лавров изменял содержание второй программы несколько раз, но о завершенном ее варианте он ничего не сообщает⁵⁴. П. Л. Лавров же свидетельствует о том, что вторая программа им с бакунистами обсуждена не была⁵⁵. В данном случае он имеет в виду ее законченный вариант. Окончательный текст второй программы П. Л. Лавров думал завершить после обсуждения сомнительных мест с представителями Альянса М. П. Сажиным и А. Л. Эльсницем. Этот факт согласуется с выводом о незавершенности второго варианта программы, содержащегося в нашей рукописи. Возможно, что прежде всего с бакунистами должен был обсуждаться текст, зачеркнутый карандашом. Совпадение данных источника с обстоятельствами создания программы «Вперед» в частном случае подтверждает мысль о том, что рукопись представляет собой первую и вторую незавершенную программу П. Л. Лаврова. Дальнейший анализ определил, насколько это утверждение верно.

Варианты нашей рукописи так же, как опубликованная Лавровым программа, построены по общему для них плану. Хотя сам автор не делит текст на разделы, эти документы состоят как бы из нескольких частей. Первая — представляет собой краткое введение, вторая — характеризует материал будущего журнала, его общественные цели и средства их осуществления, третья — излагает общие теоретические проблемы социальной борьбы, четвертая — задачи революционного движения в России, пятая — касается вопросов социального прогресса славянских народов. Введение, а также некоторые другие части рукописи «Вперед», например раздел, посвященный проблемам политического и социального освобождения славян, почти полностью совпадают с текстом третьей программы, а изложение в ней общих тактических вопросов является видоизмененным вариантом нашей рукописи. Это обстоятельство свидетельствует о том, что третья программа была написана на основе ее рукописных проектов, хранящихся ныне в ЦГАОР СССР. Чтобы определить их место

⁵⁴ П. Витязев. Указ. соч., стр. 131.

⁵⁵ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. 1873—1878 гг., стр. 54.

в ряду программ, составленных П. Л. Лавровым, не нужно характеризовать все особенности содержания обнаруженной рукописи. Достаточно разобрать те из них, которые могут быть связаны с известными по мемуарам оценками первых программ «Вперед».

* * *

Прежде всего отметим наиболее характерную общность рукописных вариантов с опубликованной программой. В них Лавров выдвигал перед своими единомышленниками одинаковые цели. Будущее он представлял как федерацию свободных общин и свободных рабочих ассоциаций⁵⁶. Достижение этого идеала было возможно, по его мнению, только путем борьбы против религиозного мировоззрения, государственности и эксплуататорских классов⁵⁷.

Различие программы обнаруживается в изложении тактических задач, стоящих перед защитниками народа.

Останемся на главном — проблеме революции. В рукописных вариантах «Вперед» Лавров судил о ней в духе своего письма Г. Юнгу⁵⁸. Он видел две возможности осуществления социальных преобразований — путь мирный и «разрушительный». Тот или иной ход прогресса может быть определен только конкретными историческими условиями.

Поэтому приверженцев различных методов борьбы рассудит история. П. Л. Лавров же предостерегал одних от излишнего увлечения игрой в парламент, других — от безрассудных авантюр. Ведь «мирная революция», — писал оп, — возможна не во многих странах, а революционный взрыв нельзя вызывать искусственно⁵⁹. Лавров выступает против бунтарства. Как пишет М. П. Сажин, он не хотел «пугачевщины», требовал подготовки народа к революции, с тем чтобы использовать революционную ситуацию сознательно и довести вооруженную борьбу до победного исхода.

Характеристику революционного пути решения социальных проблем П. Л. Лавров расширил в третьей программе, как его и просили критики ранних вариантов «Вперед»⁶⁰. Но предположение революции перед мирными средствами борьбы Лавров отдавал уже в рукописных проектах, что, в частности, было выражено и признанием программы I Интернационала. В первом варианте «Вперед» Лавров утверждал, что орудием социального

⁵⁶ П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 2, стр. 24; ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 6, 15 об.

⁵⁷ П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 2, стр. 24; ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 6, 15 об.

⁵⁸ «Летописи марксизма», т. II (XII), 1930, стр. 160.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, лл. 12 об., 14.

⁶⁰ П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 2, стр. 29.

прогресса является Международное товарищество рабочих, и призывал своих сторонников поддерживать его организации⁶¹. Это положение совпадает с тем, что Лавров сообщает Г. Юнгу о своем отношении к I Интернационалу, а также с замечанием по этому поводу неизвестного нам критика третьей программы, который, между прочим, догадался, что при исправлении раннего варианта «Вперед» упоминание о I Интернационале было выброшено в связи с расколом в международном революционном движении⁶². Попытка Лаврова сойтись с Альянсом ради совместной борьбы в России заставила его оставить в стороне вопрос об Интернационале. Поэтому во втором рукописном варианте программы «Вперед», рассчитанном на союз с бакунистами, слово «Интернационал» всюду вычеркнуто.

Отношение П. Л. Лаврова к общественно-политическим формам в процессе работы над программой не изменилось. Не только опубликованная программа, но и рукописные ее варианты говорят о будущем разложении государства⁶³. Однако Лавров считал, что между современностью и общественным идеалом будут переходные государственные формы, более прогрессивные, чем господствующий строй.

Такое решение вопроса было им противопоставлено огульному «отрицанию государства» бакунистами. Это обстоятельство, судя по воспоминаниям М. П. Сажина, и вызывало у них особое раздражение.

По мнению Лаврова, государства могут способствовать социальным преобразованиям, быть в этом смысле «индифферентными» или враждебными. Рукописные варианты программы развивали эту схему более подробно. В частности, Лавров писал в них о «посредствующих политических формах», которые благоприятствуют социальному движению. Одна из них — Парижская Коммуна. Она хотя и «не есть еще осуществление будущего идеала, но... ближе других к нему подходит». Парижская Коммуна, по мнению Лаврова, была переходной формой от крупных государственных объединений, в которых народ не имеет возможности выразить свою волю, к свободной федерации «мелких центров» — общин и рабочих ассоциаций. Эти рассуждения П. Л. Лаврова объясняют, почему Н. К. Михайловский в своем критическом отзыве о первой программе пишет, что не с «игрушечными коммунами» русская молодежь должна встретить революцию, а с действительным знанием интересов народа. Возможно даже, что из третьей программы Лавров изъясил положения о Парижской Коммуне под влиянием этого замечания Н. К. Михайловского.

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, лл. 9 об.— 10.

⁶² Там же, оп. 4, д. 629, л. 11. Письмо неизвестного к В. Н. Смирнову от 8 апреля 1873 г.

⁶³ П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 2, стр. 28; ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 10 об.

В рукописных вариантах «Вперед» Лавров высоко оценивал политическую программу Соединенных Штатов Европы. Он считал, что демократическое объединение европейских стран не препятствует стремлению к общественному идеалу. По его мнению, политическое движение, стремящееся к осуществлению планов европейской федерации, на определенном этапе содействует революционной борьбе. Лавров предполагал, что попытки провести эти планы в жизнь неизбежно вызовут «взрыв гораздо сильнеею свойства» — социальную революцию. Однако к образованию Соединенных Штатов Европы Лавров не призывал, поскольку политическая борьба с этой целью потребует, по его мнению, столько же усилий, сколько необходимо для социального переворота⁶⁴. Очевидно, эти мысли П. Л. Лаврова имел в виду М. П. Сажин, вспоминая о недовольстве бакунистов идеей Соединенных Штатов Европы, выраженной в первой программе.

Решение вопросов русского революционного движения в ранних программах также совпадает с тем, что говорится в воспоминаниях. По мнению Лаврова, для русского движения общественный идеал воплощается в строе свободных общин⁶⁵. Эта мысль нравилась неизвестному критику программы «Вперед», который писал, что все содержание революционной деятельности в России было выражено Лавровым в словах о стремлении к «светской общине»⁶⁶.

Достижение этой цели возможно, по мнению Лаврова, двумя путями — революцией и мирными средствами борьбы. Однако и в данном случае Лавров напоминает, что в истории еще не было примера мирного решения социальных противоречий, и тем самым призывает молодежь готовиться к революции⁶⁷.

П. Л. Лавров хотел, чтобы каждый деятель революционного движения знал историю общественной борьбы, не чурался науки, действовал сознательно, ибо только глубокое понимание социальных проблем может привести к успеху. В связи с этим он писал: «Первое и необходимое условие заключается в уяснении собственной мысли серьезными научными знаниями, серьезною критикою общих и частных общественных вопросов, необходимых условий общественных процессов данной среды, определяющей, что возможно в данную минуту. Строгая холодная критика реального должна сдерживать порывы горячего стремления к лучшему, если это лучшее неосуществимо без предварительной подготовки. Тщательное усвоение всех юридических, экономических, умственных, нравственных особенностей почвы, на которой приходится действовать, обязательно для общественных деятелей...»⁶⁸ В этом

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 11.

⁶⁵ Там же, л. 15 об.

⁶⁶ Там же, оп. 4, д. 629, л. 12. Письмо неизвестного к В. Н. Смирнову от 8 апреля 1873 г.

⁶⁷ Там же, оп. 2, д. 98, л. 16—16 об.

⁶⁸ Там же, л. 22 об.

и заключалась та «бесконечная лестница» подготовки революционеров, о которой после ознакомления с первой программой писал М. Р. Ланганс. По этому поводу пронизировал и М. А. Бакунин, спрашивая, не хочет ли Лавров устроить для революционеров за границей университет.

Наиболее острой критике П. Л. Лавров был подвергнут за изложение возможностей мирной легальной деятельности на благо народа. Что по этому поводу было сказано в рукописном варианте программы? Лавров писал: «Местный администратор, как крупный, так и мелкий, может легальным путем сделать многое для улучшения материального положения народа и для способствования его умственного развития. Член земства, член суда, адвокат может способствовать на легальной почве расширению самостоятельности, укреплению прав, даже политическому воспитанию крестьянства»⁶⁹. Именно это положение первого варианта «Вперед» повторяет в своем письме М. А. Бакунин, отказываясь представить себе, как это он будет действовать вместе с администратором, прокурором и с прочими людьми, «носящими кокарду»⁷⁰. За М. А. Бакуниным это же положение повторяют в своих воспоминаниях Э. К. Ралли, В. Н. Фигнер⁷¹ и др. Тем самым еще раз подтверждается сходство первого рукописного варианта с программой, о которой идет речь в воспоминаниях.

Характеризуя легальную деятельность защитников народа, П. Л. Лавров имел в виду также литературно-радикальную оппозицию (в рукописных вариантах «Вперед» это выражение не употребляется, по-видимому, из конспиративных соображений). Он пишет, что «под тяжким ярмом явной и негласной цензуры писатель, редактор журнала, издатель все-таки могут легально провести в кругу читателей кое-какие верные оценки фактов, более широкое понимание общественной жизни, могут в более или менее широких пределах бороться за научное воззрение против богословских признаков за более справедливый строй общества против настоящего зла»⁷². Это и есть программа деятельности литераторов из радикальной оппозиции. Планы мирного обновления общественного строя России, получившие выражение в радикальной литературе, имеют некоторые общие пункты с рукописными программами Лаврова. Несомненно, что в этой литературе он заимствовал идею широкой земской деятельности на почве «положительного закона». Характеризуя возможность легальной деятельности в обычное время, Лавров развил некоторые идеи, общепринятые в кругах радикальной интеллигенции, что дает ему право назвать первую программу выражением взглядов литературно-радикальной оппозиции.

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 16 об.

⁷⁰ Э. Ралли. Указ. соч., стр. 291.

⁷¹ В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 64.

⁷² ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 17.

П. Л. Лавров полагал, что еще в период, предшествующий революционным преобразованиям в России, сформируется организация литературно-радикальной оппозиции — народная партия⁷³. Как писал неизвестный критик первой программы «Вперед», Лавров называл ее в рукописных вариантах «партией светской общины»⁷⁴. В мирное время она должна улучшить экономическое положение крестьянства, распространить в нем просвещение, активизировать и поднять роль крестьянства в государственной жизни и общественных делах, сделать из общин центры политической деятельности. Действуя в сфере «положительного закона», партия не могла вместе с тем ограничиться легальной почвой, хотя открыто объявить свою цель (полное освобождение общины) она должна только в период так называемого общественного потрясения, который может наступить из-за государственной неудачи, междоусобицы, дворцовых интриг и т. п.⁷⁵ Лавров выражал надежду, что в это время произойдет своего рода демократический переворот. Изолированное радикальной оппозицией правительство будет вынуждено отступить и согласиться на созыв Земского собора. Это предположение Лаврова объясняет, почему критики первой программы «Вперед» называли ее «земско-конституционной».

Для того чтобы в дальнейшем объяснить значение такого понимания программы, заметим, что, согласно Лаврову, демократический переворот может произойти только в условиях широкого крестьянского движения. Следовательно, о мирном характере событий эпохи общественного потрясения в его картине будущего можно говорить лишь условно, с оговорками. Политический переворот, думал Лавров, приведет к демократическому господству крестьянства, представители которого составят большинство Земского собора. Наконец, партия «светской общины» через Земский собор должна осуществить не только общедемократические, но и социальные преобразования. Если же события периода общественного потрясения примут иной оборот, то необходимо, по мнению Лаврова, перейти к социальной революции⁷⁶.

Таким образом, мнение, согласно которому Лавров находился в плену либеральных иллюзий, сильно преувеличивает тот элемент возможности легальной деятельности на благо народа, который был выражен автором программы «Вперед», отчасти в силу тактических соображений, отчасти потому, что он искал пути к единству легальной и нелегальной деятельности, что само по себе было не ложно, как показывает дальнейшая история общественной борьбы в России, но в 1870-х годах еще не могло получить достаточно точного и научного освещения.

⁷³ Там же, лл. 20—21 об.

⁷⁴ Там же, оп. 4, д. 629, л. 12. Письмо неизвестного к В. Н. Смирнову от 8 апреля 1873 г.

⁷⁵ Там же, оп. 2, д. 98, лл. 19, 21 об., 22.

⁷⁶ Там же, лл. 19, 22—23.

О том, что редактор будущего журнала выступал в своей платформе против либерализма, а не в роли пропагандиста этого политического течения, говорит данный в письме неизвестного автора к Лаврову положительный отзыв о характеристике партий. П. Л. Лавров предполагал, что в момент потрясения неизбежно столкновение интересов различных общественных кругов и, следовательно, ожесточенная борьба партий. Лавров не верил в иллюзию сословного мира. Поэтому в ранних вариантах программы «Вперед» он дал характеристику реакционных политических партий, которые будут выступать против народа. Именно эти положения вызвали одобрение неизвестного нам автора письма к Лаврову (он, как мы знаем, сожалел, что из третьей программы изъяты рассуждения о «современных русских партиях»⁷⁷).

Лавров допускал, что в период общественных потрясений на политической арене будут действовать консерваторы, конституционалисты, славянофилы. Наиболее серьезным противником народной партии будут, по мнению Лаврова, либералы, хотя пока еще у них нет почвы «обширного сословия буржуазии». Характерно, что Лавров считал либералов союзниками партии «светской общины» постольку, поскольку они будут выступать против самодержавия за демократические свободы. Это обстоятельство вызывало недовольство критиков программы «Вперед», которые обвиняли ее автора в конституционализме. Но эти упреки не были справедливыми. Лавров ясно представлял себе, что либералы будут бороться против осуществления социальных требований народа. Поэтому он призывал своих сторонников не допустить «торжества конституционалистов»⁷⁸. Противопоставление партии народа консерваторам, либералам и славянофилам еще раз подтверждает, что рукописный проект журнала «Вперед» действительно представляет собой первую программу Лаврова, в которой, как видно из уже цитированного письма неизвестного автора, и заключалось это «противоположение всем вообще, а славянофилам в особенности, народной партии»⁷⁹.

Весьма показательны изменения первоначального текста рукописи в последующих вариантах. Они отвечают той критике, которую, как известно по воспоминаниям, вызвала первая программа П. Л. Лаврова. Будущий редактор революционного органа отказался от своего плана деятельности партии «светской общины» в мирное время (часть рукописи зачеркнута карандашом), участие же этой партии в событиях периода общественного потрясения он рассматривает теперь как предположение, рассчитанное исключительно на «верующих в возможность легального пути» социального прогресса. Тем самым Лавров под-

⁷⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 629, лл. 11—12. Письмо неизвестного к В. Н. Смирнову от 8 апреля 1873 г.

⁷⁸ Там же, оп. 2, д. 98, лл. 19 об.—20.

⁷⁹ Там же, оп. 4, д. 629, л. 12. Письмо неизвестного к В. Н. Смирнову от 8 апреля 1873 г.

черкивал свою приверженность революции. «Легалисты» представлены им теперь как искренние, но заблуждающиеся защитники народа. Конечно, есть и другие особенности второго рукописного варианта. Они появились в результате сокращений, вставок и редакционной правки первоначального текста. Но главное все же заключено в ином отношении Лаврова к легальной деятельности литературно-радикальной оппозиции и сочувствующей народу интеллигенции вообще. Это изменение первоначального текста рукописи соответствует тому, что нам известно о переработке ранней программы «Вперед» из мемуарных источников.

* * *

Таким образом, все свидетельства современников П. Л. Лаврова подтверждают содержание рукописных вариантов, все, за исключением встречающихся в воспоминаниях общих замечаний о том, что первая программа не содержала революционных идей и была «чисто» конституционной.

К таким утверждениям необходимо относиться с достаточной осторожностью, учитывая то обстоятельство, что их высказывают идейные противники Лаврова — бакунисты. Стоило Лаврову напомнить о необходимости повысить идейную подготовку революционной молодежи, рекомендуя ей изучить почву, на которой придется действовать, как это вызвало у проповедников «революционного невежества» неодобрительный отклик. Между тем, выдвигая свое требование, Лавров и не думал, что оно будет рассматриваться как искусственная преграда для начала революционной пропаганды. Ведь еще в «Исторических письмах» он писал о том, что личность не должна приобретать знания в отрыве от общественной практики⁸⁰.

Точно так же не следует принимать на веру утверждения бакунистов о том, что Лавров выступал в первой программе против революции. На самом деле он относился с предубеждением только к бунтарству. Поэтому он и мог сказать М. П. Сажину, что он не «хочет пугачевщины». Этого последователи М. А. Бакунина не понимали, а часто не хотели понять. В рукописной программе Лавров, например, высказался против бессмысленных, заранее обреченных на провал авантур, которые называл «неизбежным злом»⁸¹. Такова логика Лаврова. Но как только он произнес слово «зло», все для бакуниста стало ясно. И И. В. Соколов пишет Н. П. Огареву, что П. Л. Лавров выступает в своей программе против революции и объявляет ее общественным злом⁸². Так, Лаврову создавалась репутация умеренного конституциона-

⁸⁰ П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 1, стр. 275.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 18 об.

⁸² В. Богучарский. Активное народничество 70-х годов. М., 1912, стр. 110.

листа. Действительное же его отношение к революции раскрывают рукописные варианты программы «Вперед», содержание которых, кстати говоря, полностью совпадает с его собственными свидетельствами.

Обвинения Лаврова в конституционализме находят себе естественное объяснение в обстоятельствах того времени. Для бакунистов всякий, кто признавал прогрессивность некоторых государственных форм по сравнению с самодержавным строем, не выступая против политического переворота, был конституционалистом. В этом смысле конституционалистами были сначала и чайковцы. Все они были революционерами, стремились к социальным идеалам, однако Д. А. Клеменц, приглашая П. А. Кропоткина к участию в кружке, сказал: «Члены нашего кружка покуда большей частью конституционалисты»⁸³. Прошел год после приведенного нами признания Д. А. Клеменца, а он уже должен был ехать за границу к Лаврову, чтобы заставить его отказаться от первой «конституционной» программы и написать новую «чисто социалистическую»⁸⁴. В таком же смысле, как и П. А. Кропоткин, «конституционалистом» был позднее, например, А. Желябов, также признававший «политику», да и все народовольцы⁸⁵.

Слово «конституционализм» у бакунистов имело иное содержание, чем в наше время. Тот, кто считал полезным введение в стране хотя бы конституции, был для бакунистов законченным либералом — конституционалистом. Если же общественный идеал такого «конституционалиста» не ограничивался теми или другими демократическими требованиями, это уже не имело значения. Именно так попал в конституционалисты и Лавров. Однако в настоящее время мы не можем и не должны принимать оценки современников первой программы «Вперед», перенесенные ими в свои воспоминания, буквально.

Отсюда видно, что свидетельства современников о первой программе Лаврова, поскольку они расходятся с содержанием рукописных вариантов программы «Вперед», вполне объяснимы, исходя из их собственной позиции в революционном движении. Для того чтобы установить, какой документ они имеют в виду, нужно отбросить их своеобразную терминологию, которая мешает нам в настоящее время понять, о чем идет речь. Во всех остальных случаях полное совпадение наших источников с замечаниями критиков программы подтверждает предположение о том, что проекты программы «Вперед», и хранящиеся в ЦГАОР СССР, и опубликованные Б. Сапиром, представляют собой первые программы П. Л. Лаврова.

⁸³ П. А. Кропоткин. Записки революционера, т. 1. М., 1929, стр. 340.

⁸⁴ П. А. Кропоткин. Записки революционера, т. 2, стр. 25—26.

⁸⁵ Б. Богучарский. Из истории политической борьбы 70—80-х гг. XIX в. М., 1912, стр. 3.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР

С. И. Якубовская

Характеризуя источники, определившие содержание Конституции 1924 г., можно выделить следующие группы: 1) ленинские документы и документы партии, 2) материалы Конституционной комиссии ЦК РКП(б), 3) материалы Конституционной комиссии ЦИК СССР, 4) материалы Конституционных комиссий ЦИК республик, 5) документы съездов Советов республик, принявших решение об образовании СССР, 6) документы собраний трудящихся в республиках. Все эти группы документов до сих пор еще не в равной мере исследованы историками.

Огромным достижением является опубликование в Полном собрании сочинений В. И. Ленина документов, в которых В. И. Ленин сформулировал свою идею добровольного государственного союза суверенных и равноправных республик.

Принципиальное значение для разработки первой Конституции СССР имели решения XII съезда Коммунистической партии. Новое издание стенографического отчета XII съезда, осуществленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1968 г., включает в себя ряд ценных приложений, в частности протокол заседания Президиума XII съезда, на котором обсуждался вопрос о доведении до сведения делегатов съезда писем В. И. Ленина по вопросу об образовании СССР. Отношение членов Политбюро к указаниям В. И. Ленина отражает их письмо, также опубликованное в приложениях к стенографическому отчету¹.

Вопросами разработки Конституции СССР занимался ряд пленумов ЦК РКП(б). В восьмом издании «КПСС в резолюциях...» впервые опубликовано Постановление Пленума ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г. «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками»², основу которого составил ленинский проект образования СССР.

В изданном в 1972 г. сборнике документов «Образование Союза Советских Социалистических Республик» опубликовано извлечение из протокола Пленума ЦК РКП(б) от 18 декабря 1922 г.,

¹ «XII съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1968, стр. 821—824.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 8 (далее — «КПСС в резолюциях...»), т. 2. М., 1970, стр. 401—402.

содержащее решение по вопросу о проекте союзного Договора и о подготовке к I съезду Советов Союза ССР³. В этом сборнике также опубликован и ряд других документов, отражающих руководящую роль Коммунистической партии в процессе образования СССР, как-то: Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о подготовке к Пленуму ЦК вопроса о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик от 10 августа 1922 г., решение Оргбюро ЦК РКП(б) о создании комиссии по данному вопросу, решение Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении доклада комиссии Пленума ЦК о проекте Конституции Союза ССР от 30 ноября 1922 г.⁴ и др.

В процессе разработки первой Конституции СССР большую роль сыграло 4-е Совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, состоявшееся в июне 1923 г. Решения этого совещания получили должное освещение в советской исторической науке. В значительно меньшей мере изучается стенографический отчет совещания, являющийся библиографической редкостью⁵.

Издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина и названные выше публикации партийных документов дают возможность для более углубленного изучения истории разработки Конституции СССР 1924 г.

Недостаточно изучены исследователями материалы Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР. Несколько извлечений из протоколов Расширенной Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР, работавшей в июне 1923 г., опубликованы в сборнике документов «Образование Союза Советских Социалистических Республик»⁶.

Исследователи уделили должное внимание изучению фонда Конституционной комиссии ЦК РКП(б). В то же время фонд Комиссии ЦИК СССР изучен недостаточно. Совершенно выпали из поля внимания историков материалы Конституционных комиссий ЦИК республик, объединившихся в Союз Советских Социалистических Республик, которые не опубликованы. Между тем во всех республиках были разработаны проекты Конституции. О результатах этой работы можно в известной степени судить по принятым республиканскими съездами Советов накануне образования СССР решениям «Об основах Конституции СССР».

Ленинский проект образования СССР обсуждался на губернских и уездных съездах Советов, на широких собраниях трудящихся. Эти съезды и собрания принимали не просто решения, одобрявшие образование СССР, но и высказывали свое суждение о конституционных основах союзного государства.

³ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», Сб. документов. М., 1972, стр. 310.

⁴ Там же, стр. 295, 305.

⁵ «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 486—494.

⁶ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 411; 417—419.

Систематизируя источники первой Конституции СССР, можно прежде всего наметить, на наш взгляд, два больших комплекса:

1. Источники, содержащие формулирование принципов Конституции, которые можно рассматривать как проекты Конституции.

2. Источники, содержащие материалы обсуждения Конституции СССР на различных этапах ее разработки.

Форма источников Конституции СССР, которые мы определяем как проекты, разнообразна. Первым проектом является письмо В. И. Ленина Л. Б. Каменеву от 26 сентября 1922 г. В этом ленинском письме сформулирована сама идея создания союзного государства, предложено его название, сформулированы основные конституционные принципы объединения республик: добровольность вступления в союз, сохранение суверенитета и равноправия объединяющихся республик⁷. В данном письме В. И. Ленин сформулировал и предложения о создании общефедеральных органов власти. В. И. Ленин сам характеризовал свое письмо от 26 сентября 1922 г. как «предварительный проект»⁸. При анализе источников Конституции СССР ленинское письмо несомненно является исходным документом, так как в нем сформулирована сама идея образования СССР.

В записке В. И. Ленина Л. Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г. им был сформулирован такой важный конституционный принцип, как руководство союзными органами власти поочередно представителями республик⁹. Предполагая включить этот пункт в конституционный закон СССР, В. И. Ленин рассматривал его как одну из гарантий равноправия республик.

Дальнейшее развитие ленинский проект образования СССР получил в его знаменитом письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации»»¹⁰. В нем В. И. Ленин подчеркнул необходимость введения в СССР равноправия национальных языков и разработки кодекса гарантий равноправия республик. То обстоятельство, что В. И. Ленин сформулировал проект конституционных принципов СССР в письме и продолжал его развивать в последующих письмах на имя членов Политбюро ЦК, объясняется состоянием здоровья В. И. Ленина — он не мог принять непосредственного участия в руководстве работой Конституционных комиссий ЦК РКП(б) и участвовать в пленумах ЦК РКП(б), принимавших решения по конституционным вопросам. Решение Пленума ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г. «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками»¹¹, в основу которого был положен ленинский проект

⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 211—213.

⁸ Там же, стр. 213.

⁹ См. там же, стр. 214.

¹⁰ Там же, стр. 356—362.

¹¹ «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 401—402.

образования СССР, должно рассматриваться как источник, отражающий важную веху в истории разработки Конституции СССР.

Опубликованное впервые в сборнике документов «Образование Союза Советских Социалистических Республик» постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 30 ноября 1922 г. под названием «Основные пункты Конституции СССР»¹² является одной из первых полных редакций проекта Основного закона СССР.

Непосредственными источниками Конституции СССР, вошедшими в нее как составные части, хотя и в измененной редакции, являются Декларация и Договор об образовании СССР, принятые в основном I съездом Советов Союза ССР 30 декабря 1922 г. Для выяснения истории разработки Конституции СССР существенное значение имеет сравнительный текстологический анализ Декларации и Договора об образовании СССР, принятых I Всесоюзным съездом Советов, и первой Конституции СССР, утвержденной II съездом Советов Союза ССР в январе 1924 г. Первая Конституция Союза ССР разрабатывалась в течение первого полугодия 1923 г. Разработка ее принципов нашла отражение в таких важных документах, как резолюция XII съезда партии по национальному вопросу, решения 4-го совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, резолюции пленумов ЦК РКП(б). Эти документы являются источниками, определявшими содержание окончательного текста проекта Конституции СССР, внесенного на утверждение сначала ЦИК СССР, а затем съезда Советов СССР.

Другую группу источников для исследования истории развития Конституции составляют материалы обсуждения конституционных вопросов, как-то: стенографические отчеты XII съезда РКП(б) и 4-го Совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, стенографические отчеты съездов компартий республик и съездов Советов, протоколы конституционных комиссий ЦК РКП(б) и ЦИК СССР, письма и материалы собраний трудящихся, обсуждавших ленинский проект образования СССР. Эти источники имеют большое значение, так как они воссоздают историческую обстановку, в которой происходила разработка Конституции, характеризуют идейно-политическую борьбу по вопросам государственного строительства. Нужно отметить, что в работах советских историков и государствоведов широко использованы названные выше материалы, подробно освещены прения по вопросам Конституции, имевшие место на XII съезде партии, 4-м Совещании и на заседаниях Конституционной комиссии ЦК РКП(б). В значительно меньшей мере изучались историками материалы собраний трудящихся, их комплексное изучение все еще затруднено выборочностью публикаций.

¹² «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 306—308.

Изучение источников первой Конституции Союза ССР давно ведется в советской историографии¹³. Несомненно, основные этапы разработки Конституции СССР исследованы и дана трактовка важнейших принципов Конституции. В то же время надо отметить, что до сих пор ни один исследователь не изучил всех подготовительных материалов к Конституции и всех редакций ее проекта.

Этой цели мы не ставим себе и в данной статье. Мы ставим своей задачей на основе сопоставления ранее изученных источников с документами, опубликованными впервые главным образом в сборнике «Образование Союза Советских Социалистических Республик», а также на основе продолжения проводимого нами ранее сравнительного анализа Декларации и Договора об образовании СССР с Конституцией СССР осветить процесс разработки окончательного текста нескольких разделов и статей Конституции. Мы выделяем следующие проблемы для сравнительного текстологического анализа: 1. Разработка редакции названия Советского федеративного государства. 2. Различные редакции названия Основного закона СССР. 3. Разработка окончательной редакции статьи о верховных органах власти СССР. 4. Характеристика составных частей Конституции.

До сих пор в нашей литературе утверждалось, что «Декларация об образовании Союза ССР» вошла в Конституцию СССР без всяких изменений. Такого рода утверждение имеется и в ряде моих работ. Ниже будет показано, что эти утверждения не являются точными.

В статье осуществлен также сравнительный текстологический анализ 1-й статьи «Договора об образовании СССР», принятого в основном I Съездом Советов СССР, и 1-й статьи I главы Конституции СССР, введенной в действие 6 июля 1923 г. и утвержденной II Съездом Советов СССР в январе 1924 г., проводится также сравнительный текстологический анализ статьи о суверенных правах союзных республик в «Договоре», принятом в основном I съездом Советов СССР, и главы о суверенных правах союзных республик первой Конституции СССР.

Перейдем теперь к анализу разработки окончательной редакции названных выше пунктов.

Название Советского социалистического государства в процессе разработки Конституции подверглось уточнению. В. И. Ленин предлагал назвать союзное государство «Союз Советских Респуб-

¹³ В. И. *Игнатьев*. Возникновение и развитие Конституции Союза ССР. М.—Л., 1928; С. А. *Копляревский*. Основы советского федератизма.—«Советская федерация». Сб. статей. М.—Л., 1930; Г. С. *Гурвич*. О Советском Союзе. М., 1931; С. Л. *Ронин*. К истории Конституции СССР 1924 г. М.—Л., 1949; С. И. *Якубовская*. Строительство Союзного Советского социалистического государства в 1922—1925 годах. М., 1960; Д. Л. *Златопольский*. СССР — федеративное государство. М., 1967; В. С. *Шевцов*. Суверенитет Советского государства. М., 1972.

лик Европы и Азии»¹⁴. Впрочем В. И. Ленин подчеркивал, что это его «предварительный проект» и что он собирается его «добавлять и изменять»¹⁵.

В решении Пленума ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г. государство называлось «Союз Социалистических Советских Республик»¹⁶.

Этим Пленумом ЦК РКП(б) была создана комиссия для разработки проекта Декларации и Договора об образовании СССР. 25 ноября 1922 г. состоялось заседание подкомиссии этой комиссии. По предложению Г. В. Чичерина было решено назвать государство «Союз Советских Социалистических Республик». Однако впоследствии комиссия изменила это название¹⁷.

В документе, представленном на утверждение Политбюро ЦК РКП(б) под названием «Основные пункты Конституции Союза Советских Социалистических Республик», говорится об объединении республик в одно союзное государство под названием «Союз Социалистических Советских Республик»¹⁸. В решении же Политбюро ЦК РКП(б) от 30 ноября 1922 г. это название было уточнено и государство названо «Союз Советских Социалистических Республик»¹⁹. Это название вошло в Договор об образовании СССР, в основном принятый I съездом Советов СССР, и в первую Конституцию СССР.

Перестановка, произведенная в названии союзного государства, являлась вполне обоснованной с правовой точки зрения, так как на первом плане должно быть название власти, являющейся политической основой.

I Всесоюзный съезд Советов 30 декабря 1922 г. утвердил в основном Декларацию и Договор об образовании СССР, приняв решение передать их на дополнительное рассмотрение ЦИК союзных республик²⁰. В этом решении говорилось: «Ввиду чрезвычайной важности принятой Декларации и заключенного Договора и желательности выслушать окончательные мнения всех входящих в Союз республик о тексте настоящего Договора, передать Декларацию и Договор на дополнительное рассмотрение ЦИК союзных республик с тем, чтобы отзывы союзных республик были представлены ЦИК Союза ССР к ближайшей очередной его сессии»²¹.

В этом решении ярко проявился демократизм разработки Конституции и равноправие субъектов Советской федерации.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 211.

¹⁵ Там же, стр. 213.

¹⁶ «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 401.

¹⁷ С. И. Якубовская. Строительство Союзного Советского социалистического государства в 1922—1925 годах, стр. 161.

¹⁸ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 306.

¹⁹ Там же, стр. 305.

²⁰ Там же, стр. 379.

²¹ Там же.

Как видим, на I съезде Советов не ставился еще вопрос о принятии Конституции СССР. Этот вопрос возник в ходе доработки Декларации и Договора об образовании СССР. Решающее значение для постановки данного вопроса имели указания В. И. Ленина, сделанные им в его историческом письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации»», продиктованном 30 и 31 декабря 1922 г. В этом письме В. И. Ленин подчеркнул, что «следует оставить и укрепить союз социалистических республик»²².

В то же время В. И. Ленин указал, что нужны правовые гарантии равноправия республик, что «потребуется детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике»²³.

В ходе работ Конституционных комиссий ЦК РКП(б) и ЦИК СССР встал вопрос о том, что нужно разработать Конституцию СССР.

Против принятия Конституции возражал Х. Г. Раковский²⁴, в чем несомненно проявилась сепаратистская тенденция. М. И. Калинин отстаивал идею принятия Конституции²⁵. На первом заседании Расширенной Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР 8 июня 1923 г. было принято решение не предрешать вопроса о наименовании Основного закона Договором или Конституцией²⁶.

В результате обсуждения данного вопроса в комиссиях ЦК РКП(б) и ЦИК СССР, а также на июньском Пленуме ЦК РКП(б) 1923 г. было решено Основной закон союзного государства именовать не Договором, а Конституцией СССР. В решении Расширенной Конституционной комиссии ЦИК СССР, принятом 16 июня 1923 г., говорилось: «Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик составляет Основной закон — Конституцию Союза Советских Социалистических Республик»²⁷.

Принятие в качестве Основного закона не Договора, а Конституции укрепляло государственное единство союзного государства.

Большая подготовительная работа была проведена по выработке окончательного текста статьи о верховных органах власти Союза ССР. В первоначальном проекте Договора об образовании СССР, разработанном И. В. Сталиным, говорилось, что верховным органом власти в СССР будет только союзный ЦИК, сформированный на основе пропорционального представительства от союзных республик²⁸. Этот проект Договора подвергся критике со стороны

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 360.

²³ Там же, стр. 361.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 1, д. 25, л. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 411.

²⁷ Там же, стр. 419.

²⁸ Там же, стр. 299.

председателя ВЦИК М. И. Калинина. В записке И. В. Сталину М. И. Калинин писал: «Уважаемый Иосиф Виссарионович. В Вашем проекте совершенно нарушен демократический принцип, своими поправками я стремлюсь его восстановить... Пункт 2-й редактировать так: «высшим органом Союзных Республик считать съезд Советов объединяющихся федераций, на котором избирается «Федеративный ЦИК»...»»²⁹

Предложение М. И. Калинина было принято ЦК РКП(б). В приложении к протоколу заседания Политбюро ЦК от 30 ноября 1922 г. «Основные пункты Конституции Союза Советских Социалистических Республик» было записано: «Съезд Советов Союза ССР, а в промежутках между съездами, ЦИК СССР является высшей властью СССР. В съезде Советов и в ЦИК СССР договаривающиеся республики представлены пропорционально населению при гарантиях прав меньшинств»³⁰.

В Договоре об образовании СССР, принятом I съездом Советов СССР, предусматривалось создание однопалатного ЦИК³¹. В связи с пожеланиями В. И. Ленина, высказанными им в письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации»», об укреплении гарантии охраны прав наций встал вопрос о создании в составе ЦИК специального органа, охраняющего специфические интересы национальностей.

В решении Пленума ЦК РКП(б), состоявшегося в феврале 1923 г., было признано необходимым создание ЦИК СССР в составе двух палат³².

Конституционные комиссии ЦК РКП(б), ЦИК СССР приняли решение о создании в ЦИК двух палат: Союзного Совета и Совета Национальностей.

По вопросу о формировании Совета Национальностей имел место спор принципиального значения. Х. Г. Раковский и другие представители Украинской ССР в Конституционных комиссиях и на XII съезде РКП(б) настаивали на том, чтобы в состав Совета Национальностей входили представители только союзных республик³³. В этом проявилась недооценка прав автономий, прав малых наций. XII съезд РКП(б) и 4-е Совецание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в своих решениях подчеркнули, что в состав Совета Национальностей должны входить не только представители союзных республик, но и представители автономных республик и автономных областей³⁴.

²⁹ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 300.

³⁰ Там же, стр. 306.

³¹ Там же, стр. 382.

³² См. С. И. Якубовская. Строительство Союзного Советского социалистического государства в 1922—1925 годах, стр. 198—199.

³³ Там же, стр. 202, 230.

³⁴ «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 440—441, 490.

В окончательном тексте Конституции СССР, утвержденной II съездом Советов СССР в январе 1924 г., союзный ЦИК был сформирован из двух равноправных палат: Союзного Совета и Совета Национальностей, состоящего из представителей союзных республик, автономных республик и автономных областей³⁵.

Характеризуя историю разработки первой Конституции СССР, необходимо осуществить сравнительный анализ Декларации и Договора об образовании СССР с текстом Конституции. Декларация об образовании СССР вошла в Конституцию без последнего пункта, имевшегося в Декларации, принятой на I съезде Советов СССР³⁶. В нем говорилось: «Заявляя обо всем этом перед всем миром и торжественно провозглашая незыблемость основ Советской власти, нашедших свое выражение в Конституциях уполномочивших нас социалистических советских республик, мы, делегаты этих республик, на основании данных нам полномочий, постановляем подписать договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик»³⁷. Отсутствие данного пункта в Конституции СССР вполне понятно, так как речь шла уже не о Договоре, а именно о Конституции.

Договор, принятый I съездом Советов СССР, подвергся существенным изменениям в Конституции СССР. В Договоре, принятом I съездом, было 26 статей³⁸, а в Договоре, вошедшем в первую Конституцию СССР, было 72 статьи³⁹.

Значительному изменению и уточнению подверглась 1-я статья Договора, определявшая компетенцию союзных органов власти. В Договоре, принятом I съездом Советов СССР, была одна статья по данному вопросу, содержащая 22 пункта, в Договоре, вошедшем в Конституцию, компетенции союзных органов власти была посвящена глава, состоящая из двух статей. 1-я статья состояла из 23 пунктов, 2-я статья гласила, что «утверждение и изменение основных начал настоящей Конституции подлежит исключительному ведению съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик»⁴⁰.

Дополнительный пункт, включенный в 1-ю статью I главы гласил, что ведению Союза подлежит разрешение «спорных вопросов, возникающих между союзными республиками»⁴¹.

Значительно изменилась и редакция некоторых пунктов 1-й статьи. Представление об этом может дать следующий сравнительный текстологический анализ.

³⁵ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 461.

³⁶ Там же, стр. 381, 459.

³⁷ Там же, стр. 381.

³⁸ Там же, стр. 381—386.

³⁹ Там же, стр. 459—472.

⁴⁰ Там же, стр. 460.

⁴¹ Там же.

Договор,
принятый I съездом Советов СССР,
1-я статья

- I. Ведению Союза Советских Социалистических Республик, в лице его верховных органов, подлежат:
- ...ж) Установление систем внешней и внутренней торговли.
  - з) Установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, а также заключение концессионных договоров.
  - и) Регулирование транспортного и почтово-телеграфного дела.
  - л) Утверждение единого государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик, установление монетной, денежной и кредитной системы, а также системы общесоюзных, республиканских и местных налогов.

Конституция СССР
I глава, 1-я статья

- I. Ведению Союза Советских Социалистических Республик, в лице его верховных органов, подлежат:
- ...ж) Руководство внешней торговлей и установление системы внутренней торговли.
  - з) Установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров как общесоюзных, так и от имени союзных республик.
  - и) Руководство транспортным и почтово-телеграфным делом.
  - л) Утверждение единого государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик, в состав которого входят бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчисление от них и надбавок к ним, поступающих на образование бюджетов союзных республик; разрешение дополнительных налогов и сборов на образование бюджетов союзных республик⁴².

Как видим, в данных пунктах 1-й статьи Конституции права Союза и его верховных органов власти были расширены и уточнены. Следует отметить, что пожелания о расширении прав союзных органов в отдельных сферах власти выражались в отдельных постановлениях губернских съездов республик и съездов Советов союзных республик. Так, в решении VII съезда Советов Харьковской губернии говорилось: «...съезд считает правильной мысль о создании Союза Социалистических Республик, объединенному правительству которых должны быть подчинены и по его директивам работающие главнейшие наркоматы...»⁴³

В постановлении VII съезда Советов Украинской ССР «Об основах Конституции СССР» говорилось, что ведению Союза и его верховных органов должно подлежать «Установление основ и об-

⁴² «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 381—382, 462.

⁴³ Там же, стр. 327.

щего плана всего народного хозяйства Союза, а равно утверждение концессионных договоров»⁴⁴. Таким образом, УССР высказывалась за общесоюзный план. Аналогичные мнения высказывались на собраниях трудящихся Азербайджанской ССР. Постановление VII съезда Советов УССР предусматривало создание единого государственного бюджета СССР⁴⁵. Аналогичные пункты были и в постановлении IV съезда Советов Белорусской ССР об «Основных пунктах Конституции СССР»⁴⁶.

I глава Конституции фиксировала предметы ведения Союза и его верховных органов власти. В Конституции СССР были главы, посвященные определению компетенции съезда Советов СССР, ЦИК СССР и его Президиума, Совнаркома СССР, Верховного Суда СССР, народных комиссариатов СССР, сфере компетенции органов власти союзных республик.

В разработке всех глав Конституции активное участие приняли представители всех союзных республик. Так, глава о Президиуме ЦИК была принята в редакции, предложенной представителями Белорусской ССР⁴⁷.

Активное участие приняли представители республик в разработке главы о суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве.

В Договоре об образовании СССР, в основном утвержденном I съездом Советов СССР, суверенитету союзных республик была посвящена лишь одна статья (26-я), которая гласила, что «за каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза»⁴⁸.

В Конституции СССР суверенным правам союзных республик была посвящена II глава Конституции. Активную роль в разработке данной главы играли представители Украинской ССР. Состоявшийся в июне 1923 г. Пленум РКП(б) своим постановлением усилил гарантию суверенных прав союзных республик, подчеркнув, что в Конституцию должен быть внесен пункт о том, что для отмены статьи о праве выхода из СССР требуется согласие всех республик⁴⁹.

Глава о суверенных правах союзных республик и союзном гражданстве состояла из семи статей. В 1-й статье II главы (3-я статья Конституции) фиксировалось, что вне пределов, отнесенных к ведению Союза ССР, «каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно. Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик»⁵⁰.

⁴⁴ Там же, стр. 347.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 367.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 1, д. 8, л. 15.

⁴⁸ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 386.

⁴⁹ См. С. И. Якубовская. Странительство Союзного Советского социалистического государства в 1922—1925 гг., стр. 242.

⁵⁰ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 460.

В следующей статье говорилось о праве выхода из Союза⁵¹. В качестве суверенного права одна из статей предусматривала наличие конституций у союзных республик⁵². Специальная статья оговаривала, что территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия и что для отмены статьи о праве выхода требуется согласие всех союзных республик⁵³. Для граждан всех союзных республик устанавливалось единое союзное гражданство. В то же время в главу о суверенных правах союзных республик была включена статья об ограничении суверенитета союзных республик. В этой статье говорилось: «суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза»⁵⁴. Трактовка суверенитета республик как ограниченного сложилась под влиянием высказываний И. В. Сталина. И. В. Сталин ввел понятие «потенциального и ограниченного суверенитета»⁵⁵. В настоящее время ряд советских государствоведов и историков отмечают неточность этой формулировки, так как суверенитет по самому смыслу этого понятия не может быть ограничен. Суверенитет союзных республик органически связан с союзным суверенитетом. В современных работах справедливо отмечается, что следует говорить не об ограничении суверенитета союзных республик, а о разделении сферы компетенции республиканских и союзных органов власти⁵⁶.

Проведенный нами краткий сравнительный анализ свидетельствует о том, какое большое значение имеет изучение разработки окончательного текста Конституции.

Мы осветили лишь этапы разработки окончательного текста нескольких статей Конституции. Уже на основании этого изучения можно сформулировать вывод о характере подготовки Основного закона СССР как результате коллективного творчества, раскрыть историческое значение руководства В. И. Ленина и ЦК РКП(б) в истории создания Конституции и проследить на примере эволюции редакций статей, подвергнутых источниковедческому анализу, развитие принципов демократического централизма и гарантий равноправия и суверенности республик.

⁵¹ «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 460.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *И. В. Сталин*. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937, стр. 115.

⁵⁶ *Д. Л. Златопольский*. СССР — федеративное государство. М., 1967, стр. 208; *В. С. Шевцов*. Суверенитет Советского государства. М., 1972, стр. 203—206; *С. И. Якубовская*. Развитие СССР как союзного государства. М., 1972, стр. 34—35.

О МЕТОДИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ В НЕКОТОРЫХ ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА¹

А. А. Воронцовая, Б. Г. Литвак

Историография истории советского рабочего класса за последние годы достигла очевидных успехов. В 1967 г. была проведена по существу первая научная сессия, специально посвященная рассмотрению важнейших проблем историографии рабочего класса СССР. Ее материалы были опубликованы в 1970 г.² Синтез важнейших итогов исследования данной проблемы содержится и в других книгах³. Однако до сих пор почти во всех историографических работах отсутствует источниковедческий аспект рассмотрения этой проблемы. Например, В. С. Лельчук, уделивший значительное место источниковедческому анализу в своей статье «К изучению вопроса о численности рабочего класса СССР»⁴, во введении и в соответствующих главах, написанных им в коллективном труде «Строительство социализма в СССР. Историографический очерк», не рассматривает источниковедческий уровень изученных работ, ограничиваясь только указанием, что в работах, посвященных отдельным районам, «к сожалению, сведения... недостаточно полны, часто противоречат друг другу, и это надо иметь в виду при ознакомлении с подобного рода работами»⁵.

Судя по статье Л. И. Савицкой «Некоторые вопросы историографического исследования советского рабочего класса»⁶, сами историографы пришли к заключению, что выяснение источниковедческих приемов исследователя — важный компонент историографической оценки тех или иных работ. Такое понимание важности источниковедческого аспекта исследований складывалось постепенно.

¹ Статья представляет собой переработанный текст доклада авторов, прочитанного в Институте истории СССР в 1971 г.

² «Вопросы историографии рабочего класса СССР». Сб. статей. М., 1970.

³ См., например, отдельные главы работы Л. М. Зак, В. С. Лельчука и В. И. Погудина («Строительство социализма в СССР. Историографический очерк». М., 1971).

⁴ «Вопросы историографии рабочего класса СССР», стр. 196—214.

⁵ «Строительство социализма в СССР. Историографический очерк», стр. 210.

⁶ «Вестник Ленинградского университета», 1969, № 14, вып. 3.

Даже в сборнике статей «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР», изданном в 1962 г. Ленинградским университетом, в котором авторский коллектив обещал осветить «основные проблемы историографии и источниковедения по истории советского рабочего класса», в историографических очерках очень слаб анализ источников, а в источниковедческих статьях не вскрывается его влияние на конечные исследовательские результаты. В коллективной статье «Краткий обзор литературы по истории рабочего класса СССР (1917—1960)» источниковедческому анализу уделено мало внимания. Так, о сборнике документов «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)» сказано, что он может оказать «несомненную помощь исследователю»⁷. Вряд ли этой мыслью можно заменить источниковедческую характеристику. Гораздо более подробно сказано о книге А. Г. Рашина «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР»⁸, но авторы вовсе не коснулись вопроса о том, как первоклассный материал выборочной переписи ВЦСПС в апреле-мае 1929 г., послуживший основой для статистических выкладок одного из лучших советских статистиков-демографов, был использован в последующее время. Вопрос об источниковедческом влиянии этого труда на последующую литературу вовсе не затрагивается.

Однако в упомянутом выше сборнике имеется ряд ценных источниковедческих статей. Обзор материалов ленинградских архивов по истории рабочего класса, данный Ю. С. Токаревым, интересен прежде всего тем, что последний определяет источниковую базу изучения истории рабочего класса СССР. Независимо от того, насколько удачна авторская трактовка понятия «история рабочего класса», сам факт соотнесения источниковой базы с целями исследования очень примечателен, так как он является исходным моментом источниковедческой критики.

Касаясь вопросов группировки материалов, Ю. С. Токарев высказывает следующее суждение: советские документы «в своей подавляющей массе правильно, без искажений отражают общественные отношения современной действительности. При таких условиях вид документа не имеет существенного значения для критики его по содержанию»⁹. Но ведь совершенно очевидно, что вид документа накладывает свой отпечаток на содержание. Достаточно только назвать такие виды, как план и отчет, стенограмма и протокольная записка, докладная записка и резолюция, чтобы понять, как сама форма документа предопределяет не только полноту содержания, но и возможность его интерпретации. Однако

⁷ «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР». Л., 1962, стр. 17.

⁸ А. Г. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930.

⁹ «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР», стр. 92.

при этих недочетах статья Ю. С. Токарева привлекает внимание к источниковедческим вопросам проблемы.

В одной из статей последнего времени вопросы источниковедения затронуты с совершенно неожиданной стороны: «По истории советских рабочих имеется такое обилие источников,— пишет ее автор О. И. Шкаратан,— что... возникает проблема самоограничения автора в потреблении источников, их отбора и статистико-математической обработки»¹⁰. И тут же предлагается метод этого самоограничения. Автор ссылается на В. И. Ленина, который предлагал типологическую выборку худших и лучших предприятий для оперативного обследования. Ленинская методика предусматривает знание примерного состояния предприятий, тогда их тип можно априорно определить. Эта методика по праву широко применяется в конкретных социальных обследованиях. Но как *историк*, приступающий к изучению материала, на основании которого он сделает свою типологическую группировку, может заранее определить этот тип?

Нечеткость источниковедческих позиций О. И. Шкаратана проявляется в определении понятия источника по данной теме. «Совершенно очевидно,— пишет он,— что, как правило, конкретно-экономическая и конкретно-социологическая литература — предмет источниковедения, а не историографии»¹¹. Допустим, что оговорка «как правило» сделана для работ С. Г. Струмилина и некоторых других, содержащих важные обобщения теоретического характера, но на той же странице мы читаем: «...этапные, определившие постановку того или иного вопроса в исторической литературе, конкретные экономические и социологические и даже (в исключительных случаях) публицистические труды должны быть включены, по нашему мнению, в научную историографию советского рабочего класса». Следовательно, все то, что не представляет историографической ценности, приобретает ценность источниковедческую, и наоборот. Эта расплывчатость критерия при определении источника приводит автора к некоторым спорным историографическим выводам.

Автор полемизирует с В. З. Дробижевым, отметившим более высокий уровень тех работ, в которых исследуется состав рабочего класса, по сравнению с теми, где изучается социалистическое соревнование. В. З. Дробижев назвал причину этого различия — слабую источниковедческую и методическую оснащенность последних¹². В отличие от В. З. Дробижева О. И. Шкаратан, расчлняя предмет изучения рабочего класса как субъекта и объ-

¹⁰ О. И. Шкаратан. Методологические аспекты изучения советского рабочего класса.— «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 14.

¹¹ Там же, стр. 8.

¹² В. З. Дробижев. О некоторых недостатках методики изучения политической и трудовой деятельности рабочего класса СССР в годы борьбы за построение социализма.— «Вестник Московского университета», серия IX, история, 1964, № 5, стр. 12—21.

екта исторического процесса, полагает, что исследование рабочего класса как субъекта исторического процесса сложнее. На наш взгляд, при изучении состава рабочего класса исследователь вольно или невольно, сознательно или интуитивно может опираться на факты, добытые и выверенные давно сложившейся методикой статистики, а при изучении той стороны жизни рабочего класса, которую О. И. Шкаратан подразумевает под понятием «субъект», в научный оборот включается иногда не выверенный круг источников, еще не отработана во всех деталях методика их изучения. О. И. Шкаратан полагает, что одной из непреодоленных еще болезней «современного исторического знания о рабочем классе» является фактография, в то время как «целью любой работы является не сбор фактов, а выявление существа процессов, разработка концепций»¹³. Но, к сожалению, диагноз установлен неточно: скрупулезное, добросовестное изучение источников с целью установления достоверных фактов и их систематизации далеко не завершено. Как свидетельствует В. З. Дробижев, по отдельным вопросам изучения рабочего класса как субъекта (например, трудового героизма) такой фактографии еще нет. Невольно об этом же свидетельствует и сам О. И. Шкаратан, когда пишет: «После многолетнего документального «голодания»... стихийное увлечение сбором фактов было, видимо, неизбежным»¹⁴. Очевидно, что при «стихийном увлечении» научный сбор и систематизация фактов находились в самом зародышевом состоянии. Можно ли утверждать, что на основании такого фундамента «пришло уже время делать следующий шаг в сторону больших обобщений»¹⁵? Не разумнее ли его сделать, предварительно проверив источниковедческие истоки фактологического фундамента? Статья В. З. Дробижева, где приведено большое число порой курьезных фактов источниковедческой беспомощности отдельных исследователей, а также статья С. Ф. Найды и Д. Я. Фрейлихера «Проблемы роста культурно-технического уровня рабочего класса СССР в советской историографии»¹⁶ свидетельствуют о необходимости такой проверки.

В статье С. Ф. Найды и Д. Я. Фрейлихера, историографической по своему характеру, есть и интересные источниковедческие наблюдения. Так, например, авторы подсчитали, что с 1917 по 1956 г. вышло 60 работ о росте культурно-технического уровня советского рабочего класса, а с 1957 по 1967 г. уже 206 работ¹⁷⁻¹⁸. Однако многим из этих работ были свойственны существенные недостатки источниковедческого характера.

¹³ О. И. Шкаратан. Методологические аспекты изучения советского рабочего класса, стр. 13.

¹⁴ Там же, стр. 15.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Вопросы истории», 1969, № 12.

¹⁷⁻¹⁸ Там же, стр. 147.

Все сказанное говорит о неотложной необходимости разработки методики источниковедения истории рабочего класса СССР.

Авторы настоящей статьи делают попытку проанализировать источниковедческий опыт, накопленный при изучении истории советского рабочего класса. Для выполнения этой задачи нам казалось целесообразным рассмотреть монографии или коллективные работы, посвященные истории рабочего класса в период первой пятилетки, так как он не только представляет большой научный интерес, но и лучше всего освещен в документальных публикациях. Мы избрали работы, показывающие историю трех отрядов рабочего класса: рабочих Ленинграда, Украины и Сибири¹⁹. Это даст возможность проследить различие в подходе к изучению проблемы, которое естественно вытекает из особенностей (исторических, профессиональных, социально-психологических, национальных), отличающих данные отряды рабочего класса.

Названные работы получили отклик в печати²⁰, и в нашу задачу не входит их подробный разбор. Однако важно напомнить, что работы признаны серьезными трудами, основанными на широком документальном и статистическом материале, значительно расширяющими наши знания истории названных отрядов рабочего класса СССР. Следовательно, источниковедческий опыт, накопленный в данных трудах, в основном отражает общий уровень исследований.

Попытаемся выяснить, на каких материалах и какими приемами исследуется процесс изменения в составе, уровне культуры и благосостояния рабочих Ленинграда в годы первой пятилетки в первом из выбранных нами трудов. Поскольку невозможно обойтись без статистики при разработке подобных вопросов, в частности без построения статистических рядов, отражающих динамику, то на это мы и обратили особое внимание. Построение статистического ряда допустимо только в том случае, когда известна методика получения данных, включенных в ряд. Между тем в книге таких сведений нет, а каждая цифра статистического ряда берется из различных источников, происхождение которых не выяснено. Так, сначала устанавливается, что к 1932 г. в ценовой промышленности Ленинграда числилось 532 тыс. рабочих²¹, затем сообщается, что «в 1934—1937 гг. в Ленинграде численность рабочих в ценовой промышленности продолжала расти. Она составляла (вместе с учениками) в 1934 г.— 482 385, в 1935 г.— 504 390,

¹⁹ «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937». Л., 1965; А. Б. Слуцкий. Рабочий класс Украины в борьбе за создание фундамента социалистической экономики. Киев, 1963; А. С. Московский. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968.

²⁰ См. рецензии В. Ф. Финогенова («Вопросы истории КПСС», 1966, № 7), В. Н. Довгопола («Вопросы истории», 1964, № 8), З. К. Звездина («История СССР», 1964, № 2), В. З. Дробжева («Вопросы истории», 1969, № 8).

²¹ «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937», стр. 149.

в 1936 г. — 539 999, в 1937 г. — 582 800»²². Из этих данных видно, что с 1931 по 1936 г. никакого численного роста рабочего класса не было, вопреки утверждениям автора главы — В. И. Селицкого. Правда, он указывает, что в 1934 г. по сравнению с 1932 г. произошло уменьшение числа рабочих, и ссылается на Рашина, который утверждал, что это явление — общее для страны. Но автор не отмечает, что уменьшение числа рабочих характерно и для 1935 г., что даже 1936 год дает минимальный рост численности рабочих к началу 1932 г. — 8 тыс., но зато в 1937 г. — резкий скачок прироста. Такая скачкообразность должна была бы вызвать осторожный подход к приводимым цифрам, стремление их проверить. Оказывается, что данные по 1932 г. взяты из одного источника²³, а за 1934—1937 гг. — из другого²⁴. Конечно, авторитет этих изданий высокий, но это не статистические первоисточники, возникшие в результате деятельности Бюро статистики труда, издания которого, как известно, выходили до 1939 г. Документы Бюро статистики труда, сохранились в фонде Губпрофсовета и содержат ряд весьма ценных сведений для статистики численности рабочих²⁵. Однако автор пользуется данными, достоверность которых не пытается проверить. Отметим, что в этой же книге О. И. Шкаратаи, исследуя тот же вопрос за 20-е годы, пользуется исключительно материалами названного фонда, раскрывая приемы обработки цифрового материала. Он, например, объясняет принципы интерполяции используемых им данных для сравнительного анализа степени связи с землей рабочих Ленинграда и всего Союза. По полученным исследователем процентным отношениям выясняется, что в 1926 г. среди металлистов Ленинграда было связано с землей 12,4% (по стране 18,8%), а среди текстильщиков — только 4,3% (по стране — 13,3%)²⁶. Когда же автор четвертой главы А. Р. Дзенискевич касается того же вопроса о связи с землей ленинградских рабочих в период первой пятилетки, то он ограничивается простой ссылкой на архив, сообщая о наличии связи с землей у 17% рабочих Ленинграда²⁷. Совершенно очевидно, что следовало тщательно проверить этот показатель и в случае его достоверности объяснить тенденцию роста удельного веса рабочих, связанных с землей, среди рабочего класса Ленинграда в годы первой пятилетки.

Материалы, привлеченные для качественной характеристики рабочих в период первой пятилетки, также очень разнохарактер-

²² «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937», стр. 292.

²³ «XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по городу Ленинграду и Ленинградской области». Л., 1932, таблицы, стр. 74.

²⁴ «Ленинград и Ленинградская область за XX лет Советской власти». Л., 1937, стр. 15.

²⁵ ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 110, д. 1; оп. 112, д. 6 и др.

²⁶ «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937», стр. 35—36.

²⁷ Там же, стр. 153.

ны. Показывая бурный количественный рост рабочего класса и понимая, что он влиял на снижение качественного состава рабочих Ленинграда, А. Р. Дзенискевич говорит о мероприятиях по воспитанию рабочих — о помощи старых кадровиков новичкам, о повышении квалификации рабочих, о товарищеских судах²⁸. Однако этот иллюстративный материал явно недостаточен для подтверждения его вывода: «Итак, важным результатом бурного развития промышленности в годы первой пятилетки были два параллельных процесса — количественный и *качественный* рост рабочих Ленинграда»²⁹. Этот вывод выглядит еще более неожиданным, если сопоставить с ним сведения о квалификации рабочих на 1929 и 1931 гг. В 1929 г. среди рабочих металлической и электропромышленности квалифицированных было 23,2%, в 1931 г. — 18,6%; полуквалифицированных соответственно — 43,2 и 40%, неквалифицированных — 33,6 и 41,4%³⁰. Перед нами факт явной источниковедческой небрежности, так как авторский вывод не только противоречит приведенным цифрам, но и тому, что сказано им же в другом месте: «В 1931 г. процент квалифицированных рабочих снизился по всем основным отраслям ленинградской промышленности»³¹.

Нам представляется, что поверхностное ознакомление с источниками, отсутствие четкого представления о том, какие источники искать и что в них искать, лишило А. Р. Дзенискевич возможности выяснить степень быстроты превращения рабочих-новичков в кадровых рабочих под влиянием тех присущих ленинградским рабочим особенностей, которые сложились исторически — высокого уровня квалификации и революционных традиций.

Между тем эти проблемы — чрезвычайно важны для всей книги.

В книге видное место должно было быть уделено изучению вопроса о том, почему именно Ленинград оказался застрельщиком в социалистическом соревновании. Уже одна попытка такого объяснения сразу выявила бы качественные особенности ленинградского отряда рабочего класса.

При характеристике социалистического соревнования в Ленинграде используются различные источники: всевозможные отчеты, материал газет. На их основе даются и количественные характеристики. Разрозненные сведения приводятся и по 1931 г.³² В главе даже нет намека на существование карточек статистической отчетности о социалистическом соревновании за 12 месяцев 1931 г.³³, обработка которых дала бы возможность выявить

²⁸ Там же, стр. 157.

²⁹ Там же, стр. 158 (курсив наш. — А. В. и Б. Л.).

³⁰ Там же, стр. 153.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 218—223.

³³ ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 110, д. 10.

не только количественные, но и качественные характеристики участников соревнования. В этих карточках указаны партийность рабочих, ход сдачи общественного и государственного технического экзамена.

Источниковедческую «облегченность», если можно так выразиться, исследования отдельных вопросов социалистического соревнования в разбираемой книге раскрывает сравнение ее материалов и сборника документов «Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки (1928—1932)», вышедшего в Ленинграде в 1961 г., т. е. сборника, который не мог не быть известным авторам коллективной работы.

Вот как освещается в этих двух книгах такой немаловажный вопрос, как возникновение и работа комсомольских ударных бригад и их количество: в коллективной работе говорится, что только в Московско-Нарвском районе было 53 ударные комсомольские бригады и 43 инициативные группы, а в документальном сборнике — больше 100³⁴. В исследовании говорится, что эти бригады возникли на заводе «Знамя Труда», а в сборнике перечислены десятки предприятий, где возникли подобные бригады.

Можно было ожидать, что знаменитое обращение «Красного выборжца» будет всесторонне проанализировано как исторический источник. Между тем мы находим здесь чисто информационное сообщение³⁵. Когда же читаешь документ в публикации³⁶, то не можешь отрешиться от явно ощущаемой многослойности документа. Вначале «Красный выборжец» обращается к родственникам ему предприятиям (тульские медеобрабатывающие, Московский электrolитический), а затем ко всем предприятиям промышленности цветных металлов, вызывая их на соревнование. После этого следует обращение к различным и по характеру и по значению предприятиям. Для читателя выбор этот кажется случайным, так как в обращении он не аргументирован. Именно исследователи должны были объяснить, почему в список попали вторая Серпуховская ситценабивная фабрика, Днепропетровский вагонный завод, а не какие-либо другие предприятия. Поскольку в заключении документа содержится обращение ко всем предприятиям Советского Союза, объяснение наличия в документе предварительного обращения к конкретным предприятиям приобретает особый смысл. Ведь речь идет о важном документе — обращении «Красного выборжца» в постановлении ЦК ВКП(б) названо «перекличкой «Красного выборжца» и Каменской бумажной фабрики»³⁷.

³⁴ Ср. «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937», стр. 192; «Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки (1928—1932)». Л., 1961, стр. 39 (док. № 15).

³⁵ «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937», стр. 195.

³⁶ «Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки (1928—1932)», стр. 53 (док. № 22).

³⁷ Там же, док. № 33.

Следовательно, анализ текста был обязательным условием правильной оценки исторической роли этого документа.

Отметим, что и текст призыва рабочего П. Слободчикова от 9 июля 1929 г. о проведении Дня индустриализации также не подвергся анализу. Между тем в нем имеется следующее предложение: «Нэпманов и кулаков в День индустриализации нужно обложить специальным налогом в размере однодневного дохода. Все строения городов должны внести доход одного дня в фонд индустриализации»³⁸. Это предложение никак не комментируется в исследовании. Авторы просто о нем не упомянули, хотя оно очень характерно для выявления общегосударственного подхвата рабочего к своему делу.

Не менее поучителен и опыт изучения достижений соревнующихся. В книге «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937» автор главы «Трудовой подъем масс» Я. М. Дахия рассказывает о достижениях «Красного путиловца», ссылаясь на материал своей статьи, написанной в 1954 г. В ней автором был использован обзор обкома профсоюза металлистов, который в сборнике документов помещен под № 42. Расширяя материал главы, Я. М. Дахия, используя сведения об ударнике Калинишеве из того же обзора, опускает очень важные сведения. В док. № 42 читаем: «Что мешает развитию соревнования? Основной тормоз в социалистическом соревновании — недостаток материала, инструмента, неплановость и упущения со стороны адм.-тех. персонала отделов и заводоуправления» и далее говорится о 16 тыс. часов простоя на «Красном путиловце» из-за этих причин только за один квартал. Документ сообщает, что «Красному выборжпу» несколько ленточных пил доставили самолетом из Германии, но «сейчас снова катастрофическое положение»³⁹. Эти трудности и недостатки не получили должной оценки в авторском выводе⁴⁰.

Наконец, отметим, что в коллективном труде итоги «Дня индустриализации» 6 августа подводятся по газетным заметкам того времени⁴¹, хотя в сборнике документов имеются подробные сводные данные (док. 51—53).

Таковы замеченные источниковедческие промахи рассмотренной пятой главы книги «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм».

Интересно проследить, как анализируются источники по истории социалистического соревнования в работе А. Б. Слущкого «Рабочий класс Украины в борьбе за создание фундамента социалистической экономики».

По истории начального периода социалистического соревнования А. Б. Слущкий собрал огромный материал, но, к сожалению, почти его не анализирует. Причем из источника берется далеко

³⁸ Там же, док. № 44.

³⁹ Там же, стр. 83—84, док. № 42 и др.

⁴⁰ «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937», стр. 198.

⁴¹ Там же, стр. 200.

не вся информация, которая содержится в нем. Так, например, факт заключения договора о социалистическом соревновании шахтерами Северо-Краснознаменного рудника «Артемугольтреста» в декабре 1928 г. по инициативе двух забойщиков — рабкоров Дудкина и Иванова просто описывается⁴², здесь нет анализа документа столь важного содержания. А. Б. Слуцкий пишет: «В начальный период развертывания социалистического соревнования договоры, заключаемые соревнующимися предприятиями, в ряде случаев носили декларативный характер. Обязательства не были конкретными, а это осложняло контроль за их выполнением». «В дальнейшем... — сообщает автор, — эти недостатки устранены»⁴³. Но что собой представляли конкретные обязательства? Это можно выяснить, только проведя источниковедческий анализ этих договоров. Но его нет — есть рассказ, и неплохой, о результативности соревнования. Много и интересно говорится о Луганском паровозостроительном заводе им. Октябрьской революции. Автор рассказывает, что в июле 1929 г. на заводе назрела опасность срыва плана, но соревнование выручило⁴⁴. Однако и в данном случае отсутствует анализ текста договоров, между тем в договорах фиксировались различные уровни соревнования. Приведем только один пример из истории соревнования на том же Луганском паровозостроительном заводе. В сборнике документов «Промышленность и рабочий класс Украинской ССР в период построения фундамента социалистической экономики» (Киев, 1966) опубликованы «Обязательства ударных бригад Луганского паровозостроительного завода им. Октябрьской революции по снижению себестоимости продукции» (апрель 1929 г.). Ударные бригады молодых слесарей «инструментальный и на малых шепингах» (так в тексте. — А. В. и Б. Л.) обязуются: «Начинать работу сейчас же после третьего гудка, мыть руки не раньше, чем за пять минут до гудка, не тратить рабочего времени на посторонние разговоры. Внимательно относиться к станку и инструменту. Ежедневно, по окончании работ, вычистить и смазать станок, а в субботу тщательно вычистить, протереть и смазать станок. Уменьшить брак. Изжить прогулы по неуважительным причинам» (док. № 66). Что означают эти обязательства? Научиться элементарной культуре труда. Это, очевидно, был самый низший, но самый массовый уровень соцсоревнования. Именно с этого начинался культурный рост рабочего. Но такие моменты можно выявить, углубляя источниковедческий анализ документов о соцсоревновании.

Анализируя статистику соцсоревнования, В. З. Дробижев и В. С. Лельчук писали: «Иногда в одну группу объединялись и те, кто действительно был ударником, и те, кто обязывался не

⁴² «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937», стр. 137.

⁴³ А. Б. Слуцкий. Указ. соч., стр. 137.

⁴⁴ Там же, стр. 141—142.

опаздывать на работу»⁴⁵. Речь идет о формальном исчислении участников без определения качественных сторон социалистического соревнования.

Подобный подход, к сожалению, есть и в исследовании А. Б. Слуцкого. Конечно же, если провести простое сравнение текста названного документа с документом № 70 в том же сборнике, можно сразу выявить качественные характеристики соревнования и его эффективности. Соревнующаяся бригада слесарей «инструментальной» за апрель дала 176% плана, «в то время как до этого среди слесарей шли разговоры о необходимости пересмотра норм». Бригада «на шепингах» сохранила старую выработку «ввиду общей недогрузки цеха», но «прогулов и опозданий нет... отношение к станку значительно улучшилось... работу начинают и кончают вовремя»⁴⁶. Следовательно, борьба за овладение только начальными элементами культуры производства уже дала положительный эффект.

Облегченное объяснение А. Б. Слуцким проблемы «производственных коммун», возникших в 1929—1930 гг., — также результат отсутствия анализа источников. Он пишет: «Наряду с распространением массового социалистического соревнования в 1930 г. возникло не соответствующее материально-технической базе народного хозяйства и уровню политической сознательности рабочих масс движение за организацию производственных коллективов и коммун»⁴⁷. Таким образом, уже без анализа фактов все ясно. Дальше, однако, характеризуются три типа коммун и снова вывод: «в коммуны и производственные коллективы вступали малоквалифицированные рабочие» со ссылкой в качестве примера на Харьковской паровозостроительный завод (ХПЗ), а затем говорится, что «весной 1930 г. производственные коммуны и коллективы распались»⁴⁸.

Обратимся к документам. В материалах обследования ВЦСПС (июль 1930 г.) сообщается о производственных коммунах в Харькове. Первые коммуны на шести обследованных ВЦСПС предприятиях (в них числилось 27 679 рабочих) начали создаваться в ноябре 1929 г., к этому времени действовали 76 коммун с 608 рабочими, из которых 143 человека — члены партии и ВЛКСМ. Выясняется, что эти люди искали новые формы организации социалистического труда, их опыт никто не обобщал и ими не интересовались, но констатируется, что «выработка коммуны по сравнению с индивидуальной выработкой увеличилась», и да-

⁴⁵ «Очерки по историографии советского общества». М., 1967, стр. 134.

⁴⁶ «Промышленность и рабочий класс Украинской ССР в период построения фундамента социалистической экономики». Киев, 1966, стр. 216 (док. № 70). Отметим, кстати, что публикаторы извлекли документы из одного дела, но так и не установили их связь, что обеспечило бы более раннюю датировку документа № 66 (не апрель, а не позднее 1 марта).

⁴⁷ А. Б. Слуцкий. Указ. соч., стр. 190 (курсив наш.— А. В. и Б. Л.).

⁴⁸ Там же, стр. 191.

ются сведения: по Государственному электромеханическому заводу (ГЭЗ) у членов коммуны спирального цеха средний месячный заработок с 110 руб. поднялся до 160—165 руб.; у рубильщиков — часовой заработок с 57 коп. до 65 коп.; у модельщиков месячный — с 59—65 руб. до 95—107 руб.; по ХПЗ в первой коммуне им. Ильича с 72—75 до 75—78 руб.; во второй — от 110 руб. до 130 руб. (напомним, что, говоря о неквалифицированных работниках в коммунах, А. Б. Слуцкий приводил в пример коммуны на ХПЗ); на заводе «Серп и молот» — часовой заработок поднялся с 66,8 коп. до 75 коп. и т. д. В отдельных случаях рабочие отказывались от надбавок. Далее в документе сказано, что «члены коммуны считают свою коммуны высшей ступенью коммунистического распределения труда». Документ так поясняет причины повышения производительности труда: коллективный опыт (в модельном цехе), рациональное распределение работ, получение материалов и инструментов «централизуется» — один получает за всех, взаимный контроль. Интересно, что приводятся факты сопротивления администрации этому движению (на канатном — «не перевыполняйте нормы, а то повысим их»; на ХПЗ — администрация не выполнила свое обязательство о своевременном оповещении коммуны о плановых заданиях).

В документе говорится, что «в настоящее время (т. е. в июле 1930 г. — А. В. и Б. Л.) имеются целые цеха-коммуны (цех IV и ПКЧ на ГЭЗ)», что коммунары проявляют интерес «к повышению своего общеобразовательного уровня, к повышению своей квалификации»⁴⁹.

Это колеблет все построения А. Б. Слуцкого. Мы вовсе не утверждаем, что «производственные коммуны» были жизнеспособным новшеством, но их возникновение — яркий пример, показывающий психологические сдвиги и поиски в передовой среде рабочих, именно передовой, а не отсталой, как полагал А. Б. Слуцкий. Не заложены ли были в коммунах те начала, которые потом проявились в хозрасчетных бригадах? Они начали появляться на Украине весной 1931 г. Сам автор отмечает быстрый рост хозрасчетных бригад на ХПЗ (в апреле 1931 г. — 2 бригады, в сентябре — 200)⁵⁰. Договоры с администрацией, характер обязательств — все очень напоминает почин «коммунаров».

Рецензенты книги А. Б. Слуцкого, отдавая должное большой работе, проделанной автором, в то же время не могут не отметить недостаточно критическое отношение автора к тем или иным источникам. Так, В. Н. Довгопол основательно оспаривает утверждение А. Б. Слуцкого о том, что в данных бирж труда количество безработных было преувеличено, так как часть числящихся на учете фактически уже работала. Рецензент также правильно отмечает, что приток рабочих на предприятия и шахты шел не

⁴⁹ «Промышленность и рабочий класс Украинской ССР...», док. № 104.

⁵⁰ А. Б. Слуцкий. Указ. соч., стр. 225.

только через биржи труда, более того, по данным Наркомтруда, в каменноугольную промышленность в 1926—1927 гг. было принято через биржи труда только 19,2% рабочих⁵¹.

З. К. Звездин к числу недостатков исследования А. Б. Слуцкого относит отсутствие характеристики использованных архивных источников. Очевидно, что, отказавшись от пристального анализа важнейших комплексов источников по истории социалистического соревнования, автор обеднил содержание своего труда.

Более внимателен к источниковедческим аспектам своего исследования А. С. Московский⁵².

Во введении автор следует установившейся историографической традиции и сравнительно подробно характеризует свои исследовательские задачи и почти скороговоркой — средства для их решения. Характеристика источников ограничивается их перечислением. Но, касаясь статистических материалов для изучения процесса формирования и развития рабочего класса Сибири, автор не только констатирует трудности, с которыми встречается исследователь, работающий над этими материалами, но и стремится обнаружить причины этих трудностей. Он отмечает, что отсутствуют обобщенные статистические данные за весь период социалистического строительства в территориальных рамках, охватываемых данным исследованием (современные Тюменская, Омская, Томская, Новосибирская, Кемеровская, Иркутская и Читинская области, Алтайский и Красноярский края). Далее он отмечает, что имеющиеся сведения ограничены и временными рамками и, главное, границами того административного деления, которое было на момент статистического обследования, что затрудняет или порой делает невозможным их сопоставление. Автор выделяет данные статистического оперативного учета, которые особенно ненадежны для построения статистических рядов, так как в них часто менялся объект обследования (то ценовая, то вся промышленность, то отраслевой принцип, то принцип подчиненности предприятий и пр.). Многие отрасли (оборонная промышленность, золотодобыча) вообще не отражались в общей статистике. Эти наблюдения автора, изложенные во введении, — единственный пример источниковедческого анализа, который выделяет эту работу среди ранее названных. Но автор все же не раскрывает свою методику интерполяции статистических данных для получения вполне сравнимых сведений за длительный период. Он пишет: «Одна из первых попыток в этом направлении были сделана автором в данной работе. Большинство таблиц составлено с учетом сопоставимости приводимых данных»⁵³. Но как? На этот вопрос мы попытаемся ответить, основываясь на материалах второй главы «Из-

⁵¹ «Вопросы истории», 1964, № 8, стр. 143, а также «История СССР», 1964, № 2, стр. 167.

⁵² А. С. Московский. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968.

⁵³ Там же, стр. 13.

менение численности и состава рабочего класса». Она заслуживает подробного рассмотрения, так как в ней раскрывается источниковедческая лаборатория автора. Следуя логике исследования, автору прежде всего нужно было установить ту отправную точку, с которой он должен был начать исследование, — численность рабочего класса к 1917 г. Оказалось, что эта «точка» весьма неопределенна: если М. Ветошкин насчитывал почти 1,5 млн. пролетариев Сибири, то Н. Яковлев определяет число рабочих Сибири и Дальнего Востока в 150 тыс., а М. И. Стишов и В. П. Сафронов в 200 тыс., М. М. Шорников — в 890 тыс., а промышленных рабочих — в 325 тыс.⁵⁴ Конечно, ни одна из этих цифр ничего исследователю не давала. Хотя, как А. С. Московский справедливо указал, определение точных или приблизительно верных данных о численности рабочего класса к 1917 г. не входило в задачи его исследования, он выпущен был сделать «попытку произвести примерный подсчет численности рабочих крупной промышленности Сибири»⁵⁵. Для этого автор материалы ЦСУ РСФСР сравнил с извлеченными им из архивов данными. Используя Всесоюзскую перепись промышленных заведений 1920 г., А. С. Московский характеризует ее ход и программу, что дает отчетливое представление о степени достоверности статистических данных. В анализе этих данных мы впервые сталкиваемся с сознательным намерением автора выявить особенности сибирского рабочего класса. Так, устанавливая, что удельный вес женщин среди рабочих Сибири ниже общероссийского почти в 2 раза, автор объясняет это специфическими особенностями структуры сибирской промышленности, в которой были слабо представлены текстильная и швейная отрасли⁵⁶.

Исследуя изменения, происшедшие в рабочем классе за 1920—1928 гг., автор последовательно сопоставляет источники различного происхождения, но содержащие нужные сведения, а это обеспечивает основательность его выводов и наблюдений. Перед нами не разрозненные сведения неизвестного происхождения, а сведения с «точным паспортом», обработанные по единой системе и оцененные по единому критерию. Именно поэтому особенное значение для нас приобретает параграф «Рост численности и изменение состава рабочего класса в период социалистической реконструкции народного хозяйства». К сожалению, этот параграф

⁵⁴ А. С. Московский. Указ. соч., стр. 54: Автор ссылается на следующие работы: М. Ветошкин. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири 1898—1907 гг. М., 1953, стр. 7; Н. Яковлев. Большевистское подполье в тылу у Колчака. Новосибирск, 1941, стр. 14; М. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири. М., 1962, стр. 15; В. Сафронов. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 50; М. М. Шорников. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963, стр. 203—204.

⁵⁵ А. С. Московский. Указ. соч., стр. 55.

⁵⁶ Там же, стр. 59.

не богат источниковедческими наблюдениями автора. Таблица 21 («Среднегодовая численность рабочих крупной промышленности Сибири и РСФСР за 1913—1937 гг.») — одна из центральных для данного параграфа — построена на материалах, происхождение которых только частично указывается. Так, данные за 1923, 1927/28 и 1937 гг. имеют «точный паспорт», а что касается данных за 1932 г., то приходится догадываться, что они получены путем обработки архивных источников (ЦГАНХ СССР, ф. 8449, оп. 11, д. 353). Но каков характер этих источников — не раскрывается, поэтому неясна и степень их достоверности⁵⁷. Когда сравниваем сведения о количестве рабочих, помещенные в таблице 21, с таблицей 22, то за указанные годы они совпадают. Между тем в таблице 21 речь идет о рабочем классе всей Сибири, а в таблице 22 только Западной Сибири. Кроме того, если для построения таблицы 21 указаны три источника, то для таблицы 22 — только один архивный источник, причем дополнительно упоминаются листы 2, 9, 25, 26, 47, 85, 86, 91, 92, 142, которые не были упомянуты в первый раз. Если исходить из того, что в таблице 22 дано расчленение по отраслям промышленности, а в таблице 21 его нет, то можно понять ссылку на дополнительные листы. Но тогда становится неясным, почему итоговые данные обеих таблиц совпадают. Интересное наблюдение автора о росте рабочего класса в национальных районах могло бы, очевидно, быть более аргументированно. Глухая ссылка на архивный источник не убеждает в том, что рост рабочего класса в этих районах шел за счет коренного населения, как утверждает автор⁵⁸. Необходима была бы развернутая характеристика сведений, которыми автор располагал.

Иногда комментарий к таблицам не соответствует тому, что эти таблицы показывают. Так, А. С. Московский пишет: «Приведенные данные (табл. 22) убедительно показывают, что в годы первых пятилеток быстро росла численность рабочих таких решающих отраслей промышленности, как черная металлургия, металлообработка, производство строительных материалов, электростанции, текстильная и деревообрабатывающая промышленность»⁵⁹.

Когда же мы обращаемся к таблице 22, на первом месте оказывается действительно черная металлургия, но на втором — швейная промышленность, которую автор не упомянул, так как она не решающая, по его мнению. Металлообрабатывающая же промышленность по росту численности рабочих идет вслед за производством строительных материалов, а неупомянутая химическая промышленность опередила и текстильную и деревообрабатывающую. Это еще один пример предвзятости выводов, приходящих

⁵⁷ Там же, стр. 80.

⁵⁸ Там же, стр. 81.

⁵⁹ Там же, стр. 82.

в противоречие с данными источников, сгруппированными самим же автором. Нельзя ограничиваться только правильным построением таблиц, их еще нужно правильно прочесть.

Анализ источников роста рабочего класса, поскольку он строится на данных «Профсоюзной переписи 1932—1933 гг.», т. е. однородном материале, проведен автором удачно. В отличие от предыдущих работ здесь наблюдается попытка затронуть вопрос о складывании рабочего коллектива в годы первой пятилетки на примере Кузнецкостроя. К месту таблица, в которой дана сравнительная характеристика удельного веса молодежи в составе рабочих нового Кузнецкого комбината и старых заводов — Балтийского судостроительного и Сормовского⁶⁰.

Параграф «Материальное положение и рост культурно-технического уровня рабочего класса в годы первой пятилетки» (из третьей главы «Подъем культурно-технического уровня и материального благосостояния рабочих масс») построен на источниках, которые автор совсем не характеризует. Так, очень часты ссылки на журнал «Профработник», когда даются количественные характеристики роста заработной платы, распространенности огородничества среди рабочих и подобные сведения статистического характера. При этом не раскрывается, откуда эти сведения берет «Профработник». Между тем такой известный автору источник, как «Бюджеты городского населения Сибири за 1928/29 и 1929/30 гг.», имеющий прямое отношение к разрабатываемому вопросу, представлен только в одном случае: взяты сведения о том, что через общественный сектор рабочая семья обеспечивалась продуктами только лишь на 55,7%⁶¹. В данном случае иллюстративность очевидна, и она противоречит общей источниковедческой методике автора. Доля общественных фондов потребления по Сибири не определена, а дана по Союзу в целом со ссылкой на И. Баевского⁶², в то время как во всей книге сведения всегда приводятся в сравнении.

При изучении роста культурно-технического уровня рабочего класса автор следует ленинским взглядам на этот вопрос. В первую очередь он поставил вопрос о грамотности среди рабочих и показал процент грамотных в расчлененной характеристике по отдельным отрядам рабочего класса и по продолжительности обучения в школе. Уровень грамотности выявлен очень рельефно на основании «Профсоюзной переписи 1932—1933 гг.» И здесь к месту были использованы очень интересные воспоминания бригадира землекопов на Кузнецкострое А. С. Филиппова⁶³. Когда же

⁶⁰ А. С. Московский. Указ. соч., стр. 95; Таблица заимствована из работы А. И. Гуревича «Победы партии. Черная металлургия к VII съезду Советов СССР». М.—Л., 1935, стр. 71.

⁶¹ А. С. Московский. Указ. соч., стр. 129.

⁶² Там же, стр. 131; И. Баевский. Фонды коллективного потребления. М., 1962, стр. 36.

⁶³ А. С. Московский. Указ. соч., стр. 135. Цитируются воспоминания

автор освещает процесс ликвидации неграмотности, то объектом его изучения становится не рабочий класс, а все население. Иначе говоря, не автор исследует источник, а источник повел за собой исследователя. О ликвидации неграмотности среди рабочих автор никакими сведениями не обладал, но он не говорит об этом, а прикрывает отсутствие источника отдельными примерами. Иллюстративен и материал о подготовке квалифицированных рабочих. Источники, откуда он почерпнул, не раскрыты.

Рассмотрим параграф «Рост производственной активности рабочего класса в борьбе за выполнение плана первой пятилетки» из главы четвертой и параграф «Идейно-политическое воспитание рабочих масс и рост их активности в годы первой пятилетки» из главы пятой.

Автор описывает внешнюю историю развития соревнования в Сибири, исследует формы, которые оно приняло. Однако он отказывается от исследования динамики роста числа соревнующихся, систематического анализа хода соревнования и его результатов по важнейшим объектам. В результате получается мозаика противоречивых утверждений. Так, сообщая о росте ударничества на Кузбассе с 1 июля по декабрь 1929 г., автор делает вывод о том, что результатом «активного развития соцсоревнования» явилось перевыполнение взятых обязательств по добыче угля на 6,5%, по машинной добыче — на 7,6%, снижению себестоимости — на 3%. А через страницу он сообщает о невыполнении производственных планов на шахтах Кузбасса⁶⁴. Эти два факта никак не исследуются.

Невыполнение планов связывается с текучестью рабочей силы, но, если внимательно проанализировать те источники, которые были в распоряжении автора, наименьшее значение в невыполнении планов имело слабое развитие соревнования. Так, автор дает высокую оценку тому факту, что в декабре 1929 г. в Кузбассе было 300 ударных бригад, в которых состояло до 3000 рабочих.

Но, по его же данным, известно, что на рудниках Кузбасса к тому времени работали 14 516 рабочих. Следовательно, этой стороной соревнования было охвачено 20—25% рабочих, что вовсе не свидетельствует о массовом его распространении. Ссылаясь на журнал «Профсоюзное движение», исследователь описывает «мероприятия» по развитию социалистического соревнования на Проктопьевском руднике с 1 мая по 1 августа 1929 г. Проведено 14 производственных совещаний, 45 митингов и лекций, помещено 311 заметок в стенгазетах, проведено 383 культурных мероприятия, на которых присутствовало 59 111 человек при общем составе рабочих 4185 человек⁶⁵. Получается, что каждый рабочий был

А. С. Филиппова «Я нашел свою «золотину»» («Говорят строители социализма». М., 1959, стр. 113).

⁶⁴ А. С. Московский. Указ. соч., стр. 204, 207

⁶⁵ А. С. Московский. Указ. соч., стр. 203.

охвачен этими мероприятиями 14 раз за 3 месяца. Такие исследовательские «накладки», идущие от слабого анализа источников, не так уж редки даже в этой зрелой работе.

Подведем итоги. Сравнительный анализ трех монографических работ позволяет определить общие тенденции развития источниковедческой методик. Чем позднее вышла работа, тем более отчетливо проявляется интерес к научно-методической стороне исследования источников. Если в книге 1963 г. источниковедческий анализ почти отсутствовал, а в книге 1965 г. еле заметен, то уже в монографии 1968 г. автор ощущает необходимость обратить внимание читателей на свою оценку источников. Совершенно очевидно, что накопление освоенных источников вызывает настоятельную необходимость глубокого и всестороннего их анализа.

Слабость источниковедческой методик особенно сказывается при изучении массовых явлений. Обычно полагают, что преодолеть эту слабость можно, овладев только техникой пользования статистическими данными, хотя статистический метод их исследования охватывает более широкий круг вопросов. Между тем даже методик построения статистического ряда нельзя признать совершенной в рассмотренных работах.

Поскольку создание обобщающих работ по истории рабочего класса в первой пятилетке остается актуальной проблемой, следует считать проверку и систематизацию по степени достоверности и сопоставимости всего статистического материала центральной источниковедческой задачей.

Началом этой работы могло бы явиться издание специального сборника источниковедческих статей, в которых нашли бы место подробный анализ состава и содержания статистических материалов и методик их использования. Если для изучения количественных характеристик роста рабочего класса имеются различной ценности сводные материалы, то отбор источников для изучения качественных характеристик потребует серьезных усилий, прежде всего в выработке критериев для такого отбора.

Возможно, что изучение истории социалистического соревнования в годы первой пятилетки было бы еще более успешным, если бы мы перестали рассматривать договоры о соцсоревновании как иллюстративный материал, а провели бы генеральный поиск всех сохранившихся договоров. Затем следовало бы изучить их содержание, чтобы выявить различные виды и формы соревнования, которые в общих сводках исчезают. Такой подход дал бы возможность выработать критерии в оценке этого сводного материала (даже разрозненного по отдельным профсоюзам и т. д.). Выяснение различных уровней соревнования раскроет новые горизонты исследования. Важным приемом, который помог бы развернуть изучение складывания рабочих коллективов на новых предприятиях первой пятилетки как части общей проблемы качественного роста рабочего класса, является, на наш взгляд, массовое обследование личных карточек рабочих крупнейших пред-

приятый, введенных в строй в годы первой пятилетки. Обработанные по единой программе, они стали бы незаменимым материалом по указанной теме.

Необходимо также отказаться от распространенного мнения, согласно которому текстологический анализ документов нового времени излишен. Если бы такой анализ договоров социалистического соревнования, договоров хозрасчетных бригад с администрацией и т. д. был проведен, можно было бы лучше понять сочетание инициативы рабочих с руководящими директивами.

Представляется, наконец, необходимым повысить требования к исследовательской работе по названной тематике. Если на начальном этапе, когда важно было восстановить хотя бы в основных чертах историю развития рабочего класса, можно было в какой-то степени пренебречь источниковедческими нормами, то сейчас освещение приемов работы с источниками должно стать неотъемлемым правилом для монографических работ. Важен не только исследовательский вывод, но и знание того, как он получен.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 20-Х ГОДАХ

В. З. Дробижев, В. А. Устинов

Использованию количественных методов должен предшествовать критический анализ статистического источника, изучение методологии, методики и организации статистического наблюдения. Очень важно определить ведущие социально образующие факторы. Так, применительно к советскому рабочему классу переходного периода такими факторами являются стаж, связь с мелкобуржуазными формами собственности, производственная квалификация, уровень образования и т. д.

подавляющее большинство статистических обследований, которые проводились в СССР в 20-х годах, обобщены работниками ЦСУ. Однако имеющиеся публикации не могут удовлетворить историка социальной структуры. Речь идет прежде всего о том, что публикации ЦСУ предназначены для выяснения численности классов, определения их профессиональной структуры. Как правило, при подготовке материалов переписи выделялись лишь те вопросы, которые представляли первостепенный интерес для практики экономического и социального руководства тех лет.

Второе важное обстоятельство связано с не всегда верным определением методологических и методических принципов группировки первичных материалов. В исторической литературе широко используются данные о связи рабочих с землей, полученные в ходе проведения профессиональной переписи 1918 г. и нашедшие отражение в публикации итогов этой переписи. Однако внимательный критический анализ методологии сбора сведений в ходе этой переписи показывает, что данные, характеризующие связь рабочих с землей, явно завышены. Организаторы переписи, бывшие в массе своей в прошлом работниками статистических органов буржуазного государства, подошли к разработке программы переписи с традиционными представлениями о русском рабочем, который якобы отличался от западного пролетария тесными

связями с землей. Они не проводили различий между двумя понятиями — связь с землей и наличие собственного хозяйства в деревне. Да и показатель «связь с землей» трактовался весьма расширительно. Так, например, Смоленское губернское статистическое бюро сообщало в ЦСУ о том, что при проведении переписи «считались имеющими землю в настоящее время (соответственно имевшими до революции) те рабочие, на личных картах которых при регистрации сделаны пометки «земля принадлежит отцу»¹. А Владимирское губернское статистическое бюро в своей пояснительной записке инструкторам по проведению переписи писало: «Имеет землю понимать в смысле возможности кормиться с этой земли. Например, племянник, считающийся в доме дяди членом семьи последнего и получающий оттуда некоторые продукты земледелия, может считаться имеющим землю»². Ошибочность подобной методической посылки была выяснена в ходе повторной обработки материалов переписи 1918 г. Нами были выделены только те рабочие, которые имеют фактическую связь с землей, т. е. обрабатывают ее при помощи членов семьи, сдают землю в аренду, обрабатывают землю наемными рабочими. Оказалось, что удельный вес рабочих, имеющих фактическую связь с землей, значительно ниже, чем это показано в публикации профессиональной переписи 1918 г.

Так, в Ярославской губернии 37,6% всех рабочих со стажем свыше 10 лет зарегистрированы как рабочие, имевшие связь с землей, но из них только 28,5% имели в деревне свое хозяйство или хозяйство своей семьи.

Анализ методологии обработки итогов динамических гнездовых переписей также убеждает в необходимости повторного анализа первичных материалов данного обследования. Организатором и руководителем исследования динамики крестьянских хозяйств в 1920—1926 гг. была А. И. Хрящева. Ее теоретические воззрения носили на себе отпечаток народнической идеологии. По мнению Хрящевой, основными процессами, происходящими в крестьянстве, были извечно совершавшиеся дробления, соединения, ликвидация хозяйств и изменение их экономической мощи. Эволюция крестьянских хозяйств представлялась ей как процесс сугубо количественных изменений, важнейшие же качественные сдвиги (классовая дифференциация деревни) выпадали из ее исследования. Вот почему публикации итогов экономических гнездовых переписей занижают удельный вес батрацких и кулацких хозяйств в деревне.

Архивы хранят большое число первичных материалов массовых статистических обследований, проводившихся в нашей стране после победы Октябрьской революции. Это дает историку возможность поставить задачу повторной обработки переписных бланков,

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 5, д. 10, л. 85.

² Там же, д. 7, л. 72.

руководствуясь при этом современными представлениями по социальной структуре общества переходного периода, исходя из правильных методологических посылок.

Одна из главных проблем, встающих в таком случае перед исследователем, сводится к определению объема и характера выборки. Так например, сохранилось более миллиона переписных бланков рабочих за 1918 г. Сплошная обработка этих бланков для анализа социальной структуры рабочего класса даже с помощью современных вычислительных машин не только крайне затруднительна, но и нецелесообразна. Действительно, историка в данном случае интересуют не общие статистические сведения о числе рабочих и их распределении по полу, возрасту, образованию и т. д., а взаимосвязь различных факторов, характеризующих социальный облик пролетариата и его слоев. Для решения задач этого типа нет необходимости обрабатывать всю сохранившуюся информацию.

Определение характера выборки зависит от ряда факторов. При анализе социальной структуры историка интересуют многочисленные сведения: социально-демографические, социально-производственные, отношение к собственности. Люди как объекты социальной классификации выступают в виде многомерных образований. Решить вопрос об оптимальном типе выборки применительно к многофакторному объекту с преобладающими качественными признаками необычайно трудно.

Определение типа выборки зависит не только от воли исследователя, но и от способа хранения первичного материала. Переписные бланки профессиональной переписи 1918 г. сгруппированы в архиве по губерниям, а внутри их по отдельным предприятиям.

Изменить систему хранения переписных бланков исследователю практически невозможно. То же самое касается и ряда других переписей. Первичные материалы переписи служащих 1922 г. сгруппированы по отдельным наркоматам, а внутри их по группам должностей.

Все эти соображения определяют выбор оптимального типа и районирование выборки. В основу районирования выборки по переписи 1918 г. был положен социально-экономический фактор. Ряд губерний, имеющих много общих черт в характере своего социального и экономического развития, были объединены в большие районы, которые и являлись основой выборки. Так, например, рабочие Воронежской губернии довольно полно представляют тип пролетариата Центральной черноземной области, рабочий класс Ярославской губернии является весьма представительным для характеристики рабочих губерний Центральной промышленной области с многоотраслевым обликом промышленности, Ивановская губерния представляла в нашей выборке текстильный район Центральной промышленной области, Тульская губерния — район с преимущественным развитием металлообработки, Пензеп-

ская губерния характеризовала Среднее Поволжье, Северодвинская — северные районы страны, Витебская — западные, Вятская — Предуралье.

Для обоснования типичности выборки были проведены большие предварительные расчеты, в основу которых легли данные о среднем размере предприятий, об уровне образования рабочих, о связи их с непролетарскими формами собственности, об отраслевой структуре промышленности экономического района и исследуемой губернии, о профессиональной структуре соответствующих отрядов рабочего класса и т. д.

Выделение типических районов — первый этап выборочного исследования. Затем встала задача определения размера и способа отбора единиц наблюдения. По двум губерниям было проведено экспериментальное исследование. На материалах Ярославской и Воронежской губерний были осуществлены 10-, 5- и 1-процентные выборки. Затем сопоставлялись распределения, полученные в ходе этих выборочных обследований по всем социально-образующим факторам. Оказалось, что 10- и 5-процентные выборки дают практически совпадающие между собой распределения. Отсюда был сделан вывод, что 5-процентная выборка вполне достаточна. По ряду признаков (распределения по полу, возрасту, образованию) у нас была возможность сопоставить выборочные сведения с генеральной совокупностью, ибо эти показатели имелись в публикации переписи. Подсчеты доверительных интервалов подтвердили правильность сделанных нами на основе эксперимента выводов. 5-процентная выборка не позволяла с достаточной степенью полноты охарактеризовать тех рабочих, которые выполняли общественную работу, — депутатов Советов, членов контрольно-хозяйственных комиссий и фабрично-заводских комитетов и т. д. Удельный вес этих рабочих был столь незначителен, что они оказались мало представительны в выборочном исследовании. Поэтому пришлось провести довыборку. Рабочие-активисты были зарегистрированы в нашей выборке путем отбора каждого второго переписного бланка, содержащего положительный ответ на вопрос об общественной работе.

Полученные путем довыборки массивы информации нельзя смешивать с ранее образованным общим массивом, ибо в таком случае мы допустили бы искажения по ряду важных социально-экономических признаков. Сформировались как бы два массива информации, каждый из которых обрабатывался самостоятельно. Выбор единиц наблюдения проводился методом механического отбора, дающего наименьшее смещение в оценках.

Подобным образом проводилась и обработка переписи служащих 1922 г. Все служащие были разбиты на три группы: первая — руководящие работники, исполнявшие административные функции (народные комиссары и члены коллегий наркоматов, начальники управлений и комитетов, заведующие отделами и их заместители, заведующие подотделами, секциями, бюро, инспекторы,

ответственные администраторы и т. д.); вторая — специалисты, выполнявшие в основном функции управления техническими, технологическими процессами производства (инженеры, агрономы, ученые-специалисты и т. д.); третья — младшие служащие, осуществлявшие вспомогательную работу по реализации функций управления (бухгалтеры, кассиры, делопроизводители, секретари и т. д.). Для каждой из данных групп служащих была применена своя доля отбора. Мы применяли для высших служащих 30-процентную выборку, для специалистов 20-процентную выборку, для технических служащих 5-процентную выборку. Введение переменной доли отбора связано с рядом причин. Главная среди них — характер самой обрабатываемой информации. Служащие третьей группы более однородны в социальном отношении. Экспериментальные подсчеты и последующая проверка показали, что даже 5-процентная выборка позволяла с достаточной мерой точности судить о качествах генеральной совокупности. Для группы специалистов нужно было резко увеличить долю отбора с тем, чтобы получить представление о ряде категорий служащих, слабо представленных в наркоматах. Еще больше оснований было для увеличения доли отбора в группе руководящих работников. При небольшой выборке можно было бы не получить ряда важных социальных характеристик этой группы руководящих работников наркоматов. В наркоматах РСФСР было всего лишь несколько сотен руководящих работников — наркомов, членов коллегий, руководителей основных подразделений. Только 30-процентная выборка смогла обеспечить достаточную представительность этой категории служащих.

Определение доли отбора проводилось и в данном случае с помощью эксперимента на материалах двух наркоматов — ВСНХ и Наркомпроса. В ходе исследования были подсчитаны случайные ошибки выборки, которые показали правомерность принятой доли отбора. Всего в выборку попало 6500 анкет, в том числе 3200 — служащих высшей категории, 2000 — специалистов наркоматов, 1500 — технических служащих.

Историк социальной структуры имеет часто дело не только со всем объемом информации, но и с остатками этой информации. Так, например, для характеристики того слоя пролетариата, который был выдвинут революцией на руководящие посты, огромное значение имеют анкеты членов заводоуправлений и совнархозов, но сохранились они далеко не полностью. И здесь встает новая проблема: определение представительности естественно сохранившихся выборочных данных. Решить эту задачу можно как путем сопоставления различных долей отбора, так и привлекая дополнительные источники. В некоторых случаях мы имеем в своем распоряжении материалы выборочных обследований, проводившихся как выборочные уже в 20-х годах. Так, например, бюджеты крестьянских хозяйств велись лишь в небольшом числе хозяйств, и здесь для решения вопроса о представи-

тельности этих данных нужно привлечение большого дополнительного материала, выяснение методологии и методики сбора сведений.

Историк социальной структуры стоит перед необходимостью исследования многообразных факторов, характеризующих облик того или иного класса или социальной группы. Важно получить не просто распределения признаков, но условные распределения двух и более показателей, определить характер и величину их связи. Выполнить эту работу без современных электронных вычислительных машин практически невозможно.

При подготовке материалов к обработке на электронно-вычислительных машинах первостепенное значение приобретает система кодирования информации. Очень важно добиваться такого положения, чтобы извлечь максимум информации, содержащейся в первичном бланке того или иного массового обследования. И дело не только в том, что в ходе анализа социальной структуры в поле зрения историка попадают различные факторы жизни классов или отдельных социальных групп. Как правило, подготовка информации к вводу в электронно-вычислительную машину (ЭВМ) самая трудоемкая и дорогостоящая часть работы. Опыт показывает, что могут возникнуть новые потребности повторного обращения к первичным материалам. Историк не может не думать о будущем исследователе.

Обработка материалов на ЭВМ была разбита нами на две стадии. На первой стадии были получены условные распределения факторов, содержащихся в первичной информации. Анализ этих условных распределений позволил выявить ведущие социально-образующие факторы, ранжировать их по степени важности для формирования облика социальной группы. Так, при проведении подсчетов по материалам профессиональной переписи 1918 г. стало ясно, что фактор связи с землей, который выделялся предшествующими исследователями чуть ли не как главный социально-образующий фактор, сам по себе еще мало о чем говорит. Только в случае комбинации ряда факторов (стаж, размер предприятия, уровень профессионально-квалификационной подготовки, общеобразовательный уровень, связь с землей, социальное происхождение) можно выделить социальные слои внутри рабочего класса.

Анализ позволил сформулировать вывод о том, что внутри рабочего класса выделяются два социальных слоя: кадровые рабочие и формирующийся слой. Затем массивы информации были разбиты на две части. В первую из них были отнесены кадровые рабочие, во вторую — формирующийся рабочий класс. И вновь была повторена предшествующая процедура: получены условные распределения по главным социально-образующим факторам.

Одним из важных элементов анализа информации было выяснение степени связи различных факторов. Мы отказались от применения коэффициента корреляции, поскольку имеем дело в

подавляющей своей части с исследованием качественных признаков. Например, если для таких факторов, как возраст, зарплата, числовые представления выражают суть явления, то для факторов: пол, принадлежность жилья, социальное происхождение, образование и т. д. числовые представления носят формальный характер и служат лишь для ввода информации в ЭВМ.

Опыт показал преимущество в данном случае коэффициента взаимосвязи. При исчислении этого показателя определяется количество информации о каком-либо явлении в качестве меры статистической зависимости, так как если знание состояния одной величины влечет увеличение знания (или уменьшение неопределенности) о другой случайной величине, то эти величины зависимы. Коэффициент взаимозависимости (J) рассчитывается по следующей формуле:

$$I = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m P_{ij} \log \frac{P_{ij}}{P_i P_j}$$

где P_{ij} — вероятность появления i -го состояния первого явления и j -го состояния второго явления; P_i — вероятность появления i -го состояния первого явления безотносительно к состоянию второго и P_j — вероятность j -го состояния второго явления безотносительно к состоянию первого.

Смысл формулы коэффициента взаимосвязи сводится к выяснению вероятности встречи каждого фактора с каждым в многомерном пространстве. В итоге подсчетов получается матрица, характеризующая силу связи всех факторов между собой. Затем с помощью несложного аппарата анализа матриц были составлены модели различных слоев рабочего класса.

Коэффициент взаимосвязи имеет некоторые ограничения в своем применении и определенные недостатки. Так, этот коэффициент не дает нам направления связи этих факторов. Его значение в некоторой степени зависит от числа подразделений в факторе. Но в целом это достаточно мощный аппарат, являющийся важным подспорьем в исследовании статистического материала.

Применение количественных методов в обработке статистических источников по социальной структуре советского общества помогает воссоздать исторически конкретную и достоверную картину динамики социально-классовой структуры Советского государства в первое послереволюционное двадцатилетие.

Н. Н. УЛАЩИК — ИСТОЧНИКОВЕД И АРХЕОГРАФ

---

1 февраля 1976 г. исполнилось 70 лет Николаю Николаевичу Улащику — видному советскому ученому, специалисту по отечественной истории периода феодализма, автору исследований о важнейших исторических источниках по истории братского белорусского народа, славным представителем которого он является. Известен он и как археограф, благодаря трудам которого увидели свет важнейшие письменные памятники прошлого нашей Родины.

Н. Н. Улащик родился в Минске, где в 1924 г. закончил среднюю школу и в том же году поступил в Белорусский государственный университет на социально-историческое отделение педагогического факультета. Одновременно молодой студент работал библиотекарем в Белорусской государственной библиотеке (по 1930 г.).

После окончания университета в 1929 г. Н. Н. Улащик более 10 лет, с 1931 по 1941 г., учительствовал в средних школах и техникумах городов Нолинска (Кировская область), Иванова, Ульяновска, Дергачи (Саратовская область), Череповца, Ленинграда. В декабре 1943 г. был зачислен аспирантом в Институт истории АН СССР, где в декабре 1947 г. защищал кандидатскую диссертацию на тему «Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в губерниях Виленской, Гродненской и Ковельской». В последующие два года Н. Н. Улащик вел преподавательскую работу на истфаке МГУ, в 1949—1950 гг. и затем с 1955 г. — работал в Институте истории АН СССР, а с 1968 г. по настоящее время — в Институте истории СССР АН СССР в составе сектора источниковедения и издания источников досоветского периода, группы по изданию Полного собрания русских летописей, сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода. В 1964 г. Н. Н. Улащик защитил докторскую диссертацию на тему «Сельское хозяйство Литвы и Западной Белоруссии в первой половине XIX века».

Первые печатные работы Н. Н. Улащика увидели свет в 1929 г. Его исследования появляются в научных изданиях почти на протяжении полувека. Научно-исследовательская деятельность Н. Н. Улащика концентрируется по трем основным направлениям: 1) социально-экономическая история Белоруссии и Лит-

вы в период позднего феодализма (включая классовую борьбу в этом регионе и специальпо-источниковедческие исследования); 2) изучение и издание русских и белорусско-литовских летописей; 3) историография отечественного источниковедения.

В этой статье не ставится цель дать полный обзор научного творчества Н. Н. Улащика, а ее задача состоит в том, чтобы рассмотреть труды ученого по источниковедению и археографии, в развитие которых он внес большой вклад. Начать следует, очевидно, с серии исследований об источниках, детальное изучение которых явилось солидной базой его докторской диссертации и монографии, посвященной исследованию динамики роста населения, развития хозяйства, положения помещиков и крестьян, крестьянского движения в Литве и Западной Белоруссии с конца XVIII в. до отмены крепостного права в 1861 г.¹ Уже с первых страниц книги, указывая на серьезные недостатки специальной литературы об экономике дореформенной Белоруссии и Литвы, автор отмечает, что «базируется она на недостаточно прочной источниковедческой основе»². В первой главе книги дается краткая характеристика источников — опубликованных сборников документов и архивных фондов. Среди последних автор выделяет отчеты губернаторов, инвентари помещичьих имений, документы о крестьянских волнениях, жалобы крестьян и помещиков, содержащие ценные сведения по изучаемой проблеме. Автор последовательно проводит принцип классового анализа источников.

Во второй главе той же монографии более подробно рассмотрены материалы учета местного населения, в первую очередь ревизии (с V, проведенной в 1795 г., до X — 1858 г.); автор отмечает их неполноту и неточность, дополняет их данными из других источников (отчеты губернаторов, сводки статистических комитетов, приложения к монографиям П. Бобровского, Д. Афанасьева, А. Корева и др.).

Нужно сказать, что для монографии в целом характерны необычная тщательность в подборе самых разнообразных источников, их сопоставлении, наличие большого количества фактических, в особенности статистических данных, таблиц и т. д. Книга, основанная на огромной по объему базе источников, мастерской и детальнейшей проработке, отличается, можно сказать, пронизанностью глубоким источниковедческим подходом, скрупулезностью, тщательностью и осторожностью в анализе привлекаемых материалов, обильным использованием архивных данных. На это обращали внимание читателей многие рецензенты, а один из них, Рышард Бендер, профессор Люблинского университета в Польше, с полным, на мой взгляд, основанием отметил, что «с этой

¹ Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965.

² Там же, стр. 9—10.

точки зрения работа Н. Н. Улащика может... претендовать на образцовое произведение в советской историографии последних лет. Книга Н. Н. Улащика обогащает не только советскую историографию. Она содержит данные, знать которые неплохо и для исследователей общественно-экономической истории польских земель XIX столетия»³.

Сильной стороной указанной монографии, завершающей собой целый цикл исследований Н. Н. Улащика на эту тему⁴, является то, что ей предшествовали специальные источниковедческие исследования. В одной из них изучаются материалы VI (1811 г.) и VII (1816 г.) ревизий о народонаселении указанного региона⁵. Сравнивая их показатели с данными V ревизии 1795 г., а также со сведениями из известных работ Е. Зябловского (по VI ревизии) и К. Арсеньева (по VII), автор показывает большие разногласия между ними, выявляет их причины (наличие или отсутствие показателей об отдельных категориях населения в разных ревизиях, неполнота данных), приходит к выводу о совершенной непригодности статистических сведений по VI и VII ревизиям (опубликованных АН Белорусской ССР в 1934 г.), необходимости дополнять и исправлять их показателями из работы Е. Зябловского и уточненными архивными данными (например, о неучтенных данной ревизией лицах).

Подробному источниковедческому анализу подверг Н. Н. Улащик губернаторские отчеты первой половины XIX в.⁶ Они ин-

³ См.: «Kwartalnik historyczny». Warszawa, 1966, N 3, стр. 745. См. также рецензии Г. Стродса («Известия АН Латвийской ССР». Rīga, 1968, № 4), Н. Г. Линде («Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden, 1966, N 2) и др.

⁴ См. также: Н. Н. Улащик. Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г.— «Вопросы истории», 1948, № 12. *он же*. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.— «Исторические записки», 1950, т. 33; *он же*. О крестьянских волнениях в Литве в первой половине XIX в.— «История СССР», 1959, № 1; *он же*. О количестве земель, полученной крестьянами Белоруссии и Литвы при отмене крепостного права.— «История СССР», 1961, № 6; *он же*. Скотоводство в Литве и в Западной Белоруссии (1811—1861 гг.).— В кн.: «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. IV. М., 1960, стр. 139—172; *он же*. Изменения в хозяйстве крепостной Литвы и Западной Белоруссии в связи с введением новых культур (картофель).— Там же, сб. V. М., 1962, стр. 308—337; *он же*. Орудия производства и системы земледелия в помещичьем хозяйстве Литвы и Западной Белоруссии в период разложения феодально-крепостнического строя.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959». М., 1961, стр. 173—185.

⁵ Н. Н. Улащик. Опубликованные материалы шестой и седьмой ревизий как источник по истории населения Литвы и Западной Белоруссии.— «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 377—380.

⁶ Н. Н. Улащик. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804—1861 гг.) — «Проблемы источниковедения» (далее — ПИ), т. IX. М., 1961, стр. 15—55.

тересуют его прежде всего с точки зрения наличия в них цифровых материалов о населении, угодьях, посевах и сборах сельскохозяйственных культур, количестве скота, торговле, промышленности и др. Автор отмечает, что для изучаемого им района этот источник является единственным, дающим за целые десятилетия необходимые сведения, сведенные в таблицы. Он характеризует те нормы, которыми должны были руководствоваться на местах при составлении отчетов, содержание, составные части последних, достоверность их цифровых данных. Выявляя в них расхождения и неточности в сравнении с другими, автор приходит к выводу, что в отношении точности отчеты в целом не уступают другим источникам. Они показывают динамику в развитии изучаемых процессов на протяжении многих десятков лет. К тому же следует иметь в виду, что ряд сведений можно найти только в этом источнике, значение которого, таким образом, трудно переоценить.

Две специальные работы посвящены инвентарям помещичьих имений⁷, т. е. описанию хозяйств помещиков и их крепостных крестьян (их имена, перечень земельных участков и имущества, повинностей, доходов и расходов владельцев). То же относится и к местечкам, население которых занималось не только земледелием, но и торговлей, ремеслом и давало немалые доходы владельцам поместий, на территории которых они располагались. Инвентари составлялись с XVI столетия, но далеко не во всех имениях⁸.

Лишь в 1845—1848 гг. были введены обязательные инвентари, просуществовавшие до отмены крепостного права. Н. Н. Улащик подробно рассматривает их содержание и показывает достоверность одних данных, приводимых в них (например, о количестве земли, населения и др.), и фиктивность, фальсифицированность других (например, об урожае, доходах крестьян).

Особую работу посвятил Н. Н. Улащик известному царскому рескрипту от 20 ноября 1857 г. на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, положившему начало гласному обсуждению вопроса об освобождении крестьян от крепостной зависимости⁹.

⁷ Н. Н. Улащик. Введение обязательных инвентарей в Белоруссии и Литве.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958». Таллин, 1958, стр. 256—277; *он же*. Инвентари помещичьих имений Западной Белоруссии и Литвы 40-х годов XIX века как исторический источник.— ПИ, т. X. М., 1962, стр. 85—103; см. также рецензию Н. Н. Улащика на «Описание инвентарей феодальных владений в Литве».— «История СССР», 1963, № 6, стр. 182.

⁸ См., например, статью Н. Н. Улащика «Кобринская экономия после проведения волоочной померы» («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XV. М., 1957, стр. 246—268), основанную, главным образом, на анализе «Ревизии», т. е. описания экономии, составленной в 1563 г. Д. Сапегой.

⁹ Н. Н. Улащик. Из истории рескрипта 20 ноября 1857 г.— «Исторические записки», 1949, т. 28, стр. 164—181.

В статье о «Минских губернских ведомостях»¹⁰ Н. Н. Улащик выявляет помещавшиеся в них (и ведомостях некоторых других губерний Белоруссии) сведения о промышленности и торговле, движении землевладения (продажа недвижимого имущества), доходах и расходах, общественно-политической жизни, материалы научного содержания (статьи по истории, этнографии края и т. д.), данные о народном образовании (грамотности, например)¹¹, культуре и т. д. за 30-е годы XIX — начало XX в.

С рассмотренным циклом трудов связаны рецензии Н. Н. Улащика на работы советских ученых по социально-экономической истории Белоруссии и Литвы¹², на сборники документов о классовой борьбе¹³. Маститый автор и сам принимал активное участие в подготовке к изданию документов по второй из названных проблем. Речь идет об известной серии, выходявшей под общей редакцией академика Н. М. Дружинина. Н. Н. Улащик участвовал в археографической подготовке документов в составе семи томов этой серии¹⁴.

Ряд трудов Н. Н. Улащика связан с изучением и изданием памятников отечественного летописания. Начало положило исследование и публикация Никаноровской летописи¹⁵. Автор сравнивает между собой текстологически Ленинградский список этого памятника (переписан в последней четверти XVII в.), известный еще А. А. Шахматову, с Московским (конца XVII в.), открытым А. Н. Насоновым, дает их детальное описание. Он приходит к выводу, что второй из них является копией с первого, хотя его переписчик исправлял ошибки Ленинградского, несколько сокращал его текст. Николай Николаевич положил Ленинградский список в основу при издании текста летописи (которая до этого не издавалась, а привлекалась только выборочно, в части за 6933—6979 гг., для вариантов при публикации Симеонов-

¹⁰ Н. Н. Улащик. Минские губернские ведомости, как исторический источник.— ПИ, т. VII. М., 1959, стр. 112—149.

¹¹ Анализ источников по этой проблеме см.: Н. Н. Улащик. Грамотность в дореволюционной Белоруссии.— «История СССР», 1968, № 1.

¹² См., например, рецензии на книгу Д. Л. Похилевича «Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в.» (Вильнюс, 1966) («История СССР», 1967, № 4); В. В. Чепко «Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в.» (Минск, 1966) («Известия АН БССР», Серия общественных наук, 1967, № 2); Х. П. Стродса «Сельское хозяйство Латвии в период перехода от феодализма к капитализму (80-е годы XVIII в.— начало 60-х годов XIX в.)» (Рига, 1972) («История СССР», 1973, № 3) и др.

¹³ Н. Н. Улащик. Сборник о крестьянском движении в Белоруссии.— «Исторический архив», 1960, № 3 (реп. на издание: «Крестьянское движение в Белоруссии, после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)». Минск, 1959); он же. [Рец. на сб. док.] «Восстание 1863 года. Материалы и документы».— «Советское славяноведение», 1966, № 4 и др.

¹⁴ «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.» Сб. документов, М., 1961; то же за 1826—1849 гг. М., 1961; то же за 1850—1856 гг. М., 1962; то же за 1857 — май 1861 гг. М., 1963; то же за 1861—1869 гг. М., 1964 и др.

¹⁵ Н. Н. Улащик. О списках Никаноровской летописи.— ПИ, т. VIII. М., 1959, стр. 421—431; ПСРЛ, т. XXVII. М.— Л., 1962, стр. 3—7, 15—162.

ской летописи). В предисловии к изданию отмечено, что источниками Никаноровской с древнейших известий до 1418 г. послужили сильно сокращенный текст, близкий к старшей редакции Софийской I летописи; в части с 1420 по 1471 г. — Московский свод 1471 г. (1472 г.). Протограф же самой Никаноровской был положен в основу Вологодского-Пермского летописного свода.

Н. Н. Улащик является редактором издания текста Александровской и Лебедевской летописей второй половины XVI в.¹⁶

Н. Н. Улащику принадлежит исследование и издание одного из важнейших летописных памятников Великого княжества Литовского — хроники Быховца¹⁷. В ней помимо легендарной части истории литовского народа приводятся сведения по истории Литовского государства со времени его образования до 1506 г. Кроме данных по истории белорусского и литовского народов мы находим в ней сведения по истории украинского и русского народов, поскольку в состав Великого княжества Литовского, помимо собственно Литвы и Белоруссии, входили почти вся Украина и часть русских земель.

Автор рассказывает об обнаружении в конце первой трети XIX в. хроники в библиотеке помещика Быховца (по имени которого и получила название, как видим, весьма случайное), ее изданиях (ее рукописный текст не сохранился), в первую очередь публикациях известного историка Т. Нарбута (1846 г.) и тома XVII ПСРЛ (СПб., 1907). Судя по описанию Т. Нарбута рукопись хроники писана «польским письмом XVII в.»; точнее по указанию Н. Н. Улащика, белорусский язык хроники передан в польской транскрипции. Автор дает подробное описание языковых особенностей хроники, отмечает, что единственным известным ее источником была Ипатьевская летопись. Он разбирает оценки своих предшественников этого памятника (помимо Т. Нарбута — И. Даниловича, В. Б. Антоновича, Н. Дашкевича, М. К. Любавского, И. Тихомирова, И. Якубовского, Т. Сущицкого и др.), высказавших различные мнения о значении хроники Быховца, ее источниках (помимо Ипатьевской — народные предания, отдельные сказания и записи, погодные записи в конце памятника).

Н. Н. Улащик считает, что хроника написана уроженцем западной или юго-западной Белоруссии, скорее всего района Новогрудка — Слуцка (особенности языка, стремление вывести родословные великих князей литовских от Новогрудской линии, изобразить Новогрудок как столицу независимого княжества)¹⁸. Это согласуется, кстати говоря, с наблюдениями В. Т. Пашуто о веде-

¹⁶ ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, стр. 117—355.

¹⁷ «Хроника Быховца». М., 1966; Н. Н. Улащик сделал перевод текста хроники, написал предисловие и комментарии к ней. Литовский перевод Хроники см.: «Lietuvos metraštis. Vuchovco kronica». Vilnius, 1971.

¹⁸ «Хроника Быховца», стр. 24—25.

нии летописания в Новогрудке¹⁹. Автор хроники, человек православный, был близок к феодальным верхам Литовского государства; ее составление относится, по наблюдениям Н. Н. Улащика, ко времени до 1565 г.²⁰

Выход в свет этой работы вызвал появление ряда рецензий и специальных статей. Наряду с положительной в целом оценкой работы, проделанной Н. Н. Улащиком, в них имеются критические замечания и возражения. Так, польский исследователь Е. Охманьский считает, что хроника имеет три редакции: первая возникла в кругу князей Гольшанских и Гедройцев (в ней излагаются легендарные известия о Литве); вторая (рассказ об убийстве Сигизмунда Кейстутевича и первых годах правления Казимира) составлена литовцем, долго жившим в Польше; третья (записи с конца правления Казимира, умершего в 1492 г., до 1508 г.; конец хроники утерян, последние данные относятся к 1506 г.) — русским, человеком военным, православным, хорошо знавшим служебное положение знатных фамилий Великого княжества Литовского. В целом хроника в окончательном ее виде составлена между 1510 и 1527 гг.²¹ Ю. Бардах по вопросу о времени составления хроники Быховца стоит ближе к Н. Н. Улащику, считая, что она появилась после 1550 г.²² Б. Н. Флоря высказал мнение, что записи второй половины XV — начала XVI в. сделаны православным русским из окружения князей Слуцких (как полагает и Н. Н. Улащик), однако предшествующий текст создан «где-то в середине XV в.» по инициативе А. М. Гаштольда. В основе хроники Быховца, по мнению Б. Н. Флори, лежит «Летописец великих князей литовских» редакции 40-х годов XV в.²³

М. Ючас временем составления памятника считает примерно 30-е годы XVI в.; он делит его на пять частей (легендарные известия; переработка «Летописи великих князей литовских»; отрывок из краткого свода литовской летописи; рассказ о Яне Гопштовте — Гаштольде; записи современника за 1492—1506 гг.). Автором хроники Быховца Ючас считает человека, близкого к католическому епископу князю П. Гольшанскому²⁴. Но в таком случае требует объяснения тот факт, что этот автор католическую веру называет «их латинской верой».

¹⁹ В. Т. Пашуго. Очерки из истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 120; он же. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 42.

²⁰ «Хроника Быховца», стр. 26—29.

²¹ J. Ochmański. Nad kroniką Bychowca. Studia Zródłoznawcze. Poznań, 1967, t. XII, стр. 155—163.

²² J. Bardach. Studia z ustojru i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Warszawa, 1970, стр. 78—83.

²³ Б. Н. Флоря. О «Летописце Быховца». — «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 135—144.

²⁴ М. А. Ючас. Хроника Быховца. — «Летописи и хроники. 1973». Сб. статей. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974, стр. 220—231.

Эти и другие отзывы свидетельствуют, что исследование Н. Н. Улащика вызвало оживленную научную дискуссию; можно надеяться, что изучение хроники Быховца, в которое немалый вклад внес Николай Николаевич, будет продолжено.

С хроникой Быховца, а также с хроникой М. Стрыйковского Н. Н. Улащик сравнивает так называемую «Литовскую и Жмойтскую хронику», которой посвящено его специальное исследование²⁵. Автор дает описание рукописи (хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), содержания хроники (с легендарных известий до 1588 г.), устанавливает ее зависимость от труда М. Стрыйковского (при наличии многих расхождений, что Н. Н. Улащик объясняет использованием дополнительных источников — Синописа, хроник М. Бельского и А. Гваньини, актовых материалов, народных преданий и др.). Автор высказывает предположение, что изучаемая им хроника, являющаяся компилятивным трудом, составленным в середине XVIII в., возможно, списана с хронографа Боболинского 1699 г. или близкого к нему памятника.

Эта хроника напечатана Н. Н. Улащиком (но не по Ленинградскому, а по более исправному Тобольскому списку) в одном из томов серии ПСРЛ наряду с хроникой Быховца (которая здесь в отличие от издания 1966 г. издана на языке оригинала), Баркулабовской летописью и Летописью Аверки и Панцырного²⁶. В настоящее время Н. Н. Улащик подготовил к печати еще один том серии, включающий другие белорусско-литовские летописи, изданные в 1907 г.²⁷

Вопросы подготовки к изданию белорусско-литовских летописей, обсуждавшиеся во второй половине XIX в. (предложения академиков А. А. Куника, А. А. Шахматова), публикации отдельных памятников, наконец тома XVII ПСРЛ Н. Н. Улащик разобрал в специальной статье²⁸. Он отмечает ряд серьезных недостатков последнего издания (отсутствие подробных палеографических описаний рукописей, ошибки в передаче текста) и ставит вопрос о необходимости переиздания вошедших в него летописей, тем более что со времени его выхода в свет были обнаружены новые летописные памятники.

Расширяя сферу своих научных занятий в этом направлении, Н. Н. Улащик издал несколько работ о публикации источников по истории Белоруссии и их изучении в XIX в.²⁹ Цикл этих

²⁵ *Н. Н. Улащик*. «Литовская и Жмойтская хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского.— В кн.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 357—365.

²⁶ ПСРЛ, т. XXXII. М., 1975.

²⁷ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907.

²⁸ *Н. Н. Улащик*. Подготовка к печати и издание тома XVII «Полного собрания русских летописей».— В кн.: «Летописи и хроники. 1973». М., 1974, стр. 360 и сл.

²⁹ *Н. Н. Улащик*. Исследования по истории Белоруссии сотрудников Вилен-

трудов венчает монография, в которой рассмотрены публикации по истории Белоруссии, подготовленные различными научными учреждениями в дооктябрьское и советское время (а до 1917 г. — и частными лицами), в целом — за 1824—1940 гг.³⁰ Автор отмечает как крупные достижения дооктябрьской историографии (в издании материалов по политической, социально-экономической истории, в том числе инвентарей, различных актов, дипломатических документов и др.), так и серьезные недостатки (классовый подход издателей к подбору документов, например, явное нежелание публиковать источники по истории классовой борьбы, случайность в отборе источников, повторная публикация многих из них и игнорирование огромного количества неизданных источников, плохое качество передачи текстов в ряде случаев и т. д.).

В годы Советской власти проделана, как отмечает автор, большая археографическая работа. Необходимость ее продолжения в широких масштабах является совершенно очевидной.

Эта монография встретила по справедливости высокую оценку научной общественности; на нее опубликовано более 10 рецензий в советских, польских и чешских журналах.

Особо следует назвать работы Н. Н. Улащика, посвященные характеристике деятельности известных советских ученых, историков-источниковедов. Так, в одной из своих работ он дает высокую оценку изысканиям Н. Г. Бережкова о Литовской метрике и древнерусской хронологии³¹. Он же подготовил к печати и издал со своими предисловиями два труда того же автора, из которых первый основан на изучении материалов Литовской метрики, а второй — монография о хронологии русского летописания — имеет исключительно важное научное значение для датировки древнерусских летописных записей³². Он же участвовал в подготовке к изданию трудов В. И. Пичеты³³.

ской археографической комиссии.— В кн.: «Проблемы истории общественного движения и историографии». К 70-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1971, стр. 263—274; *он же*. Утварэнне Віленскай археографічнай камісіі.— «Польмя», 1971, № 4; *он же*. П. А. Бяссонаў і Віленская археографічная камісія.— Там же, 1972, № 2.

³⁰ Н. Н. Улащик. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.

³¹ Н. Н. Улащик. Н. Г. Бережков.— ПИ, т. VI. М., 1958.

³² Н. Г. Бережков. Итнерарий великих князей литовских по материалам Литовской метрики (1481—1530 гг.) — «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 180—205 (предисловие Н. Н. Улащика — стр. 180—182; Литовской метрике Н. Н. Улащик посвятил параграф в кн.: М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1962, стр. 340—342). Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963 (предисловие Н. Н. Улащика — стр. 3—6).

³³ В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1957 (редактирование, предисловие, словарь; совместно с В. Д. Королюком и А. П. Пичетой); *он же*. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. М., 1961 (редактирование и предисловие; совместно с З. Ю. Копытским и В. Д. Королюком).

Ко всему сказанному следует добавить, что Н. Н. Улащик проводит большую работу по рецензированию и редактированию различных научных трудов по социально-экономической истории, истории классовой борьбы, культуры, источниковедению, этнографии, коллективных трудов и сборников (например, он является одним из редакторов «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», первого тома коллективного труда «История Беларускай ССР». Минск, 1972), очень часто выступает официальным оппонентом на защитах докторских и кандидатских диссертаций, участником ряда дискуссий во время научных заседаний, посвященных вопросам развития советского источниковедения и археологии, читает лекционные курсы по источниковедению и историографии Белоруссии в ее университете и институтах.

Та краткая характеристика научной деятельности Н. Н. Улащика в области отечественного источниковедения и археологии, которая приведена выше, дает полное основание сделать вывод о большом вкладе в развитие советской исторической науки, который сделан этим замечательным ученым, патриотом Родины, почти половину столетия отдающим все свои силы благородному делу изучения прошлого народов нашей страны.

В. И. Буганов

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

- Проблемы комплектования государственных архивов современными документами (Источниковедческий аспект) 5
В. Н. Автократов, А. В. Елпатовский
- Матричные носители информации как исторический источник (К постановке вопроса) 41
К. Б. Гельман-Виноградов
- Книга как объект источниковедения 58
А. С. Мыльников
- Понятие исторического источника в некоторых работах советских философов 75
Л. Н. Пушкарев

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

- О шахматовской методике исследования летописных сводов 87
Я. С. Лурье
- Некоторые вопросы конкретного источниковедения истории советского общества в литературе 50—70-х годов (Историографический сбор) 108
В. В. Журавлев

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- К типологии текстов «Повести Временных лет» 133
М. Х. Алешковский
- Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией . . . 163
С. Н. Азбелев
- Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера . . . 191
А. И. Копанев
- О приемах составления и достоверности эстляндских годовых ревизий XVIII в. 240
Х. М. Лиги

Из опыта реконструкции утраченных документов (На примере указов и манифестов Е. И. Пугачева)	222
<i>Р. В. Овчинников</i>	
Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX — начала XX в.	248
<i>Л. Е. Шепелев</i>	
Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика)	272
<i>С. С. Дмитриев</i>	
О ранних программах журнала «Вперед»	306
<i>Г. М. Лифшиц</i>	
Из истории разработки первой Конституции СССР	327
<i>С. И. Якубовская</i>	
О методике использования источников в некоторых трудах по истории рабочего класса	339
<u>А. А. Воронцов</u> , <i>Б. Г. Литвак</i>	

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Некоторые вопросы применения количественных методов в изучении социальной структуры советского общества в 20-х годах	358
<i>В. З. Дробижев, В. А. Устинов</i>	

* * *

Н. Н. Улащик — источниковед и археограф	365
<i>В. И. Буганов</i>	

Источниковедение отечественной истории

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор *А. В. Муравьев*. Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*
Художественный редактор *В. А. Чернецов*. Технический редактор *Н. Н. Плохова*
Корректоры *Н. М. Вселюбская, Л. Д. Вуль*

Сдано в набор 15/VIII 1975 г. Подписано к печати 5/II 1976 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага № 2. Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 27,4. Тираж 2650. Т-00629. Тип. зак. 2795.
Цена 1 р. 87 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10